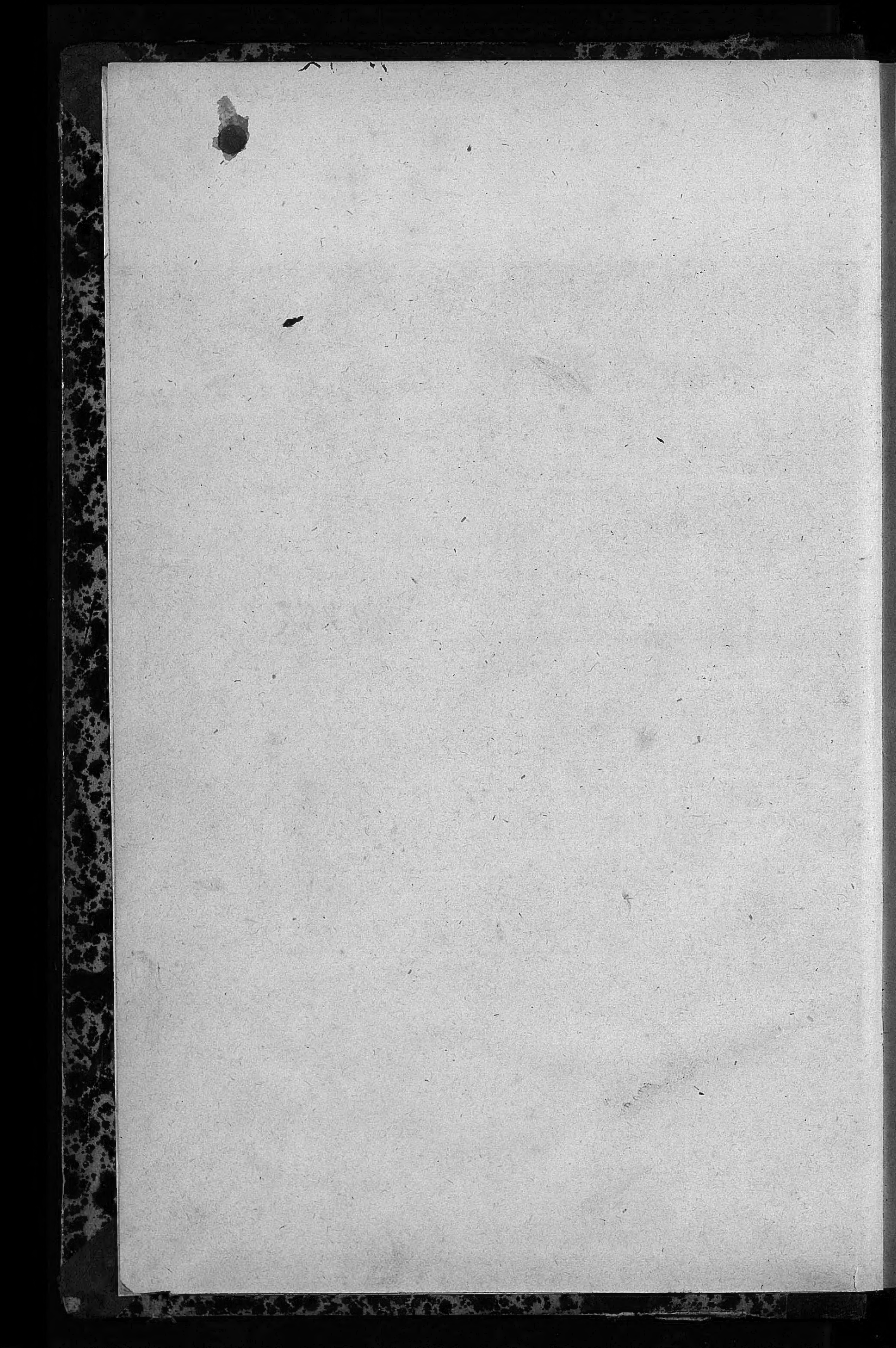

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО

ПРАВА

ИЗДАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

1885

КНИГА ДЕВЯТАЯ

НОЯБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1885

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

Замѣтки.

Приложенія.

Касс. рѣшенія будутъ сданы на почту 4 ноября: гражд. за 1884 годъ листы 37—38 и общ. собр. за 1884 г. 1—2.

См. на слѣд. стр.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(*съ 15-го сентября по 15-е октября*)

А. Высочайшія повелѣнія.

84) *Объ отпускѣ суммъ, потребныхъ на преобразованіе военныхъ тюремъ.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*: разрѣшить къ новому отпуску изъ государственнаго казначейства *по восемнадцати тысячъ пятисотъ пятидесяти рублей девяносто четыре копѣйки* въ годъ, въ дополненіе къ 69554 руб. 22 коп., назначаемымъ нынѣ на содержаніе военно-тюремныхъ учрежденій и начать производство новаго расхода съ 1 іюля текущаго года, съ тѣмъ, чтобы потребные въ семъ году *девять тысячъ двѣсти семьдесятъ пять рублей сорокъ семь копѣекъ* ассигнованы были изъ государственнаго казначейства сверхсмѣтнымъ кредитомъ къ подлежащимъ статьямъ § 5 дѣйствующей расходной смѣты главнаго интендантскаго управленія и чтобы на будущее время указанная годовая сумма вносилась на общемъ основаніи въ соотвѣтственныя подраздѣленія той же смѣты.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта 20 мая Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 828).

85) *Положеніе о военныхъ тюрьмахъ и тюремныхъ отдѣленіяхъ.*

Военный совѣтъ, выслушавъ представленіе главнаго штаба съ проектомъ положенія о военныхъ тюрьмахъ, журналомъ 7 іюля 1883 года, положилъ:

1) Вновь проектированное положеніе о военныхъ тюрьмахъ, штатъ и табель имущества оныхъ ввести въ дѣйствіе по ассигнованіи потребныхъ средствъ, о чемъ и войти съ представленіемъ въ государственный совѣтъ;

и 2) Со введеніемъ въ дѣйствіе означеннаго положенія, считать отмѣненнымъ второй раздѣлъ кн. XVII св. воен. пост. 1869 г.

Положеніе это, а равно и проекты положенія о военныхъ тюрьмахъ, штата и табели оныхъ Высочайше утверждены 24 іюля 1883 года.

На подлинномъ написано: „*Высочайше утвержденъ*“.

24 іюля 1883 года. Подписалъ: За военнаго министра, генералъ-адъютантъ *Обручевъ*.

ПРОЕКТЪ

ИЗМѢНЕНІЯ ВТОРАГО РАЗДѢЛА КН. XVII СВ. ВОЕН. ПОСТ., 1869 ГОДА, О ВОЕННЫХЪ ТЮРЬМАХЪ, А РАВНО ШТАТА И ТАБЕЛИ СИХЪ ТЮРЕМЪ.

Положеніе о военныхъ тюрьмахъ и тюремныхъ отдѣленіяхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Устройство военныхъ тюремъ и тюремныхъ отдѣленій и управленіе оными.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Положенія общія.

1. Военныя тюрьмы и тюремныя отдѣленія назначены для содержанія нижнихъ воинскихъ чиновъ, приговоренныхъ къ одиночному заключенію на сроки, опредѣленные военно-уголовными законами.

2. Военныя тюрьмы и тюремныя отдѣленія именуются по тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ устроены.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Управленіе военными тюрьмами и тюремными отдѣленіями.

3. Военныя тюрьмы и тюремныя отдѣленія принадлежатъ къ составу мѣстныхъ учрежденій въ военныхъ округахъ и подчиняются начальникамъ мѣстныхъ бригадъ въ сихъ округахъ.

4. Составъ чиновъ управленій сихъ тюремныхъ заведеній опредѣляется штатомъ.

5. Ближайшее управленіе каждою военною тюрьмою и тюремнымъ отдѣленіемъ ввѣряется особому начальнику.

6. При каждомъ тюремномъ заведеніи учреждается комитетъ для обсужденія хозяйственныхъ и другихъ мѣръ по управленію онымъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Порядокъ опредѣленія чиновъ военныхъ тюремъ и тюремныхъ отдѣленій; обязанности и права сихъ чиновъ.

I. О начальникѣ тюремнаго заведенія.

7. Начальникъ тюремнаго заведенія военной тюрьмы или тюремнаго отдѣленія назначается Высочайшимъ приказомъ.

8. Начальникъ тюремнаго заведенія обязанъ: 1) постоянно содержать ввѣренное ему учрежденіе въ исправности по всѣмъ частямъ внутренняго и внѣшняго благоустройства, и 2) ненарушимо соблюдать предписанный порядокъ въ способѣ содержанія заключенныхъ, не допуская въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго отступленія или послабленія.

9. О каждомъ чрезвычайномъ происшествіи въ тюремномъ заведеніи, начальникъ онаго немедленно доноситъ: 1) на Высочайшее имя, съ надписью на конвертѣ „по главному штабу о происшествіи“; 2) начальнику мѣстной бригады—для представленія главному начальнику военнаго округа, съ поясненіемъ, когда и за какимъ нумеромъ донесено Государю Императору, и 3) коменданту, если тюремное заведеніе находится въ крѣпости.

Въ случаѣ побѣга кого либо изъ заключенныхъ, начальникъ тюремнаго заведенія сносится, сверхъ того, съ подлежащимъ гражданскимъ начальствомъ, для распоряженія о поимкѣ бѣжавшаго.

10. Начальникъ тюремнаго заведенія пользуется правами полковаго командира, какъ въ отношеніи наложенія дисциплинарныхъ взысканій на подчиненныхъ ему чиновъ, такъ и по преданію ихъ суду.

II. О помощникахъ начальника тюремнаго заведенія.

11. Помощники начальника военной тюрьмы и тюремнаго отдѣленія избираются начальникомъ тюремнаго заведенія и назначаются установленнымъ порядкомъ, Высочайшимъ приказомъ.

12. Помощники содѣйствуютъ начальнику тюремнаго заведенія во всемъ, что касается общаго порядка управленія заключенными. Изъ нихъ, въ военной тюрьмѣ, на одного возлагается непосредственное завѣдываніе заключенными, а на другаго—хозяйствомъ тюремнаго заведенія и обязанности казначея; въ его вѣдѣніи находятся всѣ вообще предметы довольствія, припасы для отопленія и освѣщенія и денежныя суммы тюрьмы.

13. Помощники начальника тюремнаго заведенія имѣютъ право налагать на подчиненныхъ имъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ, за упущеніе по службѣ, дисциплинарныя взысканія, по власти предоставленной ротнымъ командирамъ въ войскахъ, и подвергать виновныхъ заключенныхъ взысканіямъ, опредѣленнымъ въ ст. 68 и 69 сего положенія.

14. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія начальника тюремнаго заведенія, обязанности его исполняетъ старшій по чину помощникъ.

III. О священникѣ.

15. Священникъ назначается по сношенію главнаго начальника военнаго округа съ главнымъ священникомъ арміи и флотовъ.

16. Сверхъ обязанностей по совершенію богослуженія и исполненію христіанскихъ требъ въ тюремномъ заведеніи, священникъ долженъ наставлять заключенныхъ въ религіи, навѣщая ихъ для того сколь можно чаще и обращая особенное вниманіе на ихъ нравственность.

IV. О секретарѣ.

17. Секретарь избирается начальникомъ тюремнаго заведенія и утверждается начальникомъ мѣстной бригады.

18. На секретаря военной тюрьмы возлагается дѣлопроизводство по канцеляріи тюрьмы и по тюремному комитету; въ тюремныхъ же отдѣленіяхъ секретарь исполняетъ, сверхъ того, обязанности казначея и въ его завѣдываніи находятся всѣ вообще предметы довольствія, припасы для отопленія и освѣщенія и денежныя суммы отдѣленія.

V. О врачѣ и фельдшерахъ

19. Врачъ и фельдшера назначаются по распоряженію военно-медицинскаго инспектора въ округѣ.

20. Обязанности врача и фельдшеровъ, состоящихъ въ тюремныхъ заведеніяхъ, опредѣляются общими правилами для сихъ чиновъ въ войскахъ.

VI. О кадровыхъ нижнихъ чинахъ тюремныхъ заведеній.

21. Кадровые нижніе чины назначаются изъ частей войскъ. Они должны быть грамотны и изъ числа не подвергавшихся наказанію по суду. Начальнику тюремнаго заведенія предоставляется принимать въ кадръ сверхсрочно - служащихъ унтеръ - офицеровъ безъ производства симъ чинамъ добавочнаго содержанія

22. Положенные при тюремномъ заведеніи кадровые унтеръ-офицеры назначаются: 1) фельдфебелями—по одному къ каждому помощнику начальника тюремнаго заведенія, 2) для завѣдыванія отдѣленіями (до 25 заключенныхъ), 3) привратниками, 4) надзирателями—по одному при кухнѣ, цейхгаузѣ и строеніяхъ тюремнаго заведенія.

23. При тюремныхъ заведеніяхъ, сверхъ указанныхъ выше чиновъ состоятъ вольнонаемные служители, обязанность которыхъ заключается въ приготовленіи пищи и содержаніи тюремныхъ служебныхъ помѣщеній въ надлежащей чистотѣ и опрятности и въ исполненіи прочихъ служительскихъ обязанностей.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Порядокъ увольненія чиновъ тюремныхъ заведеній.

24. Служащіе при тюремныхъ заведеніяхъ увольняются въ отпускъ только въ случаяхъ особо уважительныхъ, слѣдующимъ порядкомъ: начальникъ тюремнаго заведенія на 15 дней—съ разрѣшенія начальника мѣстной бригады, на 28 дней—съ разрѣшенія главнаго начальника военнаго округа, до 4-хъ мѣсяцевъ, а въ кавказскомъ, обоихъ сибирскихъ и туркестанскомъ военныхъ округахъ [1]) до 6 мѣсяцевъ — съ разрѣшенія военнаго министра; прочіе чины тюремныхъ заведеній: на 15 дней — съ разрѣшенія начальниковъ оныхъ, на 28 дней—съ разрѣшенія начальника мѣстной бригады, до 4-хъ мѣсяцевъ, а въ кавказскомъ, обоихъ сибирскихъ и туркестанскомъ военныхъ округахъ [2]) до 6 мѣсяцевъ — съ разрѣшенія главнаго начальника военнаго округа. Если кто-либо изъ служащихъ будетъ имѣть надобность въ отпускѣ свыше 4 и 6 мѣсячныхъ сроковъ, тотъ, вмѣстѣ съ отпускомъ увольняется и отъ должности.

---

[1]) Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся въ 14 день іюня 1884 г. (прик. по воен. вѣд. № 215), изъ восточно-сибирскаго военнаго округа образованы два округа: Иркутскій и Приамурскій.

[2]) Тоже.

Примѣчаніе. Кадровые нижніе чины унтеръ-офицерскаго званія увольняются въ запасъ арміи на общемъ основаніи съ чинами мѣстныхъ войскъ.

25. Состоящіе на службѣ въ тюремныхъ заведеніяхъ офицеры увольняются отъ оной на общемъ основаніи. Кадровые нижніе чины, состоящіе на обязательной дѣйствительной службѣ и оказавшіеся несоотвѣтствующими требованіямъ тюремной службы, переводятся въ войска, по распоряженію подлежащаго начальства.

26. Состоящимъ при военныхъ тюрьмахъ штабъ и оберъ-офицерамъ и гражданскимъ чиновникамъ военнаго вѣдомства, а также штатнымъ врачамъ и священнякамъ, для награжденія по уставу пенсіею при увольненіи въ отставку, каждый годъ сей службы считается по расчету пяти лѣтъ къ семи годамъ. Время отсутствія всѣхъ означенныхъ чиновъ отъ своихъ должностей по болѣзни или по нахожденію въ отпуску исчисляется на общемъ основаніи, т. е. безъ надбавки даруемой собственно за дѣйствительную и безотлучную службу при тюрьмахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Помѣщеніе военныхъ тюремъ и тюремныхъ отдѣленій, нарядъ караула и довольствіе сихъ заведеній.

27. Въ зданіяхъ, занимаемыхъ тюремнымъ заведеніемъ, имѣются: 1) церковь, 2) одиночныя камеры, 3) баня или ванны, 4) пріемная для прибывающихъ, 5) кухня съ пекарнею, 6) цейхгаузъ, 7) помѣщеніе для канцеляріи и 8) жилыя помѣщенія для всѣхъ служащихъ при тюремныхъ заведеніяхъ.

28. Камеры устраиваются съ откидной форточкой въ дверяхъ, для подачи пищи заключеннымъ, и съ окошечкомъ для наблюденія за ихъ дѣйствіями. Въ каждой камерѣ находятся: кровать, столикъ, табуретъ, кувшинъ съ водою, миска для пищи и кружка для питья, клозетъ. Названная утварь устраивается такимъ образомъ, чтобы заключенный не могъ днемъ лежать на кровати, а прочихъ предметовъ — употреблять какъ орудій разрушенія. Камеры означаются нумерами.

29. Взамѣнъ особыхъ карцеровъ, опредѣленное число камеръ устраивается съ глухими ставнями къ окнамъ, для обращенія ихъ въ карцеры для провинившихся заключенныхъ.

30. Въ мѣстахъ заключенія должна быть соблюдаема чистота и опрятность; воздухъ въ камерахъ слѣдуетъ какъ можно чаще

освѣжать во всякое время года. Всѣмъ вообще служащимъ при тюрьмахъ воспрещается куреніе табаку не только въ камерахъ заключенныхъ, но даже въ корридорахъ. Корридоры и лѣстницы мѣстъ заключенія освѣщаются въ теченіи всей ночи, а камеры заключенныхъ — до 9 часовъ вечера.

31. Никому изъ постороннихъ не дозволяется входить въ ограду зданій мѣстъ заключенія безъ особаго разрѣшенія начальника тюремнаго заведенія, для чего входъ въ оныя долженъ быть всегда запертъ на замокъ и отворяться только въ случаяхъ, начальникомъ указанныхъ.

32 Отлучка чиновъ управленія, какъ офицеровъ, такъ и кадровыхъ нижнихъ чиновъ, изъ зданій тюремнаго заведенія разрѣшается начальникомъ онаго. Самъ же начальникъ не можетъ ночевать внѣ сихъ зданій.

33. Для содержанія наружныхъ постовъ при мѣстахъ заключенія, въ случаѣ надобности въ таковыхъ постахъ, полагается караулъ отъ частей войскъ, численность котораго опредѣляется на основаніи общихъ о караульныхъ нарядахъ правилъ.

34. Въ караульной комнатѣ должна находиться подробная инструкція для караула, составленная начальникомъ тюремнаго заведенія и утвержденная начальникомъ мѣстной бригады, а при расположеніи сей части въ крѣпости — комендантомъ.

35. Если караулъ замѣтитъ, что кто - либо изъ заключенныхъ покушается къ побѣгу или намѣревается совершить преступное дѣйствіе, то дѣйствуетъ согласно правилъ воинскаго устава о службѣ въ гарнизонѣ.

36. Содержаніе чиновъ, служащихъ въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ, равно предметы довольствія для каждаго изъ содержащихся въ нихъ, опредѣляются штатомъ и табелью.

37. Суммы, потребныя на содержаніе управленій тюремныхъ заведеній и заключенныхъ въ нихъ, вносятся въ финансовую смѣту военнаго министерства Требовательныя вѣдомости представляются начальникомъ заведенія начальнику мѣстной бригады и довольствіе отпускается установленнымъ порядкомъ изъ подлежащихъ мѣстъ. Отопленіе, освѣщеніе и ремонтированіе помѣщеній, занимаемыхъ тюремными заведеніями, производится на основаніи дѣйствующихъ по сему общихъ постановленій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О тюремномъ отдѣленіи, устроенномъ при дисциплинарной части.

38. Тюремное отдѣленіе, устроенное при дисциплинарной части, подчиняется командиру этой части.

39. Непосредственное завѣдываніе тюремнымъ отдѣленіемъ поручается офицеру, завѣдывающему хозяйствомъ дисциплинарной части, которому предоставляются права помощника начальника тюремнаго заведенія, изложенныя въ статьѣ 13 сего положенія.

40. Начальникъ дисциплинарной части, относительно порядка содержанія заключенныхъ, ихъ занятій и наложенія на нихъ наказаній за проступки и преступленія, обязанъ руководствоваться настоящимъ положеніемъ, а въ прочихъ отношеніяхъ—положеніемъ о дисциплинарныхъ баталіонахъ и ротахъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О порядкѣ доставленія осужденныхъ и зачисленія ихъ въ тюремныя заведенія.

41. Нижніе чины, присужденные къ заключенію въ военной тюрьмѣ, отправляются въ мѣста заключенія по распоряженію того начальства, въ вѣдѣніи котораго они состоятъ, порядкомъ, установленнымъ для пересылки арестантовъ.

Примѣчаніе. Войска и военныя заведенія, при высылкѣ нижнихъ чиновъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію, руководствуются особымъ росписаніемъ тюремныхъ заведеній по военнымъ округамъ.

42. Отправляемые въ тюрьму нижніе чины продолжаютъ числиться въ спискахъ своихъ полковъ и частей и на вещевомъ отъ нихъ довольствіи, отмѣчаясь только находящимися въ такомъ-то тюремномъ заведеніи.

43. При отправленіи въ тюремныя заведенія, нижніе чины снабжаются состоящею на нихъ полковою или командною одеждою втораго срока (исключая нижнихъ чиновъ гвардейскихъ войскъ, которые снабжаются мундирами третьяго срока), вполнѣ годною къ носкѣ, а именно: шапкою, шинелью, мундиромъ съ шароварами, галстухомъ, смѣною бѣльи и обуви, а также башлыкомъ—тѣ нижніе чины, отправленіе которыхъ въ заключеніе или освобожденіе отъ онаго будетъ приходиться въ холодное время года.

44. Собственныя деньги и вещи нижнихъ чиновъ, подвергаемыхъ тюремному заключенію, хранятся въ полкахъ и командахъ до освобожденія сихъ чиновъ изъ заключенія.

45. Вмѣстѣ съ осужденными въ тюрьму доставляются въ мѣста ихъ заключенія: 1) засвидѣтельствованныя копіи съ состоявшихся о нихъ приговорахъ; 2) аттестаты объ окончательномъ довольствіи ихъ при полку или командѣ приваркомъ и провіантомъ или кормовыми деньгами; 3) опись вещамъ на нихъ состоящимъ.

46. Если у осужденнаго, прибывшаго въ тюремное заведеніе, окажется недостатокъ какихъ-либо вещей противъ вышепоименованныхъ, или эти вещи, по ветхости, будутъ негодны къ употребленію, то необходимыя на пополненіе обмундированія сихъ чиновъ вещи, по требованію тюремнаго начальства, должны быть немедленно высылаемы начальниками частей и командъ, къ коимъ принадлежитъ осужденный, а на дезертировъ, не зачисленныхъ въ части войскъ, означенныя вещи требуются отъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, по мѣсту расположенія тюремнаго заведенія.

47. Осужденные въ тюремное заведеніе зачисляются въ списки оныхъ немедленно по доставленіи и съ этого времени считается имъ срокъ заключенія. Время, проведенное ими подъ стражею, по вступленіи приговоровъ въ законную силу, въ срокъ заключенія не засчитывается.

48. Принятые для тюремнаго заключенія вписываются, по порядку поступленія, въ особую книгу свѣдѣній о заключенныхъ, въ которой означаются № отведенной камеры, ихъ званіе, имя, отчество и прозваніе, какого полка или команды, за что, по чьему приговору и на какой срокъ осуждены, семейное положеніе, вѣроисповѣданіе, знаніе грамотѣ и мастерства, время, проведенное по болѣзни во время заключенія въ госпиталѣ или лазаретѣ, и день исключенія изъ списковъ заключенныхъ. Сверхъ того, они записываются въ особую алфавитную книгу, съ обозначеніемъ въ ней лишь № отведенной камеры, имени, отчества и прозванія и нумера страницы, на которой они записаны въ книгѣ свѣдѣній о заключенныхъ.

49. По вступленіи въ тюрьму осужденные свидѣтельствуются врачемъ, который въ особой книгѣ означаетъ состояніе здоровья каждаго.

50. Если у нижнихъ чиновъ, при пріемѣ въ тюремное заведеніе, окажутся собственныя деньги и не нужныя для употребленія

во время заключенія вещи, то таковыя отбираются отъ нихъ и помѣщаются на храненіе: деньги—къ суммамъ управленія, а вещи—въ тюремный цейхгаузъ. Означенныя вещи и деньги, при освобожденіи нижнихъ чиновъ отъ заключенія, выдаются имъ на руки.

51. Если бы у нижнихъ чиновъ, при доставленіи ихъ въ тюрьму, оказались скрытыя ими деньги, то таковыя деньги отбираются отъ нихъ и обращаются въ хозяйственную тюремную сумму.

52. О прибытіи осужденныхъ нижнихъ чиновъ и о полученіи присланныхъ на нихъ письменныхъ свѣдѣній начальникъ тюремнаго заведенія увѣдомляетъ тѣ мѣста и лица, отъ коихъ таковыя были отправлены.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О порядкѣ содержанія заключенныхъ, одеждѣ и пищѣ ихъ.

Порядокъ содержанія.

53. Осужденные содержатся въ одиночномъ заключеніи, исключая времени, употребляемаго для физическихъ упражненій и для исполненія хозяйственныхъ работъ въ оградѣ тюремныхъ помѣщеній. Заключенные совершаютъ молитвы, исполняютъ мастеровыя работы и получаютъ пищу въ своихъ камерахъ.

54. Въ воскресные и праздничные дни и наканунѣ ихъ, заключенные выводятся въ церковь для слушанія богослуженія.

55. Въ теченіи великаго поста заключенные православнаго исповѣданія обязаны говѣть; заключенные другихъ христіанскихъ исповѣданій исполняютъ эту обязанность по обрядамъ своей церкви, когда представится къ тому возможность, и непремѣнно внутри тюремной ограды.

56. Заключенные посылаются въ баню два раза въ мѣсяцъ и перемѣняютъ бѣлье разъ въ недѣлю, а лѣтнее платье—два раза въ мѣсяцъ.

57. Заключенные обязаны сохранять тишину. Имъ воспрещаются разговоры и всякое сношеніе другъ съ другомъ, а также употреблять спиртные напитки, курить и нюхать табакъ и имѣть при себѣ деньги и какія бы то ни было вещи и орудія. Для точнаго соблюденія послѣдняго правила, камеры заключенныхъ, равно и сами заключенные осматриваются отдѣленными унтеръ офицерами, и если при этомъ найдены будутъ вещи или деньги, то онѣ отбираются и затѣмъ деньги обращаются въ хозяйственную тюремную

сумму, а вещи продаются и вырученныя деньги обращаются въ ту же сумму.

58. Свиданіе съ родными и знакомыми заключеннымъ воспрещается, а переписка съ ними дозволяется заключеннымъ не иначе, какъ съ разрѣшенія и подъ контролемъ тюремнаго начальства.

59. Подробное распредѣленіе дня въ тюрьмѣ составляется начальникомъ тюремнаго заведенія и утверждается главнымъ военно-тюремнымъ комитетомъ [1]).

Отдѣленіе второе.

Одежда и пища заключенныхъ.

60. Заключенные носятъ свою полковую или командную мундирную одежду, въ коей прибыли въ тюрьму, а лѣтнее платье, бѣлье и обувь—опредѣленныя табелью тюремныхъ заведеній.

61. Каждому изъ заключенныхъ отпускается въ день: 1) хлѣба ржанаго по 3 фунта и соли по 6 золотниковъ, 2) горячая къ обѣду пища, т. е. щи или похлебка, приготовленная изъ овощей, въ скоромные дни съ мясомъ, полагая по $^1/_4$ фунта на человѣка, въ постные же—съ постнымъ масломъ или рыбою полагая по $^1/_4$ фунта масла и по $^3/_4$ фунта рыбы на 10 человѣкъ.

62. Пища для заключенныхъ приготовляется изъ свѣжихъ, доброкачественныхъ припасовъ и ежедневно свидѣтельствуется врачемъ и однимъ изъ офицеровъ тюремнаго заведенія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О занятіяхъ заключенныхъ.

63. Заключенные занимаются ежедневно, въ гигіеническихъ видахъ, маршировкою и гимнастическими упражненіями, а также хозяйственными работами внутри тюремной ограды, съ соблюденіемъ при этомъ строгаго порядка и безусловнаго молчанія.

64. Въ свободное отъ упражненій (63) время заключенные занимаются мастеровыми работами и чтеніемъ учебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ въ своихъ камерахъ.

65. Къ мастеровымъ работамъ относятся такія занятія, которыя могутъ быть съ удобствомъ производимы въ камерахъ, а также

---

[1]) Высочайше утвержденнымъ 5 января 1884 г. положеніемъ военнаго совѣта (прик. по воен. вѣдомству № 3), главный военно-тюремный комитетъ упраздненъ и обязанности его по военно-тюремной части возложены на главный штабъ.

безвредныя для здоровья заключенныхъ, совершенно безопасныя и не требующія большаго числа инструментовъ, какъ то: шитье сапогъ, бѣлья, платья и т. п.

66. За производствомъ работъ наблюдаетъ одинъ изъ помощниковъ начальника тюремнаго заведенія и дежурные унтеръ-офицеры. Необходимые для работъ матеріалы и инструменты пріобрѣтаются по распоряженію тюремнаго комитета, на счетъ хозяйственной тюремной суммы.

67. Произведенныя заключенными работы записываются въ особую книгу; въ этой книгѣ противъ работъ, исполненныхъ не для надобности тюремнаго заведенія, а по частнымъ заказамъ, означается стоимость издѣлія, и вырученная за нихъ заработая плата обращается въ хозяйственную тюремную сумму.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О наказаніяхъ за проступки и преступленія.

68. Взысканія на заключенныхъ за проступки, не влекущіе за собою преданія суду, налагаются въ нижеслѣдующей постепенности:

1) Лишеніе подстилки на койкѣ, на болѣе или менѣе продолжительное время.

2) Строгій арестъ на 5 сутокъ.

3) Усиленный арестъ на таковое же время.

4) Строгій арестъ до 8 сутокъ.

5) Усиленный арестъ на таковое же время.

6) Смѣшанный арестъ до четырнадцати сутокъ.

69. Когда проступки сопровождались особыми, увеличивающими вину обстоятельствами, то нарушители, если они состоятъ въ разрядѣ штрафованныхъ, могутъ быть наказаны розгами до 15 ударовъ—по распоряженію помощника начальника тюремнаго заведенія и до 50 ударовъ—по опредѣленію начальника. Тѣлесное наказаніе назначается или вмѣстѣ съ вышеопредѣленными (ст. 68) взысканіями или въ видѣ самостоятельнаго наказанія.

70. Въ случаѣ явнаго неповиновенія и сопротивленія распоряженіямъ начальства, начальнику тюремнаго заведенія предоставляется употребить силу и даже оружіе, для возстановленія порядка и поддержанія дисциплины.

71. Взысканія, налагаемыя на заключенныхъ за проступки, записываются всегда въ штрафной журналъ.

72. Наказанія заключенныхъ за преступленія опредѣляются

воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ, св. воен. пост. 1859 г., XXII, зд. 2, ст. 280—282.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О пользованіи больныхъ заключенныхъ.

73. Заключенные, въ случаѣ тяжкой болѣзни, помѣщаются въ ближайшій госпиталь или больницу и лечатся на общемъ основаніи съ войсками; при болѣе легкой болѣзни, не требующей госпитальнаго леченія, пользуются въ своихъ камерахъ.

74. Время болѣзни, проведенное заключенными въ госпиталѣ или лазаретѣ, исключается изъ срока пребыванія въ тюрьмѣ, назначеннаго въ приговорѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Объ освобожденіи заключенныхъ.

75. Заключенные, пробывшіе въ тюремномъ заведеніи опредѣленное имъ приговоромъ суда время, освобождаются немедленно и отправляются, не въ родѣ арестантовъ, въ той самой одеждѣ, въ которой они были доставлены въ мѣсто заключенія, въ свои полки или команды, если они находятся въ мѣстѣ расположенія тюремнаго заведенія, въ противномъ случаѣ отправляются въ свои части по этапу. При отправленіи изъ тюрьмы освобожденныхъ, деньги и вещи, если таковыя хранились въ мѣстѣ заключенія, имъ выдаются на руки.

Примѣчаніе. Тѣ изъ заключенныхъ, которые сверхъ опредѣленнаго имъ приговоромъ суда времени заключенія, обязаны отбыть еще срокъ ареста, наложеннаго на нихъ за проступки въ тюрьмѣ, освобождаются не прежде какъ по отбытіи сего срока.

76. Вмѣстѣ съ отправленіемъ освобожденныхъ, начальникъ тюремнаго заведенія доставляетъ подлежащему начальству: 1) увѣдомленіе объ окончаніи освобожденными нижними чинами срока заключенія, 2) аттестаты о провіантскомъ и приварочномъ довольствіи и тѣ описи вещамъ, или арматурные списки, съ которыми они прибыли въ тюремное заведеніе.

Примѣчаніе. Въ случаѣ смерти нижняго чина во время заключенія, собственныя деньги и принадлежащія ему вещи отсылаются въ команду, къ которой умершій принадлежалъ, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о днѣ и мѣстѣ его смерти.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О суммахъ военно-тюремныхъ заведеній.

77. Въ тюремномъ заведеніи состоятъ суммы:

1) переходящая, 2) хозяйственная, 3) продовольственная и 4) не принадлежащая къ хозяйству, какъ-то: церковная сумма, сумма, отпущенная на ремонтъ зданій и т. п.

78. Хозяйственная сумма составляется: 1) изъ денежныхъ отпусковъ, кои, на основаніи положенія о хозяйствѣ въ войскахъ, подлежатъ поступленію въ эту сумму; 2) изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи негодныхъ къ употребленію предметовъ и одежды заключенныхъ; 3) изъ остатковъ отъ приварочныхъ денегъ; 4) изъ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи экономическаго провіанта; 5) изъ денегъ, отобранныхъ у заключенныхъ при обыскѣ; 6) изъ денегъ, выручаемыхъ за издѣлія заключенныхъ, и 7) изъ остатковъ отъ освѣщенія, отопленія и прочихъ средствъ, ассигнуемыхъ по мѣстнымъ условіямъ въ хозяйственное распоряженіе тюремныхъ заведеній на содержаніе ихъ строеній въ чистотѣ и исправности.

79. Хозяйственная сумма употребляется на покрытіе всѣхъ расходовъ по хозяйству и содержанію тюремнаго заведенія, для которыхъ не существуетъ никакихъ отъ казны ассигнованій, или для коихъ штатные отпуски окажутся недостаточными. Распоряженіе этою суммою лежитъ на обязанности и отвѣтственности тюремнаго комитета.

80. Отчетность по приходу и расходу вышеизложенныхъ суммъ ведется примѣнительно къ порядку, установленному на сей предметъ въ войскахъ.

81. Деньги, составляющія собственность заключенныхъ, хранятся вмѣстѣ съ прочими переходящими суммами тюремнаго заведенія, начальству котораго предоставляется, по просьбамъ заключенныхъ, производить для нихъ изъ собственныхъ ихъ денегъ расходы на отправку писемъ, на пожертвованія въ пользу церкви заведенія и на покупку свѣчъ при богослуженіи и во время говѣнія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О комитетѣ тюремнаго заключенія.

82. Комитетъ при каждой военной тюрьмѣ и тюремномъ отдѣленіи состоитъ изъ наличныхъ помощниковъ и секретаря, подъ

предсѣдательствомъ начальника тюремнаго заведенія. Въ совѣщаніяхъ комитета участвуютъ также: священникъ—по дѣламъ, относящимся до нравственнаго состоянія заключенныхъ и церковнаго хозяйства, и врачъ—по дѣламъ медико-полицейскимъ и вообще требующимъ принятія гигіеническихъ мѣръ.

83. Комитетъ обсуждаетъ мѣропріятія, касающіяся благосостоянія тюрьмы и точнаго примѣненія предписанныхъ правилъ содержанія заключенныхъ.

84. Комитетъ распоряжается: 1) отопленіемъ и ремонтированіемъ зданій; 2) заготовленіемъ продовольственныхъ припасовъ для заключенныхъ и освѣтительныхъ матеріаловъ, и 3) покупкою необходимыхъ хозяйственныхъ предметовъ. Комитетъ руководствуется при этомъ правилами о заготовленіяхъ по военному министерству.

85. Комитету предоставляется: 1) утверждать подряды и разрѣшать хозяйственныя заготовленія на сумму до тысячи руб.; 2) распоряжаться, съ предварительнаго разрѣшенія начальника мѣстной бригады, хозяйственнымъ заготовленіемъ одежды для заключенныхъ и кадровыхъ нижнихъ чиновъ заведенія, не свыше опредѣленныхъ для сего окружнымъ интендантствомъ цѣнъ.

86. Распоряженія комитета излагаются въ журналахъ, подписываемыхъ предсѣдателемъ и присутствующими членами. Дѣлопроизводство въ комитетѣ, а также права предсѣдателя и членовъ комитета опредѣляются общими законоположеніями для коллегіальныхъ учрежденій военнаго министерства.

87. Въ своихъ дѣйствіяхъ, относительно хозяйственныхъ распоряженій и отчетности, комитетъ руководствуется правилами для веденія хозяйства въ войскахъ, съ тѣми измѣненіями, какія на сей предметъ будутъ указаны главнымъ военно-тюремнымъ комитетомъ [1]).

88. Для сосредоточенія въ военномъ министерствѣ возможно полныхъ статистическихъ данныхъ о состояніи тюремъ, комитетъ составляетъ особую отчетность по указаніямъ главнаго военно-тюремнаго комитета [2]).

---

[1]) Высочайше утвержденнымъ 5 января 1884 г. положеніемъ военнаго совѣта (прик. по воен. вѣд. № 3), главный военно-тюремный комитетъ упраздненъ и обязанности его по военно-тюремной части возложены на главный штабъ.

[2]) Тоже.

На подлинномъ подписано: «*Высочайше утвержденъ.*»
24 іюля 1883 года. Подписалъ: за военнаго министра, генералъ-адъютантъ *Обручев*

ШТАТЪ.

УПРАВЛЕНІИ ВОЕННЫХЪ ТЮРЕМНЫХЪ ОТДѢЛЕНІЙ.

	Число чиновъ.		Годовой окладъ содерж. каждому. Основный.								
			Полный.				За всѣми установлен. вычетами				
			Жалованья.		Столовыхъ.		Жалованья.		Столовыхъ.		
	Въ тюрьмѣ на 200 человѣкъ.	Въ отдѣленіи на 50—100 ч.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
Начальникъ тюрьмы, подполковникъ	1	—	По чинамъ		814	15	По чинамъ		750	—	
Начальникъ отдѣльнаго тюремнаго отдѣленія, оберъ-офицеръ, до чина капитана включительно.	—	1			65	32			600	—	
Его помощниковъ. Оберъ-офицеровъ, до чина капитана включительно	2	1			325	66			300	—	
Священникъ *а*).	1	—	589	19	586	19	540	-	540	—	а) Если при отдѣленіи не будетъ устроено церкви, то штатный священникъ не назначается, а для исполненія богослуженія и требъ приглашается одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, на что отпускается въ годъ: а) въ отдѣленіяхъ на 50 и 75 заключенныхъ 300 рублей. б) на 100—420 р.
	—	1	523	72	521	5	480	—	480	—	
Причетникъ *б*). (изъ вольнонаемныхъ)	1	1	120	—	—	—	120	—	—	—	б) Причетникъ полагается въ тѣхъ заведеніяхъ гдѣ устроена церковь, и таковому, сверхъ жалованья, выдается

Врачъ *в*)	1	—	360	—	300	—	333	—	276	—	60р. изъ церковной суммы, гдѣ таковая имѣется. в) Въ тюремныхъ отдѣленіяхъ штатнаго врача не полагается, а на вознагражденіе приглашаемаго для наблюденія за состояніемъ здоровья заключенныхъ посторонняго врача полагается въ годъ: а) Въ тюремныхъ отдѣляніяхъ на 50 и 75 заключен. 300 руб. б) на 00—420р.
Секретарь {	1	—	451	71	260	53	414	—	240	—	
	—	1	363	33	195	39	333	—	80	—	
Нижнихъ чиновъ.											
Фельдфебелей	2	1	153	6	—	—	150	—	—	—	
Унтеръ-офицеровъ [1]) старш.	8	4	122	44	—	—	120	—	—	—	
Унтеръ-офицеровъ [1]) младш.	6	4	100	—	—	—	99	—	—	—	
Фельдшеръ старшій	1	1	6	22	—	—	60	—	—	—	
Писарей:											
Высшаго оклада	1	1	34	28	—	—	33	60	—	—	
Средняго »	2	1	25	86	—	—	25	35	—	—	

	Полный окладъ.		За всѣми установлен. вычетами.	
Производится въ годъ добавочнаго содержанія	Руб.	К.	Руб	К.
Начальнику тюрьмы				
Начальнику отдѣльнаго тюремнаго отдѣленія	976	98	900	—
Помощникамъ начальника тюремнаго заведенія	65	3	600	—
	325	66	300	—
Каждому тюремному заведенію отпускается въ годъ:	Рубли.		Коп.	
На наемъ сторожей для приготовленія пищи и хлѣба и исполненія прочихъ служительскихъ обязанностей. Въ тюрьмѣ	990		—	
На наемъ сторожей ... Въ тюремномъ отдѣленіи	450		—	
На канцелярскіе припасы: Въ тюрьмѣ	75		—	
На канцелярскіе припасы: Въ тюремномъ отдѣленіи	50		—	
На покрытіе расходовъ по богослуженію въ тюремныхъ заведеніяхъ, въ коихъ будетъ устроена церковь	200		—	

[1]) Въ Варшавской тюрьмѣ сверхъ этого числа полагается еще 14 кадровыхъ унтеръ-офицеровъ согласно приказу по военному вѣдомству 1880 г. № 312; изъ всего числа 28 унтеръ-офицеровъ, 14 полагается старшихъ и 14 младшихъ.

Примѣчанія:

1. Всѣмъ чинамъ, сверхъ показаннаго содержанія, производится и все прочее довольствіе, существующими законоположеніями опредѣленное.

2. Штабъ и оберъ-офицеры тюремныхъ заведеній производятся въ слѣдующіе чины: первые—за отличіе, а вторые—на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ управленіяхъ мѣстныхъ войскъ, за выслугу лѣтъ.

3. По росписанію должностей военно-медицинскаго вѣдомства, Высочайше утвержденному 17 апрѣля 1859 г., должность врача въ военной тюрьмѣ относится къ VI разряду военно-медицинскихъ должностей.

4. Должность секретаря въ тюрьмѣ относится по чинопроизводству къ IX, а въ тюремномъ отдѣленіи—къ X классу, а по разряду пенсій—обѣ къ VII разряду.

5. Всѣ чины, штатомъ опредѣленные, получаютъ квартиты въ казенныхъ зданіяхъ, а за неимѣніемъ таковыхъ, имъ производятся квартирныя деньги на общемъ основаніи.

6. Вольнонаемные служители провіантскимъ, приварочнымъ и вещевымъ довольствіемъ отъ казны не пользуются.

7. Настоящій штатъ не относится до тѣхъ тюремныхъ отдѣленій, которыя устраиваются при дисциплинарныхъ частяхъ; таковыя руководствуются штатомъ дисциплинарныхъ баталіоновъ и ротъ.

На подлинномъ написано: *«Высочайше утверждена.»*
24 Іюля 1883 года. Подписалъ: за Военнаго министра, генералъ-адъютантъ *Обручевъ.*

ТАБЕЛЬ.

О ПРЕДМЕТАХЪ ДОВОЛЬСТВІЯ ДЛЯ КАЖДАГО ИЗЪ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ ВЪ ВОЕННО-ТЮРЕМНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

На сколько лѣтъ.	**I. Вещи.**
2	Гимнастическая рубаха фламскаго полотна, армейскаго, 2 аршина 14 вершовъ и на шитье 2 коп.
1	Рубахъ три, на каждую по шести аршинъ 12 вершковъ холста рубашечнаго.
1	Подштанниковъ три пары, на каждые по 5 аршинъ 8 вершковъ подкладочнаго холста.

1 Портянки лѣтнія три пары, на каждую по $1^1/_2$ арш. подкладочнаго холста.

1 Сапоговъ съ укороченными противъ армейскихъ голенищами по одной парѣ, съ двумя парами подметокъ и на мелкій приборъ и шитье $27^1/_2$ коп.

5 Одѣяло, сукна сѣраго 2 аршина 14 вершковъ.

Подъодѣяльникъ, подкладочнаго холста 10 аршинъ $13^1/_4$ вершковъ.

1 Полотенецъ три, холста рубашечнаго, по 2 аршина на каждое.

1 Соломы для набивки матрацовъ и подушекъ, по 30 коп. на каждаго заключеннаго.

II. Продовольствіе.

1 Муки три четверти.

1 Крупъ 1 четверть и 4 гарнца.

1 Кормовыя деньги на основаніяхъ, опредѣленныхъ для отпуска приварочныхъ денегъ въ войскахъ, по обыкновенному окладу, уменьшенному $^1/_6$ часть.

Примѣчанія.

1. На каждаго заключеннаго отпускается на мыло и вѣники по 35 коп. въ годъ.

2. Освѣщеніе помѣщеній заключенныхъ производится по особому положенію, соотвѣтственно устройства мѣста заключенія.

3. Матеріалы для постройки заключеннымъ означенныхъ въ сей табели вещей отпускаются въ натурѣ, или заготовляются распоряженіемъ тюремнаго комитета на отпускаемую для сего сумму; вещи строятся заключенными.

4. На одеждѣ, бѣльѣ, обуви и прочихъ вещахъ налагается клеймо тюремнаго заведенія.

5. Всѣ вещи, поименованныя въ сей табели, кромѣ годовыхъ, перемѣняются въ такомъ только случаѣ, когда по освидѣтельствованію начальника мѣстной бригады, по окончаніи срока, окажутся негодными къ употребленію; въ противномъ случаѣ должны служить сверхъ сроковъ.

6. Портянки лѣтніе заготовляются лишь на первое обзаведеніе тюрьмы, а затѣмъ шьются изъ ветоши самими заключенными.

7. По числу кадровыхъ унтеръ-офицеровъ тюремныхъ заведеній

отпускаются револьверы Смита и Вессона 1-го образца и къ нимъ огнестрѣльные припасы, въ размѣрѣ, опредѣленномъ приказомъ по артиллеріи 1875 года за № 139 для мѣстныхъ войскъ.

8. Настоящая табель обязательна и для тюремныхъ отдѣленій, устраиваемыхъ при дисциплинарныхъ частяхъ (№ 830).

86) *О производствѣ дѣлъ и веденіи переписки на русскомъ языкѣ присутственными мѣстами и должностными лицами Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній* (указъ правительствующему сенату).

Признавъ своевременнымъ преподать опредѣлительныя правила о производствѣ дѣлъ и веденіи переписки на русскомъ языкѣ присутственными мѣстами и должностными лицами Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній, Мы нынѣ одобрили выработанный комитетомъ министровъ, по представленію управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и соотвѣтствующій предначертаніямъ Нашимъ, проектъ таковыхъ правилъ.

Препровождая упомянутыя правила въ правительствующій сенатъ, повелѣваемъ: ввести оныя въ дѣйствіе въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ, установленнымъ порядкомъ, во измѣненіе и дополненіе узаконеній 1850, 1852 и 1867 годовъ и въ отмѣну постановленія 4 ноября 1869 года, а также соотвѣтствующихъ статей мѣстныхъ положеній о крестьянахъ.

Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
Фреденсборгъ, въ Даніи, „*АЛЕКСАНДРЪ*“
14 Сентября 1885 года.

На подлинныхъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Фреденсборгъ, въ Даніи, «*Быть по сему.*»
14 Сентября 1885 года.

ПРАВИЛА

О производствѣ дѣлъ и веденіи переписки на русскомъ языкѣ присутственными мѣстами и должностными лицами Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній.

1) Губернаторы и всѣ правительственныя установленія и власти Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній, за исключе-

ніемъ поименованныхъ въ нижеслѣдующемъ пунктѣ 3, производятъ дѣла и ведутъ переписку исключительно на языкѣ русскомъ. Изъ правила сего не изъемлются и тѣ случаи, когда въ упомянутыхъ установленіяхъ участвуютъ должностныя лица изъ числа принадлежащихъ къ мѣстной выборной службѣ.

2) Указанному въ предъидущемъ пунктѣ правилу о производствѣ дѣлъ и веденіи переписки на языкѣ русскомъ подчиняются и учрежденныя въ каждой изъ упомянутыхъ губерній коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ, а равно всѣ тѣ образованныя на основаніи особыхъ мѣстныхъ узаконеній, правительственныя установленія Прибалтійскихъ губерній, которыя состоятъ изъ лицъ, назначаемыхъ частію по выборамъ, частію по опредѣленію отъ правительства.

3) Мѣста и власти, поименованныя въ ст. 9 ч. I свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, равно образованныя на основаніи законоположеній, вошедшихъ въ ч. II означеннаго свода, а также установленія и власти, учрежденныя мѣстными крестьянскими и другими положеніями (кромѣ упомянутыхъ въ п. 2 наст. прав. установленій), ведя дѣлопроизводство и внутреннюю свою переписку на языкѣ нѣмецкомъ или на нарѣчіяхъ латышскомъ и эстонскомъ, на существующихъ нынѣ основаніяхъ, должны производить сношенія свои какъ съ высшими государственными или вообще находящимися за предѣлами Прибалтійскихъ губерній установленіями и властями, такъ и съ тѣми изъ находящихся въ предѣлахъ сихъ губерній мѣстами и лицами, которыя указаны въ пунктахъ 1 и 2 настоящихъ правилъ, на языкѣ русскомъ, а равно принимать всѣ поступающія къ нимъ бумаги, изложенныя на русскомъ языкѣ; но при сношеніяхъ съ мѣстами и лицами, указанными въ пунктахъ 1 и 2 настоящихъ правилъ, могутъ къ отправляемымъ симъ мѣстамъ и лицамъ подлиннымъ бумагамъ, написаннымъ на русскомъ языкѣ, прилагать переводъ на нѣмецкомъ языкѣ или на латышскомъ или эстонскомъ нарѣчіяхъ.

Примѣчаніе. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для мѣстъ, установленій и лицъ, упомянутыхъ въ настоящемъ п. 3, окажется необходимымъ препровождать общимъ правительственнымъ установленіямъ и мѣстамъ какія либо бумаги внутренняго дѣлопроизводства мѣстныхъ установленій или переписки ихъ между собою въ подлинникахъ или копіяхъ, написанныя на нѣмецкомъ языкѣ или на эстонскомъ и латышскомъ нарѣчіяхъ, всѣ подобныя приложенія (за исключеніемъ книгъ и отчетныхъ вѣдомостей) должны сопро-

вождаться точнымъ и надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованнымъ русскимъ переводомъ; и

4) Во всѣхъ засѣданіяхъ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній сужденія происходятъ на томъ языкѣ, на которомъ ведется дѣлопроизводство оныхъ (№ 837).

Б. Указы и опредѣленія правительствующаго сената.

21) *По вопросу о значеніи постановленій 181 и 183 ст. уст. содерж. подъ стражею.*

1885 года марта 13 дня. По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали: дѣло по представленному государственнымъ контролеромъ, въ рапортѣ отъ 30 апрѣля 1884 года за № 328, на разрѣшеніе правительствующаго сената вопросу о значеніи постановленій 181 и 183 ст. уст. содерж. подъ стражею. Приказали: государственный контролеръ, въ рапортѣ отъ 30 апрѣля 1884 года за № 328, между прочимъ, представилъ на разрѣшеніе правительствующаго сената возбужденный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вопросъ о правѣ тюремныхъ комитетовъ получать изъ казны на пользуемыхъ въ тюремныхъ больницахъ арестантовъ, сверхъ платы, установленной ст. 183 уст. содерж. подъ стражею, на содержаніе и пользованіе больныхъ арестантовъ, а именно по составляемой ежегодно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ табели для приказовъ общественнаго призрѣнія,—еще денегъ на медикаменты по расчету, указанному въ ст. 181 того же устава, т. е. по три копѣйки въ сутки на каждаго больнаго арестанта. Обращаясь для разрѣшенія сего вопроса къ подлежащимъ узаконеніямъ, правительствующій сенатъ находитъ, что на основаніи ст. 118—127 уст. содерж. подъ стражею, т. XIV св. зак., изд. 1857 года и по продолженіямъ къ оному, на прокормленіе арестантовъ въ мѣстахъ содержанія производится опредѣленная плата, а на основаніи ст. 181 того же устава по прод. 1876 года, для пользованія арестантовъ, гдѣ бы они ни лѣчились, больничнымъ начальствамъ предоставляется, по усмотрѣнію ихъ, или требовать медикаменты изъ аптечныхъ магазиновъ военнаго вѣдомства по установленнымъ для военныхъ командъ каталогамъ, или же получать отъ казны на сей предметъ по три копѣйки въ сутки на

каждаго арестанта, сверхъ платы, слѣдующей собственно на содержаніе больныхъ. Затѣмъ, въ силу ст. 183 означеннаго устава изд. 1857 года, въ особыхъ случаяхъ министерство внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ, разрѣшать производить тюремнымъ комитетомъ изъ казны на содержаніе и пользованіе больныхъ арестантовъ ту плату, какая производится, по составляемой ежегодно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ табели, приказамъ общественнаго призрѣнія. Такимъ образомъ уплата изъ казны за содержаніе и пользованіе арестантовъ въ тюремныхъ больницахъ, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, можетъ производиться двоякимъ порядкомъ: 1) по общему порядку, изложенному въ 118—127 и 181 ст. уст. содерж. подъ стражею, и 2) по особому, установленному статьею 183 того же устава; причемъ по общему порядку на означенныхъ арестантовъ отпускаются деньги на прокормленіе и, сверхъ того, на медикаменты по 3 коп. въ сутки на каждаго арестанта (или медикаменты натурою изъ аптечныхъ магазиновъ военнаго вѣдомства съ платою за оныя изъ казны); по особому же порядку министерство внутреннихъ дѣлъ можетъ, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ, разрѣшить, въ извѣстныхъ случаяхъ, производство тому или другому тюремному комитету изъ казны, на содержаніе и пользованіе арестантовъ въ тюремныхъ больницахъ, ту плату, какая производится, по особымъ табелямъ, приказамъ общественнаго призрѣнія. При этомъ, въ отношеніи послѣдняго порядка, необходимо всключить, что тюремные комитеты, получая на больныхъ арестантовъ пользуемыхъ въ тюремныхъ больницахъ, плату по табели для приказовъ общественнаго призрѣнія, уже не имѣютъ права требовать изъ казны, сверхъ этой платы, для помянутыхъ арестантовъ еще какихъ либо денегъ на медикаменты. Къ этому заключенію приводитъ точное содержаніе ст. 183 уст. содержащихся подъ стражею, въ которой выражено, что указанная плата, по табели для приказовъ общественнаго призрѣнія, должна быть производима тюремнымъ комитетамъ „на содержаніе и пользованіе“ больныхъ арестантовъ, т. е. что этою платою должны покрываться тюремными комитетами расходы какъ на содержаніе, такъ и на леченіе больныхъ арестантовъ. Затѣмъ, къ тому же заключенію и еще съ большою ясностію приводитъ и Высочайше утвержденное 21 декабря 1837 года положеніе комитета министровъ (полн. собр. зак. № 10822), послужившее основаніемъ 183 ст. уст. содерж. подъ стражею. Этимъ положеніемъ

было разрѣшено производить тюремнымъ комитетамъ въ мѣстностяхъ, гдѣ это будетъ признано полезнымъ, на содержаніе и пользованіе больныхъ арестантовъ, плату по составляемой въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ табели для приказовъ общественнаго призрѣнія, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы комитеты приняли на себя, между прочимъ, „всѣ издержки на пищу, медикаменты, одежду и обувь арестантовъ и содержаніе больницъ съ аптеками", и если, по ст. 181 уст. содерж. подъ стражею, для пользованія арестантовъ, гдѣ бы они ни лечились, и установленъ отпускъ изъ казны на медикаменты по три копѣйки въ сутки на каждаго арестанта или медикаментовъ натурою изъ аптечныхъ магазиновъ военнаго вѣдомства, съ платою за оные изъ казны, то таковой отпускъ, какъ объяснено выше, можетъ имѣть мѣсто лишь при уплатѣ за арестантовъ, пользуемыхъ въ тюремныхъ больницахъ, по общему порядку, а не по особому, указанному въ ст. 183 устава. По симъ соображеніямъ правительствующій сенатъ опредѣляетъ: въ разрѣшеніе вышеуказаннаго вопроса разъяснить, что тюремные комитеты, получавшіе изъ казны, по 183 ст. уст. содерж. подъ стражею, на содержаніе и пользованіе больныхъ арестантовъ въ подвѣдомственныхъ имъ тюремныхъ больницахъ такую плату, какая производится, по составляемой ежегодно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ табели, приказамъ общественнаго призрѣнія, не имѣютъ права получать изъ казны, сверхъ сей платы, денегъ на медикаменты по расчету, опредѣленному статьею 181 того же устава; о чемъ государственнаго контролера и министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ увѣдомить указами; для приведенія же сего разъясненія во всеобщее свѣдѣніе и должнаго, въ чемъ, до кого касаться будетъ, исполненія, припечатать настоящее опредѣленіе, въ установленномъ порядкѣ, въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства (№ 861).

22) *О разъясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ, возникающихъ изъ правилъ объ измѣненіяхъ по судебной части въ Сибири.*

1885 года іюня 6 дня. По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали: частное дѣло по предложенію г. оберъ-прокурора 4 департамента правительствующаго сената о разъясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ, возникающихъ изъ Высочайше утвержденныхъ правилъ объ измѣненіяхъ по судебной части въ губерніяхъ Тобольской и Томской, Восточной Сибири и

Приамурскомъ краѣ. Приказали: г. оберъ-прокуроръ 4 департамента правительствующаго сената, въ предложеніи, отъ 23 мая 1885 года за № 298, изъяснилъ, что въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, отъ 12 марта сего года (№ 27 ст. 236), обнародованы: Высочайше утвержденное 25 февраля сего же года мнѣніе государственнаго совѣта объ измѣненіяхъ по судебной части въ губерніяхъ Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурскомъ краѣ, а также временныя правила о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ по судоустройству и судопроизводству въ названныхъ мѣстностяхъ. Означенныя правила, на основаніи п. III упомянутаго мнѣнія государственнаго совѣта, имѣютъ быть приведены въ дѣйствіе съ 1 сентября текущаго года, съ соблюденіемъ постепенности, которая будетъ опредѣлена по взаимному соглашенію министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Между тѣмъ, нѣкоторыя постановленія упомянутыхъ правилъ, касающіяся гражданскаго судопроизводства, при примѣненіи ихъ на практикѣ, могли бы вызвать, по мнѣнію г. оберъ-прокурора, въ подчиненныхъ 4-му департаменту правительствующаго сената мѣстахъ нѣкоторое сомнѣніе относительно истиннаго смысла закона и подвергнуться въ разныхъ судебныхъ и другихъ установленіяхъ, по меньшей мѣрѣ на первое время, различному истолкованію. Въ видахъ устраненія могущаго произойти отъ этого замѣшательства въ отправленіи гражданскаго правосудія и для достиженія единообразнаго направленія однородныхъ дѣлъ уже съ самаго введенія предначертанныхъ правительствомъ измѣненій по судебной части въ столь отдаленныхъ мѣстностяхъ россійскаго государства, г. оберъ-прокуроръ признаетъ необходимымъ нынѣ же разъяснить, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ вызываемыхъ редакціею новаго закона вопросовъ, съ которыми, какъ имѣющими болѣе общій характеръ, сибирскія учрежденія наичаще будутъ встрѣчаться въ своей ежедневной практикѣ. Къ такимъ вопросамъ, по его, г. оберъ-прокурора, мнѣнію, принадлежатъ слѣдующіе: 1) какое движеніе должны получить, послѣ введенія въ той или другой мѣстности Сибири въ дѣйствіе новыхъ правилъ судопроизводства, возникшія въ сибирскихъ судахъ первой степени, неразрѣшенныя ими къ означенному времени дѣла, выходящія, на основаніи упомянутыхъ правилъ, изъ предѣловъ вѣдомства сказанныхъ судовъ; 2) слѣдуетъ ли считать окончательными и неподлежащими обжалованію рѣшенія сибирскихъ губернскихъ судовъ, постановленныя въ апелляціонномъ порядкѣ, по жалобамъ на подле-

жащіе суды первой степени; 3) въ какомъ порядкѣ, въ какой срокъ, въ какихъ случаяхъ и съ соблюденіемъ какихъ правилъ должны быть приносимы частныя жалобы, упоминаемыя въ ст. 33 и 34 закона 25 февраля 1885 года; 4) должны ли быть признаваемы окончательными указанныя въ 33 изъ этихъ статей постановленія губернскихъ и областныхъ правленій, генералъ-губернаторовъ и губернскихъ судовъ, состоявшіяся по частнымъ жалобамъ на окружные суды, а равно положенія мѣстныхъ общихъ губернскихъ управленій по частнымъ жалобамъ на губернскіе суды; 5) слѣдуетъ ли считать неподлежащими обжалованію положенія совѣта главнаго управленія Восточной Сибири и генералъ-губернатора Приамурскаго края, постановленныя въ указанныхъ въ ст. 34 закона 25 февраля 1885 года случаяхъ по дѣламъ о совершеніи крѣпостныхъ и засвидѣтельствованіи явочныхъ актовъ и, наконецъ, 6) какія постановленія изъ дѣйствующихъ нынѣ въ Сибири законовъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ должны сохранить свою силу въ отношеніи производящихся въ губернскихъ и окружныхъ судахъ дѣлъ, по которымъ, ко времени введенія въ дѣйствіе правилъ 25 февраля 1885 года, будутъ постановлены, въ первой степени, рѣшенія. А потому и принимая во вниманіе, что на точномъ основаніи ст. 52 т. I ч. 1 св. зак. основ., разъясненіе прямаго смысла закона принадлежитъ правительствующему сенату, онъ, г. оберъ-прокуроръ, предлагаетъ изложенные вопросы на законное постановленіе и разрѣшеніе правительствующаго сената.—Признавая и съ своей стороны неотложное разъясненіе предложенныхъ г. оберъ-прокуроромъ на обсужденіе правительствующаго сената вопросовъ существенно необходимымъ для пользы правосудія и приступая, посему, къ разрѣшенію ихъ, правительствующій сенатъ по *первому* вопросу—именно о томъ, какое движеніе должны получить неразрѣшенныя ко времени введенія въ дѣйствіе временныхъ правилъ 25 февраля 1885 года сибирскими судами первой степени дѣла, выходящія изъ предѣловъ вѣдомства сихъ судовъ,—находитъ, что согласно ст. 42 означенныхъ правилъ, дѣла, которыя останутся ко времени введенія оныхъ въ дѣйствіе не разрѣшенными ни въ одной степени суда, подчиняются, относительно подсудности и дальнѣйшаго по нимъ производства, дѣйствію новаго закона. Очевидно, посему, что если по правиламъ новаго закона вступившее въ судебное мѣсто дѣло, по которому еще не состоялось рѣшенія въ низшей степени суда, подлежитъ вѣдомству другаго судебнаго уч-

режденія, то таковое не можетъ быть оканчиваемо въ томъ мѣстѣ, въ которомъ началось, а подлежитъ, для дальнѣйшаго производства и окончанія, передачѣ въ тотъ судъ, которому подсудно по правиламъ 25 февраля 1885 г. Заключаніе это не вызываетъ сомнѣній, тѣмъ болѣе, что подобный же порядокъ былъ установленъ при введеніи въ имперіи облегчительныхъ правилъ 11 октября 1865 года, относительно дѣлъ, начавшихся въ уѣздныхъ судахъ и подлежащихъ окончанію въ палатахъ гражданскаго суда, въ ст. 73 означенныхъ правилъ, каковая статья, какъ содержавшая въ себѣ лишь временное правило, хотя и не вошла въ изданіе 2 ч. X т. 1876 г., которымъ судебныя мѣста въ Сибири должны будутъ руководствоваться на будущее время, но съ другой стороны, не только никогда не отмѣнена, но и приведена какъ источникъ многихъ, включенныхъ въ упомянутое изданіе знконовъ о судопр. и взыск. гражд. постановленій. По *второму* воoросу: должны-ли почитаться окончательными рѣшенія сибирскихъ губернскихъ судовъ, постановленныя въ апелляціонномъ порядкѣ по жалобамъ на подчиненные имъ суды первой степени, — правительствующій сенатъ находитъ, что слѣдуетъ различать апелляціонныя рѣшенія губернскихъ судовъ по дѣламъ, рѣшеннымъ въ низшихъ судахъ (ратушахъ, городовыхъ и окружныхъ судахъ), до введенія въ дѣйствіе правилъ 25 февраля 1885 года, отъ рѣшеній по дѣламъ, оконченнымъ въ перокружныхъ судахъ послѣ введенія уже тѣхъ правилъ. Дѣла перваго рода по силѣ ст. 42 означенныхъ правилъ, подчиняются, въ отношеніи ихъ дальнѣйшаго движенія и окончанія, прежнимъ узаконеніямъ, а потому, постановленныя губернскими судами, въ качествѣ второй инстанціи, по этимъ дѣламъ рѣшенія подлежатъ, на основаніи ст. 555 и 1247 т. X ч. 2 изд. 1857 года, обжалованію правительствующему сенату въ апелляціонномъ порядкѣ, если предметъ дѣла цѣною не ниже 600 руб. Что же касается рѣшеній губернскихъ судовъ по дѣламъ второй категоріи, то хотя въ ст. 27 и 28 правилъ 25 февраля 1885 г. и не выражено прямо и положительно, чтобы таковыя признавались окончательными, какъ это, напр., сказано въ означенныхъ статьяхъ относительно рѣшеній окружныхъ судовъ, по дѣламъ, цѣна коихъ не превышаетъ 30 р., тѣмъ не менѣе правильность вывода о такомъ именно значеніи сихъ рѣшеній губернскихъ судовъ не можетъ подлежать сомнѣнію. При изданіи въ 1865 году облегчительныхъ правилъ судопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ прежняго устройства (полн. собр.

зак. № 42548) было признано необходимымъ ввести въ этихъ мѣстахъ принятое для судебныхъ учрежденій, образованныхъ по судебнымъ уставамъ Императора Александра II, начало о рѣшеніи всѣхъ судебныхъ дѣлъ окончательно въ двухъ инстанціяхъ. Согласно сему было установлено, чтобы всѣ гражданскія дѣла цѣною до 500 руб., за исключеніемъ маловажныхъ, цѣнность которыхъ не превышаетъ 30 руб., рѣшались окончательно въ уѣздныхъ судахъ и гражданскихъ палатахъ, а остальныя — въ гражданскихъ палатахъ и правительствующемъ сенатѣ. Правила 11 октября 1865 г. вошли затѣмъ въ изданіе законовъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (2 ч. X т. свод. зак.) 1876 г., дѣйствіе котораго временными правилами 25 февраля 1885 г. распространяется и на губерніи и области Сибири, а засимъ несомнѣнно, что лежащее въ основаніи ихъ начало о производствѣ судебныхъ дѣлъ въ двухъ инстанціяхъ должно имѣть практическое примѣненіе и въ означенныхъ мѣстностяхъ. Притомъ, допущеніе апелляціи въ правительствующій сенатъ и на рѣшенія губерскихъ судовъ, состоявшіяся по дѣламъ, начатымъ въ окружныхъ судахъ, съ одной стороны, вызвало бы ничѣмъ неоправдываемое неравенство въ числѣ инстанцій для разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ и установило бы къ тому большее число инстанцій — именно три – для дѣлъ менѣе цѣнныхъ и, наоборотъ, меньшее число инстанцій для дѣлъ важнѣйшихъ, а съ другой—противорѣчило бы и положительному закону,—ст. 496 т. X ч. 2 изд. 1876 г., по которой на рѣшенія палатъ и равныхъ имъ судебныхъ мѣстъ, къ коимъ, очевидно, принадлежатъ и губернскіе суды, допускается апелляція въ правительствующій сенатъ только въ дѣлахъ, которыя начаты непосредственно въ этихъ учрежденіяхъ. По симъ основаніямъ и принимая во вниманіе, что изложенное толкованіе 27 и 28 ст. Высочайше утвержденныхъ 25 февраля 1885 г. временныхъ правилъ вполнѣ согласуется какъ съ общимъ духомъ, такъ и съ отдѣльными постановленіями означеннаго закона, правительствующій сенатъ признаетъ, что рѣшенія губернскихъ судовъ по дѣламъ, вступившимъ къ нимъ изъ окружныхъ судовъ, если рѣшенія сихъ послѣднихъ состоялись послѣ введенія въ дѣйствіе правилъ 25 февраля 1885 г., должны почитаться окончательными и апелляціи въ правительствующій сенатъ не подлежатъ. По *третьему* вопросу: въ какомъ порядкѣ, въ какой срокъ, въ какихъ случаяхъ и съ соблюденіемъ вообще какихъ правилъ должны быть приносимы частныя жалобы,

упоминаемыя въ ст. 33 и 34 правилъ 25 февраля 1885 г.,— правительствующій сенатъ находитъ, что въ означенныхъ статьяхъ говорится о частныхъ жалобахъ, приносимыхъ на сибирскіе окружные и губернскіе суды и губернскія или областныя правленія, изъ числа которыхъ одинъ разрядъ жалобъ поступаетъ въ губернскіе суды, другой — въ губернскія или областныя правленія, или къ генералъ-губернаторамъ, а третій—въ общія губернскія управленія, рѣшенія коихъ по опредѣленнымъ въ ст. 34 дѣламъ подлежатъ обжалованію: по восточной Сибири—въ совѣтъ мѣстнаго главнаго управленія, по Приамурскому краю — генералъ-губернатору онаго, а по губерніямъ Тобольской и Томской — въ правительсдвующій сенатъ. Что касается тѣхъ изъ упомянутыхъ частныхъ жалобъ, которыя приносятся на имя губернскихъ судовъ и правительствующаго сената, то нѣтъ сомнѣнія, что эти жалобы, какъ адресованныя въ судебныя мѣста, на точномъ основаніи 16 ст. правилъ 25 февраля 1885 года, должны быть подаваемы въ порядкѣ, въ сроки и въ случаяхъ, опредѣленныхъ для частныхъ жалобъ въ законахъ о суд. и взыск. гражд. изд. 1876 г., съ примѣненіемъ при томъ, разумѣется, тѣхъ изъятій, которыя установлены въ упомянутомъ законѣ отъ 25 февраля 1885 г. Вслѣдствіе сего, подобныя жалобы должны быть подаваемы чрезъ посредство того мѣста, на которое приносятся, въ сроки, указанные статьею 447 т. X ч. 2 изд. 1876 г. и въ случаяхъ, опредѣленныхъ 446 ст. тѣхъ же тома и части, а равно съ соблюденіемъ и другихъ формальностей, установленныхъ по сему предмету въ законахъ о суд. и взыск, гражд. изд. 1876 г. Что же касается жалобъ, приносимыхъ въ остальныя названныя выше правительственныя мѣста, а также генералъ-губернаторамъ, то въ законѣ 25 февраля 1885 года не указано, какой порядокъ и какія правила должны быть соблюдаемы при ихъ подачѣ. Но принимая во вниманіе, во 1-хъ, что въ означенномъ законѣ не содержится, равнымъ образомъ, и постановленія о томъ, чтобы въ отношеніи сихъ жалобъ сохраняли свою силу дѣйствующія въ настоящее время въ Сибири правила судопроизводства, и во 2-хъ, что согласно примѣч. къ ст 441 т. X ч. 2 зак. о суд. изд. 1876 г., частныя жалобы и на губернскія правленія по дѣламъ судебнымъ приносятся съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ ст. 446—456 тѣхъ же тома и части, — правительствующій сенатъ приходитъ къ тому выводу, что частныя жалобы по судебнымъ дѣламъ, подаваемыя въ сибирскія правительственныя мѣста

и генералъ-губернаторамъ, по ст. 33 и 34 правилъ 25 февраля 1885 г., должны быть приносимы съ соблюденіемъ того же порядка и тѣхъ же правилъ, которыя указаны выше для частныхъ жалобъ на имя губернскихъ судовъ и правительствующаго сената. — По *четвертому* вопросу: должны ли быть признаваемы окончательными указанныя въ ст. 33 правилъ 25 февраля 1885 года постановленія губернскихъ или областныхъ правленій, генералъ-губернаторовъ и губернскихъ судовъ, состоявшіяся по частнымъ жалобамъ на окружные суды, а равно положенія общихъ губернскихъ управленій по частнымъ жалобамъ на губернскіе суды, — правительствующій сенатъ, прежде всего, находитъ, что частные жалобы на опредѣленія окружныхъ судовъ, приносимыя, по ст. 33 правилъ 25 февраля 1885 г., въ сибирскіе губернскіе суды, должны быть разрѣшаемы послѣдними судами окончательно, безъ права обжалованія. Положеніе это вытекаетъ изъ того, что производящіяся въ окружныхъ судахъ сибирскихъ губерній дѣла, какъ это признано выше, подлежатъ и въ апелляціонномъ порядкѣ окончательному рѣшенію губернскихъ судовъ, которые, поэтому, въ силу п. 1 ст. 443 т. X ч. 2 изд. 1876 г., должны почитаться компетентными для окончательнаго разрѣшенія, равнымъ образомъ, и частныхъ вопросовъ, возникающихъ при ихъ производствѣ. Точно также надлежитъ признавать окончательными и неподлежащими дальнѣйшему обжалованію положенія сибирскихъ общихъ губернскихъ управленій (губернскихъ совѣтовъ), состоявшіяся по частнымъ жалобамъ на губернскіе суды. Это явствуетъ, между прочимъ, уже изъ того, что въ ст. 33 правилъ 25 февраля 1885 г. приводится лишь единственный случай, въ которомъ дѣла по частнымъ жалобамъ на губернскіе суды представляются изъ общихъ губернскихъ управленій въ правительствующій сенатъ, именно: когда губернскій прокуроръ не согласится съ постановленіемъ по таковой жалобѣ сего управленія, изъ чего слѣдуетъ, что во всѣхъ другихъ случаяхъ подобныя дѣла на разсмотрѣніе правительствующаго сената восходить не могутъ и, слѣдовательно, разрѣшаются окончательно губернскимъ совѣтомъ. Что же касается упоминаемыхъ въ 33 статьѣ жалобъ на медленность и проволочку окружныхъ судовъ, приносимыхъ въ губернскія или областныя правленія, или генералъ-губернаторамъ, то, имѣя въ виду, во 1-хъ, что въ законѣ нѣтъ никакихъ—ни прямыхъ ни косвенныхъ указаній—на невозможность обжалованія постановленій генералъ-губер-

наторовъ по сему предмету; во 2-хъ, что по силѣ п. 1 ст. 443 т. X ч. 2 изд. 1876 г., жалобы на медленность могутъ быть приносимы даже по дѣламъ, по суммѣ оныхъ неподлежащимъ апелляціи, и въ 3-хъ, что правительствующему сенату принадлежитъ высшій надзоръ надъ подчиненными мѣстами, какъ въ силу ст. 2 учрежд. правительствующаго сената, такъ и на основаніи ст. 4 правилъ 25 февраля 1885 г.,—правительствующій сенатъ приходитъ къ тому выводу, что жалобы на постановленія сибирскихъ генералъ-губернаторовъ по означенному предмету могутъ поступать на разсмотрѣніе сената.—Переходя къ *пятому* вопросу, заключающемуся въ томъ: слѣдуетъ ли считать неподлежащими обжалованію положенія совѣта главнаго управленія восточной Сибири и генералъ-губернатора Приамурскаго края, по дѣламъ о совершеніи крѣпостныхъ и засвидѣтельствованіи явочныхъ актовъ,—правительствующій сенатъ находитъ, что въ отношеніи дѣлъ по совершенію крѣпостныхъ и засвидѣтельствованію явочныхъ актовъ въ ст. 34 правилъ 25 февраля 1885 г. уже установлены, въ видѣ исключенія изъ общаго начала о разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ только въ двухъ инстанціяхъ, три степени: а) окружные суды и губернскія или областныя правленія, б) общія губернскія или областныя управленія и в) совѣтъ мѣстнаго главнаго управленія—по восточной Сибиры, а по Приамурскому краю—генералъ губернаторъ, а потому, допущеніе обжалованія положеній по означенному роду дѣлъ совѣта главнаго управленія восточной Сибири и Приамурскаго генералъ-губернатора еще четвертой инстанціи, т. е. правительствующему сенату, не соотвѣтствовало бы духу вводимаго нынѣ въ губерніяхъ и областяхъ Сибири преобразованія. Правильность этого заключенія подтверждается еще и тѣмъ, что въ упомянутой (34) статьѣ правилъ 25 февраля 1885 года говорится только о жалобахъ въ правительствующій сенатъ по дѣламъ о совершеніи крѣпостныхъ и засвидѣтельствованіи явочныхъ актовъ, разрѣшеннымъ въ Тобольскомъ и Томскомъ общихъ губернскихъ управленіяхъ (совѣтахъ), изъятыхъ, по закону 18 мая 1882 года, изъ вѣдѣнія генералъ-губернаторства, а изъ сего ясно, что лишь въ отношеніи названныхъ двухъ губерній правительствующій сенатъ по дѣламъ, указаннымъ въ приведенной 34 ст., замѣняетъ собою бывшій совѣтъ главнаго управленія западной Сибири; въ прочихъ же сибирскихъ мѣстностяхъ совѣтъ главнаго управленія восточной Сибири и Приамурскій генералъ-губернаторъ постановляютъ по означеннымъ дѣламъ окон-

чательныя рѣшенія. Къ этому нельзя не присовокупить, что твердое установленіе изъясненнаго начала, споспѣшествуя скорѣйшему производству дѣлъ о совершеніи актовъ, требующихъ, по существу своему, незамедлительнаго разрѣшенія на мѣстѣ, не лишитъ, однако, лицъ, которыя найдутъ свои интересы нарушенными частными постановленіями совѣта главнаго управленія восточной Сибири или генералъ-губернатора Приамурскаго края, права предъявить, гдѣ и какъ слѣдуетъ, по сему предмету искъ о возстановленіи своихъ нарушенныхъ правъ.—Наконецъ, по *шестому* вопросу, о томъ, какія постановленія изъ дѣйствующаго нынѣ въ Сибири законодательства по гражданскому судопроизводству, которыя по закону 25 февраля 1885 г. представляются отмѣненными, должны будутъ сохранить свою силу въ отношеніи дѣлъ, по которымъ, ко времени введенія въ дѣйствіе означеннаго закона, будутъ постановлены въ первой степени рѣшенія,—правительствующій сенатъ находитъ, что, согласно ст. 42 правилъ 25 февраля 1885 г., производящіяся въ губернскихъ и окружныхъ судахъ дѣла, по которымъ ко времени введенія въ дѣйствіе настоящихъ правилъ будутъ постановлены въ первой степени приговоры или рѣшенія, получаютъ дальнѣйшее движеніе и оканчиваются въ прежнемъ порядкѣ. Для надлежащаго уразумѣнія точнаго смысла сего законоположенія необходимо имѣть въ виду соображенія, которыми руководствовался государственный совѣтъ при установленіи онаго. Въ семъ отношеніи изъ журналовъ по настоящему предмету государственнаго совѣта усматривается, что заканчивая обсужденіе проекта правилъ о судопроизводствѣ и судоустройствѣ въ Сибири, департаменты совѣта не могли не обратить вниманія на то, что въ виду значительныхъ измѣненій, вносимыхъ издаваемымъ узаконеніемъ въ существующую подсудность уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, неизбѣжно долженъ возникнуть вопросъ о порядкѣ окончанія тѣхъ дѣлъ, которыя во время введенія въ дѣйствіе сихъ правилъ будутъ находиться въ производствѣ сибирскихъ судебныхъ установленій. Находя, съ своей стороны, полезнымъ дать положительныя въ этомъ отношеніи указанія, для предупрежденія могущихъ возникнуть замѣшательствъ, департаменты считали возможнымъ ограничиться установленіемъ по сему предмету въ законѣ лишь общаго основнаго начала. Вслѣдствіе этого и проектировано было вышеприведенное правило ст. 42 закона 25 февраля 1885 г., которое государственный совѣтъ принялъ, какъ справедливое руководящее на-

ОЧЕРКЪ ТЕОРІЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦІИ.

Разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ ученія представляютъ нѣмецкую теорію административной юстиціи какъ бы въ зародышѣ. Основное положеніе, въ силу котораго понятіе административной юстиціи сводится къ противоположенію публичнаго права частному, уже выставлено. Но рядомъ съ нимъ сохраняется еще и противоположеніе началъ права и цѣлесообразности и, во всякомъ случаѣ, право продолжаютъ признавать въ отношеніи къ управленію лишь внѣшней границей. Эти ученія представляютъ собою какъ бы подготовительную стадію. Полное выраженіе, талантливое и послѣдовательное развитіе, нѣмецкая теорія получила только у Гнейста.

Это самый видный представитель нѣмецкой теоріи вопроса. Въ немъ и въ Штейнѣ нѣмецкая наука административнаго права нашла себѣ наилучшее выраженіе. Въ нихъ нашли себѣ какъ бы живое воплощеніе два главныхъ теченія современной литературы административнаго права. У Штейна преобладаніе философскаго элемента, отвлеченныя построенія, преданія гегелевской школы и вмѣстѣ рѣзко сказывающее французское вліяніе. Все ученіе Штейна объ управленіи можетъ быть характеризовано какъ французская административная теорія, сведенная къ гегелевской формулѣ. У Гнейста, наоборотъ, преобладаніе историческаго элемента, конкретныя описанія, пристрастіе къ англійскимъ порядкамъ.

Штейнъ научилъ нѣмцевъ понимать Францію; Гнейстъ является для всего континента истолкователемъ англійскаго государственнаго строя. Но каждый дѣлаетъ это на свой ладъ. Штейнъ даетъ схему, Гнейстъ—историческую картину.

Такое характерное различіе не могло не сказаться и на ихъ ученіи объ административной юстиціи. Знакомясь съ теоріей Штейна мы имѣли дѣло съ абстрактной конструкціей, опирающейся на общія опредѣленія, и рядомъ выводовъ, полученныхъ чисто дедуктивнымъ путемъ. Ничего подобнаго у Гнейста, дающаго прежде всего историческій матеріалъ и изъ него извлекающаго нѣкоторыя обобщенія, складывающіяся въ далеко нестройную и незаконченную систему. Штейнъ во чтобы то ни стало добивается установитъ принципіальное различіе иска и жалобъ; Гнейстъ вовсе отрицаетъ такое различіе. Штейнъ противникъ особыхъ административныхъ судовъ; Гнейстъ рѣшительный ихъ сторонникъ. При этомъ Штейнъ, какъ бы проникнутый безпокойнымъ революціоннымъ духомъ Франціи, постоянно измѣняетъ свою теорію, въ каждомъ новомъ произведеніи своемъ внося что нибудь новое. Гнейстъ, напротивъ, до нельзя консервативенъ и во всѣхъ своихъ книгахъ повторяетъ все одно и тоже, чуть не въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ [1]. Обратимся же къ его ученію.

Въ силу внутренняго различія, какое представляютъ нормы частнаго и публичнаго права, и охрана ихъ принимаетъ различныя формы. Въ частномъ правѣ заинтересован-

---

[1]) Ученіе объ администативной юстиціи изложено Гнейстомъ главнымъ образомъ въ четырехъ сочиненіяхъ: 1) Verwaltung Justiz, Rechtsweg-Staatsverwaltung und Selbstverwaltung nach englischen und deutschen Verhältnissen mit besonderen Rücksicht auf Verwaltungsreformen und Kreis-Ordnungen im Preussen. Berlin. 1869. 2) Der Rechtsstaat und die Verwaltungsgerichte in Deutschland. Berlin 1872 2 Ausgabe 1879. 3) Докладъ Гнейста на XII съѣздѣ германскихъ юристовъ: Verhandlungen der XII deutschen Juristentages B. III. 1875. S. 222 und ff. 4) Das englische Verwaltungsrecht der Gegenwart in Vergleichung mit den deutschen Verwaltungssystemen 3 nach deutscher System umgestaltete Auflage. Berlin. 1883 und 1885.

нымъ лицамъ самимъ предоставляется охранять свои права посредствомъ иска, предъявляемаго въ постоянные, отъ мѣняющихся воззрѣній управленія независимые суды. Въ уголовномъ правѣ сама государственная власть охраняетъ абсолютныя велѣнія права, сама вчинаетъ, чрезъ посредство своихъ органовъ, уголовное преслѣдованіе и обезпечиваетъ свободную защиту обвиняемаго тѣмъ, что ставитъ публичнаго обвинителя въ положеніе стороны на независимомъ и безпристрастномъ судѣ. Въ обѣихъ этихъ сферахъ объективное, безпристрастное примѣненіе права есть высшее руководящее начало. И въ этихъ сферахъ примѣняется, правда, кромѣ того, административный контроль (въ отношеніи къ судебному управленію) и контроль парламента. Но эти формы контроля занимаютъ тутъ второстепенное, подчиненное мѣсто, сравнительно съ контролемъ судебнымъ.

Въ области административнаго права первое мѣсто занимаютъ отдѣльныя мѣры органовъ государственной власти въ защиту и въ поддержаніе какъ блага общаго, такъ и блага отдѣльныхъ лицъ. Чрезвычайное разнообразіе цѣлей обусловливаетъ здѣсь такое же разнообразіе формъ этой дѣятельности, и требуетъ столь же разнообразныхъ способовъ и средствъ для устраненія злоупотребленій. Невозможно, поэтому, охрану публичнаго права свести къ системѣ исковыхъ требованій или вообще къ какой-либо единой системѣ.

Нормы административнаго права могутъ быть сведены къ четыремъ главнымъ группамъ: 1) простыя, *безусловныя* требованія гражданскаго быта (einfache, unbedingte Gebote der bürgerlichen Ordnung), 2) относительно опредѣленныя или *условныя* велѣнія; 3) акты *содѣйствія* правительства осуществленію интересовъ подданныхъ и 4) нормы, регулирующія *внутренній* порядокъ административныхъ органовъ. Нормы первой группы охраняются полицейско - уголовной репрессіей. Къ охраненію нормъ третьей группы приложимъ одинъ только административный контроль, такъ какъ если подданный и тутъ можетъ имѣть „притязаніе“ (Anspruch) на помощь со стороны государства, то во всякомъ случаѣ это не есть притязаніе на

защиту правъ (Rechtsschutz). Тоже самое приложимо, какъ общее правило, и къ нормамъ, опредѣляющимъ внутренній порядокъ управленія. Не касаясь правъ частныхъ лицъ, онѣ не нуждаются даже въ обнародованіи. Судебный контроль можетъ тутъ имѣть мѣсто лишь въ видѣ исключенія, по отношенію къ нѣкоторымъ спорнымъ дѣламъ, касающимся дѣятельности лицъ, занимающихъ частныя должности въ мѣстномъ управленіи (Ehrenbeamtenthum). Но собственно кругъ вѣдѣнія административной юстиціи составляетъ охраненіе нормъ условныхъ. Къ разряду условныхъ нормъ относятся, во первыхъ, полицейскія правила, недопускающія вполнѣ точнаго опредѣленія, и предоставляющія извѣстный просторъ усмотрѣнію административныхъ органовъ, и затѣмъ нормы, опредѣляющія порядокъ выдачи концессій.

Эта, такъ называемая, административная юстиція, есть только новое имя старой вещи. Дѣло идетъ о томъ, чтобы дать административнымъ рѣшеніямъ такую форму, которая бы могла дать заитересованнымъ тѣ же гарантіи, какія даютъ обыкновенные суды. Но эти стремленія и учрежденія, установленныя въ виду такой цѣли, такъ же стары какъ самое управленіе.

Началомъ административнаго права служило Konigsbann. Германское правосознаніе противится всякимъ новымъ ограниченіямъ, вытекающимъ не изъ народнаго права, и мирится съ ними только съ тѣмъ, чтобы точно было извѣстно къ чему каждый обязанъ и чтобы всѣ другіе были обязаны наравнѣ съ нимъ. Это повело къ раннему возникновенію общихъ правилъ, исходящихъ отъ государственной власти и относящихся до управленія, правилъ, которыя въ капитуляріяхъ образовали довольно полное административное право, прежде всего, право основывающееся на *указахъ*. Но такъ какъ важнѣйшія изъ нихъ измѣняли и народныя права, то явилась необходимость въ изданіи ихъ consensu optimatum, отсюда *административный законъ* [1]).

---

[1]) Verbandlungen des XII d. Zuristentages. B. III, 1875. Докладъ Гнейста, s. 222.

Юрисдикція въ административныхъ дѣлахъ уже въ средніе вѣка основывалась на другихъ началахъ, нежели jurisdictio ordinaria; они разрѣшались не шеффенами, а органами правительства (Obrigkeit), отъ котораго исходили самыя нормы административнаго права.

Въ силу этого сложилась юрисдикція чиновниковъ, подобная римской judicium extraordinarium. Это всегда бываетъ, когда возникаетъ новое право, установляемое исключительно правительствомъ. Церковь, раньше создавшая новую законодательную и распорядительную власть, создала раньше и правительственную юрисдикцію: каноническій судъ есть въ значительной степени судъ административный. Если бы церковь исключительно слѣдовала римскому образцу, она бы отнесла эти дѣла къ imperium; установивъ и по отношенію къ нимъ формальную юрисдикцію, она сдѣлала уступку германскому народному духу. Каноническій процессъ послужилъ прототипомъ всѣмъ правительственнымъ, чиновническимъ юрисдикціямъ (Beamtenjurisdictionen); это видно изъ до сихъ поръ сохранившагося языка англійской и французской административно-судебной практики.

Подобный же характеръ имѣла и административная юрисдикція имперская: въ имперскихъ камеральномъ и надворномъ судахъ вѣдались многія административныя дѣла, особенно въ послѣднемъ.

Но полное развитіе административная юрисдикція получила лишь въ территоріальномъ правѣ большихъ государствъ. Въ немъ развилась система 3-хъ инстанцій: 1) сословныя standige Orts und Bezirksbehorden; 2) провинціальныя камерколлегіи; и 3) тайный совѣтъ.

Къ началу XIX стол. форма судебная все болѣе исчезала какъ въ уголовномъ, такъ и въ административномъ процессѣ. Благодаря этому въ административной практикѣ контеціозное и текущее управленіе сливаются подъ общимъ именемъ „управленія".

При такихъ условіяхъ вводится въ нѣмецкихъ государ-

ствахъ конституціонное устройство, и положеніе управленія мѣняется совершенно, благодаря тремъ моментамъ.

1) Административныя учрежденія утратили мало по малу коллегіальность, независимость своихъ членовъ и ихъ земскій характеръ (Standigkeit). Простота и скорость исполнительной дѣятельности дѣлается лозунгомъ времени. Къ тому же министерская отвѣтственность требуетъ болѣе полнаго подчиненія имъ присутственныхъ мѣстъ.

2) Самое измѣнившееся положеніе министровъ — также имѣло свое вліяніе. Представительныя учрежденія вводятъ интересы партій общества въ правительственную сферу и, такимъ образомъ, сообщаютъ правительству духъ партій, что для инициативы законовъ необходимо и неизбѣжно. Но интересы партій стремятся распространить это направленіе и на примѣненіе и толкованіе законовъ и превращаютъ все внутреннее управленіе въ орудіе партій.

3) Съ введеніемъ конституцій получили большое значеніе политическія права, политическій статусъ гражданъ, для чего требуется юрисдикція, представляющая достаточно гарантій.

Все это дѣлаетъ необходимымъ реформу, и именно:

1) отдѣленіе чистаго управленія отъ рѣшенія спорныхъ административныхъ дѣлъ.

2) для чистаго управленія требуется сокращеніе инстанцій, энергія бюрократической организаціи, строгое іерархическое подчиненіе.

3) для судебной функціи необходима коллегіальная система, съ независимыми членами.

Что касается порядка инстанцій, то тутъ слѣдуетъ принять обновленную систему трехъ инстанцій.

Этимъ путемъ, по мнѣнію Гнейста, можно найти средство противъ недостатковъ конституціоннаго управленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ требуется дать новое основаніе для отношеній между обществомъ и государствомъ, а именно: представлять *интересъ* общественныхъ классовъ въ законодательныхъ собраніяхъ, и осуществлять *обязанности* ихъ въ управленіи и судѣ.

Но въ самой природѣ дѣла лежатъ причины того, что такая реформа управленія находитъ себѣ, и даже въ средѣ юристовъ, противодѣйствіе. Дѣло въ томъ, что наши теоретическія основанія суть не болѣе какъ положенія общей части пандектъ, но притязующія на общее значеніе.

Весь образъ и порядокъ мысли остается и въ практикѣ гражданско-правовымъ, нѣсколько дополненымъ лишь занимающимъ второстепенное мѣсто уголовнымъ правомъ. Изъ этого понятно, что юристъ видитъ судебное дѣло только тамъ, гдѣ нарушаются субъективныя права. Поэтому и административную юстицію допускаютъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о публично-правовыхъ индивидуальныхъ правахъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ имѣется мѣсто не для иска, а только для жалобы.

Искъ только тамъ, гдѣ нарушаются законныя границы и формы. Напротивъ, гдѣ въ предѣлахъ закона и въ законныхъ формахъ управленіе осуществляется несправедливо, въ духѣ партіи и несогласно со смысломъ закона—тамъ можетъ имѣть мѣсто только *жалоба*.

Это различіе между искомъ и жалобой имѣетъ очень важное значеніе и, вѣроятно, составитъ центръ всего спора. Mutatis mutandis, оно находитъ себѣ параллель въ nullitas и niquitas процесса общаго права. Это воззрѣніе стоитъ несомнѣнно въ извѣстной связи съ воззрѣніемъ Шталя и Цахаріи (Н. А.),—и оно имѣетъ всѣ данныя для широкаго распространенія: оно вполнѣ соотвѣтствуетъ пандектнымъ воззрѣніямъ.

Разъ къ административной юстиціи относятся лишь такія дѣла, которыя соотвѣтствуютъ понятіямъ пандектнаго права, она легко можетъ быть пріурочена къ обыкновеннымъ судамъ. Зачѣмъ еще особые суды? Нуженъ развѣ только кассаціонный административный судъ—какъ въ Австріи, а то и безъ него обойтись можно—какъ въ Италіи.

Если прибавить къ этому, что теорія различенія иска и жалобы соотвѣтствуетъ наклонностямъ чиновничества, направленію времени къ расширенію свободнаго управленія, склон-

ности заботиться только о собственныхъ правахъ—то успѣхъ ея сдѣлается вполнѣ понятенъ.

Тѣмъ не менѣе это воззрѣніе на взглядъ Гнейста ошибочно.

Административное право и теперь, какъ и прежде, есть совокупность нормъ, опредѣляющихъ осуществленіе государственной власти, исходящихъ только отъ государства, существующихъ только чрезъ и въ государствѣ. Согласное со смысломъ закона и безпристрастное исполненіе этихъ нормъ есть обязанность и право правительства. Всякая неправильность должна быть исправляема въ этой сферѣ ex officio и уже потому тутъ не примѣнимо состязательное начало. Дѣло идетъ здѣсь объ объективномъ правопорядкѣ, долженствующемъ быть поддерживаемымъ и независимо отъ воли сторонъ заинтересованныхъ.

Правомѣрное осуществленіе власти не сводится къ механической дѣятельности, какъ это ошибочно думали, руководствуясь буквальнымъ значеніемъ слова исполненіе. И у подчиненныхъ чиновъ есть доля дискреціонной власти. Распорядительная власть постановляетъ самостоятельныя сужденія о томъ, что согласно со смысломъ закона и соотвѣтствуетъ цѣли государства. Въ этомъ смыслѣ административная декретура есть уже юрисдикція, почему она такъ и называется въ англійскомъ правѣ, что есть лишь продолженіе канонической терминологіи.

Какимъ образомъ при этихъ условіяхъ возможно состязаніе сторонъ? Точно также какъ и въ уголовномъ процессѣ, рядомъ съ обязанностью правительства является право заинтересованной стороны. Опытъ показываетъ, что дѣятельность контролирующихъ и надзирающихъ высшихъ инстанцій никогда недостаточна для обезпеченія закономѣрнаго осуществленія власти, ибо поводъ къ злоупотребленіямъ является ежедневно въ тысячѣ такихъ пунктовъ, куда не проникаетъ взоръ никакой инспекціи. Необходимо поэтому содѣйствіе заинтересованныхъ сторонъ. Онѣ уполномочены въ imploratio officio judicis въ смыслѣ каноническаго процеса. Вопросъ легитимаціи къ иску въ данномъ дѣлѣ не могъ представлять за-

трудненій, ибо дѣло шло лишь объ инціативѣ, а самое исправленіе должно было совершиться ex officio.

Право жалобы, конечно, составляетъ индивидуальное право и ведетъ къ тому, что субъектъ его получаетъ въ процессѣ значеніе стороны. Но это право стороны имѣетъ лишь второстепенное значеніе, подобно положенію стороны обвиняемой и обвиняющей въ уголовномъ процессѣ.

Права жалобы не суть самостоятельныя права, какъ наприм., собственность а выводимыя изъ велѣній государства, съ цѣлью обезпеченія правомѣрности осуществленія государственной власти. Но второстепенную, выводную сторону дѣла нельзя дѣлать основаніемъ административной юстиціи, иначе административное право разрѣшится въ отдѣльныя исковыя права частныхъ лицъ противъ правительства, что также невозможно, какъ уголовный процессъ разрѣшать въ отдѣльныя обвиненія прокурора и отдѣльныя защиты обвиняемыхъ. Эта односторонность основывается на привычкѣ разсматривать всякій процессъ, какъ гражданскій процессъ.

Для вѣрнаго пониманія вопроса необходимо обратить вниманіе на слѣдующія три основныя положенія.

1) Въ административномъ правѣ невыполнимо различеніе между опредѣленіемъ границъ, предѣловъ и мѣры (Grenz und Maszbestimmungen). Въ области полицейскаго управленія это различеніе особенно непримѣнимо, такъ какъ по отношенію къ полицейскимъ приказамъ и рѣшеніямъ (Verfügungen und Resolute) опредѣленіе мѣры есть вмѣстѣ и опредѣленіе предѣловъ. Напр., если полиція имѣетъ право устранять накопленіе веществъ, вредныхъ здоровью, то она можетъ, затѣмъ, ябедническимъ образомъ осуществлять это право, не зная никакой мѣры и тѣмъ стѣснить до крайности свободу любаго гражданина, ибо въ каждомъ жилищѣ по необходимости находятся такія вещества въ какомъ-нибудь размѣрѣ. Точно тоже и съ правомъ требовать исправленія дороги: ибо нѣтъ совершенной дороги; не соблюдая мѣръ въ такихъ поправкахъ, можно разорить кого угодно. Словомъ, если административный судъ долженъ ограничиться вѣдѣніемъ на-

рушеній опредѣленныхъ закономъ границъ власти, то онъ не даетъ защиты въ самыхъ страшныхъ злоупотребленіяхъ власти.

2) Различеніе административнаго иска и административной жалобы ведетъ къ стѣсненію и ограниченію юридической охраны именно въ тѣхъ сферахъ управленія, гдѣ въ ней есть надобность при конституціонномъ управленіи. Центръ тяжести партіознаго управленія заключается именно въ томъ, что мѣра вмѣшательства и невмѣшательства, стѣсненія и нестѣсненія индивидуальныхъ правъ, опредѣляется сообразно видамъ партіи. Къ тому же нарушеніе законныхъ границъ подпадаетъ большею частью вѣдѣнію обыкновенныхъ судовъ.

3) Наконецъ, послѣднимъ доводомъ служитъ опытъ всѣхъ доселѣ испробованныхъ системъ административной юрисдикціи. Въ Германіи, какъ въ имперскихъ, такъ и въ территоріальныхъ правахъ, никогда не дѣлалось этого различія между искомъ и жалобой. Тоже самое и въ Англіи. Даже и во Франціи contentieux не ограничиваются случаями нарушенія законныхъ границъ. Баденскій и прусскій законы говорятъ то объ искахъ, то объ жалобахъ, но систематическаго различенія ихъ не проводятъ и административнымъ судамъ предоставляются ими не одни нарушенія законныхъ границъ. Какъ въ гражданскомъ и уголовномъ, такъ и въ административномъ процессѣ, практика должна имѣть большое значеніе.

Всѣ эти три довода можно свести къ одному. Новая теорія (Штейна) исходитъ изъ того положенія, будто о судѣ можно говорить только тамъ, гдѣ нарушаются границы и формы, опредѣленныя закономъ. Все остальное относится къ вопросамъ техническимъ. Но между этими двумя областями лежитъ еще третья область дѣятельности правительственныхъ органовъ, которая формально и совершается въ законныхъ границахъ, но въ интересахъ партіи смыслъ закона обращается одному въ выгоду, а другому въ ущербъ (iniquitas). И эта область составляетъ существеннѣйшую часть административной юрисдикціи.

Итакъ, въ результатѣ, Гнейстъ приходитъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

Такъ называемая административная юрисдикція есть дальнѣйшее развитіе правительственныхъ учрежденій въ коллегіальную форму, съ независимыми членами. Это требуется не для обезпеченія законности, а для обезпеченія управленію свободы отъ вліянія партій (справедливое соблюденіе мѣры) въ конституціонномъ государствѣ. Компетенція обыкновенныхъ судовъ остается при этомъ не уменьшенной. Они рѣшаютъ всѣ коллизіи управленія и частно-правовыхъ титуловъ въ гражданскомъ процессѣ, имъ подсудны всѣ преступленія— въ уголовномъ. И эта компетенція можетъ быть еще распространена на всѣ политическія личныя права (status) и другіе вопросы, гдѣ дѣло идетъ только о формахъ и границахъ, опредѣленныхъ закономъ (напр. о законности податнаго обложенія).

Но всеобъемлемый, полный контроль надъ законностью и безпристрастностью управленія можетъ быть порученъ только административнымъ коллегіямъ съ независимыми членами и съ формальнй процедурой.

Поэтому, для поддержанія охраненія (Aufrechthaltung) публичнаго права Германіи, требуется рядомъ съ обыкновенными судами, еще дополнительная система административной юрисдикціи для случаевъ неправомѣрнаго и несправедливаго осуществленія права государственной власти.

Главный, существенный пунктъ въ ученіи Гнейста заключается въ томъ, что онъ не ограничиваетъ судебную охрану публичныхъ правъ однимъ только соблюденіемъ установленныхъ закономъ границъ и формъ, а распространяетъ ее также и на соблюденіе должной, какъ онъ выражается, мѣры въ дѣйствіяхъ администраціи. Это весьма важный шагъ въ послѣдовательномъ развитіи нѣмецкой теоріи административной юстиціи. Этимъ Гнейстъ рѣшительно отвергаетъ ограниченіе судебной охраны публичнаго права только тѣми правами, которыя подобны частнымъ и, такимъ образомъ, первый рѣшается быть послѣдовательнымъ въ развитіи основнаго положенія.

Онъ утверждаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что такое расширеніе судебной охраны публичнаго права возможно только подъ условіемъ отсутствія разграниченія административныхъ исковъ и жалобъ.

Можетъ быть, съ практической точки зрѣнія, въ настоящее именно время такое разграниченіе было бы и неудобно, и нежелательно. Въ силу долгой привычки, сложившейся подъ вліяніемъ прежнихъ ученій, слишкомъ ограничивать сферу примѣненія судебной охраны въ публичномъ правѣ, раздѣленіе исковъ и жалобъ повело бы теперь, вѣроятно, къ слишкомъ узкому понятію административнаго иска. Эти практическія соображенія не могутъ однако опредѣлить собою общаго теоретическаго рѣшенія вопроса. А различие между искомъ и жалобой такъ существенно, что возводить въ принципъ ихъ смѣшеніе воедино—рѣшительно невозможно. Нормы для рѣшенія, самое содержаніе, рѣшенія, его сила и значеніе—все это такъ различно при искѣ и жалобѣ, что соединеніе ихъ можно допустить лишь какъ необходимое зло.

Разсмотрѣніе иска есть обязанность, разсмотрѣніе жалобы—дѣло милости. Искъ обсуждается по началамъ права, жалоба—по соображеніямъ удобства, цѣлесообразности. Рѣшеніе постановленное по иску всегда содержитъ въ себѣ констатированіе правъ, рѣшеніе по жалобѣ можетъ оставить вопросъ о правѣ совершенно не затронутымъ. Рѣшеніе по иску имѣетъ законную силу, рѣшеніе по жалобѣ не можетъ имѣть такого значенія. По всему этому не проводить различія между искомъ и жалобой въ теоретическомъ построеніи невозможно.

Быть можетъ положеніе, занятое въ этомъ вопросѣ Гнейстомъ, объясняется тою неопредѣленностью, какая замѣчается въ его объясненіяхъ выставленнаго имъ понятія „должной мѣры". Онъ ограничивается одними примѣрами, да сравненіемъ съ каноническимъ понятіемъ aequitatis. Отъ „стараго пандектиста", какъ себя гдѣ-то называетъ Гнейстъ, можно бы было ожидать большей точности и опредѣленности. Не опредѣливъ съ достаточной точностью этого кореннаго для всего ученія вопроса, онъ не могъ, конечно, и точно обозначить предѣлъ судебнаго контроля административной дѣятельности, и пришелъ къ признанію невозможности строгаго разграниченія административнаго иска и жалобы. Послѣдующая литература вопроса мало что прибавила къ сдѣланному Гней-

стомъ, хотя нѣтъ недостатка въ новыхъ теоріяхъ. Такъ, мы можетъ указать, прежде всего, на теоріи Резлера и Сарвея, старающихся развить далѣе ученіе объ административной юстиціи въ направленіи, указанномъ Гнейстомъ.

Вопросъ объ административной юстиціи распадается по мнѣнію Резлера [1]) на два: 1) что такое административныя дѣла и 2) въ какомъ отношеніи стоитъ юрисдикція въ административныхъ дѣлахъ къ управленію вообще?

Такъ какъ въ управленіи дѣйствуютъ согласно юридическимъ началамъ, то нельзя утверждать, будто бы управленіе отличается отъ юстиціи тѣмъ, что имѣетъ дѣло только съ интересами и соображеніями цѣлесообразности. Напротивъ и административныя дѣла суть правовыя дѣла (Rechtssachen). Противоположный взглядъ, по которому административныя дѣла отличаются отъ правовыхъ, исторически объясняется тѣмъ, что управленіе отожествлялось первоначально съ полиціей и полицейскіе законы были не полны, недостаточны, оставляли многое произволу полицейскихъ властей, да при томъ же опредѣляли не столько права подданныхъ, сколько порядокъ дѣйствія этихъ же властей, въ виду большей успѣшности и цѣлесообразности ихъ мѣропріятій.

Этотъ взглядъ, по которому право для управленія служитъ только внѣшней границей, теперь можетъ быть признанъ уже устарѣвшимъ. Современная правовая жизнь требуетъ, чтобы управленіе не только ограничивалось правомъ, но и основывалось на немъ. Если правительственная власть есть дискреціонная, судебная не можетъ дать противъ нея защиту, ибо сама не есть болѣе ея дискреціонная. И притомъ, по такому воззрѣнію положеніе правительства какъ разъ приравнивается къ положенію отдѣльныхъ частныхъ лицъ, для которыхъ право именно не болѣе какъ внѣшняя граница, въ предѣлахъ которой они свободно руководятся собственными инте-

---

[1]) H. Rösler: Lehrbuch des deutchen Verwaltungsrechts. B. I, 1873, § 13, Ueber Verwaltungsgerichtsbarkeit in der Grünhuts Zeitschrift fur das Privat und öffentliche Recht der Gegenwart. 1874. Abhandl № VII, s. 181.

ресами. Но тутъ опускается изъ виду важное количественное различіе интересовъ.

Строго говоря, существуютъ только интересы отдѣльныхъ людей. Различіе частныхъ и общественныхъ интересовъ основывается на различіи способовъ осуществленія. Когда образуются правила, которыя обязательны для всѣхъ и поддерживаются общественными органами, то сначала они суть не болѣе какъ правила цѣлесообразности, благоразумія, какъ ихъ понимаетъ суверенъ, но со временемъ они дѣлаются юридическими нормами.

Управленіе, имѣющее дѣло не съ частными, а общими интересами, относится къ публичному праву.

Тѣмъ, что административныя дѣла относятся къ публичному праву, они отличаются отъ судебныхъ (justizsachen), которыя принадлежатъ или къ уголовному праву, о которомъ далѣе не будетъ рѣчи, или къ гражданскому праву.

Прежніе писатели видѣли признакъ, критеріумъ, административныхъ дѣлъ въ проявленіи верховности Staatshoheit.

Подобнымъ же образомъ послѣдующіе за ними опредѣляли административныя дѣла какъ проявленіе государственной власти, для осуществленія государственной цѣли. Стоя на такой почвѣ Цахарія (H. A.) могъ утверждать, что управлять по началамъ права—безсмыслица.

Кто не сходитъ съ такой почвы и вмѣстѣ говоритъ объ юридической охранѣ управляемыхъ противъ противозаконнаго осуществленія административной власти, и даже притомъ обыкновеннымъ порядкомъ гражданскаго суда, тотъ впадаетъ въ явное и неразрѣшимое самопротиворѣчіе, ибо какъ могутъ суды рѣшать по правиламъ цѣлесообразности и благоразумія, хотя бы они случайно и облечены были въ форму закона?

Для того, чтобы получить истинное понятіе объ административномъ правѣ, нужно вовсе отринуть этотъ взглядъ, по которому управленіе есть осуществленіе государственной власти въ такой сферѣ, гдѣ невозможны субъективныя права отдѣльныхъ лицъ. Въ дѣйствительности культура и общее благо есть продуктъ не государственной опеки, а народной

дѣятельности; частныя лица не объекты, а субъекты управленія. Вся культурная дѣятельность есть дѣятельность людей. Но они могутъ или оставаться въ предѣлахъ индивидуальной сферы, или вступить въ сферу общественную. Въ послѣднемъ случаѣ реализація цѣлей культурной дѣятельности совершается съ помощью особыхъ органовъ, которые можно свести къ тремъ группамъ: 1) государство, 2) корпораціи, 3) общества и союзы. Совокупная дѣятельность этихъ органовъ для культурныхъ цѣлей есть управленіе, а юридическій порядокъ этой дѣятельности—административное право. Но такъ какъ культурныя отношенія, составляющія область управленія, суть въ дѣйствительности отношенія отдѣльныхъ людей, то понятно и въ сферѣ управленія имѣются субъективныя права индивидовъ.

Стоящая рядомъ съ субъективнымъ осуществленіемъ правъ дѣятельность органовъ управленія весьма разнообразна. Она можетъ состоять: 1) въ надзорѣ, 2) въ ограниченіи, 3) въ опредѣленіи способа осуществленія, 4) въ запрещеніи извѣстныхъ проявленій индивидуальной воли, 5) въ конкуренціи, иногда исключительной. Такова классификація, предлагаемая Резлеромъ въ своемъ учебникѣ административнаго права. Въ статьѣ объ административной юстиціи онъ сводитъ все это къ тремъ формамъ: 1) надзоръ, 2) опредѣленіе порядка осуществленія и 3) конкуренція. Все это только формы исполненія (Vollziehung) и такимъ образомъ въ управленіи слѣдуетъ различить два общія понятія: 1) право въ субъективномъ смыслѣ и 2) исполненіе. Гдѣ право и исполненіе субъективно разъединены, т. е. предоставлены разнымъ субъектамъ, тамъ имѣется административное дѣло; гдѣ и то, и другое совпадаетъ въ одномъ лицѣ—судебное дѣло, Justizsache. Поэтому къ административнымъ дѣламъ относятся:

1) юридическія отношенія частныхъ лицъ между собой, которыя находятъ свое основаніе и разрѣшеніе въ правовыхъ началахъ общества, напр. споры по отношеніямъ съ прислугой, водопользованію и проч.;

2) юридическія отношенія частныхъ лицъ къ исполнительнымъ органамъ, и

3) отношенія этихъ органовъ между собой.

Обращаясь по второму вопросу, Резлеръ прежде всего замѣчаетъ, что исполненіе имѣетъ двоякій характеръ: оно покоится частью на рѣшеніи юридическихъ, частью техническихъ вопросовъ. Въ послѣднемъ отношеніи исполнительные органы предоставлены или исключительно собственному сужденію, или связаны соучастіемъ свѣдущихъ людей. Рядомъ съ этимъ свободнымъ теоретическимъ управленіемъ, исполнительная дѣятельность состоитъ въ примѣненіи юридическихъ началъ, но только началъ административнаго права. Судебное рѣшеніе при этомъ можетъ быть или разрѣшеніемъ неспорнаго административнаго дѣла или спорнаго, или, наконецъ, осуществленіемъ административной карательной власти въ административныхъ (полицейскихъ) проступкахъ.

Все это есть дѣло самой администраціи, какъ часть исполненія.

Передавать окончательное рѣшеніе этихъ дѣлъ судамъ нѣтъ основанія, такъ какъ администрація и юстиція двѣ совершенно различныя сферы дѣятельности, всегда долженствующія оставаться раздѣленными.

Ссылка сторонниковъ противоположнаго мнѣнія на то, что только одна судебная власть призвана рѣшать юридическіе вопросы, страдаетъ petione principii: если есть различныя права, различные способы исполнены, то почему не быть и различнымъ юрисдикціямъ? Примѣръ Англіи ничего не доказываетъ. Предоставленіе въ ней судамъ вѣдѣнія и дѣлъ управленія, объясняется частью ея общимъ консерватизмомъ, частью тѣмъ, что въ ней еще до сихъ поръ сохраняется сословный строй общества.

Но этимъ не исключается существованіе особыхъ органовъ административнаго суда. Судебная функція и въ административныхъ дѣлахъ имѣетъ свои особенности. Но юридическое рѣшеніе неразрывно связано въ этихъ дѣлахъ съ техническимъ, и самое спорное толкованіе законовъ—съ матеріальнымъ содержаніемъ конкретныхъ юридическихъ отношеній.

Вся эта какъ-то искуственно построенная теорія ничего

не прибавляетъ къ выясненію дѣла. Непонятно, зачѣмъ понадобилось Резлеру установить своеобразное и довольно туманное понятіе „исполненіе“, получающее у него совершенно другой смыслъ, чѣмъ какой придается ему обычнымъ словоупотребленіемъ. Ничего не объясняетъ также проводимое имъ различіе между случаями совпаденія и разъединенія исполненія и субъективнаго права, потому что онъ не указываетъ вовсе какая же связь между „субъективнымъ разъединеніемъ субъективнаго права и исполненія“, и невозможностью отдѣлить вопросы права отъ техническихъ вопросовъ, почему въ случаѣ „субъетивнаго разъединенія“ такое отдѣленіе возможно. Анализъ понятія административнаго дѣла оказывается у него самъ по себѣ, а поводы относительно отношенія административной юстиціи къ активному управленію—тоже сами по себѣ. Между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакой логической связи. Такимъ образомъ, положеніе его о невозможности отдѣлить въ управленіи техническіе вопросы отъ юридическихъ, оказывается совершенно голословнымъ.

Къ этому же направленію относится и изслѣдованіе Сарвея „Публичное право и административная юстиція“ [1]).

Книга эта есть самый подробный трактатъ по нашему вопросу во всей нѣмецкой литературѣ, и для ознакомленія съ германскимъ положительнымъ законодательствомъ она представляется весьма полезной. Но теоретическая сторона книги не можетъ быть поставлена высоко. Авторъ, правда, даетъ свою новую теорію административной юстиціи, отличающуюся притомъ большой полнотой, такъ какъ въ ней затронуты всѣ выдвинутые предшествующей литературой вопросы. Но внутреннее ея достоинство невелико.

Публичное право, говоритъ Сарвей, представляетъ ту особенность, что осуществленіе его мыслимо только посредствомъ дѣятельности органовъ воли государства. Этимъ не исключается возможность нарушенія публичнаго права, такъ

---

[1]) Sarwey Das offentliche Recht und die Verwaltungsrechtspflege. Tübingen 1880.

какъ органами осуществляющими его являются все таки отдѣльныя лица, хотя и надѣленныя особою властью. Но во первыхъ, случаи нарушенія этой отрасли права болѣе рѣдки нежели нарушенія гражданскаго права и преступленія, такъ какъ осуществленіе публичнаго права обставлено цѣлымъ рядомъ условій, предупреждающихъ правонарушенія. Во вторыхъ, при каждомъ нарушеніи публичнаго права слѣдуетъ различать два существенно различныхъ случая:—нарушеніе той части административнаго права, которая имѣетъ непосредственнымъ предметомъ охраненіе общественнаго интереса (инструкціи) и той части, задача которой заключается въ обезпеченіи нравовой сферы индивидовъ отъ нарушеній ихъ правъ со стороны публичной власти. Административные органы также призваны къ охраненію общественнаго интереса, какъ судъ къ отправленію правосудія. Предоставить судамъ контроль надъ управленіемъ въ этомъ отношеніи, не имѣло бы никакого основанія и извратило бы весь государственный порядокъ. Это значило бы предполагать на сторонѣ судей преимущество въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, къ чему мы не имѣемъ фактически права. Нельзя также ссылаться на то, что юридическій порядокъ былъ бы лучше обезпеченъ, если бы судья, въ качествѣ третьяго лица, контролировалъ дѣятельность администраціи „*потому что* исходя изъ этого пришлось бы возвратиться въ судебномъ процессѣ къ системѣ трехъ инстанцій, всѣми теперь оставленной“(!). Къ тому же многократная повѣрка правильности дѣйствій администраціи вполнѣ достигается организаціей правъ административной жалобы. Право жалобы и петицій и отвѣтственность министровъ представляютъ полную и единственно возможную гарантію соблюденія администраціей права въ отношеніи къ общественному порядку.

Но точно также и другая сторона публичнаго права,—разграниченіе власти и индивидуальной правовой сферы,—находитъ себѣ гарантію въ самой организаціи административныхъ органовъ. Осуществленіе воли государственной власти, вторгающейся въ индивидуальную правовую сферу, вовсе не

требуетъ непремѣнно рѣшенія суда, опредѣляющаго границы этого вторженія. Существо публичной власти въ томъ и состоитъ, что ея приказъ, совершенно также какъ и судебный приговоръ, въ отношеніи къ отдѣльному лицу является обязательнымъ и подлежитъ принудительному осуществленію. Каждый административный органъ осуществляетъ поэтому юрисдикцію и долженъ ее осуществлять. Никакое государство и никакое законодательство не можетъ отнять у нихъ это право. Вопросъ лишь въ томъ, не слѣдуетъ ли *рядомъ* и *надъ* этой административной юрисдикціей, организовать еще судебное разбирательство подлежащихъ ей дѣлъ.

Извѣстные интересы частныхъ лицъ охраняются законодателемъ безусловно, даже и въ отношеніи къ органамъ государственной власти. Слѣдовательно законодатель въ этихъ случаяхъ требуетъ, чтобы воля административныхъ органовъ лишь настолько находила себѣ осуществленіе, насколько она согласна съ этими правами отдѣльныхъ лицъ. Съ другой стороны, невозможно, чтобы каждое притязаніе частнаго лица, опирающееся на предполагаемое нарушеніе его права, останавливало дѣятельность администраціи. Эти противоположныя требованія согласуются такимъ путемъ: что, съ одной стороны, государственная власть управомочена, въ случаѣ надобности, силою принуждать отдѣльное лицо къ исполненію ея предписаній; съ другой—частное лицо съ его возраженіями, опирающимися на нарушеніе его субъективнаго права, имѣетъ право быть выслушаннымъ компетентнымъ учрежденіемъ, окончательно рѣшающимъ спорный вопросъ. Но рѣшеніе такихъ вопросовъ о предполагаемомъ правонарушеніи есть юрисдикція—отправленіе правосудія, существенно отличное отъ управленія. Исходнымъ пунктомъ для пониманія юрисдикціи публичнаго права является, поэтому, противоположеніе не частнаго и публичнаго права, а правосудія и управленія. Различіе того и другаго не зависитъ отъ того, какимъ органамъ предоставлены эти функціи. Они различаются другъ отъ друга цѣлью и дѣйствіемъ. Задача управленія не въ томъ, чтобы опредѣлить право въ данномъ

отдѣльномъ случаѣ, а въ достиженіи матеріальной цѣли. Правосудіе, напротивъ, имѣетъ въ виду исключительно установленіе права. Поэтому безъ юрисдикціи частное право не можетъ найти себѣ осуществленія. Такъ какъ администрація въ своей дѣятельности не только стремится къ осуществленію общественнаго интереса, но и разрѣшаетъ вопросъ о границѣ индивидуальныхъ правъ, то она этимъ самымъ отправляетъ правосудіе. По дѣйствію своему правосудіе и управленіе различаются тѣмъ, что судебный приговоръ устанавляетъ юридическое отношеніе окончательно, административный же актъ всегда можетъ быть измѣняемъ. Этимъ доказывается возможность и необходимость юрисдикціи публичнаго права [1].

Но другой вопросъ, какимъ органамъ слѣдуетъ предоставить отправленіе этой юрисдикціи. Сарвей высказывается въ пользу отдѣленія этой юрисдикціи отъ активнаго управленія, и требуетъ, по крайней мѣрѣ въ высшей инстанціи, предоставленіе ея независимымъ коллегіямъ [2].

Затѣмъ остается отграничить эту юрисдикцію, съ одной стороны, отъ гражданской, съ другой — отъ активнаго управленія, допускающаго только жалобы, а не иски. Всѣми признано теперь, что гражданскій судъ вѣдаетъ споры о гражданскихъ правахъ, административный—о публичныхъ. Все дѣло, поэтому, въ томъ, чтобы опредѣлить границы граждан-данскаго права. Сарвей относитъ къ нему всѣ имущественныя права [3] и изъ неимущественныхъ — семейныя. Но отнесеніе имущественныхъ правъ къ гражданскому праву допускаетъ два исключенія. Во первыхъ, имущественное право не относится къ частному праву тогда, когда оно заключается въ регулируемыхъ публичнымъ правомъ (!?) отношеніяхъ,

---

[1]) L. c. § 7. «Die Rechtsprechung auf dem Gebiete des offentlichen Rechts.»

[2]) L. c. § 8. „Die Organisation der Rechtsprechung des offentlichen Rechts."

[3]) L. c. § 103. Alle Rechte, welche einen Geldwerth in sich selbst haben sind geschüzte Privatinteressen, weil sie das Vermögen des Einzelnen bilden; jeder Eingriff in solche ist ein Eingriff in die Privatrechtssphäre der Persönlichkeit.

въ которыхъ государство и государствомъ признанныя корпораціи стоятъ другъ къ другу и къ отдѣльнымъ лицамъ [1]). Во вторыхъ, имущественные интересы и права могутъ быть ограничиваемы въ общественномъ интересѣ, ибо публичное право проявляетъ свое дѣйствіе также на имущественной сферѣ. Оно ограничиваетъ, уничтожаетъ и создаетъ имущественныя права и насколько такое дѣйствіе является предметомъ спора, споръ этотъ рѣшается не гражданскимъ, а административнымъ судомъ, такъ какъ тутъ рѣчь идетъ не о частномъ правѣ, а о томъ, должно ли оно и насколько быть стѣсняемо въ общественномъ интересѣ.

Такимъ образомъ, къ компетенціи административнаго суда относятся всѣ субъективныя права, которыя не суть имущественныя или семейныя, а также и имущественныя, когда является столкновеніе имущественнаго права съ общественнымъ интересомъ. Что же касается разграниченія административной юстиціи отъ активнаго управленія, то оно опредѣляется тѣмъ, что юстиція имѣетъ дѣло только съ правами, а не съ интересами [2]).

Недостатки этой теоріи Сарвея ясны съ перваго взгляда. Прежде всего, совершенно несостоятельнымъ представляется его исходное положеніе, которымъ онъ обосновываетъ самое существованіе административной юстиціи. Управленіе, говоритъ онъ, необходимо соединяется съ юрисдикціей, такъ какъ администрація не только осуществляетъ общественный интересъ, но вмѣстѣ и рѣшаетъ вопросъ о разграниченіи его съ индивидуальными правами. Но если такъ понимать юрисдикцію, то придется допустить, что каждое частное лицо также отправляетъ юрисдикцію. Каждое частное лицо точно

[1]) Wenn ein vermögensrechtlicher Anspruch die Verwirklichung da durch das öffentliche Recht geregelten, der genossenschrftlichen Bezichungen ist in welchen der Staat und die vom Staate anerkannten Korporationen zu den Einzelnen und zu einander stehen, kann das subjektive Recht nicht als Privatrecht bezúchnet werden.

[2]) L. c. § 9. Die der Rechtssprechung des öffentlichen Rechts unterliegenden Rechtsverhültnissen, ect.

также не только осуществляетъ свои интересы, но и рѣшаетъ также вопросы о разграниченіи своихъ правъ съ правами другихъ частныхъ лицъ и государствъ. Подъ юрисдикціей разумѣется не всякое разрѣшеніе вопросовъ о правѣ, а только совершаемое съ авторитетомъ, признаваемое, потому, обязательнымъ для заинтересованныхъ сторонъ. Весь вопросъ въ томъ и заключается, слѣдуетъ ли предоставлять администраціи такой авторитетъ, слѣдуетъ ли дѣлать ея рѣшенія вопросовъ о правѣ обязательными? Сарвей же вмѣсто того пространно доказываетъ, что фактически администрація постоянно рѣшаетъ для себя вопросы о правѣ,—фактъ совершенно безспорный, но вмѣстѣ съ тѣмъ неимѣющій никакого юридическаго значенія.

По двумъ другимъ главнѣйшимъ вопросамъ Сарвей также не даетъ удовлетворительнаго разъясненія. Разграниченіе иска и жалобъ онъ обосновываетъ различіемъ права и интереса, вовсе не считая при этомъ нужнымъ опредѣлить, выяснить это различіе. Разграниченіе административнаго и гражданскаго иска онъ сводитъ, въ духѣ новѣйшихъ нѣмецкихъ теорій, къ различію публичнаго и частнаго права, прямо противополагая такой взглядъ несостоятельному, по его мнѣнію, французскому. Но въ развитіи этого положенія онъ приходитъ къ такимъ выводамъ, которые прямо противорѣчатъ основному положенію. Къ компетенціи административнаго суда онъ относитъ не только разрѣшеніе споровъ о публичныхъ правахъ, но и о частныхъ имущественныхъ, если только дѣло заключается въ стѣсненіи этихъ правъ въ общественномъ интересѣ. Но вѣдь администрація, какъ представительница общественной власти, всегда предполагается дѣйствующей въ общественномъ интересѣ и, слѣдовательно, всякое нарушеніе частнаго права дѣйствіемъ администраціи подвѣдомо административному суду. А это и есть какъ разъ то, что признается французской теоріей, съ пренебреженіемъ отвергаемой Сарвеемъ. И въ результатѣ оказывается неизвѣстнымъ, чѣмъ же опредѣляется компетенція административнаго суда: свойствомъ ли нарушеннаго права или свойствомъ правонарушительнаго дѣйствія?

Такимъ образомъ и эта попытка создать полную и послѣдовательную теорію административной юстиціи, на почвѣ противоположенія частнаго и публичнаго права, не можетъ быть признана удовлетворительной. Отсутствіе послѣдовательно выработанной теоріи не могло не вызвать въ литературѣ попытокъ возвратиться къ старымъ теоріямъ. Такъ, Шмиттъ [1]) возвращается въ своемъ ученіи объ административной юстиціи къ той же, въ сущности, точкѣ зрѣнія, которой держался Бэръ. Теорія Шмитта сводится къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ.

Такъ какъ человѣкъ есть не только индивидъ, но и членъ человѣческаго рода, то и цѣли его дѣятельности частью особыя, индивидуальныя, частью общія съ другими людьми. Отсюда и отношенія между людьми бываютъ двоякаго рода. Осуществленіе особыхъ, индивидуальныхъ цѣлей ведетъ къ установленію кратковременныхъ, преходящихъ отношеній между отдѣльными личностями. Осуществленіе общихъ человѣческихъ цѣлей ведетъ къ соединенію людей въ постоянныя общенія. Первыя отношенія—частныя, послѣднія—публичныя. Различіе это, впрочемъ, чисто формальное. Нельзя по самому ихъ содержанію раздѣлить цѣли на индивидуальныя и общія. Различіе это зависитъ отъ способа, формы ихъ осуществленія. Одну и ту же, по содержанію, цѣль, я могу разсматривать и какъ свою особенную, индивидуальную, и какъ общую съ другими. Когда я осуществляю данную цѣль какъ свою особенную, только для себя, я являюсь полнымъ хозяиномъ въ выборѣ средствъ и распоряженіи ими. Когда я соединяюсь съ другими людьми для осуществленія данной цѣли, какъ общей всѣмъ намъ, моя свобода ограничивается волею другихъ участниковъ. Но этимъ не ограничивается различіе частныхъ и публичныхъ отношеній. Такъ какъ въ публичныхъ отношеніяхъ является общая многимъ цѣль, то въ нихъ обыкновенно выдѣляется одно или нѣсколько лицъ, которыя отъ лица

---

[1]) Schmitt Die Grundlagen der Verwaltungsrechtspflege im constitutionellmonarchischen Staate. Stuttgart. 1878.

всѣхъ, какъ ихъ представители, заботятся объ осуществленіи этой цѣли. Отсюда въ самомъ общеніи возникаютъ двоякаго рода отношенія: отношеніе этихъ представителей къ представляемому ими цѣлому и отношеніе представителей къ отдѣльнымъ участникамъ общенія. Первое отношеніе обозначается именемъ общественнаго устройства, второе—управленія.

Государство представляетъ собою также публичное отношеніе и въ немъ также можно различать право государственнаго устройства и право государственнаго управленія. Спрашивается, какія изъ этихъ отношеній допускаютъ судебную охрану и какія нѣтъ? Такъ какъ устройство только опредѣляетъ, какія именно цѣли, въ какихъ формахъ и какими средствами должны быть осуществляемы органомъ, представляющимъ цѣлое въ интересахъ этого цѣлаго, и только въ управленіи совершается самое осуществленіе этихъ цѣлей, то по правилу только въ управленіи можетъ происходить дѣйствительное нарушеніе опредѣленныхъ правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ примѣненіе судебной охраны къ вопросамъ государственнаго устройства представляетъ большія неудобства. Такъ какъ вопросы государственнаго устройства касаются общихъ интересовъ всего государства, а представителемъ ихъ является именно государственная власть, то для начатія судебнаго процесса, въ случаѣ нарушенія правъ государственнаго устройства дѣйствіемъ государственной власти, пришлось бы или ей самой выступать обвинителемъ противъ себя, или надо бы было организовать для этой цѣли особое учрежденіе, которое также могло бы совершать правонарушенія; для надзора за нимъ, поэтому, потребовалось бы учредить другое и такъ безъ конца. Съ другой стороны, государственное устройство есть общее основаніе государственнаго управленія и всякое нарушеніе права государственнаго устройства, въ чемъ либо затрогивающее интересы отдѣльныхъ лицъ, непремѣнно выразиться и въ управленіи. Поэтому интересы частныхъ лицъ достаточно будутъ обезпечены и примѣненіемъ судебной охраны къ одному только управленію. Охрана же государственнаго устройства

въ общемъ интересѣ ограничивается институтомъ министерской отвѣтственности.

И для обжалованія въ судебномъ порядкѣ дѣйствій управленія необходима наличность извѣстныхъ условій. Необходимо, во первыхъ, чтобы имѣлось нарушеніе опредѣленнаго постановленія закона. Это условіе не всегда имѣется на лицо. Государство часто бываетъ поставлено въ необходимость, именно при появленіи новыхъ жизненныхъ отношеній, довольствоваться неполными законами, иногда ограничивающимися только указаніемъ цѣли, безъ опредѣленія формъ и средствъ ея осуществленія. Неполнота закона восполняется въ такихъ случаяхъ усмотрѣніемъ администраціи и въ этой сферѣ она пользуется дискреціонной властью. Обжалованіе въ судебномъ порядкѣ тутъ невозможно. Второе условіе возможности судебнаго обжалованія дѣйствій администраціи заключается въ томъ, чтобы нарушаемый ими интересъ сосредоточивался въ данномъ отдѣльномъ лицѣ такъ, чтобы можно было сказать, что нарушенъ именно его интересъ, а не вообще интересы всего населенія. Этого условія не достаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльныя лица спорятъ съ администраціей о свойствахъ устраиваемаго ею общаго пользованія, напр. если они находятъ излишнимъ проведеніе данной дороги, или неудовлетворительнымъ установленную систему общественнаго образованія, и т. п.

Когда нѣтъ на лицо указанныхъ двухъ условій, возможно только обжалованіе въ административномъ порядкѣ, а не судебный искъ.

Шмиттъ еще рѣшительнѣе Бэра высказывается противъ организаціи особыхъ административныхъ судовъ. Опасеніе Гнейста, что съ передачей юрисдикціи публичнаго права гражданскимъ судамъ значительно съузиться судебная охрана въ этой сферѣ, онъ думаетъ устранить указаніемъ на возможность большаго развитія административнаго законодательства.

Не повторяя тѣхъ замѣчаній, которыя уже были сдѣланы по поводу изложенія теоріи Бэра, не могу не остановиться на томъ значеніи, какое Шмиттъ придаетъ законодательству.

Отъ наличности опредѣленнаго постановленія закона онъ ставитъ въ зависимость самую возможность административнаго иска. Но если публичное право есть такое же право, какъ всякое другое, если оно должно быть охраняемо тѣми же самими судами, то отчего ставить для него это условіе, вовсе непримѣняемое къ частному праву? При рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ допускается и распространительное толкованіе, и аналогическое примѣненіе закона, и руководство обычнымъ правомъ и началами, установленными судебной практикой. Почему все это не допустить и въ административныхъ дѣлахъ? Если возможность судебнаго обжалованія ставить въ зависимость отъ опредѣленнаго постановленія закона, то сфера судебной охраны можетъ съузиться до минимальныхъ предѣловъ. Вѣдь абсолютной опредѣленности нельзя достигнуть. Много ли найдется такихъ опредѣленій закона, которыя бы, при желаніи, нельзя было счесть за неопредѣленныя, оставляющія просторъ усмотрѣнію администраціи? Это слишкомъ скользкая и неустойчивая почва, чтобы на ней можно было основать точное отграниченіе сферы примѣнимости судебной охраны публичнаго права.

Книга Шмитта не есть единственная въ новѣйшей литературѣ попытка возвращенія къ старымъ доктринамъ.

Авторъ небольшой брошюры „Реформа административной юстиціи", Пфицеръ [1]), возвращаясь къ воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ старой нѣмецкой литературѣ, не допускаетъ существованія въ публичномъ правѣ правъ въ субъективномъ смыслѣ и въ этомъ видитъ основаніе существованія административной юстиціи. Субъективное право что либо дѣлать, предполагаетъ право и не дѣлать этого. Право, которое человѣкъ обязанъ осуществлять, перестаетъ, въ силу этого самаго, быть правомъ и становится обязанностью. Сущность субъективнаго права заключается какъ въ вынуждаемости, такъ и въ томъ, что отъ него можно отказаться. Поэтому не можетъ быть признано субъективнымъ правомъ все то, на что

---

[1]) Pfizer, Die Reform der Verwaltungsrechtspflege. Stuttgart. 1873.

человѣкъ не только имѣетъ право, но къ чему онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанъ. Но и другое лицо не можетъ имѣть правъ, соотвѣтствующихъ этимъ публичнымъ обязанностямъ. Смѣшно было бы и подумать о субъективномъ правѣ на то, чтобы другіе сограждане могли меня выбрать, или на то, чтобы мой сосѣдъ былъ непремѣнно включенъ въ избирательный списокъ, чтобы всѣ билетики были бѣлые, чтобы коммисаръ клалъ ихъ въ урну не развертывая, и т. п. Слѣдовательно и конституціонное устройство не расширяетъ сферы субъективныхъ правъ, не создаетъ ихъ въ публичномъ правѣ.

Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы невозможна была судебная охрана публичнаго права. Только гражданскій судъ имѣетъ дѣло исключительно съ нарушеніями субъективныхъ правъ. Въ уголовномъ судѣ мы уже имѣемъ судъ, вовсе не имѣющій дѣла съ субъективными правами. Для охраны публичнаго права отъ нарушеній, непринимающихъ форму преступленій, долженъ быть организованъ особый административный судъ. Подобно уголовному суду, онъ охраняетъ обыкновенное право—и въ этомъ ихъ сходство. Но административный судъ сходенъ, съ другой стороны, и съ гражданскимъ судомъ въ томъ, что и въ немъ для начатія дѣла необходимо требованіе заинтересованнаго лица. Такимъ образомъ административный судъ занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между гражданскимъ и уголовнымъ.

Если даже принять положеніе Пфицера, что возможность отказа есть необходимая принадлежность права въ субъективномъ смыслѣ, то и тогда нельзя отрицать существованія субъективныхъ правомочій въ публичномъ правѣ. Примѣромъ можетъ служить хотя бы тоже самое избирательное право, послужившее Пфицеру матеріаломъ для остротъ. Къ осуществленію избирательнаго права никто не принуждается и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно имѣетъ принудительную охрану. Съ другой стороны, если говорятъ о правѣ судебнаго иска, которое состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ правѣ на то, чтобы мое притязаніе было разсмотрѣно съ соблюденіемъ установленныхъ судебныхъ формъ, то отчего же нельзя говорить о правѣ

на то, чтобы мои выборы въ депутаты производились также съ соблюденіемъ установленныхъ избирательныхъ формъ? Что тутъ смѣшнаго? Мы просто не привыкли къ такой точкѣ зрѣнія—и только.

Ни одна изъ разсмотрѣнныхъ теорій не можетъ быть, такимъ образомъ, признана удовлетворительною и точно выясняющей понятіе административной юстиціи. А мы сгруппировали тутъ все, что нашли сколько нибудь оригинальнаго въ новѣйшей литературѣ. Останавливаться на перефразировкахъ чужихъ мнѣній мы не считали нужнымъ. Въ чемъ же причина такой незаконченности нѣмецкой теоріи административной юстиціи? Въ основѣ ея лежитъ, несомнѣнно, правильная мысль. Понятіе административной юстиціи можетъ быть выяснено только въ связи съ различіемъ частнаго и публичнаго права. Но весь вопросъ въ томъ, какъ формулировать эту связь. Нѣмецкіе публицисты видятъ особенность административнаго права въ свойствѣ нарушаемаго права. Едва ли это такъ. Вѣдь различіе уголовной и гражданской судебной охраны опредѣляется вовсе не свойствомъ нарушаемаго права, а свойствомъ самаго правонарушенія и его послѣдствій. Нарушеніе одного и того же права на тѣлесную неприкосновенность можетъ влечь за собой и гражданскую и уголовную отвѣтственность. По свойству нарушаемыхъ правъ нельзя разграничить административной юстиціи отъ уголовной и гражданской, и чтобы выдти изъ затрудненія, нѣмецкіе писатели или обращаются къ отождествленію публичнаго права съ общимъ благомъ, или смѣшиваютъ воедино искъ и жалобу, и эту мѣшанину называютъ административной юстиціей. Уйти отъ этого можно только однимъ путемъ: надо искать отличительной особенности административнаго иска не въ свойствахъ нарушаемаго права, а въ свойствахъ и послѣдствіяхъ правонарушенія. Въ этомъ направленіи и должна, по моему мнѣнію, совершиться дальнѣйшая работа.

Н. Коркуновъ.

ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ВЪ УГОЛОВНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ, ПРЕДЛАГАЕМЫЯ ПОСЛѢДОВАТЕЛЯМИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНАГО ПРАВА [1]).

Предметомъ настоящей статьи будетъ — изложить содержаніе немногихъ страницъ послѣднихъ крупныхъ сочиненій двухъ главнѣйшихъ представителей итальянской школы уголовнаго права,—Ферри и Гарофало, посвященныхъ предложенію ряда преобразованій въ уголовномъ судопроизводствѣ. Сочиненіе Ферри „Новая область уголовнаго права и судопроизводства“ теперь вышло вторымъ изданіемъ, совершенно переработаннымъ и заключающимъ такъ много новаго, сравнительно съ первымъ изданіемъ этой книги, вышедшимъ въ 1881 году, что объемъ ея увеличился почти въ четыре раза (150 страницъ, 576 страницъ). Сочиненіе Гарофало „Наука о преступленіи“ совершенно новое. Необходимо замѣтить, что названіе „Криминологія“, т. е. наука о преступленіи, неправильное по своему этимологическому образованію, тѣмъ не менѣе весьма вѣрно передаетъ направленіе новой итальянской школы, которая носитъ чисто эмпирическій характеръ, изучая преступленіе и преступника какъ явленія жизни человѣческаго общества, съ точки зрѣнія скорѣе естествоиспытателя, чѣмъ юриста.

На этотъ разъ мы изложимъ лишь ту часть сочиненій Ферри и Гарофало, которая посвящена уголовному

---

[1]) (Ferri: Nunovi orizonti del diritto e della procedura penale, второе, исправленное изданіе 1884 года.—Garofalo: Criminologia, 1885).

судопроизводству. Намъ кажется, что эта часть ихъ изслѣдованій имѣетъ наибольшій практическій интересъ и, изложенная нами здѣсь совершенно безпристрастно, можетъ быть подвергнута критикѣ процессуалистами болѣе опытными, нежели криминалисты-антропологи Ферри и Гарофало,—тогда какъ ученіе о преступленіи, созданное итальянскою позитивною школою уголовнаго права, для критической оцѣнки своей требуетъ большаго запаса свѣдѣній изъ области психологіи и антропологіи, который найдется далеко не у всякаго юриста. Но прежде, чѣмъ излагать требуемыя названными двумя авторами реформы уголовнаго процесса, необходимо все-таки напомнить главный результатъ изученія преступника, предпринятаго Ломброзо, Ферри и ихъ товарищами—учеными.

Этотъ результатъ наиболѣе рельефно выразился въ *классификаціи* преступниковъ.

По мнѣнію Ферри [1]) всѣхъ преступниковъ можно раздѣлить на слѣдующіе пять разрядовъ: душевно-больныхъ (pazzi), прирожденныхъ (nati), привычныхъ (per abitudine acquisita), въ порывѣ страсти (per passione) и случайныхъ (d'occasione). Въ отношеніи первыхъ трехъ разрядовъ, къ которымъ принадлежитъ около половины общаго числа преступниковъ, современная карательная система совершенно недѣйствительна.

Взглядъ на преступленіе не могъ не отразиться и на ученіи о наказаніи. Полагая, что они разгадали преступленіе, представители новаго направленія объявляютъ наказаніе средствомъ приспособленія къ общественной средѣ, а въ случаѣ невозможности таковаго—средствомъ удаленія изъ общественной среды лица, показавшаго свою опасность для общества опредѣленнымъ преступнымъ дѣяніемъ.

Въ видахъ достиженія цѣли наказанія—защиты общества отъ преступниковъ, Ферри и Горофало предлагаютъ произвести нѣсколько существенныхъ измѣненій въ уголовномъ судопроизводствѣ.

---

[1]) См. „Новыя работы въ области уголовной статистики и антропологіи" въ Жур. гр. и угол. пр. кн. III, 1883 г.

Новая школа сводитъ, по словамъ Ферри, свои нововведенія къ тремъ группамъ:

I—усовершенствованіе средствъ розыска;

II—усиленіе защиты общества отъ преступниковъ;

III—измѣненіе задачи уголовнаго суда, который долженъ не только опредѣлить отвѣтственность подсудимаго, признаннаго виновнымъ, но и указать, къ какой антропологической категоріи онъ принадлежитъ и, слѣдовательно, насколько онъ опасенъ (temibilità).

I.

Усовершенствованіе средствъ уличенія преступника.

Ферри справедливо указываетъ, что, напримѣръ, открытіе особаго пристрастія прирожденныхъ преступниковъ къ татуировкѣ, можетъ нерѣдко послужить къ открытію преступника слѣдователемъ, подобно клейму. Такими же уликами должны служить указываемыя криминалистами-антропологами особенности формы черепа и всего сложенія преступниковъ. Наличность такихъ особенностей, если не доказываетъ дѣйствительнаго совершенія заподозрѣннымъ лицомъ преступленія, которое ему приписывается, является, во всякомъ случаѣ, обстоятельствомъ, усиливающимъ подозрѣніе: наличность такого обстоятельства, въ глазахъ послѣдователей итальянской школы, доказываетъ *способность, предрасположеніе* даннаго лица къ преступнымъ дѣяніямъ [1]).

II.

Усиленіе защиты общества.

Ферри начинаетъ съ опроверженія презумпціи невиновности обвиняемаго, принятой въ современномъ уголовномъ судопроизводствѣ. Такое предположеніе обвиняемаго невинов-

---

[1]) Ferri, назв. соч., стр. 426 и слѣд.

нымъ, доколѣ противное не будетъ доказано, можетъ быть признано справедливымъ, по его мнѣнію, исключительно въ отношеніи къ преступникамъ случайнымъ. Въ отношеніи къ подсудимымъ, представляющимъ какія либо особенности душевной дѣятельности или тѣлеснаго сложенія, позволяющія отнести ихъ къ одному изъ прочихъ разрядовъ преступниковъ, а равно и въ отношеніи къ рецидивистамъ, такое предположеніе необходимо оставить съ момента заключенія предварительнаго слѣдствія, открывшаго достаточныя улики для преданія обвиняемаго суду. Съ этого момента предположеніе должно обратиться противъ обвиняемаго.

На этомъ основаніи, преступникъ, непризнанный преступникомъ случайнымъ или дѣйствовавшимъ въ порывѣ страсти, приговоренный въ первой степени суда къ наказанію, состоящему въ лишеніи свободы, и подавшій жалобу (апелляціонную или кассаціонную) на этотъ приговоръ, не долженъ быть оставляемъ на свободѣ. Послѣ обвинительнаго рѣшенія суда первой степени нѣтъ болѣе мѣста предположенію невиновности.

Рядъ дальнѣйшихъ требованій вытекаетъ изъ кореннаго положенія Ферри: *предположеніе невиновности неумѣстно въ уголовномъ процессѣ.* Такъ, онъ признаетъ нелѣпымъ оправдывать подсудимаго, когда голоса присяжныхъ раздѣлились поровну. Но требовать въ этихъ случаяхъ осужденія подсудимаго Ферри не рѣшается и, потому, предлагаетъ слѣдующее: для подсудимыхъ, признанныхъ преступниками случайными или дѣйствовавшими въ порывѣ страсти, сохранить существующій порядокъ; но относительно подсудимыхъ, принадлежащихъ къ прочимъ разрядамъ преступниковъ, предоставить присяжнымъ засѣдателямъ право постановить приговоръ, средній между оправданіемъ и обвиненіемъ. Формулою такого приговора Ферри предлагаетъ принять „не доказано“ (*not proven*—шотландскаго процесса, *non liquet*—римскаго). Послѣ такого приговора подсудимый можетъ быть снова преданъ суду по тому же обвиненію, въ случаѣ открытія новыхъ доказательствъ, какъ это нынѣ дѣлается послѣ воспослѣдовав-

шаго опредѣленія обвинительной камеры о прекращеніи слѣдствія по недостатку доказательствъ.

Далѣе, Ферри, оставаясь послѣдовательнымъ, требуетъ предоставленія суду права, при извѣстныхъ условіяхъ, передавать дѣло на новое разсмотрѣніе присяжныхъ не только въ случаѣ осужденія явно невиновнаго, но также и въ случаѣ оправданія явно виновнаго [1]). Онъ настаиваетъ на отмѣнѣ правила, по которому не допускается возвышеніе наказанія подсудимому, принесшему жалобу на приговоръ перваго суда (такъ наз. reformatio in peius) и желаетъ широкаго допущенія возобновленія уголовныхъ дѣлъ противъ оправданнаго лица. Замѣтимъ, наконецъ, что Ферри не допускаетъ права короны миловать осужденныхъ и называетъ амнистію—юбилеемъ преступленія.

Гарофало болѣе подробно разбираетъ различные недостатки современнаго порядка подготовительнаго производства, т. е. предварительнаго слѣдствія и преданія суду.

Прежде всего, Гарофало требуетъ, въ видѣ общаго правила, взятія подъ стражу лица, привлеченнаго къ слѣдствію, независимо отъ того, обвиняется ли оно въ преступленіи или проступкѣ, въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) когда за совершенное преступное дѣяніе законъ угрожаетъ наказаніемъ настолько тяжкимъ, что возможно предположить, что обвиняемый предпочтетъ ему бѣгство и добровольное оставленіе отечества;

2) во всѣхъ случаяхъ преступленій противъ личности, пока продолжается болѣзнь пострадавшаго;

3) во всѣхъ случаяхъ, когда можно опасаться кровавой мести;

4) во всѣхъ случаяхъ спеціальной рецидивы или доказанной преступной привычки;

5) въ случаѣ опасности сокрытія слѣдовъ преступленія обвиняемымъ или подкупа свидѣтелей.

---

[1]) Ferri, н. с. стр. 438 и 439.

Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ желаетъ Гарофало предоставить слѣдователю и суду право отпускать обвиняемаго на свободу—подъ залогъ или на поруки. Онъ указываетъ, что простой народъ итальянскій, который, какъ и всѣ южные народы, крайне воспріимчивъ къ настоящему, и вполнѣ забываетъ о возможныхъ послѣдствіяхъ въ далекомъ будущемъ, каковымъ представляется и наказаніе, вслѣдствіе возможности тянуть процессъ посредствомъ обжалованія рѣшеній, составилъ даже поговорку, „у насъ ударъ ножомъ стоитъ 51 лиру", такъ какъ 51 лира есть обыкновенная норма залога.

Гарофало требуетъ, чтобы въ видѣ общаго правила обвиняемый не могъ возвратиться въ общество раньше, чѣмъ не послѣдуетъ его оправданіе, или онъ не отбудетъ положеннаго срока наказанія. Но въ видѣ исключенія онъ допускаетъ выпускъ обвиняемаго на свободу въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) когда, вслѣдствіе недостаточности уликъ, необходимо произвести продолжительныя розысканія;

2) когда дѣяніе такого рода, что достаточнымъ средствомъ репрессіи представляется *вознагражденіе* за вредъ (riparazione); въ этихъ случаяхъ сумма залога должна равняться предполагаемой суммѣ вознагражденія.

Гарофало требуетъ ограниченія потери времени на сложную процедуру преданія суду, когда виновность обвиняемаго не возбуждаетъ сомнѣній. Поэтому онъ предполагаетъ предоставить судамъ, въ дѣлахъ о преступленіяхъ, непосредственно вызывать въ судъ обвиняемаго, ежели онъ былъ захваченъ на самомъ дѣлѣ, или по горячимъ слѣдамъ, или учинилъ признаніе. Современное сложное подготовительное производство слѣдуетъ сохранить лишь для тѣхъ случаевъ, когда обвиняемый съ самаго начала отрицаетъ свою виновность и ссылается на доказательства въ свое оправданіе.

Въ заключеніе Гарофало предостерегаетъ отъ увлеченія требованіемъ нѣкоторыхъ публицистовъ—сдѣлать предварительное слѣдствіе публичнымъ, гласнымъ. Даже обвиняемому и его защитнику собранныя слѣдователемъ улики могутъ быть сообщены только по окончаніи предварительнаго слѣдствія.

Затѣмъ, по мнѣнію Ферри, наказаніе и вознагражденіе за вредъ и убытки одинаково способствуютъ защитѣ общества отъ преступленія. Нерѣдко потерпѣвшій не рѣшается выступить гражданскимъ истцомъ въ уголовномъ дѣлѣ. Поэтому Ферри желаетъ, чтобы вмѣстѣ съ требованіемъ наказанія прокуроръ требовалъ также и вознагражденія за вредъ и убытки. Уголовный судъ долженъ вмѣстѣ съ присужденіемъ обвиняемаго къ наказанію опредѣлить сумму вознагражденія за вредъ.

Наконецъ, Ферри требуетъ введенія *народнаго обвиненія*, для увеличенія средствъ для преслѣдованія преступленій, которыми должно располагать общество.

Гарофало разсматриваетъ вопросъ о частномъ обвиненіи (ad istanza privata), котораго итальянскій уставъ уголовнаго судопроизводства (1865 года) вовсе не знаетъ, но которое предполагаетъ ввести въ довольно широкихъ размѣрахъ послѣдній проектъ уголовнаго уложенія для Италіи [1]. Гарофало возстаетъ противъ подчиненія уголовнаго преслѣдованія произволу частныхъ лицъ: „повидимому, замѣчаетъ онъ, законодательство понемногу возвращается къ взглядамъ того времени, когда наказаніе разсматривалось какъ месть обиженнаго или его семьи. Критеріемъ, по которому можно бы было опредѣлить дѣянія, преслѣдованіе коихъ могло бы быть предоставлено произволу потерпѣвшаго, Гарофало предлагаетъ слѣдующій:

Нѣкоторыя дѣянія требуютъ употребленія *средствъ удаленія* преступника изъ общественной среды (mezzi eliminativi);

другія же требуютъ одного лишь вознагражденія потерпѣвшаго (riparazione).

Значительное число преступныхъ дѣяній, какъ противъ личности, такъ и противъ собственности, которыя въ настоящее время наказываются немногими днями заключенія въ тюрьмѣ, должны, согласно его теоріи, влечь за собою въ

---

[1]) См. Журналъ гражд. и угол. права 1884 г., кн. IV, „Очеркъ работъ по составленію новаго уголовнаго уложенія въ Италіи“ стр. 29.

нѣкоторыхъ случаяхъ весьма тяжкія наказанія, доходящія до пожизненной ссылки (relegazione);

Въ иныхъ же случаяхъ тѣ же дѣянія могутъ быть достаточно наказаны присужденіемъ виновнаго къ вознагражденію пострадавшаго. Такое различіе должно основываться на субъективныхъ качествахъ виновнаго, на томъ, къ какому классу преступниковъ онъ принадлежитъ.

Вслѣдствіе этого, въ дѣлахъ о побояхъ, о мошенничествѣ, хотя бы вредъ былъ самый маловажный, никогда нельзя ставить возбужденіе преслѣдованія въ зависимость отъ подачи жалобы потерпѣвшимъ, который весьма нерѣдко будетъ удержанъ отъ подачи таковой угрозами самого виновнаго.

Въ этихъ случаяхъ суду необходимо узнать, не принадлежитъ ли виновный къ одной изъ категорій преступниковъ, опасныхъ или неспособныхъ къ жизни въ обществѣ (подсудимые изъ преступниковъ по инстинкту, слабоумные, алкоголики, эпилептики, воры-рецидивисты и т. д.), такъ какъ въ этихъ случаяхъ необходимо примѣнить средства удаленія, въ формѣ ссылки, или болѣе или менѣе продолжительнаго заключенія въ особо устроенныхъ помѣщеніяхъ. Если же судъ придетъ къ убѣжденію, что обвиняемый принадлежитъ къ классу неопасному, то наилучшее средство репрессіи, которое можетъ быть къ нему примѣнено—это принужденіе его къ исправленію матеріальнаго или моральнаго вреда, имъ причиненнаго, уплатою потерпѣвшему надлежащей суммы денегъ; но уплата должна быть дѣйствительно исполнена; недостаточно простаго объявленія суда о правѣ пострадавшаго требовать ея.

Для того, чтобы такая обязанность къ вознагражденію вреда могла бы дѣйствительно замѣнить наказаніе, необходимо сдѣлать невозможнымъ ея обходъ.

Въ виду этихъ соображеній, уголовное преслѣдованіе, по мнѣнію Гарофало, должно производиться во всѣхъ случаяхъ, когда необходимо разслѣдовать, къ какому *типу* принадлежитъ преступникъ и какія, слѣдовательно, средства репрессіи

къ нему должны быть примѣнены, *независимо отъ воли* потерпѣвшаго.

Поэтому *уголовно-частными* могли бы быть признаны только слѣдующія дѣянія: различные виды оскорбленій, кромѣ оскорбленій дѣйствіемъ, разглашеніе тайнъ и т. п.; но всякіе побои, присвоеніе чужаго имущества и мошенничество должны подлежать преслѣдованію офиціальному. Этотъ отдѣлъ у Гарофало изложенъ довольно сбивчиво. Во 1-хъ, онъ придаетъ одинаковое юридическое значеніе уголовному наказанію и гражданскому вознагражденію; во 2-хъ, какъ и Ферри, считаетъ необходимымъ принуждать преступника къ вознагражденію вреда; но самъ же замѣчаетъ, что потерпѣвшій всегда имѣетъ право отказаться отъ вознагражденія.

Въ то время, какъ Ферри говоритъ о *народномъ обвиненіи* (actio popularis), Гарофало говоритъ о частномъ обвиненіи (delicta privata). Для итальянскаго законодательства, которое не знаетъ ни порядка *частнаго обвиненія*, ни *народнаго*, реформы Ферри и Гарофало представляются полезнымъ нововведеніемъ.

III.

Новыя задачи уголовнаго суда.

Наконецъ, реформы процесса, вытекающія изъ третьяго положенія, несравненно обширнѣе.

Суду, прежде всего, говоритъ Ферри, надлежитъ выяснить, дѣйствительно ли подсудимый виновникъ дѣянія, какими побужденіями онъ при этомъ руководствовался и при какихъ обстоятельствахъ совершилъ дѣяніе. Если будетъ доказано, что дѣяніе совершено обвиняемымъ, тогда—или обвиняемый можетъ доказать, что мотивы, которыми онъ руководствовался при совершеніи дѣянія, были правомѣрны, и въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть оправданъ, или же будетъ доказано, что мотивы эти были опасные, вредные для общественнаго союза, и противозаконные. Если судъ призналъ послѣднее, то уже не должно быть мѣста смѣшному состязанію между

обвиненіемъ и защитою, старающеюся добиться оправданія, которое теперь уже невозможно, каковы бы ни были психологическія и психопатологическія условія обвиняемаго. Теперь подлежитъ рѣшенію одинъ вопросъ: къ какой антропологической категоріи принадлежитъ обвиняемый. Отсюда возникнетъ споръ между обвинителемъ и защитникомъ для выясненія всѣхъ признаковъ, на основаніи которыхъ слѣдуетъ или признать преступника умалишеннымъ, или прирожденнымъ неисправимымъ, или преступникомъ по привычкѣ, или случайнымъ, или, наконецъ, преступникомъ въ порывѣ страсти. Но споръ этотъ уже не будетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ шутовствомъ, которое мы видимъ на судѣ уголовномъ въ настоящее время, когда борьба краснорѣчія и хитрости защитника и прокурора сообщаетъ суду интересъ театральнаго представленія. Споръ этотъ будетъ строго научный, онъ будетъ касаться симптомовъ, замѣчаемыхъ въ преступникѣ, обстоятельствъ предшествовавшихъ, сопровождавшихъ или слѣдовавшихъ за дѣяніемъ, и ихъ антропологическаго значенія. Споръ будетъ идти лишь о томъ, какое изъ средствъ защиты, находящихся въ распоряженіи общества, является въ данномъ случаѣ самымъ цѣлесообразнымъ, а слѣдовательно и справедливымъ. Ежели преступникъ умалишенный, то онъ подлежитъ заключенію въ особый пріютъ для такихъ преступниковъ; преступникъ прирожденный или привычный будетъ отправленъ въ соотвѣтствующее заведеніе для неисправимыхъ или же въ ссылку. Преступникъ случайный будетъ заключенъ въ тюрьму, ограниченъ въ правахъ, подвергнутъ денежной пенѣ или выговору со стороны суда. Преступникъ въ порывѣ страсти будетъ подвергнутъ лишенію свободы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — увѣщанію со стороны суда. Во всякомъ случаѣ преступникъ будетъ приговоренъ къ вознагражденію за вредъ и убытки. Тогда, насколько это возможно, уменьшится невѣрность исхода уголовнаго суда, который теперь въ самомъ дѣлѣ имѣетъ много общаго съ азартною игрою. Тогда наступитъ истинное правосудіе, безъ позорнаго зрѣлища несвѣдущихъ судей, слишкомъ горячихъ обвинителей, и адвокатовъ, говорящихъ общія мѣста и громкія фразы.

Почти то же говоритъ Гарофало. Но, по его мнѣнію, участія прокурора на судѣ не требуется; онъ долженъ ограничиться сообщеніемъ суду своего заключенія (parere) на основаніи данныхъ слѣдствія. Нѣтъ также необходимости въ защитникѣ. Гарофало противникъ т. н. ,,обязательной защиты" (nothwendige Vertheidigung). На судѣ свидѣтели должны повторить свои показанія, а затѣмъ слово должно принадлежать обвиняемому. Послѣ этого судъ постановляетъ приговоръ въ такомъ родѣ:

А укралъ часы изъ кармана такого-то лица; онъ уличается въ третій разъ въ кражѣ; онъ сынъ каторжника и проститутки и никогда не имѣлъ опредѣленнаго занятія. Согласно этому судьи относятъ подсудимаго къ опредѣленному классу преступниковъ и подвергаютъ его одной изъ тѣхъ мѣръ, которыя будутъ указаны въ кодексѣ будущаго.

Не должно быть ни призыва къ милосердію со стороны защитника, ни призыва къ строгости со стороны прокурора: общество требуетъ защиты (а слѣдовательно, добавимъ мы, строго инквизиціоннаго процесса).

Заключеніе экспертовъ непремѣнно должно быть единое, хотя бы для этого пришлось обращаться къ особой высшей коллегіи свѣдущихъ людей. Нельзя предлагать суду разнорѣчивыя заключенія. Относительно психическихъ особенностей подсудимаго юристы не могутъ судить лучше психіатровъ, и поэтому, въ этомъ отношеніи, заключеніе экспертовъ обязательно для суда.

Гарофало настаиваетъ на спеціальномъ образованіи судей по дѣламъ уголовнымъ. Уголовный судъ имѣетъ слишкомъ мало общаго съ судомъ гражданскимъ. Поэтому замѣщеніе уголовнаго суда лицами, до тѣхъ поръ разбиравшими дѣла гражданскія, неправильно. Цивилистъ привыкаетъ разсматривать дѣло совершенно независимо отъ личности. Криминалисту знаніе римскаго права ничего не даетъ, но ему необходимы свѣдѣнія по статистикѣ, уголовной антропологіи и тюрьмовѣдѣнію для того, чтобы умѣть опредѣлить степень опасности подсудимаго для общества (temibilità). Съ принятіемъ

такого правила исчезнутъ нелѣпые приговоры, основанные на метафизическомъ понятіи справедливости, которыми неисправимые воры-рецидивисты отправляются на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму, чтобы по прошествіи ихъ снова получить свободу воровать. Общественный интересъ требуетъ лучшей защиты. Судъ присяжныхъ, по жребію взятыхъ изъ толпы людей разнаго развитія и образованія, совершенно не пригоденъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Здѣсь реформы требуются началомъ раздѣленія труда и спеціализаціи занятій.

На континентѣ Европы судъ присяжныхъ былъ перенесенъ въ бурную эпоху французской революціи, какъ выраженіе верховенства народа въ отправленіи суда. Однако даже такому взгляду на судъ присяжныхъ противорѣчитъ: а) исключеніе участія присяжныхъ во время предварительнаго слѣдствія и б) ограниченіе ихъ рѣшенія вопросомъ о виновности.

Присяжные иногда могутъ обуздывать злоупотребленія агентовъ власти; но въ другихъ случаяхъ они являются невольно стороною въ дѣлѣ и подчиняются внушеніямъ личнаго чувства, забывая пресловутую справедливость.

Однако, даже разсматривая судъ присяжныхъ какъ одну изъ гарантій гражданской свободы, его можно признать умѣстнымъ только въ государствахъ съ деспотическимъ и чужеземнымъ правительствомъ. Исторія Англіи, въ эпоху отъ Эдуарда VIII до Іакова II, показываетъ, что противъ злоупотребленій національнаго правительства присяжные безсильны.

Въ Англіи судъ присяжныхъ удерживается по слѣдующимъ, чисто юридическимъ, соображеніямъ:

1) присяжные представляютъ совѣстный судъ (aequitas), дополняющій узкое правило закона, обновляющій законъ; но, по мнѣнію Ферри, это есть недостатокъ; въ благоустроенномъ государствѣ свобода должна соблюдать писанные законы;

2) основаніе приговора присяжныхъ есть внутреннее убѣжденіе, судъ по чистой совѣсти, въ противоположность искуственно воспитанному взгляду судьи-юриста.

Въ пользу суда присяжныхъ приводятъ тотъ аргументъ, что въ немъ получаетъ полное примѣненіе начало устно-

сти суда. Но это не вполнѣ вѣрно уже потому, что по ст. 498 итальянскаго устава уголовнаго судопроизводства присяжнымъ передаются въ совѣщательную комнату акты и документы.

Не всегда, продолжаетъ Ферри, судъ 12 присяжныхъ дѣйствительно согласенъ съ совѣстью народною. Судъ присяжныхъ, далѣе, противорѣчитъ требованію, чтобы всякая публичная должность отправлялась способными людьми. Составъ присяжныхъ есть дѣло случая.

Что касается доводовъ въ защиту способности присяжныхъ къ постановленію рѣшенія, то указываютъ на нѣкоторую сортировку ихъ посредствомъ выборовъ; но доводы эти указываютъ лишь на источникъ *презумпціи способности* присяжныхъ, но ничего не говорятъ о *способности личной, дѣйствительной*, присяжныхъ по каждому дѣлу. Даже представивъ себѣ 12 способныхъ въ отдѣльности присяжныхъ, мы не можемъ быть увѣрены, говоритъ Ферри, въ томъ, что постановленное ими сообща рѣшеніе будетъ справедливое (римская поговорка: senatores boni viri, senatus autem mala bestia).

Ежели суды исправительной полиціи отличаются отъ присяжныхъ большимъ процентомъ обвинительныхъ приговоровъ, то все таки ихъ стремленіе къ обвиненію основывается на извѣстныхъ убѣжденіяхъ, постепенно слагающихся у судебныхъ дѣятелей, тогда какъ большое число оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ зависитъ отъ случайнаго соединенія личныхъ симпатій (criteri personali).

Народу, говоритъ Гарофало, съ которымъ согласенъ Ферри, неизвѣстны искусственныя теоріи конституціоннаго устройства, согласно которымъ многіе видятъ въ судѣ присяжныхъ гарантію гражданской свободы, и народъ видитъ въ судѣ присяжныхъ лишь одно—безсиліе правосудія; адвокаты, избалованные легкими успѣхами на судѣ съ присяжными засѣдателями, признаютъ, что судъ уподобился азартной игрѣ. Случается, что оправдываются присяжными преступники, которыхъ виновность вполнѣ доказана. Съ другой стороны, лицо

невинное не можетъ теперь быть вполнѣ спокойно за свою участь.

Гарофало приводитъ рядъ пикантныхъ примѣровъ невѣжественныхъ вердиктовъ. Такъ, въ одномъ дѣлѣ, присяжные отвѣтили утвердительно на поставленный имъ вопросъ о превышеніи предѣловъ необходимой обороны (eccesso di difesa), что старшина ихъ впослѣдствіи объяснилъ тѣмъ, что защитникъ говорилъ въ теченіи болѣе двухъ часовъ: „это ли не нарушеніе предѣловъ обороны“?

Судья отправляетъ постоянную должность, дорожитъ своею репутаціею; онъ отвѣтственъ. Присяжный раздѣляетъ тяжесть рѣшенія съ 11 товарищами, его имя остается неизвѣстнымъ; онъ является судьею на нѣсколько дней, чтобы затѣмъ смѣшаться съ толпою.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи отправленіе должности присяжнаго засѣдателя считается выгоднымъ дѣломъ: такъ сильно развитъ подкупъ.

Такъ какъ однако, говоритъ Ферри, легче ввести какое нибудь новое политическое учрежденіе, нежели уничтожить установившееся, то и судъ присяжныхъ нельзя будетъ сразу отмѣнить, а возможно только ограничить его примѣненіе:

1) по преступленіямъ политическимъ и печати (выдѣленіе этихъ категорій Ферри считаетъ въ сущности неосновательнымъ) слѣдуетъ оставить судъ присяжныхъ;

2) по преступленіямъ, въ коихъ замѣшаны интересы органовъ правительственной власти, ежели нельзя быть увѣреннымъ въ безпристрастіи судей, также надлежитъ оставить судъ присяжныхъ;

3) по преступленіямъ общимъ пока можно сохранить судъ присяжныхъ, за исключеніемъ случаевъ учиненнаго подсудимымъ признанія; въ случаяхъ послѣдняго рода, однако, слѣдуетъ предоставить прокурору право требовать передачи дѣла на разсмотрѣніе суда присяжныхъ;

4) присяжные обязаны точно опредѣлять усмотрѣнныя ими смягчающія обстоятельства;

5) присяжнымъ слѣдуетъ предоставить право, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда особаго дополнительнаго вопроса о томъ не было предложено, признать подсудимаго виновнымъ въ дѣяніи менѣе тяжкомъ, нежели то, о которомъ поставлены имъ вопросы, дабы этимъ избѣжать вынужденнаго оправданія присяжными человѣка, который виновенъ, но не столько, какъ полагаетъ обвинитель.

Таковы измѣненія учрежденія суда присяжныхъ, предлагаемыя Ферри. Гарофало, кромѣ нихъ, предлагаетъ еще слѣдующія:

6) ограничить право отвода присяжныхъ засѣдателей защитою (на основаніи ст. 40 закона 8 іюня 1874 года обвинитель и защитникъ могутъ отвести по 8 присяжныхъ изъ служебнаго списка въ 30 человѣкъ);

7) предоставить предсѣдателю суда право отмѣнить „явно ошибочный приговоръ присяжныхъ“ (deliberazioni evidentemente erronee).

Въ отношеніи апелляціи Гарофало выставляетъ слѣдующія требованія:

1) осужденный, подавшій апелляціонную жалобу, долженъ быть содержимъ подъ стражею; освобожденіе его не должно быть допускаемо, и время его содержанія подъ стражею не должно быть засчитываемо въ срокъ наказанія;

2) судья во второй инстанціи не долженъ быть стѣсненъ въ увеличеніи наказанія подсудимому, подавшему апелляціонную жалобу;

3) осужденному въ первой степени суда и оправданному судомъ апелляціоннымъ должно быть дано вознагражденіе за безвинное привлеченіе къ суду, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда такое оправданіе послѣдовало единственно вслѣдствіе новыхъ доказательствъ, предъявленныхъ самимъ подсудимымъ впервые въ апелляціонной инстанціи.

Относительно отмѣны приговора въ кассаціонномъ порядкѣ Гарофало ставитъ требованіе, чтобы кассаціонный судъ имѣлъ право отмѣнить приговоръ и передать дѣло на новое разсмотрѣніе въ томъ только случаѣ, когда *нарушеніе формъ,*

на которое принесена жалоба, могло имѣть *существенное* вліяніе на рѣшеніе суда по существу.

Таковы преобразованія уголовнаго судопроизводства, требуемыя антропологическою школою уголовнаго права. Мы не подвергаемъ ихъ критикѣ. Но нельзя не обратить вниманія на интересное явленіе, нынѣ замѣчаемое въ литературѣ уголовнаго права. Двѣ школы — строгой юридической догмы, въ лицѣ Биндинга, и психологовъ - натуралистовъ, въ лицѣ Ферри и Гарофало, относятся неблагопріятно именно къ тѣмъ институтамъ уголовнаго процесса, которые пользуются до сихъ поръ особенною популярностью среди процессуалистовъ— къ суду присяжныхъ и частному обвиненію. Повидимому и та и другая школа мнятъ себя познавшими тайну преступленія и наказанія, и та и другая, поэтому, не могутъ не требовать, чтобы уголовный судъ всецѣло былъ подчиненъ лицамъ, имѣющимъ тѣ спеціальныя знанія, которыя, по мнѣнію или Биндинга или Ферри, дѣлаютъ человѣка способнымъ быть судьею, дѣлаютъ его криминалистомъ. Обѣ теоріи, послѣдовательно развиваясь, могутъ привести къ водворенію въ судопроизводствѣ начала розыскнаго, инквизиціоннаго, господствовавшаго въ то время, когда люди вѣрили въ возможность рѣшить трудный вопросъ о виновности посредствомъ предустановленной закономъ цѣны отдѣльныхъ доказательствъ.

А. Л.

О ЧУЖЕЗЕМНОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ БОЛЬШИНСТВА РУССКИХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ ЗАКОНОВЪ.

3) О принадлежностяхъ.

а) ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХЪ ИМѢНІЙ.

Ст. 368 т. X ч. 1 изд. 1857 г.

„Принадлежности населенныхъ земель суть: состоящія на нихъ церковныя строенія, господскіе и крестьянскіе домы, дворы, мельницы, мосты, перевозы, плотины и гати.“

По поводу этой статьи г. Змирловъ справедливо замѣтилъ [1]), что она, признавая церковныя и другія строенія принадлежностями населенныхъ земель, оказывается въ несоотвѣтствіи съ ст. 384 X т. ч. 1, по которой дома и другія строенія отнесены прямо къ недвижимымъ имуществамъ, а не къ принадлежностямъ оныхъ. Не менѣе справедливо указаніе издателя лекцій Д. И. Мейера [2]) на странность отнесенія нашимъ законодательствомъ мельницъ, мостовъ, перевозовъ, плотинъ и гатей къ принадлежностямъ только населенныхъ земель, между тѣмъ какъ мельницы, мосты и т. д. находятся и на ненаселенныхъ земляхъ и, слѣдовательно, могутъ составлять принадлежность и сихъ послѣднихъ имуществъ.

Съ своей стороны я отмѣчу еще большую несообразность

---

[1]) Журн. гр и угол. права за 1883 г. мартъ, стр. 92.

[2]) Рус. гр. право, 1873 г стр. 108, прим. 2.

упоминанія въ разсматриваемой статьѣ *церковныхъ строеній*, тогда какъ не только самыя церкви, но и всѣ мѣста, къ нимъ принадлежащія: колокольни, ограды и проч., не могутъ быть вовсе объектами частно-правовыхъ отношеній [1]), причемъ даже домашнія церкви не составляютъ, по русскому закону, предметовъ частной собственности, не переходятъ по наслѣдству и не могутъ считаться принадлежностями тѣхъ зданій, въ которыхъ онѣ устроены [2]).

Какой же разумный смыслъ имѣетъ послѣ этого отнесеніе церковныхъ строеній къ принадлежностямъ населенныхъ *земель?*

Съ цѣлію разъяснить себѣ всѣ эти недоумѣнія и памятуя увѣреніе гр. Сперанскаго, что „для точнаго опредѣленія смысла законовъ настоящихъ, должно восходить къ законамъ прежнимъ, хотя и потерявшимъ свою силу, но сохраняющимъ въ себѣ начало и причины законовъ послѣдующихъ“ [3]),—обратимся къ приведеннымъ подъ нашею статьею цитатамъ.

Изъ нихъ первая отсылаетъ къ ст. 244 гл. X уложенія 1649 г., заимствованной, какъ замѣчено уже изслѣдователями этого законодательнаго памятника, изъ артикула 73, раздѣла IV, Литовскаго Статута, редакціи 1588 г. и указанной составителями свода собственно для оправданія внесенія въ разбираемую статью X т. слова: „*дворы*“.

Но изъ означенной статьи уложенія царя Алексѣя Михайловича явствуетъ, что въ ней о *дворахъ*, равно какъ о *мельницахъ* и *лавкахъ*, говорится не какъ о *принадлежностяхъ* населенныхъ земель, а просто какъ о недвижимыхъ имуществахъ, въ чемъ убѣждаетъ прямой смыслъ ея текста.:.. „а будетъ кто на комъ начнетъ искать *вотчины*, или *двора*, или *лавки*, или *мельницы*, или *инаго чего вотчиннаго*, и пр.“ —такъ, что эта

---

[1]) «А продавати церкви Христовы и церковныя мѣста яко вотчины, зѣло неправильно есть и беззаконно», говорится, между прочимъ, въ „выпискѣ изъ дѣяній собора, бывшаго въ семъ (1667) г. въ Москвѣ“ (полн. соб. зак. № 412).

[2]) Уставъ дух. консист., изд. 1884 г. ст. 49.— К. П. Побѣдоносцевъ. Курсъ гр. права, 3 изд., I, стр. 23.

[3]) См. Предисловіе къ пол. собр. закон., стр.

цитата скорѣе всего была бы умѣстна подъ статью 384 т. X ч. 1, по которой недвижимыми имуществами признаются земли... лавки... и пустыя *дворовыя мѣста* [1]).

Другая ссылка, приведенная подъ нашею статьею, указываетъ на статью 27 главы XVII уложенія, трактующую о выкупѣ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ, въ которой значится:... „А что, сверхъ купчихъ и закладныхъ, у кого въ вотчинѣ прибыло дворовъ крестьянскихъ, и въ нихъ людей, и росчистныя пашни и сѣнныхъ покосовъ изъ лѣсныя поросли, и за то *прибылое вотчинное строеніе* вотчинникомъ, кто учнетъ выкупать, платить тѣмъ людямъ, у кого они тѣ вотчины начнутъ выкупать, по суду и по сыску: за крестьянскій дворъ съ людьми 50 рублевъ, за распашную землю... по 3 рубля за десятину, за сѣнные покосы... по 2 рубля за десятину, а за *церковное строеніе*, и за *боярскіе и за людскіе дворы*, и за *мельничное*, и за *прудовое строеніе* платить деньги, смотря по строенію и по оцѣнкѣ сторонних людей.“

Изъ этой статьи, которой, если не по редакціи, то по содержанію, соотвѣтствуетъ параграфъ 3 артикула 22 главы XVII Малороссійскаго свода 1743 г., въ свою очередь, извлеченный изъ законодательныхъ и руководящихъ книгъ магдебургскаго права (саксонскаго зерцала, „Порядка,“ „Арти-

---

[1]) Нельзя при этомъ случаѣ не замѣтить, что въ сенатскомъ указѣ 30 іюля 1740 г. (пол. собр. зак. № 8190), на которомъ ст 384, между прочимъ, основана, говорится совмѣстно о городскихъ (С.-Петербургскихъ и Московскихъ) *дворахъ и дворовыхъ пустыхъ мѣстахъ.* Подъ *дворомъ* разумѣлось въ старину извѣстное мѣсто, извѣстный участокъ городской земли съ находящимися на немъ строеніями, какъ жилыми, такъ и службами, и съ различнаго рода приписанными къ нему угодьями и пустырями. Подъ *дворовыми же мѣстами* разумѣлись участки земли порожней, незастроенной, или такіе участки, строенія которыхъ сдѣлались жертвами пожара (см истор юрид. очеркъ проф. Загоскина: О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ,“ Казань, 1877 г. стр. 1 — 4). Между тѣмъ составители X тома внесли въ ст. 384, гдѣ перечислены виды сельскихъ и городскихъ недвижимыхъ имуществъ только „*пустыя дворовыя мѣста,*“ опустивъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, самые „*дворы*“ и помѣстивъ послѣдніе, какъ мы видѣли, совершенно не кстати, въ ст. 386, въ числѣ *принадлежностей населенныхъ земель.*

куловъ“ и проч. [1]), составители нашего X тома и заимствовали слова „церковныя строенія, господскіе и крестьянскіе домы“, замѣненныя по продолженію 1863 г., подъ вліяніемъ, должно быть, крестьянской реформы, выраженіемъ „*церковныя и другія строенія,*“ какъ будто церковныя строенія можно поставить, въ юридическомъ отношеніи, на одинъ уровень съ *другими* строеніями! Но для надлежащей оцѣнки поэтическихъ вольностей, которыя редакторы свода допускали почти на каждомъ шагу, при извлеченіи статей X тома изъ матеріала, содержащагося въ полн. собр. зак., нужно принять во вниманіе, что слово „строеніе“ въ законодательныхъ и юридическихъ актахъ прошлаго времени употреблялось въ смыслѣ управленія, вѣдомства, домостроительства, хозяйства, или же означало оброчныя статьи, хозяйственныя заведенія и постройки, либо совокупность относящихся къ главному имуществу принадлежностныхъ вещей [2]).

Поэтому слѣдуетъ заключить, что и въ статьѣ Соборнаго

---

[1]) См. „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ,“ изд. проф А. Ѳ. Кистяковскаго, стр. 463.

[2]) Въ такомъ именно смыслѣ упомянутое слово и употреблено, напр., въ указѣ 12 августа 1646 года, приведенномъ въ ст. 58 Указной книги помѣстнаго приказа (см. Христом по исторіи русск. права проф. Владимірскаго - Буданова, вып. III, 1885 г., стр. 241): „которые всякихъ чиновъ людей послѣ Московскаго разоренья купили себѣ вотчины, а иные въ закладъ имали, и проча тѣ люди *вотчины себѣ строили,* лѣса расчищали, и дворы ставили и крестьянъ и людей насажали, и поля городили, и крестьянамъ ссуды давали, и *заводили заводы* не малые, а иные люди мельницы построили и пруды покопали..., а *вотчинноестроеніе* тѣмъ людямъ по суду и по сыску платить, что судъ покажетъ“;—*или* въ „докладѣ“ 14 марта 1683 г. (полн собр. зак № 1001): „а тѣ люди, которые тѣ вотчины купили., бьютъ челомъ, что они.. тѣ свои купленныя *вотчины строили* и крестьянъ ссужали и лѣса многіе расчистили и въ томъ *строеніе* сверхъ цѣны, что за тѣ вотчины дали, въ *строеньѣ* учинились имъ многія деньги“;— *или* въ „жалованной грамотѣ Иверскому монастырю на вотчины и прочія угодья отъ 5 мая 1654 г. (полн. собр. зак. № 124): „также есми пожаловали... въ Великомъ Новгородѣ дворъ осадной съ садомъ и со всѣмъ *дворовымъ строеніемъ*“;— *или* въ „жалованной грамотѣ Богоявленскому Полотскому монастырю“ (полн. собр. зак. № 179): „пожаловали есми... въ тотъ Богоявленскій монастырь на *монастырское строеніе* и на пропитаніе братіи дати село *такое-то,* деревню *такую-то*... со крестьяны и съ землею со всѣми угодьи къ тѣмъ селамъ належачими.“

уложенія, о которой идетъ рѣчь, слова: „церковное строеніе“ означаютъ: хозяйственныя статьи, хозяйственныя постройки и вообще всякаго рода улучшенія, вновь заведенныя въ *церковныхъ вотчинахъ*. Но можно допустить и то, что „*церковное* строеніе“ явилось въ текстѣ статьи уложенія просто по недоразумѣнію, представляя собою ошибочный варіантъ „*хоромнаго* строенія“. За вѣроятность этой догадки говоритъ то обстоятельство, что упомянутый выше параграфъ Малороссійскаго свода, говоря объ обязанности выкупающаго заложенное имѣніе вознаградить залогодержателя за сдѣланныя имъ въ имѣніи улучшенія: „построки и подчинки“,—ссылается на § 2 арт. 4 главы XVII того же свода, гдѣ постановлено, что размѣръ таковаго вознагражденія опредѣляется (какъ и въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича) „по урядовой, или людей въ томъ знающихъ оцѣнкѣ,“ и гдѣ въ подстатейной цитатѣ указано: „Саксонское Зерцало“ подъ словомъ: „*будоване или хоромное строеніе*“ [1]).

Такъ или иначе, но несомнѣнно одно, что въ источникѣ, изъ котораго ст. 387 т. X значится заимствованною, выраженіе „церковное строеніе“ употреблено вовсе не въ томъ смыслѣ, какой оно имѣетъ въ самой этой статьѣ свода.

Правда, въ числѣ историческихъ будто бы основаній разбираемой статьи приведенъ еще параграфъ 42 упомянутаго выше положенія о порядкѣ описи, оцѣнки и публичной продажи имуществъ отъ 25 іюня 1832 г., который уже ясно говоритъ о церквахъ, постановляя, что „при каждой описи *недвижимаго имущества* прилагаются: 1) свѣдѣнія о церкви, буде оная есть въ описываемомъ *имѣніи* или *домѣ* и 2) свѣдѣнія о богоугодныхъ заведеніяхъ и училищахъ“. Но вѣдь если бы составители свода на самомъ дѣлѣ держались буквально этой цитаты, то они въ такомъ случаѣ относили бы церковныя строенія къ принадлежностямъ недвижимыхъ имуществъ вообще, т. е., между прочимъ, и *домовъ*, а не исключительно лишь *населенныхъ земель*. Очевидно, стало быть, что и эта цитата помѣщена только для счета.

[1]) См. „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ,“ стр. 421.

Изъ остальныхъ, указанныхъ подъ нашею статьею узаконеній,—три, а именно: указы отъ 16 декабря 1797 г. и 29 декабря 1804 г. (полн. собр. зак. №№ 18270 и 21576) и высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта отъ 15 марта 1810 г. (полн. собр. зак. № 24151), приведены для оправданія причисленія собственно *мельницъ* къ принадлежностямъ населенныхъ земель. Между тѣмъ въ этихъ узаконеніяхъ о мельницахъ точно также говорится, какъ о самостоятельныхъ предметахъ правъ, а вовсе не какъ о принадлежностяхъ, въ техническомъ значеніи этого слова.

Наконецъ, для подтвержденія того, что къ принадлежностямъ населенныхъ земель относятся *мосты, перевозы, плотины и гати,* цитированы ст. 11, 16 и 18 главы IX уложенія 1649 г., заимствованныя, какъ указалъ уже профес. Владимірскій-Будановъ [1]) цѣликомъ изъ артикула 29 раздѣла 1 литовскаго статута редакціи 1588 г., озаглавленнаго „о мытахъ новыхъ и о вольности засаженья мѣстечокъ, о будованью мостовъ або гробель въ имѣньяхъ шляхетскихъ". Но означенныя статьи уложенія царя Алексѣя Михайловича, въ силу которыхъ вотчинникамъ вмѣнялось въ обязанность содержать въ своихъ имѣніяхъ въ исправности мосты, плотины, перевозы и гати, дабы „проѣзжимъ всякимъ людямъ ни зачѣмъ простою и задержанія и убытковъ не было", а также воспрещалось взиманіе новыхъ мытовъ за проѣздъ и провозъ по дорогамъ и мостамъ безъ разрѣшенія правительства („безъ указу"), —эти статьи, какъ относящіяся скорѣе къ области полицейскихъ, нежели къ сферѣ гражданскихъ законовъ, всего приличнѣе было бы цитировать въ уставѣ путей сообщенія (т. XII ч. I) подъ статьями, опредѣляющими правила относительно устройства и содержанія дорогъ, мостовъ, плотинъ и перевозовъ и взиманія сборовъ за пользованіе оными. [2]) Во всякомъ случаѣ изъ содержанія

---

[1]) „Отношеніе между литовскимъ статутомъ и уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича." См. Сбор. госуд. знаній, IV т., 1877 г., стр. 15.

[2]) Подъ нѣкоторыми относящимися сюда статьями устава путей сообщенія (напр. ст. 891—894) дѣйствительно цитируются ст. 12, 14 и 15 главы IX уло-

этихъ статей уложенія никакъ нельзя вывести, что мосты, плотины и перевозы составляютъ принадлежности только населенныхъ, а не вмѣстѣ съ тѣмъ и ненаселенныхъ земель.

И такъ, многочисленныя свидѣтельства, на которыя сослалась редакція свода въ подтвержденіе и разъясненіе правила, изображеннаго въ ст. 386 X тома, сдѣланной на нихъ ссылки далеко не подтверждаютъ.

Поэтому я едва ли ошибусь, высказывая предположеніе, что составители X тома, подражая тогдашнимъ учебникамъ нѣмецкаго права и преимущественно дѣйствующимъ въ Остзейскихъ губерніяхъ гражданскимъ узаконеніямъ, сводъ которыхъ изготовленъ былъ въ первой редакціи ландратомъ Самсономъ, какъ извѣстно, еще въ 1831 году, пожелали съ своей стороны въ раздѣлѣ о разныхъ родахъ имуществъ упомянуть особенно о земскихъ имѣніяхъ (Landgüter) и указать различіе дворянскихъ вотчинъ (Rittergüter) отъ отдѣльныхъ, не составляющихъ цѣлой вотчины, земельныхъ участковъ (Landstellen, Gutsabtheilungen), и *господскихъ дворовъ* (Edelhöfe) съ принадлежащими къ нимъ угодьями (Hofländer), отъ *крестьянскихъ дворовъ* (Bauerhöfe) и принадлежащихъ къ нимъ земель (Bauer-Länder), а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить объемъ сопряженныхъ съ поземельною собственностію *правъ* и притомъ какъ тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ всякому собственнику поземельнаго участка вообще (право на поверхность и нѣдра земли, право на ея плоды, доходы и пр.), такъ и тѣхъ, которыя присвоены только привилегированнымъ, дворянскимъ вотчинамъ (adelige Gutsrechte), и заключаются въ правѣ владѣльцевъ имѣть голосъ въ приходскихъ и училищныхъ конвентахъ, правѣ патроната, правѣ заводить мельницы, правѣ охоты, рыбной ловли, винокуренія и пр. [1]).

женія царя А. М., которыя, по своему содержанію, однородны съ указанными подъ ст. 386 т. X статьями 11, 16 и 18 той же главы уложенія

[1]) Ср. положеніе о крестьянахъ лифляндской губ. 26 марта 1819 г. (пол. соб. зак. № 27735) §§ X, XI и XII—F. G Bunge, Das Liv-und Esthländische Privatrecht Дерптъ, 1838 г. I, §§ 77, 84 и 85.—Сводъ мѣст. узак. губ. Остзейскихъ ч. II, ст. 36, п. 6 и 7, ч. III, ст. 552, 881—896.

Этимъ и объясняется, по моему, что въ положеніи о порядкѣ описи и пр. 1832 г. говорится (§ 42), что при каждой описи недвижимаго имущества прилагаются свѣдѣнія о церквахъ и богоугодныхъ заведеніяхъ и училищахъ (подражаніе упомянутымъ постановленіямъ остзейскихъ законовъ, касательно права владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ участвовать въ управленіи дѣлами церкви, равно какъ въ учрежденіи, содержаніи и управленіи нѣкоторыхъ богоугодныхъ и учебныхъ заведеній), и что соотвѣтственно тому и въ ст. 386, тома X точно также говорится о принадлежностяхъ,—точнѣе, о *правахъ,* присвоенныхъ *населеннымъ* (дворянскимъ) имѣніямъ въ *особенности*: правѣ участія въ управленіи дѣлами церкви („церковное строеніе") и правѣ на устройство *мельницъ* и относящихся къ нимъ сооруженій—*плотинъ и частей,* а въ ст. 387 того же тома—о принадлежностяхъ земель какъ населенныхъ, такъ и ненаселенныхъ, т. е. опять таки о *правахъ,* сопряженныхъ съ поземельною собственностію *вообще*: правѣ на поверхность и нѣдра земли и пр.

Но насколько неумѣстнымъ и неудачнымъ оказалось это подражаніе остзейскому „образцу", замаскированное ссылками на древнія русскія узаконенія — объ этомъ, полагаю, нѣтъ надобности распространяться.

б) принадлежности фабрикъ и заводовъ.

(Ст. 388 т. X ч. I, по прод. 1863 г.)

„Принадлежности фабрикъ и заводовъ суть: всѣ заводскія построенія, посуда и инструменты, земли и лѣса, покосы, руды, соляные разсолы, трубы и всѣ вещества ископаемыя".

Статья эта основана на двухъ сенатскихъ указахъ, послѣдовавшихъ вслѣдствіе именныхъ отъ 20 апрѣля и 11 октября 1762 г., которыхъ я коснулся уже выше, при разборѣ ст. 401 тома X [1]) и на параграфѣ 186-мъ

[1]) Жур. гр. и уг. права за 1885 г., іюнь, стр. 73.

положенія о порядкѣ описи, оцѣнки и публичной продажи имуществъ отъ 25 іюня 1832 г., вполнѣ тождественномъ съ §§ 230 полож. о порядкѣ описи и пр. 19 іюля 1849 г., вошедшимъ цѣликомъ въ ст. 1297 т. X ч. II (изд. 1876 г.) и, по замѣчанію г. Шимановскаго [1]), представляющимся важнымъ въ томъ отношеніи, что „онъ служитъ поясненіемъ, что можетъ быть отдѣлено отъ главной вещи“.

Но для вѣрнаго пониманія смысла самаго этого параграфа и, въ особенности, примѣчанія къ нему, дѣйствительно важнаго для уясненія разбираемой ст. 388 т. X ч. I по вопросу о томъ, въ какихъ случаяхъ находящіяся на фабрикахъ и заводахъ посуды и машины признаются принадлежностями послѣднихъ и въ какихъ случаяхъ первыя считаются отдѣльными предметами движимаго имущества,—вопросу, не мало затрудняющему судебную практику, нельзя опять обойтись безъ сличенія сказаннаго параграфа и примѣчанія къ нему съ тѣми разнородными иностранными источниками, изъ которыхъ оба они безспорно заимствованы.

Эти заимствованія я и укажу въ нижеслѣдующемъ параллельномъ сопоставленіи:

§ 186. Полож. о порядкѣ описи и пр. 1832 года (§ 230 полож. 1849 г.), въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ ст. 1297 т. X ч. II изд. 1876 г.	*Pothier*: „Traité de la communauté (1806 г. т. I стр. 113)
„Вмѣстѣ съ недвижимымъ имѣніемъ продается токмо такое находящееся въ немъ движимое имущество, которое *безъ разстройства* его не можетъ быть отдѣлено. Тѣ пред-	„La Coutume de Paris établit a cet égard une règle en l'article 90, qui est conçue en ces termes: „Ustensiles d'hôtel qui se peuvent transporter *sans fractions et détérioration* („*безъ разстройства*“) *sont*

[1]) Первая часть X тома, II, стр. 40 прим.

меты, кои отъ недвижимаго имѣнія *могутъ быть отдѣлены безъ* неудобства продаются отдѣльно отъ онаго прежде продажи самаго имѣнія."

reputés meubles; mais s'ils tiennent á fer et à cloux, et sont scellés en plâtre, et sont mis pour perpetuelle demeure, et ne peuvent être transportés sans fraction et deterioration, sont censés et reputés immeubles". (Cp. Code civ. art 525.

Cette régle est imparfaits....., il est donc nécessaire pour eclaircir la matière d'établir les règles suivantes.....

Seconde règle. Les choses qui sont tellement attachées à un édifice, *qu'il ne soit pas facile de les en detacher* („не могутъ быть отдѣлены безъ неудобства"), sont présumées y être pour perpétuelle demeure, et faire partie de la maison et edifice où elles sont attachées.

„Таковы суть: 1) *купеческіе (?)* товары, хранящіеся въ описанныхъ лавкахъ, *кладовыхъ* (?) и на фабрикахъ."

Allg. Gerichtsordnung für die Preus. Staaten I, 24, §.71, Anhang, § 158: „Wenn... des *Waaren lager Kaufmanns oder einer Fabrik* oder die Materialien und Waarenvorräthe eines in ausgebreiteten Verkehr stehenden Handwerkers in Bechlag genommen werden sollen, so müssen die auf Execution andringende Gläubiger jederzeit ihre bestimmte Erklärung über die bei der Beschlagnehmung zu treffendén näheren Maasregeln abgeben"....

2) „Мебель, всякая посуда (?), галантерейныя (?) и другія вещи (кромѣ однако же

Allg. Landrecht für die Preus. Staaten I, 2, § 77.

Möbeln, *Hausrath* und *Geräth-*

половъ, каминовъ, вдѣланныхъ въ стѣны зеркалъ и т. п.).“

schaften gehören *nicht nothwendig* zum Hause.

(Что касается половъ, каминовъ и вдѣланныхъ въ стѣны зеркалъ, то о нихъ я поговорю ниже, при разсмотрѣніи ст. 389 т. X ч. I).

3) „Напитки“.

Code civ. art 533. „Le mot *meuble*, employé seul dans les disposition de la loi ou de l'homme, sans autre addition ou désignation, *ne comprend pas. ...vins.*“

(Выше, при разборѣ ст. 401 т. X ч. I, я уже указалъ, что она заимствована, между прочимъ, изъ art. 533 Code civ. Но, по неизвѣстной причинѣ, въ сказанной статьѣ свода слово „vins“ оставлено было безъ перевода: этотъ-то пропускъ и восполненъ въ разсматриваемомъ теперь параграфѣ положенія о порядкѣ описи, гдѣ однако французскія „вина“ замѣнены русскими „напитками“).

4) „Заготовленные въ запасъ или для продажи провіантъ и фуражъ, исключая *отложенныхъ* (?) для перваго посѣва и продовольствія до будущей жатвы и сѣнокоса.“

Allg. Gerichtsordnung I, 24, § 71.

Hingegen soll die Auspfändung.... bei Schuldnern, welche Landwirthschaft treiben auf das.... *bis zur nächsten Ernte nöthige Saat,— Brod und Futtergetreide* nicht erstreckt....werden. (Ср. ст. 974 (п. 3) уст. гр. суд.: „запасы зерноваго хлѣба, сѣна, соломы

и других произрастеній земли, необходимых для наступающаго посѣва и содержанія людей и рабочаго скота въ имѣніи впредь до новаго урожая").

5) „Одежда разнаго рода(?), кромѣ той, которая оставляется владѣльцу."

Allg. G. O. I, 24 § 70, Anh. § 156.

Wenn wider einen noch im Dienste oder auf Pension stehenden Civilbeamten zur Auspfändung geschritten wird, so sollen ihm die zur Verwaltung seines Dienstes erforderlichen Bücher, das unentbehrlichste Hausgeräth, B e t t e n, *anständige Kleider und Wäsche*, nicht genommen....werden", (Ср. ст. 1463 т. X ч. II, изд. 1876 г.): „при описи имущества лица (состоящаго на дѣйствительной военной или гражданской службѣ), должны быть изъяты изъ предназначенныхъ въ продажу всѣ необходимые ему для исполненія служебныхъ его обязанностей (zur Verwaltung seines Dienstes) предметы, каковы суть: *мундирная* (?) одежда, строевыя лошади, нужное бѣлье (anständige Kleider und Wäsche), *ученыя и учебныя*, относящіяся къ его должности. книги (die....erforderlichen Bücher), рукописи (?), инструменты,

а также и совершенно необходимыя для самаго *умѣреннаго домашняго б ы т а* утварь и мебель" (das unentbehrlichste Hausgeräth).

6) „Домашній (*не употребляемый для сельскихъ работъ*) и заводскій скотъ владѣльца *и т. п.* (?)".

Allg. G. O I, 24, § 71.
Hingegen soll die Auspfändung..... bei Schuldnern, *welche Landwirthschaft treiben*, auf das zum Betrieb der Wirthschaft nöthige geräthe, *Vieh und Feldinventarium*.....nicht erstreckt....werden.

7) „Библіотеки, музеи, картины *и т. п.*" (?).

Allg. Landrecht I, 2, §§ 96, 97: „*Zu einer Bibliothek* werden auch die Repositorien und Schränke gerechnet, in welchen die Bücher sich befinden. *Auch zu Naturalien und Kunstsammlungen* gehören die zu deren Aufstellung gewidmeten Behältnisse.

„*Примѣчаніе.* При *полномъ дѣйствіи* (?) фабрики или завода, находящіяся на нихъ посуда и орудія отъ оныхъ не отдѣляются; но когда фабрика или заводъ, *по запущенію или важнымъ поврежденіямъ* (!), *въ бездѣйствіи*, то посуда и орудія продаются отдѣльно. Если они *въ дѣйствіи*, *но не полномъ* (?), то продаются отдѣльно тѣ изъ сихъ вещей, которыя въ излишествѣ и безъ употребленія."

Allg. *Landrecht*, I 2, § 93.
Zu den Pertinenzstücken einer Fabrik werden nur die *zu deren Betrieb bestimmten G e r ä t h schaften* (орудія и снаряды, предназначенные для поддержанія того производства, для котораго фабрика устроена) nicht aber die vorräthigen Materialien oder in der Arbeit befindlichen und noch weniger die bereits verarbeiteten Sachen."

(Ср. вторую часть этого параграфа прусскаго ландрехта съ примѣчаніемъ къ ст. 1122 т. X ч. II, изд. 1876 г., извле-

ченнымъ изъ § 19 положенія о порядкѣ описи 1832 г. (=§ 29 полож. 1849 г.): „издѣлія, окончательно приготовленныя *для продажи*, также матеріалы, приготовленные *для издѣлій*, описываются *какъ товаръ*“ (?).

Таковы дѣйствительные источники одного изъ мнимыхъ источниковъ разсматриваемой статьи 388 т. X ч. I.

Признаться, не хотѣлось бы и вѣрить, чтобы въ законоположеніи, вырабатывавшемся въ продолженіи около 5-ти лѣтъ (съ 1827 по 1832 годъ) особымъ комитетомъ, учрежденнымъ при правительствующемъ сенатѣ, съ спеціальною цѣлью сообразовать правила о порядкѣ описи, оцѣнки и публичной продажи имуществъ „съ *практическимъ* ихъ исполненіемъ и съ *обстоятельствами*, въ теченіи времени открывшимися“ [1]), могли содержаться цѣлые параграфы, бѣлыми нитками сшитые изъ разныхъ, скомканныхъ до неузнаваемости, обрѣзковъ статей, вырванныхъ изъ иностранныхъ кодексовъ. А между тѣмъ фактъ на лицо, и опровергать его—значитъ спорить противъ очевидности.....

в) Принадлежности домовъ.

(Ст. 389 т. X ч. I)

„Принадлежности домовъ суть: части оныхъ, составляющія внутреннюю и наружную отдѣлку, и тѣ украшенія, которыя невозможно отдѣлить отъ зданія безъ поврежденія, какъ-то: мраморные, краснаго дерева и другаго рода полы, мраморные, мѣдные или чугунные камины, дорогіе обои, зеркала въ стѣнахъ *и т. п.*“

Эта статья извлечена изъ 6 пункта § 16 полож. о по-

---

[1]) См. въ П. С. З. вступленіе къ положенію о порядкѣ описи 25 іюня 1832 года.

рядкѣ описи 1832 года, въ которомъ, впрочемъ, недостаетъ словъ: „части оныхъ, составляющія внутреннюю и внѣшнюю отдѣлку", такъ что можно было бы думать, что по крайней мѣрѣ *эти* слова явились въ нашей статьѣ результатомъ обобщающей юридической мысли самихъ составителей свода, если бы нижеслѣдующая справка не убѣдила насъ вновь, что въ X томѣ *мысль* закона находится часто въ безвѣстномъ отсутствіи, а на лицо имѣются лишь *слова* закона, да и то, обыкновенно, чужія, иностранныя. И дѣйствительно, оказывается, что и статья наша и источникъ ея—упомянутый пунктъ 16 параграфа положенія о порядкѣ описи и пр., просто переведены и, притомъ, неточно и невѣрно, опять таки изъ „Traité de la communauté" Потье, въ которомъ (ч. I, стр. 115) читаемъ: „Les choses, qui *peuvent facilіment être déplacées du lieu ou elles sont*, ne laissent pas d'être censées faire partie de la maison, lorsqu'elles y servent à completter la partie de la maison où elles sont placées *cum posita sunt ad integrandam domum*; mais si elles n'y servent que *d'ornement et d'ameublement*, ou pour l'exercice mélier de la personne qui habite la maison, *si posita sunt ad instruendam domum*, elles ne sont pas censées faire partie de la maison, et sont de simples meubles....

Suivant cette règle, *les marbres ou les boiseries dont on revêtit un chambranle de cheminée*, ou les murs d'une chambre, quoiqu'ils puissent être assez facile,ment détachés, sont censés y être pour perpétuelle demeure.....

Par la même raison, le *parquet d'une chambre* est censé faire partie de la maison.....

A l'égard *des glaces et des tableaux qui sont encadrés dans und cheminée*; si ce qui est derrière le glace ou le tableau sont les briques de la cheminée ou quelque planche que ne soit pas de même parure que le reste de la cheminée, en ce cas la glace ou le tableau paroît être mis pour completter cette partie de la maison.....

Au contraire, si ce qui est derrière la glace ou le tableau est de même parure que le reste de la cheminée, en ce cas....on ne peut pas dire....que la glace serve *ad integrandam domum*, elle ne sert que *ad instruendam domum*, et elle ne doit pas, suivant notre principe, être censée faire partie de la maison, mais elle doit être regardée comme un meuble."

Сравнивая приведенныя выписки изъ трактата Потье съ извлеченною оттуда статьею 389-ю свода гражданскихъ законовъ, находимъ, что у Потье выражено то начало, что вещи, которыя въ дѣйствительности *не суть составныя части* дома, *признаются* однакожъ въ правовомъ отношеніи за таковыя, или, выражаясь технически, *разсматриваются* какъ *„принадлежности“* недвижимаго имущества, въ томъ случаѣ, если онѣ служатъ къ восполненію тѣхъ мѣстъ строенія, къ коимъ онѣ прикрѣплены, *хотя бы онѣ могли быть отдѣлены отъ зданія „безъ разстройства или неудобствъ“*; если же соединенныя съ домомъ вещи служатъ единственно для украшенія и для меблировки послѣдняго, то онѣ *не считаются частями дома* или, иначе, *не признаются его принадлежностями.* Между тѣмъ разбираемая статья свода ту же мысль передаетъ совершенно превратно, постановляя, что *принадлежности* домовъ *суть части оныхъ* (!), составляющія внутреннюю и наружную отдѣлку, и тѣ украшенія, которыя *невозможно отдѣлить отъ зданія безъ поврежденія.*

Затѣмъ, вырвавъ изъ связи и перепутавъ слова Потье: „les marbres ou les boiseries dont on revétit une chambranle de cheminée“ и „le parquet d'une chambre“—редакція свода сочинила: „мраморные, краснаго дерева и другаго рода полы“ и „мраморные, мѣдные или чугунные камины“.

Далѣе, изъ помѣщенныхъ у Потье *картинъ* у насъ сфабрикованы „обои“, правда, *„дорогіе“*.

Наконецъ, у Потье же или изъ Code civ. взяты на прокатъ и „зеркала въ стѣнахъ“, при чемъ однако опущено указаніе Потье на случаи, когда и вдѣланныя въ стѣнѣ зеркала *не* признаются принадлежностію дома, а считаются простою движимостію.

Нельзя при этомъ не вспомнить характернаго отзыва Карамзина о „Проектѣ гражданскаго уложенія россійской имперіи“. „Переводчики —замѣтилъ исторіографъ—многое сокращаютъ: они могли бы выпустить и слѣдующія постановленія, ими сохраненныя въ описаніи движимаго и недвижимаго имущества: les glaces d'un appartement sonut censées mises à perpétuelle

demeure, lorsque le parquet sur lequel elles sont attachées, fait corps avec la boiserie etc.... Отъ начала Россіи еще не бывало у насъ тяжбы о сихъ предметахъ и никто изъ русскихъ, читая этотъ проектъ, не догадался бы, что онъ читаетъ *наше* гражданское уложеніе, если бы не стояло того въ заглавіи; все не русское, все не по-русски, какъ вещи, такъ и предложеніе оныхъ“ [1]....

Но если все это сказано о проектѣ гражданскаго уложенія, то не то же ли самое почти нужно сказать и о X томѣ, составленномъ большею частію также изъ переводныхъ статей, въ которыя переводчики иногда только „своимъ вымысломъ“ вставляли, для красоты слога, нѣкоторыя слова и выраженія, невстрѣчающіяся въ подлинникахъ, какъ вотъ, напр., въ разбираемой статьѣ выраженія: „полы (вмѣсто паркетныхъ половъ) изъ краснаго дерева“ и „мѣдные камины“ (вмѣсто мѣдной оправы каминовъ), до коихъ не додумались ни Потье, ни Code civil?

И при всемъ томъ русскіе юристы „отъ большаго и до меньшаго чину“, до самаго послѣдняго времени твердо были убѣждены, что „Сводъ гражданскихъ законовъ россійской имперіи“ дѣйствительно соотвѣтствуетъ своему заглавію, что онъ дѣйствительно составляетъ сборникъ самобытныхъ и самородныхъ *русскихъ* законовъ и что этою именно его *сводностію* обусловливаются какъ его недостатки, такъ, съ другой стороны, и его несомнѣнныя будто бы достоинства.

По истинѣ, приходится вѣрить въ непреложность изрѣченія: habent sua fata libella!

г) О документахъ, признаваемыхъ принадлежностями недвижимостей.

(Ст. 390 т. X ч. I).

„Въ числѣ принадлежностей недвижимыхъ имуществъ полагаются и укрѣпленія на владѣніе ими, какъ то: владѣн-

---

[1]) «Записка о древней и новой россіи» (Русскій архивъ за 1870 г. столб. 2326), баронъ *Корфъ*: «Жизнь Сперанскаго» I, стр. 163.

ные указы, грамоты, крѣпости, межевые планы, книги и *прочіе документы*" [1]).

Помѣщенныя подъ этою статьею цитаты указываютъ на введеніе и пункты 1 и 6 главы 29 „инструкціи межевымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ" отъ 25 мая 1766 г. (полн. собр. зак. № 12659) и на сенатскій указъ 22 мая 1786 г. (полн. собр. зак. № 16395) „о принятіи тяжебныхъ дѣлъ въ казенное вѣдомство по имѣніямъ церковнымъ, поступившимъ въ управленіе директора экономіи и проч.", о которомъ упомянуто мною выше, при разсмотрѣніи ст. 417 т. X ч. I.

Въ введеніи къ межевой инструкціи изложены побудительная причина и цѣль изданія оной: „чтобы таковымъ земель обмежеваніемъ доставлены были всѣмъ поселянамъ покой и тишина, а къ государственному правленію о всѣхъ земляныхъ владѣніяхъ настоящія свѣдѣнія и планы". Въ главѣ же 29-ой этой инструкціи говорится: „о межевыхъ планахъ и книгахъ, гдѣ оные и въ чемъ свидѣтельствовать, откуда и куда отсылать и когда владѣльцамъ раздавать". Что же касается указа 22 мая 1786 г., то въ немъ (пунктъ 1-й) предписывается: „всѣ тѣ монастырскія вотчины со всѣми казенными въ нихъ наличностями принять директорамъ домоводства въ свое управленіе, истребовавъ документы, какъ то: владѣнныя грамоты, крѣпости, межевые планы и тому подобныя доказательства, кои бы служить могли къ утвержденію ихъ владѣнія".

Отсюда видно, что въ обоихъ цитированныхъ подъ нашею статьею узаконеніяхъ нѣтъ прямого указанія на то, что акты укрѣпленія и другіе документы, содержащіе въ себѣ свѣдѣнія о недвижимомъ имѣніи и служащіе къ удостовѣренію какихъ-либо вещныхъ правъ на оное, считаются, въ юридическомъ смыслѣ, принадлежностями главнаго имущества, при-

---

[1]) Напечатанныя здѣсь курсивомъ слова прибавлены впервые во второмъ изданіи свода; ихъ не было въ изданіи 1832 г.

нимая его правовое свойство и раздѣляя его судьбу [1]). Остается поэтому отыскать источникъ разбираемой статьи въ иностранныхъ кодексахъ. И оказывается, что она, дѣйствительно, заимствована изъ § 62 титула 2-го части I прусскаго ландрехта, который гласитъ: Risse, Karten, Urkunden und andere Schriften, welche zur näheren Kenntniss eines Grundstückes oder zur Begründung der Gerechtsame desselben diennen, sind als Pertinenzstücke davon anzusehen".

По поводу приведенной статьи нельзя не напомнить, что въ отношеніи подведенія подъ статьи свода законовъ неправильныхъ ссылокъ на источники, изъ которыхъ онѣ будто бы почерпнуты,— примѣръ, показанный составителями X тома, не остался безъ нѣкотораго вліянія и на редактора свода гражданскихъ узаконеній губерній отзейскихъ, бывшаго профессора Ф. Г. Бунге. Извѣстно, что составленный ландратомъ Самсономъ первоначальный проектъ сего свода не былъ одобренъ, между прочимъ, потому, что въ немъ недоставало вовсе подстатейныхъ ссылокъ на источники. Этотъ пробѣлъ и восполненъ былъ при окончательной редакціи означеннаго свода. Но такъ какъ во многихъ случаяхъ юридическія нормы

---

[1]) Въ своей «Объяснительной Запискѣ» (архивъ Калачева за 1859 г., кн. II) гр. Сперанскій предполагалъ подкрѣпить изображенное въ настоящей статьѣ свода правило ссылками на «прежніе законы объ описи недвижимыхъ имуществъ 1745 г. и на *н вое* положеніе объ описи, оцѣнкѣ и продажѣ имуществъ, какое на сихъ дняхъ состоится». Но въ сводѣ эти узаконенія въ подстатейныхъ ссылкахъ не цитированы и, надо думать, просто потому, что общаго законоположенія объ описи недвижимыхъ имуществъ 1745 г., по справкѣ, вовсе не оказалось, такъ какъ извѣстно, что до введенія положенія объ описи и проч. 1832 г. дѣйствовала составленная, видимо, подъ вліяніемъ германскаго процесса, Высочайше утвержд. 27 іюня и напечатанная 7 августа 1730 г. (Полн. собр. зак. № 5601) инструкція канцеляріи конфискаціи, содержавшая въ себѣ правила о порядкѣ взысканія казенныхъ долговъ, распространенныя впослѣдствіи и на взысканія по дѣламъ частныхъ лицъ, каковая инструкція дополнялась въ подробностяхъ послѣдовавшими въ разное время указами, въ числѣ коихъ, если не ошибаюсь, нѣтъ также ни одного, изданнаго въ 1745 г. Что же касается собственно положенія объ описи 1832 г., то, видно, въ немъ, даже съ крайнею натяжкою, нельзя было отыскать указанія на то, что акты, планы и крѣпости составляютъ *принадлежности* имѣній, въ техническомъ смыслѣ этого термина, или, какъ выразился гр. Сперанскій „причисляются къ недвижимымъ имуществамъ".

заимствованы были изъ учебниковъ права и иностранныхъ кодексовъ, а между тѣмъ на послѣдніе, какъ замѣтилъ С. В. Пахманъ (ист. кодиф., II, стр. 412) неловко было указывать въ смыслѣ источниковъ въ сводѣ, который, по начертанному для него плану, долженствовалъ содержать въ себѣ лишь точное „изложеніе *дѣйствующихъ* законовъ",—то, поневолѣ, приходилось часто прибѣгать къ фиктивнымъ, такъ сказать, цитатамъ. Примѣръ подобнаго указанія неподходящихъ ссылокъ и представляетъ статья 572 ч. 3-ей свода мѣст. узак. остз. губ. 1864 г., соотвѣтствующая разсмотрѣнной ст. 390 X т. и гласящая такъ: „документы, карты и планы, касающіеся пріобрѣтенія недвижимостей и владѣнія ими, признаются принадлежностями сихъ послѣднихъ и проч.". Правило это, очевидно, извлечено профессоромъ Бунге изъ своего же вышеуказаннаго сочиненія: „Das liv—u. esthländische Privatrecht" (Дерптъ, 1838 г.), гдѣ въ § 74, подъ рубрикою: „о главныхъ вещахъ и принадлежностяхъ" говорится: „Die ein Grundstück betreffende Urkünden, Acten, Charten, Risse etc. werden gleichfalls als von dem Grundstück untrennbar angesehen", при чемъ сдѣлана ссылка на разныя мѣста изданнаго въ 1818 году сочиненія Самсона: „Das Erbschaftsrech". Однакожъ, въ сводѣ ст. 572 официально значится основанною на *обычномъ правѣ* и на L. 52 pr. D. de action. emti et vend. (XIX, I), несмотря на то, что этотъ послѣдній фрагментъ не имѣетъ почти ничего общаго съ содержаніемъ упомянутой статьи.

д) Принадлежности имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ.

Ст. 397 т. X ч. I. „*Принадлежности* имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, признаваемыя *принадлежащими* къ залогу, исчислены въ уставѣ кредитномъ.

Ст. 467 уст. кред. т. XI ч. 2, изд. 1857 г.—(ст. 469 изд. 1842 г.).

„Описи въ имѣніи неисправнаго заемщика, подвергается все то, что означено въ выданномъ ему на за-

емъ свидѣтельствѣ.... Предметы движимые подраздѣляются въ семъ отношеніи на *два рода*: стада и табуны, составляющіе овчарные и конскіе заводы *и т. п.*, не почитаются принадлежащими къ залогу и владѣлецъ вправѣ вывесть ихъ или продавать отдѣльно.... Напротивъ того, движимость, неимѣющая отношенія къ *свойству* самаго имѣнія, какъ-то: мебель, картины, рѣдкости, библіотеки, драгоцѣнныя вещи, домашняя утварь *и т. п.*, ни въ какомъ случаѣ не должны быть описываемы. Вся прочая, въ сіи разряды не входящая движимость, почитается принадлежащею къ залогу, въ особенности при фабрикахъ все, что къ нимъ принадлежитъ, должно оставаться на мѣстѣ и входить въ опись для продажи".

Ст. 468 того же уст. изд. 1857 г.—(ст. 470 изд. 1842 г.).

„Движимость, принадлежащая къ залогу и вмѣстѣ съ тѣмъ описываемая, раздѣляется на *три разряда*. Къ первому относятся: въ *имѣніяхъ землепашенныхъ*—земледѣльческія орудія, *а въ фабричныхъ*—машины и фабричные инструменты, *сверхъ того* (?), винокуренная посуда, также всѣ вещи, въ стѣнахъ укрѣпленныя. Вещи сего рода должны быть сданы покупщику по описи, и за утрату оныхъ отвѣтствуютъ лица, въ присмотрѣ коихъ находилось имѣніе. Движимость втораго разряда составляетъ принадлежащій къ хозяйству господскій скотъ, а третьяго—хлѣбъ, фабричные и заводскіе матеріалы и произведенія. Движимость послѣднихъ двухъ разрядовъ принимается покупщикомъ въ томъ количествѣ, сколько окажется на лицо, и онъ не можетъ требовать оной сполна противъ описи, развѣ докажетъ сдѣланную съ того времени лишнюю и умышленную утрату".

Послѣднія двѣ статьи, извлеченныя изъ §§ 328 и 329 положенія о порядкѣ описи и пр. отъ 19 іюля 1849 г., соотвѣтствующихъ дословно п. п. 1 и 2 именнаго указа 12 января 1838 г. (полн. собр. зак. № 10879), представляютъ еще одинъ характерный образчикъ тѣхъ эклектическяхъ пріемовъ, какіе практиковались у насъ въ прежнее время мастерами кодификаціонныхъ фабрикъ [1]).

[1]) Графъ Корфъ сравнивалъ дѣятельность чиновниковъ бывшаго втораго отдѣ-

Дѣло вотъ въ чемъ:

Параграфы 443 и 444 титула 20 ч. I прусск. ландрехта постановляютъ, что вещное право залогодержателя простираются на всю недвижимость и на всѣ находящіяся при ней во время ингроссаціи принадлежности, при чемъ вопросъ о томъ, какія именно принадлежности заложенной вещи или заложеннаго права должны почитаться входящими въ составъ залога, разрѣшается, въ случаѣ спора, по правиламъ, преподаннымъ въ § 42 и слѣдующихъ 2 титула той же части ландрехта.

Въ сихъ послѣднихъ же параграфахъ, послѣ опредѣленія понятія принадлежности, слѣдуютъ постановленія касательно предметовъ, признаваемыхъ принадлежностями разныхъ видовъ недвижимаго и движимаго имущества въ особенности [1]). Такъ, между прочимъ, ландрехтъ постановляетъ, что принадлежностями *земельныхъ имѣній* признаются *обыкновенно* всѣ находящіяся въ немъ вещи, необходимыя для производства хлѣбопашества и для скотоводства (ib. § 48), въ томъ числѣ и находящійся въ имѣніи скотъ, употребляемый для сельскохозяйственныхъ работъ и нуждъ (ib. § 52), но за исключеніемъ скота, предназначеннаго лишь для продажи или для домашняго обихода, а также убойнаго скота (ib. § 54); что *къ пивоваренымъ и винокуреннымъ заводамъ* принадлежатъ всѣ находящіеся въ нихъ и въ подвалахъ корчаги, горшки, котлы, бочки и прочая посуда (ib. § 68); что мебель и *домашняя утварь* не считаются необходимыми принадлежностями *строенія* (ib. § 77); что относительно всякой движимой вещи, вкопанной, вмурованной или посредствомъ плотнической работы вдѣланной въ строеніе, *предполагается,* что она

ленія собств. Е. И. В. канцеляріи по составленію полнаго собранія и свода законовъ „съ благоустроенною фабрикою, гдѣ каждая часть въ постоянномъ движеніи, а движеніе каждой согласовано съ общимъ“. (Жизнь Сперанскаго, II, стр. 314).

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ постановленій цитированы мною въ подлинникахъ выше, при разборѣ ст. 388 т. X.

предназначена служить принадлежностію послѣдняго (ib. § 80); что къ принадлежностямъ *фабрики* причисляются только орудія и снаряды, предназначенные для ея производства, но не заготовленные въ запасъ матеріалы, ни находящіяся еще въ работѣ, ни тѣмъ менѣе уже оконченныя издѣлія фабрики (ib. § 93) [1]); что *къ библіотекамъ* принадлежатъ книжные полки и шкафы (ib. § 96); что, напротивъ того, *гравюры*, вправленныя въ рамы, не составляютъ принадлежностей библіотеки (ib. § 100), и наконецъ, что *къ драгоцѣннымъ вещамъ* принадлежатъ также назначенные лишь для ихъ сохраненія футляры (§ 102).

Затѣмъ, въ отдѣленіи 1 титула одинадцатаго 1 ч. ландрехта, озаглавленномъ „о сдѣлкахъ купли—продажи“, подъ рубрикою „объ обязанностяхъ продавца“, говорится, что если недвижимое имущество продано по *опредѣленной описи*, то принадлежности имущества не должны быть передаваемы покупщику ни въ большемъ, ни меньшемъ количествѣ противъ того, которое значится въ описи (§ 82); что если же *земельное имѣніе* продано *„все, какъ есть“* (in Pausch und Bogen, wie es stehet und liegt), то въ разрядъ принадлежностей онаго входитъ все то, что во время заключенія купли-продажи находилось въ немъ или при немъ и было необходимо для пользы, либо удобства веденія хозяйства, или же употреблялось уже дотолѣ для этой цѣли (§ 83) [2]); что, въ особенности, къ проданному такимъ образомъ помѣстью относится весь находящійся въ немъ рабочій и молодой скотъ, хотя бы онъ, по законнымъ опредѣленіямъ, причислялся, въ другихъ случаяхъ, къ составу экономическаго инвентаря (§ 86), но за то, если бы необходимыхъ, по опредѣленіямъ закона, принадлеж-

---

[1]) Этотъ параграфъ вполнѣ воспроизведенъ въ ст. 573 Остзейскаго свода подъ которою, однако, въ видѣ источника, указанъ *обычай*.

[2]) Этотъ параграфъ, вмѣстѣ съ § 88 ландрехта, также воспроизведенъ Остзейскимъ сводомъ въ ст. 3875, подъ которою снова, въ смыслѣ источника, указано *обычное право*—этотъ якорь спасенія, за который составитель свода хватался всякій разъ, когда для подкрѣпленія содержанія статей нельзя было подобрать подходящихъ ссылокъ на подходящіе источники *дѣйствующихъ* узаконеній.

ностей главнаго имущества и не оказалось въ наличности, то недостающіе предметы не должны быть возмѣщены (§ 87), и что при продажѣ *фабрики* или мастерской „какъ она есть" in Pausch. u Bogen), принадлежностями ея признаются состоящіе на лицо матеріалы, заготовленные въ запасъ, а равно и матеріалы, находящіеся *въ* работѣ, но не выдѣланные уже товары (§ 89).

Вотъ этими-то правоположеніями прусскаго ландрехта и воспользовались наши кодификаторы, но, по обыкновенію, послѣдніе разорвали заимствованный матеріалъ на мелкія части и затѣмъ перемѣшали и перепутали эти отрывки, прибавивъ къ нимъ кое-какія вставки собственнаго издѣлія, и продуктомъ этихъ операцій и явились приведенныя двѣ сбивчивыя и невразумительныя статьи устава кредитнаго, для уясненія коихъ представляется только одно средство — это возстановить затемненный ихъ смыслъ путемъ сличенія ихъ съ источниками, откуда онѣ почерпнуты.

Такъ, начало ст. 467 уст. кред.: „описи въ имѣніи неисправнаго заемщика подвергается все то, что значится въ выданномъ ему на заемъ свидѣтельствѣ"—является результатомъ смѣшенія правилъ, выраженныхъ въ двухъ вышеуказанныхъ параграфахъ ландрехта, помѣщенныхъ въ различныхъ по содержанію отдѣлахъ этого кодекса, и изъ коихъ въ одномъ говорится, что вещное право *залогодержателя* простирается какъ на самое имущество, отданное *въ залогъ*, такъ и на всѣ законныя его принадлежности, а во второмъ постановлено, что если помѣстье *продано по опредѣленной описи*, то покупщикъ не вправѣ требовать передачи ему такихъ принадлежностей имущества, которыя въ описи не содержатся.

Слѣдующее же затѣмъ мѣсто ст. 467 уст. кред., въ коемъ говорится, что овчарные и конскіе заводы относятся къ первому роду движимостей, не признаваемыхъ принадлежностями заложеннаго имѣнія, а также изображенное въ ст. 468 уст. кред. правило, по которому „господскій скотъ" (слѣдовательно, безразлично, рабочій ли или же домашній) составляетъ второй разрядъ движимостей, входящихъ въ составъ

залога и долженствующихъ притомъ быть принятыми *покупщикомъ имѣнія* въ томъ количествѣ, сколько окажется на лицо,— эти оба правила, говорю, могутъ быть поняты лишь по сопоставленіи ихъ съ § 54 титула 2 и §§ 86 и 87 титула 11 ч. 1 ландрехта, изъ коихъ первый опредѣляетъ, что скотъ, предназначенный лишь *для продажи или для домашняго употребленія,* не считается принадлежностію недвижимаго имѣнія, а послѣдніе два постановляютъ, что при *продажѣ* помѣстья *„какъ оно есть“*, даже и такой скотъ признается принадлежащимъ къ имѣнію, но за то, въ отличіе отъ купли обыкновенной, покупщикъ въ такомъ случаѣ не вправѣ требовать пополненія недостающихъ принадлежностныхъ предметовъ, а долженъ довольствоваться тѣми изъ нихъ, которые состоятъ на лицо. Безъ сопоставленія же упомянутыхъ двухъ статей устава кредитнаго съ нѣмецкимъ ихъ оригиналомъ, приходится рѣшительно недоумѣвать, почему „стада и табуны“, обнимаемые вѣдь также понятіемъ о „господскомъ скотѣ“, по одной статьѣ закона, считаются отдѣльными предметами движимости, а по другой, непосредственно слѣдующей статьѣ, отнесены къ разряду необходимыхъ принадлежностей недвижимаго имущества?

Далѣе, если бы мы задались вопросомъ: для чего и въ силу какой ассоціаціи понятій въ ст. 467 уст. кред. перечислены одно за другимъ наименованія такихъ разнородныхъ предметовъ, какъ „мебель, картины, рѣдкости, библіотеки, драгоцѣнныя вещи и домашняя утварь“, а въ ст. 468, непосредственно послѣ фабричныхъ инструментовъ, упомянуто „*сверхъ того*“, о винокуренной посудѣ, а также о вещахъ, въ стѣнахъ укрѣпленныхъ,—то на такой вопросъ возможенъ только одинъ отвѣтъ, а именно, что упомянутыя наименованія вырваны по одиночкѣ изъ отдѣльныхъ, приведенныхъ выше, параграфовъ ландрехта и затѣмъ нанизаны, такъ сказать, подъ-рядъ, хотя не въ той же послѣдовательности, въ какой размѣщены сами эти параграфы. Напр., въ ландрехтѣ, какъ мы видѣли, говорится, что *мебель и домашняя утварь,* по общему правилу, не составляютъ принадлежностей *строеній*;

въ нашемъ же сводѣ объ этихъ предметахъ упоминается при исчисленіи движимыхъ вещей, неимѣющихъ отношенія къ свойству *населенныхъ имѣній*, причемъ наши кодификаторы разъединили эти, обыкновенно неразлучные, предметы, поставивъ между „мебелью" и „домашнею утварью" рѣдкости, библіотеки и драгоцѣнныя вещи; *или*: по ландрехту, футляры признаются принадлежностями *драгоцѣнныхъ вещей*; между тѣмъ ст. 467 уст. кред., умалчивая вовсе о футлярахъ, опредѣляетъ, что драгоцѣнныя вещи не считаются принадлежностями заложеннаго *населеннаго имѣнія*,—въ каковой истинѣ никто и безъ опредѣленія закона ни на минуту не сомнѣвался бы; *или*: въ ландрехтѣ сказано, что машины и инструменты суть принадлежности фабрикъ, а *предъ тѣмъ, на растояніи 31 параграфа*, говорится, что принадлежность *пивоваренныхъ и винокуренныхъ заводовъ* составляетъ разная находящаяся въ нихъ заводская посуда; между тѣмъ, по статьѣ 468 уст. кред., движимостью, принадлежащею къ залогу и вмѣстѣ съ нимъ описываемою, признаются въ *имѣніяхъ фабричныхъ* машины и фабричные инструменты и *„сверхъ того", винокуренная посуда*.

Подобнымъ образомъ сложилось и все остальное содержаніе цитированныхъ статей устава кредитнаго.

Обзоръ постановленій нашего закона о принадлежностяхъ, я закончу указаніемъ на посвященное обсужденію того же предмета и весьма обстоятельно мотивированное рѣшеніе гр. кас. деп. 1884 г. № 75, по д. Череповыхъ (докладывалъ дѣло сенаторъ баронъ Б. Θ. Гойнингенъ-Гюне).

Главный вопросъ, подлежавшій разрѣшенію правит. сената, заключался въ томъ: составляютъ ли экономическій рогатый (?) и домашній скотъ, запасы сѣмянъ и продовольствіе для экономіи, машины, въ недвижимомъ родовомъ имѣніи принадлежности *родоваго имѣнія*, неподлежащія завѣщательному распоряженію? Харьковская судебная палата, руководствуясь ст. 387, 401, 398 и 1011 т. X ч. I и 973 и 974 уст. гр. суд., разрѣшила этотъ вопросъ отрицательно, находя, что поименованные выше предметы, по свойству своему, суть *движимое*

имущество и, притомъ, благопріобрѣтенное, которымъ собственникъ можетъ распоряжаться, а слѣдовательно, можетъ и завѣщать оное, по своему усмотрѣнію. Но кассаціонный сенатъ пришелъ по сему вопросу къ совершенно противоположному выводу, по соображеніямъ, которыя я позволю себѣ привести здѣсь и разобрать подробно, по пунктамъ.

„Изъ совокупнаго разсмотрѣнія статей 386—392 т. X ч. I (разсуждаетъ сенатъ) оказывается, что принадлежностями недвижимыхъ имѣній могутъ быть не только предметы недвижимые, но и предметы и вещи движимые. *Независимо отъ сего* (?), такъ какъ въ этихъ законахъ не выражено никакихъ общихъ началъ, по которымъ слѣдовало бы почитать тотъ или иной предметъ принадлежностью другаго и не проведено никакого различія между *принадлежностями и частями* цѣлаго (курсивъ въ подлинникѣ), главными и побочными вещами, приращеніями, плодами и пр., принадлежности же разнаго рода имуществъ законами сими перечисляются только поименно,—то само собою разумѣется, что ими не исчерпывается понятіе о принадлежностяхъ имуществъ".

Этотъ выводъ сената, смѣю думать, изложенъ, *во 1-хъ*, нѣсколько неточно. Изъ любаго нѣмецкаго руководства по гражданскому праву можно узнать, что вещи раздѣляются на главныя и побочныя или придаточныя (accessio въ обширномъ смыслѣ) и что къ послѣднимъ (какъ это напр. прямо и опредѣлено въ ст. 548 Остз. свода) относятся: 1) существенныя и неотъемлемыя части главной вещи, въ томъ числѣ и приращенія (accessio)—въ тѣсномъ смыслѣ, 2) принадлежности 3) плоды и 4) издержки. Между тѣмъ въ сенатскомъ изложеніи упомянуто *сперва* о принадлежностяхъ и частяхъ цѣлаго, *потомъ* о главныхъ и побочныхъ вещахъ, а *вслѣдъ затѣмъ* о приращеніяхъ и плодахъ; такъ что выходитъ, будто побочныя вещи составляютъ не родовое, а лишь видовое понятіе, наравнѣ съ принадлежностями, приращеніями и плодами. *Во 2-хъ*, заключеніе сената и по существу едва ли правильно, ибо изъ того, что въ ст. 386—392 т. X ч. I „не выражено *общихъ началъ* и что принадлежности разнаго рода имуществъ

этими законами перечислены только поименно“ [1]) —далеко не слѣдуетъ еще *само собою*, что ими не исчерпывается понятіе о принадлежностяхъ имуществъ. Вѣдь для того, чтобы съ увѣренностію можно было сказать, что законъ, перечисливъ поименно извѣстные случаи или предметы, сдѣлалъ это перечисленіе только enunciative, въ видѣ примѣра, а не taxative, т. е. не съ тѣмъ, чтобы ограничить ими одними дѣйствіе правовой нормы, не распространяя оной на другіе случаи или предметы, для этого совершенно недостаточно сослаться на неустановленіе закономъ „общихъ началъ“, которыхъ наши законы и вообще вовсе не содержатъ, а необходимо указать на болѣе вѣскія и основательныя соображенія. Въ данномъ же случаѣ такихъ соображеній сенатомъ не выставлено, да ихъ на дѣлѣ и не имѣется. Напротивъ, не только ясный и точный смыслъ статей 386—392 т. X, трактующихъ о принадлежностяхъ, не даетъ малѣйшаго повода къ предположенію, что къ принадлежностямъ недвижимыхъ имѣній законъ относитъ и предметы, составляющіе земледѣльческій инвентарь (такъ называемый fundus instructus, или правильнѣе—instrumentum fundi), но наоборотъ, предположеніе это положительно устраняется статьею 401 т. X ч. I, которая категорически и безусловно причисляетъ всѣ эти предметы къ разряду движимыхъ имуществъ. Слѣдовательно, выводъ сената, что упомянутыя статьи о принадлежностяхъ должны быть истолкованы распространительно, по соображенію съ общими началами права и съ предполагаемою волею законодателя, обнаруживаемою изъ общаго смысла законовъ, является въ несоотвѣтствіи съ основнымъ правиломъ юридической интерпретаціи, формулированнымъ римскими юристами словами: „*quum* in verbis nulla *ambiguitas* est, non debet admitti voluntatis *qaestio*, а равно оказывается въ противорѣчіи съ установленнымъ самимъ сенатомъ началомъ, по которому „судебныя мѣста могутъ прибѣгать къ толкованію законовъ по общему

---

[1]) Означенныя ковычками слова цѣликомъ заимствованы изъ Курса гражд. права К. П. Побѣдоносцева, (ч. I. изд. 3, 1883 г. стр. 39).

ихъ смыслу только въ случаѣ дѣйствительной неполноты, недостатка или противорѣчія въ законахъ, не присвоивая, подъ видомъ объясненія по одному неосновательному гадательному сомнѣнію, изъятіямъ или исключеніямъ, существующимъ въ законахъ для какого-либо рода дѣлъ, силу и значеніе общихъ правилъ, *ибо такое толкованіе было бы въ существѣ не объясненіе законовъ по общему ихъ смыслу, а возведеніе исключенія въ общее постановленіе*, т. е. *установленіе новаго закона, что составляетъ право одной верховной законодательной власти*“ (рѣш. граж. кас. деп. 1869 г. № 980).

Прослѣдимъ однако тѣ пріемы, посредствомъ которыхъ сенатъ, по подлежавшему его обсужденію вопросу, предполагалъ достигнуть раскрытія общаго смысла законовъ.

„Принадлежностью (объясняетъ сенатъ), *въ тѣсномъ смыслѣ этого термина*, должна считаться всякая вещь, предназначенная служить какой-либо другой главной вещи *и ея цѣлямъ, въ качествѣ вещи вспомогательной; она должна слѣдовать и судьбѣ главной вещи* во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не имѣется въ виду особаго о ней распоряженія или права на нее посторонняго лица“.

Первая половина этой дефиниціи напоминаетъ опредѣленіе, сдѣланное Унгеромъ: „Unter Pertinenzen (Zubehör *im engern und eigentlichen Sinn, Hilfssachen*) verstehet man einzelne Sachen, welche zu einer andern Sache in einem solchen Verhältnisse stehen, dass sie . . . . in der Regel *die juristischen Schicksale derselben theilen*, ohne jedoch . . . . ihre Sebständigkeit gänzlich zu verlieren und zu einem wirklichen Bestandtheile der Hauptsache zu werden . . . Die Pertinenzen *dienen den Zwecken* einer bestimmten Sache (Hilfssachen) . . . . und werden daher *als ihr dienend*, zu ihr gehörig angesehen“ (System, I, S. 435) Но нельзя не замѣтить, что въ сенатскомъ опредѣленіи недостаетъ самого существеннаго, самаго характернаго признака, отличающаго, по Унгеру, принадлежности въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ (Zubehör) отъ приращенія въ тѣсномъ смыслѣ (Zuwachs), — признака, состоящаго въ томъ, что вспомогательныя вещи, находясь въ подчиненномъ, служебномъ отношеніи къ главной вещи, *не теряютъ однакожъ при этомъ вполнѣ своей самостоятель-*

ности и не превращаются въ составныя части главной вещи, вслѣдствіе чего преподанное сенатомъ разъясненіе понятія принадлежности, въ сущности, ничего не разъясняетъ. Что же касается второй части установленнаго сенатомъ опредѣленія, т. е. заключительныхъ словъ: „во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не имѣется въ виду особаго о ней распоряженія или права на нее посторонняго лица", то слова эти съ перваго раза представляются, какъ мнѣ кажется, неудобопонятными; для уразумѣнія же ихъ смысла нужно прибѣгнуть опять таки къ помощи Унгера, закончившаго свое обстоятельное и мастерское изложеніе ученія о принадлежностяхъ слѣдующимъ мѣстомъ (ib. S. 460—461), которое я и приведу здѣсь прямо въ переводѣ.

„Вещи перестаютъ имѣть свойство принадлежностей въ томъ случаѣ, когда ихъ разъединяютъ отъ главной вещи съ намѣреніемъ прекратить навсегда ихъ связь, ихъ службу, ихъ вспомогательное отношеніе къ послѣдней; временное же только обособленіе не лишаетъ еще вещи принадлежностнаго свойства. *Примѣчаніе*. Нѣкоторые писатели.... ставятъ здѣсь то ограничительное условіе, чтобы вспомогательная вещь чрезъ такое обособленіе лишилась принадлежностнаго качества только тогда, когда этому не препятствуютъ права третьихъ лицъ, а въ противномъ случаѣ слѣдуетъ въ юридическомъ смыслѣ принимать, что прежнее отношеніе какъ бы продолжаетъ все еще существовать, хотя бы отдѣленная вещь и переходила уже въ руки посторонняго обладателя. Но это положеніе неточно и неправильно: чрезъ обособленіе вещь рѣшительно теряетъ свое принадлежное свойство и проч."

Такимъ образомъ то, что Унгеромъ сказано касательно условій, *при коихъ вещь перестаетъ быть принадлежностью*, включено гражд. кассац. департаментомъ прямо въ самое опредѣленіе понятія о принадлежностныхъ вещахъ.

Далѣе: „Съ этой точки зрѣнія (продолжаетъ сенатъ) слѣдуетъ указанія *основаній* принадлежностей искать не только въ приведенныхъ 386—392 ст. I ч. X т., но въ другихъ законахъ, и основанія сіи дѣйствительно и обнаруживаются

въ *механической, органической, юридической* и *экономической связи* предметовъ, *хозяйственномъ ихъ значеніи и хозяйственной необходимости,* совершенно положительно признаваемой закономъ въ разныхъ случаяхъ."

Приведенное предложеніе составлено изъ словъ, заимствованныхъ опять изъ первой части курса К. П. Побѣдоносцева (изд. 3-е), гдѣ на стр. 19 читаемъ: „связь между вещами можетъ быть *хозяйственная (экономическая), умственная* (это слово въ сенатскомъ рѣшеніи опущено), *юридическая,*" а на стр. 39: „можно только различить нѣкоторыя, признаваемыя закономъ *основанія* принадлежности: механическую и органическую связь, *хозяйственое значеніе и хозяйственную необходимость.*"

Дѣло однако не въ томъ, что гр. кас. деп. нерѣдко прибѣгаетъ къ дословнымъ заимствованіямъ высказанныхъ имъ въ своихъ рѣшеніяхъ доводовъ и соображеній изъ юридическихъ руководствъ и учебниковъ [1]), а въ томъ, что, по крайней мѣрѣ на сей разъ, выставленное сенатомъ положеніе само по себѣ неточно. Вѣдь существенный признакъ принадлежностной вещи въ собственномъ смыслѣ, какъ это разъяснено Унгеромъ и замѣчено уже выше, заключается именно въ томъ, что она, служа и помогая главной вещи, не вступаетъ однако въ такое *физическое* соединеніе съ нею, при которой первая являлась бы дѣйствительною составною частью послѣдней и образовала бы вмѣстѣ съ нею одно тѣло, одно цѣлое, но продолжаетъ сохранять отчасти свою самобытность, свое отдѣльное существованіе, въ томъ смыслѣ, что общее начало: cedit principali (придаточная вещь слѣдуетъ за главною) не имѣетъ полнаго и безусловнаго примѣненія къ принадлежностной вещи, которая раздѣляетъ юридическую судьбу глав-

---

[1]) Еще покойный Оршанскій указалъ, что, напр., выводы, изложенные въ рѣшеніи гр. кас. деп. сената 1867 г. № 144 (доклада сенатора, князя Ю. А. Долгорукого), содержащемъ въ себѣ разъясненіе ст. 397 т. X ч. I, трактующей о благопріобрѣтенныхъ имуществахъ, заимствованы *цѣликомъ* изъ той же 1 части Курса гражд. права К. П. Побѣдоносцева, хотя въ рѣшеніи не сдѣлано никакой ссылки на этотъ источникъ (Журн. гр. и уг. права за 1873 г., май, стр. 31).

ной, не необходимо *во всѣхъ,* а лишь въ *нѣкоторыхъ* отношеніяхъ и въ *нѣкоторыхъ* только случаяхъ. Между тѣмъ гражд. кас. деп., указавъ сперва самъ (согласно съ Унгеромъ) на необходимость точнаго разграниченія принадлежностей отъ составныхъ частей вещи, непосредственно затѣмъ указываетъ (вслѣдъ за сенаторомъ Побѣдоносцевымъ), какъ на *основанія* принадлежностей, между прочимъ, ихъ *механическую* и *органическую* связь съ главною вещью и, слѣдовательно, смѣшиваетъ опять пертиненціи съ неотъемлемыми частями цѣлаго и приращеніями въ тѣсномъ значеніи.

„Такимъ образомъ (сказано далѣе въ сенатскомъ рѣшеніи) къ принадлежностямъ населеннаго недвижимаго имѣнія, предназначеннымъ служить для содержанія экономіи или хозяйства, *безъ сомнѣнія,* должны быть, въ *извѣстной степени* относимы и поименованные выше предметы, а именно употребляемый для сельскихъ работъ *и домашняго обихода* господскій скотъ, а изъ заготовленныхъ запасовъ провіанта и фуража— потребное количество для перваго посѣва и для продовольствія дома и скота до слѣдующаго урожая. Это подтверждается вполнѣ какъ 467 и 468 ст. уст. кред. т. XI ч. 2, такъ и 974 и 975 ст. (равно и 1104 и 1110) уст. гр. суд."

Но эта аргументація сената едва ли убѣдительна. Несомнѣнно, что отнесеніе предметовъ сельскохозяйственнаго инвентаря къ принадлежностямъ земельныхъ имѣній совершенно согласно съ понятіямъ о принадлежностяхъ. Но дѣло представляестя совсѣмъ иначе съ точки зрѣнія нашего положительнаго закона, ибо статья 401 т. X ч. 1, на которой въ данномъ случаѣ и основывалась главнымъ образомъ харьковская судебная палата, какъ изложено уже выше, прямо и безъ всякой оговорки относитъ поименованные въ сенатскомъ рѣшеніи предметы (земледѣльческія орудія, всякаго рода инструменты и матеріалы, лошади, скотъ, всякіе припасы) къ разряду движимыхъ имуществъ. Причислены же были всѣ эти предметы къ движимымъ имуществамъ подъ вліяніемъ Потье, который, излагая относящіяся сюда постановленія французскаго права, дѣйствовавшаго до изданія Code civil и слѣдовавшаго по сему вопросу

взгляду римскаго права, замѣчаетъ (Traité de la communauté, p. 110): „Les animaux qui servent à l'exploitation des terres, tels que sont les chevaux, les boeufs, les vasches, les troupeaux de moutons.... *de même que toutes les autres choses qui servent à l'exploitation d'une terre, n'en font pour cela partie: instrumentum fundi non est pars fundi*" [1]).

Правда, Потье вслѣдъ затѣмъ присовокупилъ лично отъ себя, что хотя это постановленіе должно, конечно, сохранять свою силу, доколѣ не послѣдуетъ противоположнаго закона, тѣмъ не менѣе, въ видахъ устраненія важныхъ неудобствъ для сельскаго хозяйства, было бы весьма желательно, чтобы изданъ былъ именно такой законъ, по которому предметы, предназначенные собственникомъ земли для ея потребностей и обработки, почитались бы принадлежностями недвижимаго имущества. Правда и то, что тутъ же напечатано примѣчаніе издателя названнаго трактата (Бернарди) о томъ, что Code civil исполнилъ желаніе Потье, постановивъ въ ст. 524, что упомянутые предметы относятся къ категоріи недвижимостей *по ихъ назначенію*. Но вѣдь составители нашего X тома, хотя и пользовались постоянно сочиненіями Потье, на сей разъ не вняли его доводамъ и, не взирая на мнѣніе его и на постановленіе Code civil, причислили сказанные предметы къ движимымъ имуществамъ, предпочитая, должно думать, оставаться вѣрными знамени римскаго права и желая хоть когда нибудь и въ чемъ нибудь проявить свою самостоятельность и независимость отъ Наполеонова кодекса. Между тѣмъ гражданскій кассаціонный департаментъ, игнорируя столь ясно выраженное намѣреніе закона, строитъ свои доводы на статьяхъ устава кредитнаго и устава гражданскаго судопроизводства, извлеченныхъ, какъ мы видѣли, изъ прусскаго ландрехта, который, какъ и всѣ германскія уложенія, держится по вопросу о юридическомъ свойствѣ земледѣльческаго инвентаря

---

[1]) Воззрѣніе римскаго права отразилась и на дѣйствующихъ въ остзейскомъ краѣ гражданскихъ законахъ, въ сводѣ которыхъ прямо и постановлено (ст. 566), что «къ принадлежностямъ помѣстья *не* причисляется такъ называемый инвентарь, т. е. земледѣльческія орудія, посѣвы и скотъ».

воззрѣнія, какъ разъ противоположнаго взгляду римскаго права. Мало того, кассаціонный департаментъ пошелъ даже дальше ландрехта, причисливъ къ принадлежностямъ населенныхъ имѣній и господскій скотъ, употребляемый для *домашняго обихода*, который, по ландрехту (1, 2, 54), ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться принадлежностію самаго имѣнія. Такимъ образомъ нашъ верховный кассаціонный судъ, выражаясь вышеприведенными собственными его словами, подъ видомъ объясненія общаго смысла русскихъ законовъ, въ сущности установилъ *новый* законъ, соотвѣтствующій скорѣе общему духу постановленій прусскаго уложенія.

Любопытнѣе всего, однако, изложеніе слѣдующаго мотива сенатскаго рѣшенія:

„Обращаясь, за симъ, къ разсмотрѣнію движимыхъ принадлежностей недвижимыхъ *родовыхъ* имѣній, правительствующій сенатъ находитъ, что, дѣйствительно, движимая вещь, если присоединяется къ недвижимому имѣнію въ качествѣ принадлежности, то не обращается еще чрезъ это въ недвижимость, кромѣ, конечно, случаевъ прикрѣпленія ея къ таковой; *движимыя же вещи и права* сами по себѣ не могутъ имѣть свойства родоваго имущества (ст. 398 т. X ч. 1) тѣмъ не менѣе и онѣ могутъ получить это свойство, *въ общемъ составѣ* недвижимаго родоваго имущества, именно въ силу той *органической*, экономической или юридической связи, которая дѣлаетъ ихъ принадлежностями его“.

Анализируя „составныя части“ приведеннаго только что періода, замѣчаемъ, что первая его половина—до перваго знака *точки съ запятою*, переведена изъ „системы“ Унгера, а вторая—переписана дословно изъ „Курса“ г. Побѣдоносцева.

Такъ, въ соч. Унгера (ib. I, S. 441) читаемъ: „Ist die Sache, welche zu einer unbeweglichen Sache als Hilfssache hinzukommt, eine bewegliche, so wird sie dadurch allein, dass sie die Pertinenzqualität erhält, nicht zu einer unbeweglichen. (Note.... Wenn die Hilfssache, behufs ihrer Bestimmung, in den Grund und Boden eingefestet und mit einer unbeweglichen Sache in feste Verbindung gebracht wird, so werden

sie, solange diese Verbindung dauert, allerdings zú unbeweglichen Sachen etc)".

Въ курсѣ же г. Побѣдоносцева (I, изд. 3, стр. 52) сказано: „Родовымъ можетъ быть только недвижимое имущество (зак. гражд. ст. 398), но никакъ не движимость. *Движимыя вещи и права* сами по себѣ не могутъ имѣть свойства родоваго имущества. Они могутъ получить это свойство *въ общемъ составѣ* недвижимаго родоваго имущества, когда вслѣдствіе *органической*, экономической или юридической связи съ нимъ, считаются принадлежностями недвижимаго".

Между тѣмъ оба названные ученые являются представителями совершенно различныхъ взглядовъ. Такъ, Унгеръ посвятилъ много талантливыхъ страницъ развитію, повторяю, именно той мысли, что подъ принадлежностными вещами разумѣются лишь такія, которыя, не будучи *физически* соединены съ другою (главною) вещею и не превращаясь въ ея составныя части, связаны съ нею только *юридически*, не теряя при этомъ вполнѣ своей самобытности, и что правовое значеніе движимыхъ принадлежностей недвижимаго имущества, въ отличіе отъ составныхъ частей и приращеній, заключается въ томъ, что онѣ, по закону, разсматриваются какъ недвижимости не *во всѣхъ*, безъ изъятія, а лишь въ *нѣкоторыхъ* правоотношеніяхъ, продолжая въ остальныхъ почитаться движимостію не только по своей природѣ, но и въ юридическомъ смыслѣ, civiliter. Сенаторъ же Побѣдоносцевъ, повидимому, примыкаетъ по сему вопросу къ юристамъ „старой школы", неразличавшимъ строго между принадлежностями въ тѣсномъ значеніи и частями вещи. Гражданскій же кассаціонный департаментъ оба эти противоположные взгляда выразилъ въ одномъ предложеніи, высказывая аподиктически, что хотя (по Унгеру) движимыя вещи, составляющія принадлежности недвижимаго имущества, не становятся еще чрезъ то недвижимостію и хотя (по точному смыслу русскаго закона) движимое имущество *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ считаться *родовымъ*, тѣмъ не менѣе принадлежащій къ родовому имѣнію сельско-хозяйственный инвентарь долженъ счи-

таться (по Побѣдоносцеву) недвижимостію, *а потому* Харьковская судебная палата, ,,признавая противное, поступила несогласно съ *общимъ смысломъ* законовъ о принадлежностяхъ имѣнія, *особенно 386—392 ст. 1 ч. X т.*" (въ которыхъ о предметахъ инвентаря, какъ о принадлежностяхъ населеннаго недвижимаго имѣнія, нѣтъ и помину!)

Вотъ наглядное доказательство справедливости высказаннаго выше положенія, что фраза ,,общій смыслъ законовъ", въ примѣненіи къ нашему гражданскому праву, при теперешнемъ его состояніи, ничто иное, какъ фраза безъ опредѣленнаго содержанія. И дѣйствительно, можетъ ли быть рѣчь о раскрытіи общаго смысла законовъ тамъ, гдѣ законоположенія въ прежнее время являлись не продуктомъ самостоятельнаго юридическаго мышленія, не органическимъ развитіемъ одной руководящей правовой идеи, а компиляціею отрывочныхъ постановленій, заимствованныхъ наугадъ изъ иностранныхъ кодексовъ и юридическихъ книгъ, различныхъ иногда по своему духу и направленію, и гдѣ нерѣдко въ одной и той же статьѣ закона начало не соотвѣтствуетъ концу, все по той же причинѣ, что начало переведено изъ одного иностраннаго кодекса или юридическаго трактата, а конецъ—изъ другого, и гдѣ, прибавлю теперь, даже кассаціонный сенатъ, этотъ верховный блюститель примѣненія прямаго смысла законовъ и правильнаго ихъ толкованія, въ свою очередь, основываетъ подчасъ разъясненіе законовъ на выводахъ, почерпнутыхъ одновременно изъ русскихъ и иностранныхъ юридическихъ руководствъ, излагающихъ теоріи, совершенно между собою несогласныя.

Г. Барацъ.

СМОТРЫ ВЪ ВОЙСКАХЪ [1]).

(къ исторіи военно-уголовнаго законодательства, гл. VII артикула воинскаго).

Значеніе смотровъ въ войскахъ западной Европы въ переходную эпоху военнаго искуства. Мѣры для предупрежденія подставныхъ солдатъ. Постановленія о смотрахъ для войскъ регулярныхъ.

Смотры въ русскомъ войскѣ до Петра Великаго. Органы для мобилизаціи помѣстнаго войска. Нѣтчики. Преслѣдованіе ихъ по русскимъ законамъ. Неудовлетворительность первоначальныхъ иностранныхъ законовъ о смотрахъ.

Законы шведскаго военно-уголовнаго кодекса и другіе иноземные „о смотрѣ" (Von der Musterung).

Законы Петра I „о смотрѣ".

Заключеніе. Постановленія о смотрахъ военно-административные и военно-уголоеные.—Сличеніе артикула воинскаго съ соотвѣтственными законами о смотрахъ въ военно-уголовномъ уставѣ (1838—1868 г.) и въ нынѣ дѣйствующемъ (съ 1868 г.) воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ.

---

[1]) Одна изъ главъ *втораго выпуска* Артикула Воинскаго, приготовляемаго къ изданію. Въ настоящей статьѣ исключены подробныя цитаты и замѣтки съ объясненіями иностранныхъ и русскихъ законовъ.

Военно-уголовные законы XVII столѣтія служатъ замѣтнымъ выраженіемъ поворота отъ старыхъ средневѣковыхъ началъ къ новому порядку устройства войскъ. Въ новыхъ войскахъ коплектованіе, устройство, управленіе, судъ подчиняются тѣмъ же условіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ началось развитіе западно-европейскихъ монархій. Въ военно-уголовныхъ нормахъ стремились начертать требованія частію новыя, частію переданныя въ наслѣдіе отъ бывшей неурядицы. „Смотры" получили значеніе первостепенной важности, какъ средство для постояннаго контолированія государственною властію личнаго состава войскъ, исправности въ одеждѣ, вооруженіи и снаряженіи солдатъ, по установленнымъ образцамъ, а равно правильности удовлетворенія денежнымъ содержаніемъ. Военное право строго карало нарушенія законовъ о смотрѣ. Монархическая власть не могла допускать продолженія тѣхъ безпорядковъ въ новыхъ постоянныхъ войскахъ, которые были свойственны войскамъ временнымъ, собираемымъ на опредѣленный срокъ и распускаемымъ съ наступленіемъ зимы или осенняго ненастья.

Переворотъ въ устройствѣ войскъ съ XV столѣтія совершался, какъ мы знаемъ, въ извѣстной послѣдовательности. Съ паденіемъ рыцарства, дворянское сословіе перестало быть выразителемъ военнаго искуства. Ленныя или земскія ополченія первоначально составляли наиболѣе многочисленные контигенты въ арміяхъ Имперіи, Франціи, Бургундіи и проч.; но временныя войска обнаружили свою несостоятельность на поляхъ Богеміи и въ Швейцаріи, гдѣ имъ противостали храбрые, согрѣтые патріотизмомъ, скованные дисциплиною гусситы и швейцарцы.

Роль городовыхъ ополченій въ Имперіи кончилась; городамъ стало болѣе выгоднымъ обратиться къ скромнымъ и прибыльнымъ занятіямъ мастерствами, увеличивать доходы, развивать промыслы. И боевые цехи горожанъ, какъ и ленныя ополченія, сдѣлались годными только для внутренней обороны. Франціи, а за нею и Бургундіи, не удалось упрочить организаціи постоянныхъ войскъ, для которыхъ составлены

были уставы и правила въ ордонансахъ. Къ концу XVI вѣка пріобрѣли значеніе наемники; ихъ призывали и императоръ и короли для борьбы съ непокорными еще вассалами и для войнъ между собою. Въ этомъ отношеніи, послѣ *гусситовъ*, особенную славу пріобрѣли *швейцары* съ конца XV столѣтія; послѣднихъ скоро затмили *ланцкнехты*. Тѣ и другіе формировалась вербовкою и почти на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ.

Съ началоыъ XVI столѣтія на поляхъ Италіи, въ борьбѣ Франціи съ императоромъ, изъ смѣшенія разныхъ элементовъ наемниковъ—преимущественно швейцарцевъ и ланцкнехтовъ, сталъ вырабатываться типъ европейской пѣхоты, согнавшей съ исторической арены феодальныя ополченія. Между тѣмъ успѣхи огнестрѣльнаго боя пѣхоты и улучшенія въ матеріальной, а также въ технической части артиллеріи, заставили постепенно отказаться отъ закованной въ тяжелые латы рыцарской конницы. Рядомъ съ нею, въ теченіи XVI стол. появились, съ болѣе легкимъ снаряженіемъ, болѣе подвижные виды конницы: въ Италіи *гинеты* (или копейщики), въ Имперіи *рейтары*, устроенные на подобіе пѣхотныхъ ланцкнехтовъ, въ Венгріи *гусары*, въ Нидерландахъ и во Франціи *кирасиры*, *аркибузьеры*, *драгуны*, *карабинеры*.

Вербовочная система комплектованія войскъ въ теченіи XVI вѣка пустила глубокіе корни преимущественно въ Германіи. По мѣрѣ того, какъ лучшіе классы народонаселенія отвыкали отъ военной службы, когда дворянину - помѣщику, получившему патентъ на вербовку части, стало труднѣе находить въ средѣ своихъ подданныхъ охотниковъ къ боевой жизни, когда горожане все болѣе и болѣе стали углубляться въ свои личныя интересы; — тогда къ вербовочному столу рѣже являлись дворяне и свободные люди, имѣвшіе средства, чтобъ обзавестись оружіемъ и снаряженіемъ; напротивъ къ нему чаще и чаще подходили бѣглые крѣпостные, недовольные слуги, разные авантюристы и плуты, склонные къ бродячей жизни и бездѣлью.

Составъ вербовочной арміи наемниковъ ухудшался, и зло

распространялось на всю страну, развращая нравы, плодя жестокости, преступленія, гоненія. „Недостатки въ организаціи арміи привели къ существованію массы бродячихъ солдатъ; это были распущенные изъ арміи солдаты, которые, промотавъ все пріобрѣтенное на службѣ, посвящали себя мародерству и грабежамъ, не будучи способны къ какому либо труду. Къ этимъ бывшимъ солдатамъ присоединялись обыкновенные бродяги. Эти бродячія шайки изобрѣли особый свой языкъ изъ смѣси италіанскихъ, нѣмецкихъ и еврейскихъ словъ; на этомъ же языкѣ они приглашали къ поступленію въ ихъ сотоварищество, говоря: „каждый умѣющій распознавать мужиковъ, ихъ надувать, искусно владѣть *рекkедисомъ* (инструментъ для ловли куръ, гусей) и ловкій на всякое воровство— получаетъ жалованья по одному гульдену въ день" [1]).

Такъ было въ началѣ XVII вѣка; но сто лѣтъ тому назадъ, организаторъ ланцкнехтовъ, императовъ Максиміліанъ I, мечтавшій воскресить въ этомъ войскѣ порядки и обычаи изчезавшаго рыцарства, старался ввести въ нѣмецкихъ дружинахъ (фенлейнахъ) вѣрность и повиновеніе, мужество и храбрость, единодушіе и порядокъ, умѣренность и трезвость (Kriegs-Articke! de an. 1508 Corpus Juris Militaris Novissimum; T. I).

Надзоръ за правильнымъ комплектованіемъ фенлейновъ и снаряженіемъ солдатъ былъ порученъ особенно довѣренному лицу—*Musterherr'y* т. е. инспектору (или коммисару у французовъ); онъ былъ обязанъ не только производить смотры, но и обучать солдатъ, раздавать имъ жалованье на основаніи правилъ, давно извѣстныхъ въ войскахъ западной Европы.

На первомъ смотрѣ, при формированіи части, инспектору предстояло обращать вниманіе на годность солдатъ къ службѣ. Въ назначенный для смотра день завербованные ланцкнехты собирались на опредѣленномъ мѣстѣ и здѣсь каждый капитанъ (Hauptmann) долженъ былъ пропустить передъ инспекто-

---

[1]) А. Пузыревска о. Истор. воен. иск. въ сред. вѣка (X—XVI стол.). Ч. II, стр 151. О попыткахъ къ учрежденію постоянныхъ войскъ въ Европѣ «Рюстовъ, Исторія пѣхоты». Кн. Голицынъ. Meynert, Friccins и другіе писатели.

ромъ, сидѣвшимъ за столомъ, черезъ ворота, устроенные изъ пикъ, всѣхъ людей своей роты по одиночкѣ. Инспекторъ дѣлалъ повѣрку по списку, представленному капитаномъ, смотрѣлъ, чтобы не было людей негодныхъ къ службѣ, убѣждался, выдано ли двойное жалованье, кому оно было положено за хорошее снаряженіе, особенно предохранительнымъ оружіемъ, за боевой опытъ, за военную выправку и проч. Кромѣ того онъ слѣдилъ также, чтобы не было въ ротахъ людей неспособныхъ въ физическомъ отношеніи (Meynert).

При инспекторѣ находилось нѣсколько писарей, дѣлавшихъ отмѣтки въ спискахъ, и казначей (Pfeningmeister), раздававшій жалованье. Отчетъ о результатахъ смотра (Protocoll) инспекторъ представлялъ въ высшее военное установленіе, или старшему надъ войскомъ начальнику, или самому государю.

Военное ремесло того времени часто было дѣломъ спекуляціи начальниковъ; числительная сила полка нерѣдко была призрачною. Убѣдиться въ годности навербованныхъ солдатъ къ службѣ было не трудно; но трудно было услѣдить за сильно укоренившимися злоупотребленіями [1].

Ланцкнехты, подобно многимъ вновь организованнымъ войскамъ въ средніе вѣка, быстро пришли въ упадокъ. Неисправная уплата жалованья, бездѣльная и праздная жизнь послѣ роспуска войскъ, крайній произволъ полковниковъ, тратившихъ вербовочныя деньги на свои прихоти, испортили нравы ланцкнехтовъ, которые въ началѣ пользоволись, однако, доброю славою. Развился *обычай* обманывать инспектора посредствомъ искуственнаго наполненія рядовъ, чрезъ подставныхъ солдатъ, такъ называемыхъ „слѣпыхъ и хромыхъ“ („Blinde und Lahme“, во Франціи — Passevolants). Такой негодный матеріалъ былъ всегда подъ рукою у полковниковъ и капитановъ, нечуждыхъ знакомства съ *наемническими братствами* (Söldnerbruderschaften), и не гнушавшихся вступать въ темныя

---

[1]) Рюстовъ, ч. I, стр. 176. А. Пузыревскій ч. II, стр. 96. Meynert Geschichte des Kriegswesens und der Heerfervassungen in Europa; II. Band., s. 71—72.—См. Инстукцію въ Corp. Jur. Milit. Novissimum.

сдѣлки съ бродягами!.... По окончаніи смотра „слѣпые и хромые“ распускались, подѣлившись полученными гульденами съ командиромъ полка или роты. Вербовочный *шантажъ* долгое время поддерживался бродягами и авантюристами, которыми капитаны заполняли свои списки подъ вымышленными именами. За недостаткомъ авантюристовъ, бродячихъ братьевъ-товарищей, ряды охотно наполнялись доброю услугою другаго капитана, который охотно ссужалъ сосѣда по оружію и званію за извѣстную плату, или въ надеждѣ на взаимную услугу: вѣдь и самого навѣрное постигнетъ внезапный смотръ ретиваго инспектора! Солдаты, въ свою очередь, для смотра ссужали другъ друга оружіемъ, амуниціей, лошадьми, сѣдлами и пр. Оружіе могло быть проиграно, пропито или заложено; но къ смотру все должно быть исправно! На бумагѣ, по отчету инспектора, такъ и было: всѣ люди и лошади на лицо, всѣ пѣшіе и конные вооружены, снаряжены. Но первые же дни похода обнаруживали неимовѣрные безпорядки въ частяхъ войскъ: онѣ выступали съ квартиръ не рѣдко съ половиннымъ числомъ солдатъ, съ крайне неисправнымъ оружіемъ, съ недостатками въ снаряженіи; солдаты шли съ пустымъ кошелькомъ—деньги проиграны или пропиты; впереди—разграбленіе селъ, насилія, добыча взятыхъ у непріятеля городовъ!

«Обманы всякаго рода такъ разнообразны и многочисленны, что невозможно разсказать о нихъ; однако существуетъ мнѣніе, что если бы коммисары были бдительны, внимательны и совѣстливы, чего тяжкая эта обязанность отъ нихъ собственно и требуетъ, то не было бы болѣе на смотрахъ подставныхъ «Blinde», изчезли бы злоупотребленія и въ довольствіи солдата не было бы безпорядковъ“. Corp. jur. milit. novis. II: Brandenburg. Artic. Brief. art. 72.

Такъ писалъ комментаторъ, объясняя артикулъ бранденбургскаго устава, спустя почти столѣтіе послѣ обнародованія въ 1627 году, для союзныхъ армій, инструкціи о порядкѣ производства смотровъ, извѣстной подъ именемъ „Articulirte Jnstruction“.

Эта „артикульная инструкція“ чрезвычайно подробна и многословна; въ ней даются мелочныя наставленія для производства опроса каждаго солдата

Когда солдаты на квартирахъ, то „смотровой комисаръ„ обязанъ свести счетъ всѣмъ домамъ, въ которыхъ солдаты расквартированы, и о числѣ солдатъ расправшивать бюргеровъ (горожанъ) и крестьянъ. Въ конницѣ на смотру представляютъ годныхъ рейтаръ и лошадей, а когда смотръ оконченъ, на ихъ мѣсто ставятъ лошадей негодныхъ и парней (Bube). Надобно хорошо осматривать лошадей, денщиковъ и слугъ (что бы къ смотру не заполнялись ими пустыя мѣста.) Смотровому коммисару нужно стараться занять мѣсто у городскихъ воротъ или на церковной паперти, и заставить мимо себя проходить одного солдата за другимъ, внимательно наблюдая, чтобы прошедшіе одинъ разъ, не прошли бы вторично подъ вымышленнымъ именемъ и т. д. Corp. jur. milit. novis. II, стр. 436.

Подробныя инструкціи и уставы не помогали дѣлу. Подставныхъ ловили, вѣшали, доносчикамъ платили по 20 рейхсталеровъ съ почетнымъ удаленіемъ ихъ изъ службы и съ выдачею конвоя для безопаснаго удаленія изъ рядовъ войскъ. Злоупотребленія этого рода не прекратились въ прусской и саксонской арміяхъ даже въ первой четверти XVIII вѣка.

Обманныя дѣйствія въ вербовочныхъ войскахъ нашли строгаго порицателя въ шведскомъ королѣ и полководцѣ Густавѣ-Адольфѣ, въ арміи котораго въ Германіи были нѣмецкіе союзники, коихъ войска пополнялись вербовкою. Полководцу не мало было хлопотъ съ своими союзниками; ему весьма трудно было бороться со зломъ, глубоко укоренившимся въ Германіи. Въ его кодексѣ въ главѣ XXI „о смотрѣ" злоупотребленія начальниковъ и солдатъ преслѣдуются сурово. Командиръ (полковникъ, капитанъ), пополняющій свои ряды заимообразно отъ другаго, объявляется шельмою, по приговору военнаго суда, а послѣ возложенія на него знамени, изгоняется палочными слугами вонъ изъ лагеря. Солдатъ, ставшій въ строй по найму подъ чужимъ именемъ, за первые два раза подвергается наказанію шпицрутенами, а въ третій разъ — казнится мечомъ. Всадникъ, отдавшій другому взаймы для смотра свою лошадь, сѣдло, оружіе, амуницію, лишается этихъ предметовъ (въ пользу ротмистра и профоса), объявляется безчестнымъ (шельмой) и изгоняется вонъ изъ арміи и т. д.

Смотры въ Германіи и во Франціи не ограждали наемныхъ войскъ отъ злоупотребленій; суровыя наказанія и по-

ощреніе доносчиковъ не препятствовали существованію глубоко укоренившагося зла въ нравахъ западно-европейскихъ армій; обманныя дѣйствія солдатъ не прекращались, пока не установились *опредѣленныя положенія* (штаты) *довольствія, денежнаго и вещеваго, и пока не была введена въ войскахъ твердая система постояннаго надзора.*

Съ слабыми сторонами вербовочной системы комплектованія постоянныхъ національныхъ войскъ, унаслѣдованными отъ среднихъ вѣковъ, пришлось бороться Франціи, послѣ введенія рекрутскихъ наборовъ, и Пруссіи, при вербовочной системѣ комплектованія, не смотря на широкія права инспекторовъ или коммисаровъ.

Въ русскихъ помѣстныхъ войскахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, до преобразованія ихъ, существовало зло другаго рода, происходившее отъ коренныхъ недостатковъ мобилизаціи. Не смотря на усиленный контроль центральной власти, помѣстная система должна была пасть съ развитіемъ военнаго искуства и съ умноженіемъ числа постоянныхъ войскъ въ Россіи.

„Смотры" въ русскомъ войскѣ стараго устройства, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, производились: въ 1-хъ) для удостовѣренія въ правильности мобилизаціи войскъ, на отдѣльныхъ сборныхъ пунктахъ въ городахъ; „а взявъ по спискамъ всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей, пересмотрѣти всѣхъ на лицо", и во 2-хъ) для провѣрки, на общихъ сборныхъ пунктахъ, наличнаго числа ратниковъ, ихъ вооруженія, снаряженія, и для раздачи войскамъ денежнаго жалованья передъ началомъ похода.... „велимъ ихъ смотрить на конѣхъ, во всякой ратной сбруѣ, также и саадаковъ и долгихъ пищалей и карабиновъ у *нихъ* и у *людей ихъ* велимъ смотрить" (царск. грам. 1643 г. въ Акт. археогр. эксп. т. III, № 319); или: „чтобъ они на нашей службѣ противъ нашего указу въ збруяхъ, латахъ, бехтерцахъ, въ пансыряхъ и въ шоломѣхъ и въ шапкахъ мисюркахъ...." (тамъ же).

Передъ началомъ похода смотры войскамъ не рѣдко производились самимъ государемъ въ Москвѣ (напр. государеву полку). Мѣстные (мобилизаціонные) смотры производились каждый разъ по особымъ наказамъ, или передъ началомъ войны, или же въ извѣстные промежутки времени, для провѣрки мобилизаціонныхъ списковъ, или же при назначеніи въ городовые воеводы новыхъ лицъ. Назначенные государемъ сборщики, особо довѣренныя лица, или же городовые воеводы вмѣстѣ съ присяжными *окладчиками*, избираемыми изъ лучшихъ людей, опредѣляли годныхъ на службу *новиковъ*, приводили въ извѣстность умершихъ, плѣнныхъ, увѣчныхъ, отставныхъ, дѣлали пополненія въ помѣстныхъ и денежныхъ окладахъ, удостовѣрялись въ исправности и годности вооруженія и снаряженія. Подробные именные списки, по статьямъ окладовъ, отсылались въ разрядъ въ двухъ экземплярахъ. Войсковые же смотры (на общихъ сборныхъ пунктахъ) дѣлались распоряженіемъ главнокомандующаго, назначенными (полковыми) воеводами, по спискамъ, высланнымъ изъ разряда, причемъ объ отсутствующихъ и неявившихся *нѣтчикахъ*, по собраніи подробныхъ свѣдѣній (*сказокъ*) отъ окладчиковъ и вѣры достойныхъ людей, составлялась особая вѣдомость, которая и представлялась въ разрядъ для свѣдѣнія и дальнѣйшихъ распоряженій съ цѣлью побужденія городовыхъ властей высылать нѣтчиковъ на службу. Явившимся (*естемъ*) на сборный смотръ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и проч. смотровые воеводы составляли другую вѣдомость, на основаніи *разборныхъ списковъ*, съ отмѣтками по каждой статьѣ „какъ кто люденъ, коненъ и оруженъ“; по этому списку наличнымъ ратникамъ раздавалось Государево денежное жалованье.

Для разсылки съ вѣстями о мобилизаціи войскъ, или для явки на смотръ въ города, или для побужденія нѣтчиковъ къ явкѣ на службу—городовые сборщики или городовые воеводы посылали *высыльщиковъ* „стрѣльцовъ, пушкарей, разсыльщиковъ и иныхъ чиновъ, кого пригоже, многихъ людей“. Въ болѣе важныхъ случаяхъ посылались изъ городовъ без-

помѣстные дѣти боярскіе, губные старосты, городовые приказщики [1]).

Таковы были общія основанія для „смотровъ" въ русскомъ помѣстномъ войскѣ до конца XVII вѣка. И тѣ же общія начала были постепенно распространены на владѣвшихъ помѣстьями новокрещеныхъ татаръ, городовыхъ казаковъ и, наконецъ, на помѣстныхъ иноземцевъ.

Двойственный контроль мобилизаціи войскъ въ Россіи существовалъ съ давнихъ поръ; посредствомъ него московскіе государи удостовѣрялись, какъ сказано, въ своевременности комплектованія и въ исправномъ снаряженіи и вооруженіи „дворянъ и дѣтей боярскихъ", вообще помѣстныхъ служилыхъ.

Сложною процедурою смотровъ и сборами войскъ во всемъ государствѣ завѣдывалъ разрядъ, въ которомъ сосредоточивались самыя подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ имущественномъ и родовомъ состояніи московскихъ чиновъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, новокрещенныхъ татаръ и проч. Разрядъ не только распоряжался высылкою опредѣленнаго числа людей изъ каждаго города, но зналъ поименно каждаго ратника, могъ точнѣйшимъ образомъ опредѣлить, сколько каждый дворянинъ и сынъ боярскій можетъ выставить людей и лошадей, съ какого рода вооруженіемъ и снаряженіемъ и т. п.

Такимъ образомъ, въ то время, когда въ Россіи существовало многочисленное дворянское сословіе, *обязанное* военною службою, въ западной Европѣ даже значительныя по своему могуществу государства могли выставить ограниченное число *національныхъ войскъ*; для управленія ими достаточны были незначительныя мѣстныя учрежденія. Но тамъ уже въ началѣ XVI столѣтія леннымъ (земскимъ) ополченіямъ стали предпочитать наемниковъ; у насъ же наемники

[1]) Акты археогр. экспед., Акты истор., Дополнен. къ актамъ истор.—Первые три тома 1-го пол. собр. зак.: постановленія Іоанна Грознаго, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича.

являлись какъ бы случайно, и до конца XVII вѣка продолжаетъ господствовать помѣстное войско, преимущественно конница.

Несмотря на цѣлесообразную организацію производства смотровъ помѣстнаго національнаго войска въ Россіи, мобилизація дворянъ и дѣтей боярскихъ въ общемъ не достигала ожидаемыхъ результатовъ. Въ случаѣ призыва, многіе служилые, не взирая ни на старость лѣтъ, ни на долговременность службы, шли на службу поспѣшно и являлись на смотръ къ назначенному въ наказѣ сроку; но другіе, напротивъ, шли лѣниво, безпечно, приходили къ войску едва ли не къ концу кампаніи; третьи же, подъ разными предлогами, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, оставались дома. Но были и такіе служилые дворяне, которые, явившись на смотръ и получивъ жалованье, уходили домой безъ отпуска ранѣе срока. Это явленіе, слишкомъ откровенное, напоминаетъ „слѣпыхъ и хромыхъ“ вербовочныхъ войскъ. Передъ самымъ началомъ похода на смотрахъ оказывался большій недочетъ въ численномъ составѣ людей. И разрядъ тутъ ничѣмъ не могъ помочь.

Такъ напримѣръ, въ 1679 году, изъ числа 85,477 человѣкъ, призванныхъ по спискамъ на службу, явилось на смотръ на сборномъ пунктѣ только 69,321. (Кн. разряда II, стр. 1380); стало быть число „нѣтчиковъ“ составило 16,156 человѣкъ или почти 17% въ началѣ похода.

Число нѣтчиковъ, случалось, доходило до половины числа войскъ, предназначавшихся разрядомъ къ походу, и это число на походѣ росло отъ побѣговъ. Несмотря на *разработанную систему комплектованія помѣстныхъ войскъ*, смотры, въ сущности, не достигали и другой цѣли. У прибывшихъ въ сборъ своевременно по осмотрѣ оказывались недостатки и неисправности въ вооруженіи, снаряженіи, припасахъ. Исправлять эти безпорядки некогда было воеводамъ. Наконецъ стало распространяться уклоненіе отъ помѣстной службы черезъ утайку на городовыхъ смотрахъ или своего имущества, или лицъ, приходившихъ въ возрастъ, годный для службы.

Нарушеніе порядка въ отправленіи службы по мобили-

заціи войскъ *сборщиками* и *окладчиками* и уклоненія отъ сборовъ служилыхъ *нѣтчиковъ* (неявка на смотръ, неприбытіе къ сборному пункту, уходъ съ похода послѣ выдачи жалованья) преслѣдовались уголовными наказаніями, которые иногда сопровождались уменьшеніемъ денежнаго оклада при новомъ сборѣ и даже конфискаціей части или всего имущества.

Наказанія за нарушенія порядка смотровъ не были выработаны въ систему. Наказы и именные указы по поводу смотровъ для сбора помѣстныхъ войскъ издавались обыкновенно по мѣрѣ необходимости, или случайно; въ нихъ детально развитъ порядокъ мобилизаціи войскъ, но въ нихъ отсутствуютъ юридическія основанія для опредѣленія уголовныхъ наказаній, какъ сборщикамъ и окладчикамъ, такъ и нѣтчикамъ. Таковыя назначались волею государя и измѣнялись въ формѣ, какъ въ родѣ, такъ и въ степени.

Главную роль на смотрахъ по мобилизаціи войскъ играли „сборщики"—довѣренные люди государя и „окладчики", избираемые изъ лучшихъ людей по городамъ. Сборщиками по должности, кромѣ того, были городовые воеводы.

„Сборщикамъ" и „окладчикамъ", за неправильныя ихъ дѣйствія на смотрахъ, какъ сказано, угрожалось царскою опалою:

„А буде они (сборщики), будучи въ тѣхъ городѣхъ, учнутъ ратныхъ людей разбирать мѣшкотно, или къ кому чѣмъ учнутъ приметываться, или ратныхъ людей учнутъ разбирать неправдою, а новиковъ верстать, мимо государева указа и указныхъ статей, а послѣ про то сыщется, или въ томъ на нихъ будутъ челобитчики... за то имъ быть въ великой опалѣ".

„А то имъ *окладчикамъ* сказать именно, кто по комъ покроетъ для службы, или кто по комъ скажетъ для недружбы, а послѣ то взыщется: и тѣмъ окладчикамъ отъ государя быть въ великой опалѣ и казни".

Окладчикъ, уличенный городомъ во лжи или въ какой либо другой *неправдѣ*, наказывался батогами или заключался въ тюрьму, а за большую вину „бити кнутомъ, смотря по винѣ"; а который окладчикъ будетъ дѣлать неправды не въ *одной статьѣ*, того „бивъ батогами или кнутомъ, посадити въ тюрьму до государева указа". Уличенныхъ въ неправильныхъ и пристрастныхъ дѣйствіяхъ сажали въ тюрьму, и на ихъ мѣсто выбирали новыхъ. „А будетъ и всѣ окладчики учнутъ дѣлати неправдою, а объявится у нихъ воровство и неправда,

и на тѣхъ писати государю, а ихъ до государева указа посадить въ тюрьму, а на ихъ мѣсто выбрать иныхъ окладчиковъ и дѣлати съ тѣми окладчики государево дѣло по государеву указу". [1]).

За обманныя дѣйствія по поводу сборовъ—*уклоненія отъ явки на смотръ, неприбытіе къ назначенному сроку на смотръ или на службу, неисправность въ вооруженіи и снаряженіи, утайку лицъ, пришедшихъ въ годность для полковой службы*, московскіе чины, выборные и городовые дворяне и дѣти боярскіе подвергались разнообразнымъ наказаніямъ и чаще всего конфискаціи части помѣстнаго оклада, или всего оклада и даже вотчины. Въ этомъ отношеніи трудно установить какія либо нормы.

Уклоняющихся отъ смотровъ или службы, что въ сущности не всегда одно и тоже, обыкновенно называли *нѣтчиками*. Даже бѣжавшихъ послѣ смотра съ похода или съ театра военныхъ дѣйствій называли нѣтчиками. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, въ мирное время, нѣтчиковъ по розысканіи просто высылали въ полки, безъ всякаго наказанія, но непремѣнно за поруками, что они *не сбѣгутъ* со службы. Подобные случаи встрѣчаемъ при Іоаннѣ Грозномъ даже въ ливонской войнѣ. Уклонявшихся отъ смотра и скрывавшихся отлучкою въ другіе города, по поимкѣ ихъ высыльщиками и по снятіи съ нихъ допроса, наказывали *батогами* и затѣмъ высылали въ полки за поруками, что они не сбѣгутъ до роспуска войскъ, или же, *по наказаніи батогами, заключали въ тюрьму на время*, а затѣмъ высылали на службу, за поруками же, или наконецъ, *по наказаніи батогами* или *кнутомъ, заключали въ тюрьму и держали въ ней до государева указа*.

Соборное уложеніе къ *нѣтчикамъ*, т. е. къ уклоняющимся отъ службы *до начала* похода, относилось неопредѣленно, во всякомъ случаѣ снисходительно. Продолжительная война съ Польшею (1654—1667 г.) указала на необхо-

[1]) Наказы 1615, 1652 и друг. въ 1-мъ пол. собр. зак.; собр. грам. и догов., III, № 59.

димость усиленія строгости наказаній нѣтчиковъ за уклоненіе ихъ отъ службы, и правительство въ новоуказанныхъ статьяхъ стало принимать болѣе рѣшительныя мѣры для своевременнаго прибытія служилыхъ людей къ сборнымъ пунктамъ.

Вышеуказаннымъ наказаніямъ нѣтчиковъ часто предшествовала слѣдующая мѣра: „въ помѣстьяхъ и вотчинахъ ихъ крестьянъ имать и держать въ тюрьмѣ, покамѣстъ помѣщики и вотчинники ихъ не объявятся, и ихъ по тому же велѣно выслать по мѣстамъ (въ полки, на театръ военныхъ дѣйствій) тотчасъ“.

Въ первой четверти XVII вѣка чаще обращались къ наказанію кнутомъ, съ заключеніемъ въ тюрьму, а затѣмъ стали развиваться смѣщеніе съ высшаго чина на низшій, т. е. выборныхъ въ дворовые, дворовыхъ въ городовые, что сопражено было съ уменьшеніемъ почета и оклада или просто конфискаціей, принимавшей, какъ увидимъ, обширные размѣры.

Когда же въ третьей четверти XVII столѣтія возникло стремленіе къ развитію рейтарскихъ и солдатскихъ полковъ, какъ войскъ постоянныхъ, согласно съ образцами западной Европы, а затѣмъ, когда въ 1682 году былъ рѣшенъ въ принципѣ вопросъ о замѣнѣ помѣстной конницы рейтарскими и солдатскими полками, съ того времени мѣры правительства стали клониться къ увеличенію означенныхъ постоянныхъ войскъ на счетъ временно созываемыхъ помѣстныхъ. И здѣсь трудно уловить систему въ наказаніяхъ.

Такому явленію соотвѣтствуютъ и постановленія о *нѣтчикахъ*.

Начну съ „Соборнаго уложенія.“

Ст. 18 „А будетъ которые служилые люди учнутъ бити челомъ государю, чтобы имъ на государевѣ службѣ не быти, и скажутся стары и увѣчны или больны, а по *осмотру* на государевѣ службѣ имъ быти мочно, и такихъ на государеву службу высылати самихъ“. Если же служилымъ людямъ за старостію увѣчьемъ или болѣзнію по удостовѣренію на смотру „быти не мочно на службѣ“, то по ст. 17 „тѣмъ служилымъ людямъ на свое мѣсто на государеву службу велѣти посылати со всею своею службою“ дѣтей своихъ или ближайшихъ родственниковъ безпомѣстныхъ, по достиженіи ими восемнад-

цати лѣтъ, коль скоро эти дѣти и родственники „никакіе государевы службы не служатъ, и ни въ какіе чины не записаны“; за неимѣніемъ же родственниковъ, годныхъ для службы, „у нихъ взяти на государеву службу даточныхъ людей или деньги, смотря по ихъ помѣстьямъ и вотчинамъ и по прожиткамъ.»

Уклоненіе дворянъ и дѣтей боярскихъ отъ службы въ помѣстной конницѣ (къ пѣхотной же службѣ они относились, какъ и въ Польшѣ, съ пренебреженіемъ) стало возрастать замѣтнѣе съ половины XVII ст. послѣ того, когда на соборѣ 1642 года дворяне и дѣти боярскіе предложили царю давать *даточныхъ*, вмѣсто личной службы.

Соборное уложеніе, между тѣмъ, не ограждало того строгаго порядка для выполненія весьма сложныхъ операцій по мобилизаціи войскъ, какой становился необходимымъ, вслѣдствіе продолжительныхъ и часныхъ войнъ второй половины XVII вѣка. О такомъ охраненіи исключительно заботились *наказы*. Наказы, выходившіе по поводу каждаго сбора дворянъ, дѣтей боярскихъ, новокрещеныхъ татаръ, городовыхъ казаковъ и другихъ служилыхъ людей, смотря по обстоятельствамъ, нерѣдко преслѣдовали нѣтчиковъ такою же уголовною карою, какая установлена для ушедшихъ съ похода до роспуска войскъ, т. е. не только подвергали конфискаціи имущество ихъ, но еще и наказанію *кнутомъ*, согласно ст. 8 гл. VII уложенія.

По этой статьѣ опредѣлено слѣдующее наказаніе для ушедшихъ съ полковъ ранѣе роспуска ратныхъ людей всякихъ чиновъ, которые, по осмотрѣ, окажутся годными для службы: „Кто убѣжитъ въ первые и его бити кнутомъ; а буде также убѣжитъ въ другіе, и его бити кнутомъ же, а помѣстнаго окладу у него убавити пятьдесятъ четвертей, да денегъ съ помѣстнаго его окладу со ста четвертей по рублю; а будетъ онъ убѣжитъ въ третіе, и его бити кнутомъ же, да у него же отняти помѣстье и отдати въ роздачу“.

Въ дѣйствительности, какъ выше замѣчено и какъ видно изъ наказовъ и именныхъ указовъ, неявлявшихся на смотръ дѣтей боярскихъ и укрывавшихся, по розысканіи ихъ, наказывали *батогами* или, смотря по обстоятельствамъ, *кнутомъ и заключеніемъ въ тюрьму*, а затѣмъ высылали ихъ въ полки на службу за поручительствомъ, что они не оставятъ службы ранѣе роспуска войскъ: „а велѣти имъ быти на службѣ коннымъ и люднымъ по окладчиковѣ сказкѣ“. У тѣхъ же дво-

рянъ и дѣтей боярскихъ, которые „не такъ будутъ на службѣ, какъ про нихъ окладчики сказали“ отнимали помѣстье и отдавали въ роздачу тѣмъ „у кого будетъ служба добра“ [1]).

Выше замѣчено, что въ XVII столѣтіи правительство чаще стало обращаться къ наказанію нѣтчиковъ за неявку на смотръ посредствомъ конфискаціи части или вовсе имущества. Наказаніе это видоизмѣнялось по различнымъ обстоятельствамъ и состояло: въ *уменьшеніи помѣстнаго* и денежнаго оклада въ какой либо части, даже до половины помѣстнаго оклада, а равно вотчинныхъ владѣній; въ случаяхъ же болѣе важныхъ „неявка на службу или преждевременная отлучка, до роспуска войска“, влекла за собою *конфискацію всего имущества*: „которые на службу государеву не пойдутъ, или съ государевой службы до отпуска сбѣжатъ, у тѣхъ велѣть помѣстья ихъ и вотчины отнять и роздать тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые будутъ на службѣ безъ съѣзда“. Строже всего наказывались нѣтчики, самовольно ушедшіе со службы: такихъ били кнутомъ нещадно и затѣмъ высылали на службу, или *только* лишали имущества; но которые по уходѣ *скрывались*, такихъ, сыскавъ били кнутомъ на казнѣ нещадно [1]).

Вообще въ XVII столѣтіи, особенно во второй его половинѣ, мы чаще и чаще встрѣчаемся въ актахъ съ наказаніемъ *нѣтчиковъ* отнятіемъ части или всего ихъ оклада помѣстнаго и денежнаго за уклоненіе отъ службы—лучшее доказательство, что устройству войскъ на помѣстномъ правѣ противополагались уже другія начала, подъ вліяніемъ другихъ понятій объ организаціи конницы и пѣхоты иноземнаго строя, съ начальниками изъ иноземцевъ; на укомплектованіе же этихъ войскъ шли даточные люди, число которыхъ постоянно возрастало.

Причины неявки на смотръ могли быть уважительными,

---

[1]) Собр. госуд. грам. и догов., III, № 244.

[2]) Многія статьи въ первыхъ трехъ томахъ 1 пол. свобр. зак. и истор. акты археогр. эксп. и коммисіи.

и потому мѣстныя власти обязаны были удостовѣриться „не отъ бѣдности ли онъ вмѣстѣ съ другими на службу не пріѣхалъ“, или же онъ государевой службы не служитъ „воровствомъ“. Если обнаруживалось, что нѣтчики на смотръ не являлись „воровствомъ“, то въ такихъ случаяхъ, кромѣ понесенія уголовнаго наказанія, взыскивались прогоны отъ неисправныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Многочисленныя уклоненія отъ смотровъ, а равно утайка имущества, происходили не столько отъ понаровки сборщиковъ и окладчиковъ и не столько отъ бездѣятельности воеводъ и приказныхъ, сколько отъ обѣдненія лицъ, обязанныхъ помѣстною службою. Оттого въ послѣднюю четверть XVII столѣтія, когда замѣтно усилились требованія на исправное вооруженіе и снаряженіе, уклоненія отъ явки на смотръ для похода, а также утайка на смотрахъ своихъ дѣтей и родственниковъ московскими чинами, дворянами, и дѣтьми боярскими возрастали въ такой степени, что заставляли правительство зачислять дѣтей Московскихъ чиновъ въ рейтары, а городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ—въ солдаты, тѣхъ и другихъ безъ жалованья въ наказаніе.

Подобныя явленія, замѣчаемыя со времени первыхъ рейтарскихъ и солдатскихъ полковъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ, увеличились особенно при Алексѣѣ Михайловичѣ и затѣмъ возрастали по мѣрѣ увеличенія числа рейтарскихъ и солдатскихъ полковъ.

Возрастаніе числа даточныхъ людей и умноженіе случаевъ утайки лицъ, годныхъ для службы въ помѣстной дворянской конницѣ, наталкивали правительство на необходимость ускоренія реформъ.

Злоупотребленія могли ослабить *извѣты* челобитчиковъ; ослабить, но не уничтожить. Въ пользу или раздачу „челобитчиковъ“ поступали помѣстья, конфискованныя у дворянъ и дѣтей боярскихъ за обнаруженіе ими уклоняющихся отъ ратной службы, или скрывающихся отъ смотровъ, или же утаивающихъ дѣйствительный размѣръ помѣстій и вотчинъ.

Челобитчиками были обыкновенно дворяне и дѣти бояр-

скіе, обѣднѣвшіе или безпомѣстные, которые пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы получить помѣстный окладъ для соотвѣтственной службы съ городомъ. Челобитья (въ ту эпоху) вызывались условіями организаціи помѣстнаго войска. Безпомѣстному сыну боярскому необходимо было ходатайствовать о полученіи земельнаго оклада, чтобы онъ могъ служить въ войскѣ, „не отбывать отъ службы“; для этого челобитчикъ долженъ былъ указать на свободныя земли или пустопорожнія угодья. Число такихъ челобитчиковъ должно было возрастать по мѣрѣ увеличенія прироста народонаселенія; только старшій сынъ наслѣдовалъ окладъ своего отца, за вычетомъ доли, причитающейся вдовѣ на прожитокъ и незамужнимъ дочерямъ—на приданое; прочіе сыновья, приходившіе въ возрастъ, годный для службы, должны были получить самостоятельные земельные оклады въ *отводъ*, но объ этомъ нужно было заявить, подать прошеніе, *бить челомъ.* Слѣдовательно челобитчиковъ нельзя уподоблять *безусловно* доносчикамъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые писатели, въ томъ смыслѣ, какой мы усвоили себѣ о доносителяхъ на полковниковъ и капитановъ за обманы ихъ на смотрахъ, или на мошенническія продѣлки солдатъ, являвшихся въ строй на смотръ подъ вымышленнымъ именемъ. Наше общество XVII столѣтія не преслѣдовало челобитчиковъ, добивавшихся своего права. Однако челобитья и у насъ развили систему доносовъ, усиливали ябеды чиновниковъ въ городахъ. Соборное уложеніе поощряло челобитья.

И въ русскомъ войскѣ смотры не достигали своей цѣли въ смыслѣ провѣрки мобилизаціонныхъ списковъ; смотры же полковыхъ воеводъ не могли предупредить недочета въ личномъ составѣ и неисправностей въ снаряженіи войскъ.

Послѣ кореннаго измѣненія системы комплектованія войскъ Петромъ Великимъ и образованія регулярныхъ войскъ, принимаются постановленія иноземныхъ кодексовъ. Въ первоначальномъ военно-уголовномъ уставѣ „уложеніи или правѣ воинскаго поведенія,“ сходно съ датскимъ военнымъ артикуломъ Христіана V, предусматриваются преступленія, съ ко-

торыми долго и безуспѣшно боролись въ западно-европейскихъ арміяхъ въ XVII столѣтіи, а именно: записываніе солдатъ подъ ложными именами, отдача взаймы и наемъ для смотра оружія, лошади и т. п., утайка умершихъ солдатъ, принятіе на службу осужденныхъ за уголовныя преступленія („кто воромъ осужденъ"), подкупъ коммисаровъ. Всѣ эти преступленія подвергаютъ виновныхъ суровымъ наказаніямъ, согласно съ формами датскихъ законовъ. Генералъ-коммисару [1]) вмѣняется въ обязанность слѣдить за способностію и годностію къ службѣ не только рядовыхъ солдатъ, но и начальныхъ людей. Впрочемъ, редакція военнаго „уложенія" крайне неудотворительна. Въ этомъ первоначальномъ военномъ „уложеніи" искажены юридическія опредѣленія датскихъ военныхъ артикуловъ Христіана V: сдѣланы неумѣстныя сокращенія въ составѣ самаго преступленія и измѣнены роды наказаній, повидимому, безъ нужды.

„Артикулъ воинскій" въ главѣ VII „о смотру" стремится исправить недостатки и недомолвки военнаго „уложенія". Въ этой главѣ артикула нашъ законодатель не слѣдуетъ буквально шведскому оригиналу (кромѣ перваго арт. 60 и отчасти послѣдняго, 63); военно-уголовные законы VII главы артикула согласованы съ датскими, прусскими, голландскими законами и пополняются уставомъ воинскимъ (глава 15 „о генералъ-кригсъ-коммиссарѣ" и глава 44 „о смотрѣ солдатъ и что при томъ примѣчать надлежитъ") и регламентомъ кригсъ-коммисаріату 1711 года. Эти три главы: VII—артикула воинскаго, 15 и 44—устава воинскаго 1716 г. и регламентъ кригсъ-коммиссаріату 1711, образуютъ цѣлую систему административныхъ и уголовныхъ военныхъ законовъ, гдѣ смотрамъ войскъ генералъ-кригсъ-коммисаромъ и оберъ-

---

[1]) Эта должность учреждена въ 1700 г., согласно съ обычаемъ имперскихъ нѣмецкихъ войскъ. Генералъ кригсъ коммисаромъ былъ назначенъ бояринъ князь Яковъ Долгорукій. Въ 1711 г. учреждено военное коммисарство и данъ регламентъ кригсъ-коммисаріату.

коммисарами придается первенствующее значеніе для предупрежденія злоупотребленій.

Смотру войскъ генералъ-кригсъ-коммисаромъ Петръ I придаетъ чрезвычайно важное значеніе, и не одно экономическое. Онъ смотритъ на него не только какъ на главнаго распорядителя по снабженію войскъ предметами военнаго хозяйства въ арміи, но и какъ на лицо отвѣтственное за правильность показаній учрежденіями лицъ, годныхъ къ военной службѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему подчинены органы судебной и полицейской власти въ арміи — генералъ-аудиторъ и аудиторы и фискалы. Взглядъ на обязанности генералъ-кригсъ-коммисара, какъ на хозяина, судью и *главнаго инспектора* войскъ, выработанъ историческимъ ходомъ военныхъ событій XVII столѣтія не только на западѣ Европы, но и у насъ въ Россіи. Генералъ-кригсъ-коммисаръ былъ первымъ лицомъ въ Даніи и Пруссіи; ему предоставлена была съ конца XVII столѣтія обширная власть въ имперіи; тоже самое было и во Франціи при Людовикѣ XIV, гдѣ генералъ-инспекторъ, обнималъ въ своей должности, въ сущности, обязанности главнаго военнаго коммисара.

Въ должности денералъ кригсъ-коммисара у насъ, какъ и въ Европѣ, мы видимъ зачатокъ званія военнаго министра.

Законы шведскаго кодекса и другіе иноземные о смотрѣ.

„*Von der Musterung*“ [1]).

Никто изъ *офицеровъ* не долженъ противиться явкѣ на смотръ самъ и приводить людей своихъ въ назначенное время и часъ по нашему приказанію или по приказанію тѣхъ, которые къ производству смотра нами уполномочены; а кто тому воспротивится или отъ смотра уклонится, тотъ подвергнется наказанію какъ бунтовщикъ, ст. 124. (Въ кодексѣ Густава Адольфа (арт. 90) стояло въ началѣ: „ни одинъ

---

[1]) Въ настоящей статьѣ мы считаемъ достаточнымъ ограничиться краткимъ содержаніемъ каждаго артикула.

полковникъ, ротмистръ или капитанъ и т. д.). Слѣдующіе артикулы 125, 126, 127, 128 и 130, въ которыхъ повторены юридическія положенія старо-шведскаго кодекса Густава Адольфа (art. 91, 92, 93, 94, 95 и 97), дополненныя позднѣйшими постановленіями другихъ законовъ западной Европы второй половины XVII стол., вошли въ составъ другихъ частей устава воинскаго, но не въ главу VII арт. воин. „о смотрахъ." Въ означенныхъ шведскихъ артикулахъ предусматриваются вообще *обманныя дѣйствія* солдатъ и начальниковъ, свойственныя войскамъ *наемнымъ*. Военные артикулы старо-шведскаго кодекса *воспрещаютъ*: 1) являться на смотръ на лошади, взятой у другаго заимообразно, или съ чужимъ оружіемъ, или же одолжать кому либо для смотра оружіе, лошадь и т. п. (art. 91); 2) пополнять на смотрахъ ряды посредствомъ заимствованія солдатъ у другихъ командировъ (art. 92); 3) предлагать солдатамъ свои услуги подъ вымышленнымъ именемъ для явки на смотръ, въ качествѣ наемщика (art. 93); 4) давать взайты для смотра другому лошадь, сѣдло, оружіе или снаряженіе (art 95).—Виновные подвергаются слѣдующимъ наказаніямъ: по артикулу 91—лишенію жалованья и другому (уголовному?) наказанію; по арт. 92—объявляются безчестнымъ (шельмою), по приговору военнаго суда, и постыдному изгнанію изъ лагеря палочными слугами (Stecken-knecht), послѣ возложенія на преступника знамени; по арт. 93—за первые два раза наказываются шпицрутенами, а въ третій разъ—лишеніемъ жизни (мечемъ); по арт. 95—конфискаціей предметовъ, отданныхъ ваймы, въ пользу ротмистра и профоса, объявленія безчестнымъ и изгнанію изъ лагеря. Кромѣ того—5) капитанъ и офицеръ, знавшіе объ обманныхъ дѣйствіяхъ кого либо изъ людей своей части, какъ соучастники, публично лишаются своихъ чиновъ (art. 94). 6) Всадникъ, потерявшій свою лошадь, съ намѣреніемъ получить увольненіе отъ службы, объявляется безчестнымъ (шельмою) и изгоняется постыдно изъ лагеря (art. 96). 7) Въ смотровые списки солдатъ, конныхъ и пѣшихъ, должны вносить на плацу коммисары, но не ротмистръ или капи-

танъ. Имена бѣжавшихъ записываются на особыхъ листкахъ и каждый листокъ привѣшивается къ висѣлицѣ (art. 97) [1]. Тѣже опредѣленія, только въ болѣе распространенной редакціи, находимъ въ главѣ „о смотрѣ" обновленнаго шведскаго кодекса 1683 года: артикулу 125 соотвѣтствуютъ 91, 93 и 94, арт. 126—92, арт. 127—94, арт. 128—95, арт. 129—96, арт. 130—97 старо-шведскаго кодекса (1621—1632 г.).

Подобныя же преступленія, съ соотвѣтственными наказаніями, предусматриваются и въ другихъ протестантскихъ кодексахъ XVII вѣка, совпадающихъ съ положеніями шведскаго (въ бранденбургскомъ и цюрихскомъ), а равно въ датскихъ, съ нѣкоторыми лишь частными редакціонными поправками. Вообще военные законодатели второй половины XVII ст. вооружаются суровыми наказаніями противъ подставныхъ. „На тѣлѣ и смертью наказываются не только тѣ солдаты, которые записываются на службу одновременно къ двумъ полковникамъ, но и тѣ, которые явятся на смотръ подъ вымышленнымъ именемъ; въ обоихъ случаяхъ видно намѣреніе *обмануть* начальника." (Коммент. на нѣмецкіе 50 и 52 артикулы XVII столѣтія, (Фердин. III и Леон. I), въ Corp. jur. mil. nov.).

Во всѣхъ государствахъ западной Европы въ концѣ XVII ст. существовали уже болѣе или менѣе обстоятельныя инструкціи или постановленія военно-административнаго характера, составленныя очевидно подъ вліяніемъ французскихъ ордонансовъ Людовика XIV. Образецъ подобной инструкціи приводитъ *Флеммингъ* въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Der vollkommene Teutsche Soldat," и эти нѣмецкія правила о *смотрахъ* вошли почти цѣликомъ въ 44 главу „устава воинскаго" 1716 года.

---

[1]) Königl. Majest, zu Schweden Kriegs Artickuls—Brieff. Corp. Jur. Mil., стр. 184—186.

Законы Петра I „О смотрѣ“.

(Артикулъ воинскій глава VII).

Никто, какъ изъ высшихъ, такъ и изъ низшихъ офицеровъ не долженъ противиться представиться на смотръ, во время, назначенное фельдмаршаломъ, генералами или коммисарами, самъ и солдатъ своихъ поставить; а кто нарушитъ это, тотъ будетъ наказанъ какъ бунтовщикъ (арт. 60). На смотрѣ должны находиться и больные, которыхъ должны осмотрѣть коммисары, или же имѣть свидѣтельство отъ лекаря (арт. 61). На смотру всякій присутствуетъ съ собственнымъ оружіемъ и не долженъ ничего заимствовать отъ другаго, подъ опасеніемъ наказанія шпицрутенами, или другаго наказанія (арт. 62). Кто притворится больнымъ, или переломаетъ себѣ составы и черезъ то станетъ негоднымъ для службы, или же кто лошадь свою самовольно испортитъ въ надеждѣ получитъ увольненіе отъ службы—„оному надлежитъ ноздри распороть и потомъ его на каторгу сослать“ (арт. 63).

Изъ сравненія текста артикуловъ главы VII арт. воинск. съ таковыми артикулами шведскаго военнаго артикула, видимъ, что по своей конструкціи только одинъ артикулъ 60 соотвѣтствуетъ шведскому артикулу 90 по кодексу Густава Адольфа (1621—1632), или 194 по обновленному кодексу Карла XI. Затѣмъ, артикулъ 61 взятъ изъ ново-датскаго арт. 137, съ опущеніемъ окончанія о томъ, какъ поступать съ отсутствующими на смотрѣ и командированными; артикулъ 62— изъ бранденбургскаго артикула 73 или изъ ново-шведскаго 128, съ измѣненіемъ объекта (въ русскомъ сказано только о ружьѣ, въ бранденбургскомъ—о лошади и снаряженіи, въ шведскомъ перечислены: лошадь, сѣдло, пистолетъ, оружіе и вообще предметы снаряженія), притомъ родъ наказанія въ шведскомъ законѣ усиливается: „взятая солдатомъ въ займы вещь конфискуется въ пользу ротмистра и профоса; взявшій взамѣнъ что либо изъ перечисленныхъ предметовъ наказывается шпицрутенами—въ первый разъ 6 разъ, во второй 9

разъ, а кто означенные предметы давалъ солдату въ займы, зная для какой надобности, признается невѣрнымъ подданнымъ своего короля" [1]).

Наконецъ, артикулъ 63 составленъ частью по шведскому арт. 129, частью по комментаріямъ на законы о смотрахъ, или по иностраннымъ инструкціямъ для смотровъ, болѣе или менѣе одинаковыхъ во всей Европѣ.

Такимъ образомъ въ главѣ VII о смотрахъ нашъ законодатель значительно отступаетъ отъ текста соотвѣтственной главы шведскаго кодекса и матеріалы для артикуловъ заимствуетъ изъ разныхъ законовъ той эпохи. Во всякомъ случаѣ глава VII „о смотрѣ" служитъ лишь продолженіемъ главы 44 устава воинскаго: „о смотрѣ солдатъ, и что притомъ примѣчать должно" и, потому, юридическое ея значеніе можетъ быть выяснено изъ смысла административныхъ распоряженій той эпохи, для чего нужно знать не только постановленія устава воинскаго—о должностяхъ (генералъ-кригсъ-коммисара и коммисаровъ), но и регламентъ кригсъ-коммисаріату.

Сличая текстъ главы VII артикула воинскаго съ текстомъ *о смотрахъ* по кодексамъ шведскому, датскому, бранденбургскому и по тѣмъ уставамъ, въ которыхъ артикулы не собраны по главамъ, мы находимъ существенную разницу въ составѣ преступленій и въ формѣ наказаній. Глава VII артикула воин. значительно короче, потому что пришлось бы повторять сказанное или въ главѣ 44 устава воинск., или въ нѣкоторыхъ статьяхъ регламента кригсъ-коммисаріату. Позорное наказаніе членовредителямъ (арт. 63) и вообще прибѣгающимъ къ какимъ либо обманнымъ дѣйствіямъ, чтобы уклониться отъ службы, заимствовано у французовъ: въ кодексѣ Людовика XIV (изд. 1709 г.) членовредителямъ и дезертирамъ опредѣлялось клейменіе щекъ лиліями, или обрѣзываніе носа и ушей, и ссылкою на галеры навсегда (à perpetuité) [2]).

---

[1]) Ср. арт. воинск. арт. 62, швед. арт. 128, бранденбур. арт. 73. Corp Jur. Milit. Novis. ч. I и II.

[2]) Le code milit. de Louis XIV, Paris 1709. См. П. О. Бобровскаго, Состоян-

Заключеніе.

Въ постановленіяхъ „о смотрѣ" нашъ законодатель отступаетъ отъ шведской регламентаціи, но и не подчиняется инструкціямъ нѣмецкихъ законовъ. Петру I былъ необходимъ высшій органъ въ арміи, посредствомъ котораго онъ могъ бы удостовѣряться въ годности солдатъ къ службѣ, въ исправномъ вооруженіи и снаряженіи войскъ, въ правильномъ ихъ довольствіи всѣми необходимыми предметами, въ ограниченіи отбыванія отъ службы, подъ разными незаконными предлогами. Генералъ-кригсъ-коммисару дана власть обширная: за открываемыя въ войскахъ злоупотребленія онъ могъ привлекать виновныхъ начальниковъ къ отвѣтственности посредствомъ отдапія подъ военный судъ или кригсъ-рехтъ (крейсъ-рехтъ), конфирмовать приговоры и проч.

Постановленія Петра I о смотрахъ распадаются на двѣ части—*административную* и *юридическую*. I) Въ административной опредѣляются: а) обязанности и права генералъ-кригсъ-коммисара, подчиненныхъ ему коммисаровъ и всѣхъ лицъ, чрезъ которыхъ распредѣляется довольствіе войскъ, б) порядокъ производства смотровъ, съ цѣлью удостовѣренія въ исправномъ довольствіи солдатъ, в) мѣры для противодѣйствія сокрытію *подставныхъ*, именующихъ себя ложнымъ именемъ, и г) освидѣтельствованіе на смотру больныхъ и неспособныхъ къ службѣ. II) Въ юридической же части законы охраняютъ: 1) сопротивленіе начальника представленію своей части на смотръ; 2) явку солдата на смотръ съ чужимъ оружіемъ; 3) членовредительство солдата съ цѣлью уклоненія отъ службы, и 4) съ такою же цѣлью умышленную порчу имъ лошади. Другихъ преступленій въ главѣ VII не предусматривается, но преступленія могутъ возникать изъ административныхъ постановленій о смотрахъ. Преступленія такого рода изложены въ главахъ, спеціально относящихся къ довольствію

воен. права въ западной Европѣ въ эпоху учрежд. постоян. войскъ, С.-Петербургъ 1881 г. стр. 289, 295.

войскъ—денежному, вещевому и проч.; о наименованіи же солдата ложнымъ именемъ и прозвищемъ, съ *дурнымъ умысломъ*, предусмотрѣно въ арт. 202, причемъ форма наказанія взята у шведовъ—„лишеніе чести и, смотря по обстоятельствамъ, другое наказаніе".

Обманъ и плутовство на смотрахъ, съ цѣлью сокрытія или утайки людей, противъ чего такъ вооружились военные законодатели той эпохи, по законамъ Петра I должны быть караемы въ зависимости отъ разныхъ условій, въ которыхъ могутъ находиться войска, а не исключительно на смотрахъ. Задачи смотровъ въ артикулѣ выражены въ немногихъ словахъ: 1) начальникъ не долженъ сопротивляться представленію своей части на смотръ своевременно, по приказанію; 2) солдатъ на смотру долженъ имѣть свое собственное оружіе (понимается и снаряженіе): въ немъ вся его сила, а слѣдовательно и сила всей арміи; 3) солдатъ на смотру не долженъ прибѣгать къ предосудительнымъ средствамъ: дѣлать себѣ поврежденія, притворяться больнымъ, чтобы отбыть отъ несенія службы, обязательной для него на многіе годы. Но главное значеніе смотровъ вытекаетъ изъ духа постановленій устава воинскаго. Это стремленіе къ *обнаруженію обмановъ.*

Къ нарушающимъ постановленія, изложенныя въ 3 пунктѣ, не могло быть снисхожденія не только въ первой четверти XVII вѣка, но и спустя болѣе ста лѣтъ послѣ появленія артикула воинскаго. А почему именно уклоненія попали въ главу „о смотрахъ", объясняется въ правилахъ устава воинскаго (глава 15 и 44).

Смотры, какъ главный способъ для общаго надзора за порядкомъ управленія и хозяйствомъ войскъ, сохранили свое значеніе до позднѣйшихъ временъ. Оттого юридическія правопостановленія артикула воинскаго, съ незначительными лишь измѣненіями, введены въ военно-уголовный уставъ Императора Николая I.

Артикуламъ о смотрахъ соотвѣтствуютъ слѣдующія статьи военно-уголовнаго устава:

Артикулу *60*—ст. *242*: „сопротивленіе явкѣ на смотръ въ назначенное время

и представленію на смотръ команды"; въ сопротивленіи явкѣ на смотръ въ ст. 242 предусматриваются не только начальники, но и нижніе чины.

Артикулу *63*—ст. *245*: „умышленное членовредительство и причиненіе себѣ болѣзни нижними чинами для отбытія отъ службы"; и ст. 380 „умышленная порча солдатомъ оружія, аммуниціи или лошади"; порча не одной лошади и не съ одною только цѣлію уклониться отъ службы, какъ было въ артик. 63. Порча оружія и аммуниціи составляетъ самостоятельное преступленіе, независимое отъ намѣренія отбыть отъ службы.

Артикулу *62*—ст. *379*: „явка солдата на смотръ съ чужимъ ружьемъ или оружіемъ".

За означенныя преступленія воен. угол. уставъ опредѣлилъ слѣдующія наказанія: по ст. 242 сопротивленіе явкѣ на смотръ и проч. наказывается какъ *явное неповиновеніе*, т. е. „лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, шпицрутенами и ссылкою въ каторжную работу" (ст. 233). По артикулу же 60 виновный въ такомъ преступленіи начальникъ наказывался какъ *бунтовщикъ*, а бунтовщики казнились висѣлицей (арт. 137). Затѣмъ, за преступленія по ст. 245, 380 опредѣлено наказаніе шпицрутенами.

Кромѣ того ст. 560 „за лживое принятіе имени и прозвища, съ цѣлью причинить какой либо вредъ"; ей отвѣчаетъ преступленіе, вытекающее изъ 44 главы устава воинскаго, за которое наказаніе предусмотрѣно въ арт. 202. По ст. 560 не опредѣлено наказанія, сказано только „смотря по винѣ"; по артикулу же 202 виновный объявляется безчестнымъ и, по обстоятельствамъ преступленія, имѣетъ быть наказанъ.

Военно-уголовный уставъ, сдѣлавъ незначительныя дополненія въ нормахъ артикула, смягчаетъ наказанія за сопротивленіе по поводу смотровъ и за членовредительство съ цѣлью уклоненія отъ службы. Но позднѣйшій законодатель не нашелъ еще возможнымъ вычеркнуть изъ военно-уголовнаго кодекса номенклатуры, данной Петромъ, что можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ періодъ дѣйствія военно-уголовнаго устава, въ высшемъ порядкѣ управленія войскъ, смотры сохраняли то особенное значеніе, какое имъ дано въ уставѣ воинскомъ Петра I.

Дѣйствующій воинскій уставъ о наказаніяхъ не предусматриваемъ преступленій, вытекающихъ спеціально изъ смотровъ. Такой пробѣлъ, впрочемъ, не даетъ права заключать, что въ порядкѣ высшаго управленія арміей „смотры", какъ средство провѣрки состоянія войсковыхъ частей и ихъ довольствія, утратили теперь свое значеніе. Напротивъ, контроль войсковыхъ частей, послѣ введенія общеобязательной повинности съ децентрализаціей команднаго управленія, съ подня-

тіемъ образованія солдата, съ замѣною тѣлесныхъ наказаній мѣрами дисциплинарными, съ уменьшеніемъ сроковъ дѣйствительной службы, остается главнымъ средствомъ надзора высшей центральной государственной власти. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ получить развѣтвленія по отраслямъ управленія, такъ сказать, *специализироваться*. Въ средніе вѣка законодателямъ приходилось бороться съ преступленіями, вытекавшими изъ такихъ недостатковъ комплектованія войскъ, на которыя въ настоящее время мы смотримъ съ отвращеніемъ. Петру I, при созданіи регулярной арміи, необходимо было вооружиться грозною карою, чтобы вырвать съ корнемъ всякаго рода плутни и обманы, которые въ началѣ XVIII вѣка были распространены въ войскахъ, и которые могли обнаружиться только черезъ мельчайшій осмотръ, даже съ допросомъ, нижнихъ чиновъ о томъ „получають ли они исправно все то, что имъ положено".

Но событія восточной войны (крымской) показали, что смотры, ограничиваясь тогда *внѣшнимъ формальнымъ* надзоромъ, утратили главное свое качество; оттого они не были существеннымъ факторомъ высшаго надзора, чтобы посредствомъ ихъ можно было развивать благоустройство войскъ по всѣмъ отраслямъ управленія. Коренныя измѣненія въ бытѣ русскихъ войскъ, вслѣдствіе многообразныхъ реформъ, выдвинули новыя задачи. При одной внѣшности нельзя было оставаться.

Если такой взглядъ относительно значенія смотровъ вѣренъ, то и въ военно-уголовное законодательство должны войти нормы, посредствомъ которыхъ высшая государственная власть можетъ охранять новыя начала, вошедшія въ бытъ русской арміи въ послѣднее двадцатилѣтіе.

Сравнивая артикулъ воинскій съ дѣйствующимъ уставомъ воинскимъ о наказаніяхъ, прежде всего замѣчаемъ несходство формъ, а затѣмъ и различіе въ конструкціи статей. Это естественно—настоящій уставъ, какъ продуктъ новѣйшей цивилизаціи, не можетъ останавливать вниманія на частныхъ явленіяхъ въ служебномъ быту. Смотръ потерялъ значеніе

исключительности: благоустроенная армія всегда должна быть исправною. Такъ, сопротивленія *явкѣ собственно на смотръ* уставъ не предусматриваетъ; „сопротивленіе исполненію приказаній“ (по ст. 106) само по себѣ есть одно изъ наиболѣе тяжкихъ воинскихъ преступленій: въ мирное время такое нарушеніе дисциплины можетъ повлечь за собою „каторжную работу на заводахъ до восьми лѣтъ,“ а въ военное — „лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертную казнь.“ Само собою разумѣется, что „сопротивленіе явкѣ на смотръ“ есть преступленіе воинское — нарушеніе дисциплины, и оно предусмотрѣно въ главѣ I „о нарушеніи воинскаго чинопочитанія и подчиненности.“

Съ другой стороны, въ настоящее время въ войскахъ должна идти *постоянная провѣрка*, по распоряженію высшаго начальства, всякаго рода *занятій*, а не только личнаго состава, строя и вообще внѣшняго благоустройства. Теперь никто не станетъ отрицать необходимости всесторонняго осмотра частей войскъ, хотя всякій сознаетъ, что „смотровой плацъ“ „Muster Platz“ потерялъ средневѣковое значеніе.

При короткихъ срокахъ службы, необходимо постоянно работать и надъ приготовленіемъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, и надъ образованіемъ рядовыхъ солдатъ. Армія обратилась въ громадную школу, гдѣ каждый родъ занятій требуетъ наблюденія, спеціальной провѣрки и постоянной работы.

Явки на смотръ съ чужимъ оружіемъ—по арт. 62 и наименованія нижняго чина или офицера чужимъ именемъ (по уст. воин. гл. 44 и арт. 202)—въ воинскомъ уставѣ о наказ. не предусматривается. Въ томъ и другомъ случаѣ—обманъ, т. е. преступленіе общее. Но обманъ воинскаго чина, при извѣстной обстановкѣ, можетъ имѣть болѣе вредныя послѣдствія для *дисциплины*, чѣмъ обманъ частнаго лица.

Особенное развитіе въ усталѣ воинскомъ о наказаніяхъ получили два артикула—*61* и *63:* это ст. 126 и 127—объ уклоненіи отъ службы подъ предлогомъ болѣзни или посредствомъ поврежденія членовъ себѣ непосредственно или че-

резъ другое лицо и проч., и ст. 174—порча лошадей, вещей и проч. На этихъ статьяхъ особенно сказалось вліяніе военно-уголовнаго устава, когда уклоненія отъ службы были еще весьма распространенными въ русской арміи. Въ артикулѣ воинскомъ уклоненія отъ службы были отнесены въ разрядъ смотровъ собственно потому, что увольненіе отъ службы дѣлалось по представленію лица инспектировавшаго, которое при Петрѣ I, какъ было и до него въ помѣстномъ войскѣ, признавало, кто годенъ или не годенъ къ службѣ.

Такая задача смотровъ имѣла особенное значеніе въ помѣстной системѣ; Петру I, по самому составу его войскъ, не возможно было отречься отъ старины. Его драгуны комплектовались главнымъ образомъ дворянами и дѣтьми боярскими и должны были служить на собственный счетъ, при незначительномъ денежномъ вознагражденіи. Взглядъ Петра I на уклоненія отъ службы вполнѣ совпадалъ съ цѣлью устраиваемыхъ имъ регулярныхъ войскъ, гдѣ о *срокѣ службы* не было и помину, гдѣ всякій военный чинъ оставался таковымъ до могилы. Оттого-то на арт. 63 (какъ и на 60) замѣтно вліяніе еще глубокой старины.

Вообще главу VII „о смотрѣ“ должно разсматривать въ связи съ тѣми главами устава воинскаго, артикула воинскаго и другими постановленіями которыя касаются довольствія войскъ оружіемъ, вещами, деньгами, а равно уклоненій отъ службы посредствомъ отпуска или побѣга. Тогда только и можно понять, какой громадный переворотъ артикулъ воинскій произвелъ въ нравахъ современниковъ, воспитанныхъ въ принципахъ помѣстной организаціи войскъ, съ предоставленіемъ безконтрольной власти воеводамъ, полковникамъ и другимъ второстепеннымъ начальникамъ.

П. Бобровскій.

ЗА МѢСЯЦЪ.

(Юридическая хроника).

Приговоръ по дѣлу Мироновича. Записка о мѣрахъ къ уменьшенію накопленія дѣлъ въ сенатѣ. Новыя узаконенія.

Мы не имѣли намѣренія касаться въ нашей хроникѣ дѣла Мироновича, достаточно извѣстнаго нашимъ читателямъ изъ газетъ. Но финалъ этого несчастнаго дѣла вызвалъ такую массу толковъ и газетныхъ статей, что volens nolens намъ приходится именно имъ и начать нашу хронику. Мы имѣемъ въ виду коснуться этаго дѣла совершенно объективно. Задачи юридическаго журнала дѣлаютъ въ немъ крайне неумѣстнымъ всякую личную полемику и точно также мы, по многимъ причинамъ, считаемъ неудобнымъ принимать на себя порицаніе или защиту того или другаго дѣятеля С.-Петербургскихъ судебныхъ учрежденій. Обстоятельства дѣла Мироновича слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ повторять; пропуская все судебное слѣдствіе, мы остановимся лишь на центральномъ пунктѣ дѣла, на постановленномъ судомъ и разрѣшенномъ присяжными вопросѣ о виновности. Вопросъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „виновенъ ли отставной подполковникъ И. И. Мироновичъ въ томъ, что вечеромъ 27 августа 1883 г., въ принадлежащей ему кассѣ, помѣщавшейся по Невскому въ д. № 57, вслѣдствіе внезапно явившагося у него, въ порывѣ гнѣва и страсти, намѣренія лишить жизни

дочь отставнаго писаря Сарру Беккеръ, нанесъ ей какимъ либо орудіемъ удары по головѣ и душилъ ее, засунувъ въ ротъ платокъ, отчего и послѣдовала ея смерть" [1]). Редакція вопроса юридически безусловно правильна (вопросъ остался тотъ же, что и при первомъ разбирательствѣ). Можно, конечно, предлагать нѣкоторыя измѣненія въ редакціи вопроса и доказывать, что они послужили бы къ облеченію для присяжныхъ; вообще версій можно приводить сколько угодно, но едва ли можно доказать негодность поставленнаго вопроса. Первый составъ присяжныхъ не встрѣтилъ никакихъ затрудненій въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ. Сенатъ, при кассаціи приговора, также неправильнаго въ немъ ничего не нашелъ и при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла не было ровно никакихъ основаній замѣнять этотъ вопросъ другимъ, такъ какъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ выводамъ утвержденнаго судебною палатою обвинительнаго акта, и выводы эти не были опровергнуты судебнымъ слѣдствіемъ. Намъ случалось въ разговорахъ по дѣлу Мироновича встрѣчать мнѣніе, что къ нему должно было быть предъявлено обвиненіе не въ умышленномъ убійствѣ, а въ покушеніи на растлѣніе и неосторожномъ убійствѣ. Это мнѣніе находило поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что вопросъ о покушеніи на растлѣніе былъ основнымъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Какъ при первомъ, такъ и при второмъ разбирательствѣ, обвиненіе прежде всего доказывало, что вечеромъ 27 августа Мироновичъ покушался растлить Сарру Беккеръ. Не доказавъ этого, оно теряло бы подъ собою всякую почву и только при доказанности этого факта присяжные могли обвинить Мироновича. Не было покушенія на растлѣніе—не было бы смысла и въ обвиненіи именно Мироновича, а не другаго лица. Пожалуй это такъ, но прокуратурой обвиненіе было предъявлено въ умышленномъ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи или, говоря языкомъ вопроса, „вслѣдствіе внезапнаго порыва гнѣва и страсти", и

[1]) Мы отвѣчаемъ за правильность передачи редакціи вопроса.

потому другаго вопроса быть не могло. Чтобы отвѣтить утвердительно на предложенный вопросъ, присяжные должны были признать доказанными слѣдующіе факты: 1) Мироновичъ сознательно, съ цѣлью лишенія жизни, душилъ Сарру, 2) сознательно, съ тою же цѣлью, наносилъ ей по головѣ удары и 3) отъ одного изъ этихъ двухъ дѣйствій—безразлично отъ котораго, послѣдовала смерть Сарры Беккеръ. Но чтобы при рѣшеніи дѣла одни только эти вопросы возникли въ сознаніи присяжныхъ, необходимо, чтобы обстоятельства дѣла отражались въ ихъ пониманіи точно также, какъ и въ пониманіи вопрошающихъ ихъ членовъ судебной корпораціи. Только тогда могъ быть данъ отвѣтъ, невозбуждающій сомнѣнія. Разъ же для присяжныхъ дѣло представлялось иначе, то какъ бы юридически тонко ни былъ поставленъ вопросъ, онъ всегда могъ привести къ рѣшенію несообразному и даже несогласному съ дѣйствительнымъ желаніемъ присяжныхъ. Чтобы предупредить это, законъ разрѣшаетъ присяжнымъ отвергать извѣстные признаки, введенные въ вопросъ, но считаемые ими недоказанными. Такъ, въ вопросѣ о подсудимомъ Мироновичѣ они могли признать недоказаннымъ, что смерть Сарры произошла отъ ударовъ по головѣ или отъ задушенія. Или, они могли признать, что хотя смерть Сарры послѣдовала отъ задушенія платкомъ, который засунулъ ей въ ротъ Мироновичъ, но таковое его дѣяніе не было совершено *съ цѣлью лишить Сарру Беккеръ жизни.* Другихъ оговорокъ по существу вопроса присяжные по этому дѣлу дать не могли. Послѣ двухъ часоваго совѣщанія они возвратились въ залъ засѣданія и дали слѣдующій отвѣтъ на предложенный имъ вопросъ—„да виновенъ, но безъ преднамѣренія, и заслуживаетъ снисхожденія“. Вся печать, обсуждавшая приговоръ, толковала его, ставя вмѣсто слова „преднамѣреніе“ „предумышленіе“. Присяжные, говорилось, признали Мироновича виновнымъ въ намѣренномъ убійствѣ Сарры Беккеръ, добавивъ къ отвѣту, что они признаютъ это убійство совершеннымъ безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Могъ ли такъ смотрѣть на этотъ приговоръ судъ?—

Едва ли! По буквальному содержанію и смыслу отвѣта нельзя было не допустить возможности, что присяжные могли и не признать существованія связи между смертью Сарры и волею Мироновича и словомъ „безъ преднамѣренія" хотѣли выразить именно это свое убѣжденіе. Принять такой неясный приговоръ и на основаніи его лишить человѣка правъ и сослать на каторгу могли бы безотвѣтственные публицисты, но никакъ не судьи. Приговоръ присяжныхъ долженъ быть, прежде всего, ясенъ. Скажи присяжные: „безъ предумышленія" — дѣло другое, но приравнивать одно слово къ другому судъ не имѣлъ права. Указавъ на то, что обвиненіе въ предъумышленномъ убійствѣ къ Мироновичу не предъявлено, предсѣдатель имѣлъ основаніе ожидать, что присяжные, признавшіе Мироновича виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ, зачеркнутъ лишнія слова; если же, наоборотъ, слово „безъ преднамѣренія" поставлено ими вслѣдствіе того, что они признаютъ Мироновича лишь виновнымъ въ неумышленномъ убійствѣ, то они выразятъ это яснѣе. Самый фактъ возвращенія присяжныхъ вызвалъ цѣлую бурю на столбцахъ газетъ противъ предсѣдателя. Неправильность дѣйствій предсѣдателя доказывалась какъ собственными соображеніями авторовъ, такъ и ссылкою на слова рѣшенія сената по дѣлу Матвѣева (1874 г. № 192): „если присяжные засѣдатели сдѣлаютъ излишнее дополненіе къ своему отвѣту, напр. скажутъ: „да, виновенъ, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія", тогда какъ въ самомъ вопросѣ уже упомянуто было объ отсутствіи такого намѣренія, то подобное излишнее подтвержденіе этого обстоятельства не можетъ быть поводомъ къ возвращенію присяжныхъ къ новому совѣщанію; возвращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію составляетъ въ этомъ случаѣ существенное нарушеніе закона и влечетъ за собою отмѣну приговора". Рѣшеніе сената по дѣлу Матвѣева ясно и понятно, но суть заключается въ томъ, дѣйствительно ли отвѣтъ, по точности своей, исключалъ всякую возможность сомнѣнія въ томъ, что лишнія слова прибавлены присяжными не съ цѣлью показать, что они признали Мироновича виновнымъ лишь въ неумышленомъ

убійствѣ?—Думаемъ, что сомнѣніе не только могло, но и *должно* было явиться, разъ суду въ точности неизвѣстно, что именно разумѣли присяжные подъ словомъ „преднамѣреніе“. Такимъ образомъ, желаніе суда, чтобы присяжные уяснили свой отвѣтъ, было совершенно законно и порицать за это судъ нельзя. (Рѣш. сената 1876 г. № 148 и мн. друг.). Передъ возвращеніемъ присяжныхъ, предсѣдатель заявилъ имъ, что ихъ отвѣтъ не ясенъ для суда. Какъ онъ разъяснилъ—этого мы не знаемъ. Газеты увѣряютъ, что это разъясненіе было, или излишне, или недостаточно умѣло, но *очевидно* оно произвело вредное вліяніе на присяжныхъ, сбило ихъ съ толку и побудило замѣнить первоначальный вердиктъ другимъ, съ виду совершенно противоположнымъ. Вредное вліяніе разъясненія видятъ въ томъ, что предсѣдатель, будто бы, сказалъ, что если присяжные признаютъ убійство неумышленнымъ, то должны оправдать обвиняемаго. Если это было сказано, то приговоръ, думаемъ, можетъ подлежать кассаціи. Въ процессѣ Мироновича присяжные могли именно объяснить себѣ дѣло, такъ: Мироновичъ заткнулъ Саррѣ ротъ платкомъ, чтобы прекратить ея крики, но происшедшая отъ того рвота произвела задущеніе, помимо всякаго участія въ томъ воли Мироновича, и только убѣдившись въ смерти Сарры Беккеръ, онъ, съ цѣлью направить правосудіе на ложный путь, сталъ наносить трупу удары гирей или какимъ либо другимъ орудіемъ. Если такова была мысль присяжныхъ, то понятно, что послѣ разъясненія предсѣдателя, что неумышленное убійство ненаказуемо, имъ осталось одно—зачеркнуть первый вопросъ и написать „нѣтъ невиновенъ“. На это нужно было ровно 5 минутъ, которыя они и провели всего въ своей совѣщательной комнатѣ. Но если это такъ, если слово „безъ преднамѣренія“ дѣйствительно означало въ отвѣтѣ отрицаніе всякаго намѣренія на убійство, то чтобы пережили присяжные, услышавъ, что человѣкъ, непризнанный ими умышленнымъ убійцей, пошелъ на каторгу! Былъ ли бы этотъ приговоръ — приговоромъ совѣсти? Допуская другое толкованіе, согласное съ мнѣніемъ газетъ, что отвѣтъ

присяжныхъ означалъ признаніе Мироновича виновнымъ въ намѣренномъ убійствѣ — мы встрѣчаемся съ такимъ обстоятельствомъ, логичное объясненіе котораго настолько оскорбительно для присяжныхъ, что на немъ невозможно останавливаться. Въ самомъ дѣлѣ, люди послѣ двухчасоваго совѣщанія приходятъ къ убѣжденію, что человѣкъ, преданный ихъ суду, совершилъ умышленное убійство, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Это убѣжденіе свое они выражаютъ въ отвѣтѣ, который имъ возвращаютъ, говоря, что они отвергли въ немъ признакъ, о которомъ рѣчи не было. Они возвращаются въ свою комнату и не зачеркиваютъ лишнія слова, а безъ всякаго совѣщанія (доказано, что они *совѣщались* не болѣе 5 минутъ) оправдываютъ только что признаннаго ими виновнымъ человѣка. Если присяжные такъ *не тверды* были въ своемъ убѣжденіи, что нѣсколькихъ словъ предсѣдателя было достаточно, чтобы они, *безъ совѣщанія*, радикально измѣнили свое убѣжденіе, то неужели такой приговоръ заключаетъ въ себѣ тѣ гарантіи, благодаря которымъ признается незыблемость приговоровъ присяжныхъ! Не можетъ быть и спора, что оставить такой приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія невозможно. Исключая это послѣднее предположеніе и считая доказаннымъ, что Мироновичъ, согласно приговора присяжныхъ, виновенъ въ неумышленномъ убійствѣ, мы вполнѣ поймемъ, что предсѣдатель не могъ не вернуть присяжныхъ къ новому совѣщанію. Что именно замѣчательно въ дѣлѣ Мироновича — это немедленное разглашеніе тайны совѣщанія присяжныхъ городскими и газетными толками; но мы конечно не пойдемъ за ними по этому пути....

Въ нашихъ хроникахъ за апрѣль, май и іюнь настоящаго года, мы подробно останавливались на вопросѣ объ обремененіи сената дѣлами, причемъ, главнымъ образомъ, имѣли въ виду одинъ гражданскій департаментъ. Теперь мы познакомимъ читателей журнала съ положеніемъ дѣлъ въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ и приведемъ, въ извлеченіи, записку одного изъ наиболѣе уважаемыхъ сенаторовъ этого

департамента—о мѣрахъ къ устраненію накопленія въ немъ дѣлъ. Къ 1 ноября 1883 года оставалось въ департаментѣ нерѣшенныхъ дѣлъ 3050, къ 1 января 1884 г. число это возрасло до 3666; въ теченіи 1884 поступило въ департаментъ 10643 дѣла, доложено 12375 и къ 1 января 1885 г. оставалось 1934, т. е. на 1116 дѣлъ менѣе, нежели ихъ оставалось къ ноябрю 1883 года. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобное положеніе дѣлъ, особенно въ виду частаго отвлеченія сенаторовъ уголовнаго департамента отъ постоянныхъ занятій въ департаментѣ, должно считаться вполнѣ благопріятнымъ и года въ два уголовный департаментъ могъ бы стать въ такое положеніе, что остатокъ дѣлъ къ новому году равнялся бы нулю. Въ старыхъ департаментахъ сената, съ которыми сравненіе въ данномъ случаѣ вполнѣ умѣстно, положеніе дѣлъ гораздо менѣе благопріятно. Такъ, въ 1 департаментѣ къ 1 января 1884 года осталось нерѣшенныхъ дѣлъ 7363, а въ межевомъ рѣшалась въ годъ лишь одна треть поступающихъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе все-таки желательно болѣе быстрое разсмотрѣніе дѣлъ въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ; авторъ вышеуказанной записки и занимается рѣшеніемъ этого вопроса. По его мнѣнію, накопленіе неоконченныхъ дѣлъ въ департаментѣ можетъ быть устранено двумя способами: 1) уменьшеніемъ числа дѣлъ поступающихъ на разрѣшеніе департамента, и 2) облегченіемъ самыхъ пріемовъ разсмотрѣнія дѣлъ въ департаментѣ. Уменьшеніе числа дѣлъ можетъ быть достигнуто также двумя путями: а) передачею части дѣлъ, которыя восходятъ на разсмотрѣніе уголовнаго кассаціоннаго департамента, на разрѣшеніе, въ кассаціонномъ порядкѣ, въ судебныя палаты или же въ другія, вновь образованныя кассаціонныя учрежденія, и б) увеличеніемъ числа дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію существующей уже кассаціонной инстанціи мировыхъ съѣздовъ. Первую мѣру авторъ признаетъ неудобной, въ силу тѣхъ же основаній, которыя были приведены государственнымъ совѣтомъ и послужили къ устраненію этой мѣры въ 1877 году. Въ настоящее время предлагаемая мѣра еще особенно нежелательна и несвое-

временна, въ виду предпринятаго пересмотра законовъ гражданскихъ и уголовныхъ. Что касается до возможности уменьшенія числа дѣлъ, поступающихъ въ уголовный кассаціонный департаментъ, посредствомъ нѣкотораго увеличенія числа тѣхъ дѣлъ, которыя подлежатъ, по закону, кассаціонному разсмотрѣнію мировыхъ съѣздовъ, то, по мнѣнію автора записки, можно установить, что приговоры мировыхъ судей и гминныхъ судовъ почитаются окончательными, когда ими опредѣляются: денежныя взысканія не свыше 50 руб. съ каждаго лица и при этомъ искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные противозаконнымъ дѣяніемъ, не превышаетъ также, равной съ симъ взысканіемъ, суммы въ 50 руб. При этомъ авторъ полагаетъ необходимымъ для полноты надзора кассаціоннаго суда за правильнымъ истолкованіемъ законовъ мировыми судебными установленіями, предоставить прокурорскому надзору опротестованіе предъ правительствующимъ сенатомъ приговоровъ мировыхъ съѣздовъ, постановленныхъ въ кассаціонномъ порядкѣ, и признать за правительствующимъ сенатомъ, при уважительности протеста, право отмѣны этихъ приговоровъ въ видахъ возстановленія права обиженной стороны. Затѣмъ, ему кажется также справедливымъ, „примѣняясь къ значенію этой послѣдней мѣры и къ постановленіямъ германскаго и итальянскаго судебныхъ уставовъ, предоставить правительствующему сенату право, при отмѣнѣ въ кассаціонномъ порядкѣ всѣхъ вообще приговоровъ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленій, распространять эту отмѣну, по обстоятельствамъ дѣла, и на подсудимыхъ, неучаствовавшихъ въ обжалованіи приговора, когда такая отмѣна касается дѣйствій суда, непосредственно относившихся до означенныхъ подсудимыхъ и можетъ вліять на измѣненіе приговора о наказаніи ихъ, при отсутствіи совокупности преступныхъ дѣяній ихъ, или же другихъ условій, осложняющихъ вину ихъ.“

Полезность двухъ послѣднихъ мѣропріятій намъ кажется весьма спорною.

Переходя ко второму способу устраненія накопленія не-

оконченныхъ дѣлъ въ сенатѣ, посредствомъ облегченныхъ пріемовъ разрѣшенія этихъ дѣлъ, авторъ записки полагаетъ, что они должны заключаться въ возможномъ облегченіи письменнаго труда сенаторовъ. Въ предъидущихъ хроникахъ мы касались довольно подробно этого вопроса и остаемся при мнѣніи, что уже и теперь письменный трудъ сенаторовъ уменьшенъ до предѣловъ возможности. Дальше по этому пути идти некуда, безъ явнаго подрыва авторитета сената и достоинства исходящихъ отъ него рѣшеній. Другое облегченіе труда сенаторовъ должно заключаться, по мнѣнію составителя записки, въ томъ, чтобы чины оберъ-прокурорскаго надзора, передъ отправленіемъ дѣла на разсмотрѣніе докладывающаго сенатора, окончательный выводъ своего заключенія излагали бы письменно и именно въ томъ содержаніи, въ какомъ могла бы, по мнѣнію лица оберъ-прокурорскаго надзора, состояться резолюція правительствующаго сената по сему дѣлу. Иными словами— требуется, чтобы товарищи оберъ прокурора составляли по каждому дѣлу проектъ резолюціи.

Авторъ думаетъ, что подобный порядокъ не будетъ существеннымъ измѣненіемъ законовъ судопроизводства. Но кто же можетъ поручиться, что при введеніи этого порядка, сенаторы—по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ—не ограничатъ свой, дорого оплачиваемый государствомъ трудъ, переписываніемъ прокурорскихъ резолюцій. Одна возможность подобнаго предположенія должна печально отозваться на правосудіи. Далѣе, авторъ возражаетъ противъ учрежденія членовъ сената и затѣмъ отвѣчаетъ тѣмъ лицамъ, которыя находили совершенно излишнимъ присутствіе лицъ оберъ-прокурорскаго надзора въ разсмотрѣніи дѣлъ, поступающихъ въ отдѣленія кассаціонныхъ департаментовъ. „Правильное разрѣшеніе дѣлъ въ отдѣленіяхъ поддерживается, въ настоящее время, говоритъ уважаемый авторъ записки, подробнымъ разсмотрѣніемъ ихъ какъ докладывающимъ сенаторомъ, такъ и лицомъ оберъ-прокурорскаго надзора, дающимъ заключеніе по дѣлу; присутствіе отдѣленія повѣряетъ заявленное этими двумя лицами согласное мнѣніе, или же разъ-

ясняетъ основанія возникшаго между ними разногласія, чрезъ выслушаніе объясненій ихъ, касающихся существенныхъ сторонъ разсматриваемаго дѣла. Безъ участія лица оберъ-прокурорскаго надзора въ разсмотрѣніи дѣлъ, повѣрка такого рода сдѣлается невозможною; объясненія одного члена - докладчика не въ состояніи будутъ замѣнить ее.... Вообще, должно замѣтить, что контролирующія условія производства дѣлъ въ отдѣленіяхъ кассаціонныхъ департаментовъ не только не должны ослабляться, а напротивъ того, должны быть установлены на болѣе прочныхъ началахъ и однимъ изъ способовъ, достигающихъ такой цѣли, должно служить письменное изложеніе заключеній, предъявленныхъ по дѣламъ лицами оберъ - прокурорскаго надзора.“ Насколько вѣрно первое — необходимость участія лицъ оберъ-прокурорскаго надзора въ разсмотрѣніи дѣлъ въ отдѣленіяхъ департатентовъ, настолько сомнительна польза для дѣла втораго положенія — требованія письменныхъ заключеній. Впрочемъ, насколько намъ извѣстно, въ гражданскомъ департаментѣ товарищи оберъ-прокурора, посылая дѣла къ докладывающему ихъ сенатору, прилагаютъ и теперь свои замѣтки, въ которыхъ излагаютъ свой взглядъ на дѣло, но замѣтки эти не замѣняютъ резолюцій, и имѣютъ скорѣе характеръ частнаго мнѣнія, которое докладывающій сенаторъ могъ бы выслушать и отъ каждаго посторонняго лица.

Въ скоромъ времени, вѣроятно, государственный совѣтъ разсмотритъ два представленія министра юстиціи: одно—объ измѣненіи подсудности, другое — объ учрежденіи при судахъ должности штатныхъ кандидатовъ. Настоятельная необходимость какъ того, такъ и другаго, давно сознана и, конечно, обѣ эти реформы, въ извѣстныхъ предѣлахъ, желательны. Въ слѣдующей хроникѣ мы поговоримъ о нихъ подробно.

Z.

ЗАМѢТКИ

СЛѢДСТВЕННАЯ ЧАСТЬ ВЪ ЗАКАВКАЗСКОМЪ КРАѢ.

Il n'y a que les peuples barbares pour méconnaître cette verité, q'une justice bien organisée vaût mieux que touttes les légions de Caesar.

Odilon Barrot. Discours.

Въ печати пронесся за послѣднее время новый слухъ объ образованіи особой коммисіи для пересмотра дѣйствующихъ законоположеній о предварительномъ слѣдствіи.

Мы вполнѣ увѣрены, что результаты работъ этой коммисіи выразятся въ возвращеніи слѣдственнаго института на почву судебныхъ уставовъ, въ укрѣпленіи независимости и престижа судебныхъ слѣдователей и что замогильный голосъ отошедшаго въ вѣчность стараго судебнаго порядка не поколеблетъ людей, призванныхъ работать не для прошлаго, съ его мертвецами, а для настоящаго и для будущаго. Но мы не увѣрены въ одномъ, а именно, что работы коммисіи коснутся не только принциповъ предварительнаго слѣдствія, но и соотвѣтственнаго переустройства института слѣдователей, въ особенности въ тѣхъ окраинахъ Россіи, гдѣ всего сильнѣе ощущаются отступленія отъ основныхъ положеній судебныхъ уставовъ, гдѣ эти послѣднія хотя и дѣйствуютъ, но съ такими урѣзками и искаженіями, которыя не только не обусловливаются логикою и необходимостью, а напротикъ того, находятся въ прямомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ потребностями жизни и основнымя началами нормальнаго процесса.

Мы говоримъ о Закавказскомъ краѣ, гдѣ, какъ мы надѣемся

доказать далѣе, предварительное слѣдствіе, эта важнѣйшая стадія уголовнаго судопроизводства, обставлено такими неблагопріятными законодательными и фактическими условіями, что правильное отправленіе правосудія парализуется въ самомъ своемъ корнѣ и свѣтлыя начала судебныхъ уставовъ меркнутъ, уступая свое мѣсто канцелярской рутинѣ, формализму и господству буквы закона надъ его духомъ.

Закавказье представляетъ собою такой отдаленный уголъ Россіи, оно такъ недавно еще примкнуло къ общему правительственному строю нашего отечества, въ этомъ послѣднемъ такъ много своего собственнаго дѣла, такое количество сложныхъ вопросовъ, требующихъ немедленнаго разрѣшенія, что неудивительно, если тамъ имѣютъ лишь самыя смутныя и поверхностныя свѣдѣнія о томъ, что творится въ этомъ краѣ, какъ прививаются и дѣйствуютъ тамъ наши государственныя учрежденія. А между тѣмъ, по настоящему, вопросъ этотъ имѣетъ первостепенную важность, ибо въ Закавказьѣ Россія преслѣдуетъ не одни лишь личныя цѣли, а взяла на себя еще просвѣтительныя задачи и миссію привить европейскую культуру къ полудикимъ племенамъ, разбросаннымъ на громадной территоріи, между Эльбрусомъ и Араратомъ. Поэтому, судьбы нашихъ учрежденій въ этой колоніи должны были бы интересовать мыслящее общество Россіи не потому только, что они свои родные, а потому, главнымъ образомъ, что они являются проводниками цивилизаціи на дальнемъ востокѣ и служатъ пробнымъ камнемъ нашего собственнаго національнаго развитія, нашей собственной духовной возмужалости.

Мы лично не знаемъ, въ какихъ формахъ сказались результаты административной, финансовой и учебной дѣятельности нашихъ учрежденій въ Закавказьѣ, но смѣемъ думать, по соображеніямъ, которыя мы приведемъ ниже, что, пока, цивилизаторская миссія ихъ, за исключеніемъ развѣ немногихъ губернскихъ городовъ, не достигнута вовсе или достигнута въ крайнѣ плачевныхъ размѣрахъ, несмотря на то, что на эту самую миссію затрачены и потоки русской крови и сотни милліоновъ русскихъ денегъ. Населеніе Кавказа продолжаетъ пребывать въ своей умственной полудремотѣ, его духовныя силы не получили развитія, оно не тяготѣетъ къ Россіи и ищетъ своихъ идеаловъ не въ ней, а въ Меккѣ, Эчміадзинѣ и Тегеранѣ; оно не поняло, однимъ словомъ, преимуществъ европейскаго жизненнаго строя надъ азіатскимъ и не подчинилось

нашему культурному вліянію. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не акцизные, гербовые, таможенные и тому подобные сборы, какъ бы хороша ни была ихъ внутренняя организація, могутъ убѣдить восточнаго человѣка въ превосходствѣ русской государственности надъ турецкою или персидскою. Тамъ практикуется тоже самое, можетъ быть съ меньшимъ успѣхомъ для казны, но это для простолюдина совершенно безразлично. Полиція и низшая администрація даже въ центральной Россіи оказались настолько не на высотѣ своей задачи, настолько отзываются складомъ и тенденціями прошлаго столѣтія, что и тамъ пришлось серьезно задуматься надъ вопросомъ о коренномъ переустройствѣ ихъ; поэтому о цивилизаторской роли ихъ въ Закавказьѣ, гдѣ сосредоточены, конечно, далеко не лучшія силы, не можетъ быть рѣчи: на это не хватаетъ у нихъ ни желанія, ни умѣнья, ни внѣшнихъ средствъ.

Высшая администрація, по своимъ личнымъ свойствамъ, можетъ быть и стоитъ очень высоко, но она, во первыхъ, не имѣетъ непосредственнаго соприкосновенія съ населеніемъ, а во вторыхъ, построена на базисѣ низшей администраціи—базисѣ, органическіе пороки котораго вызвали къ жизни кохановскую коммиссію съ ея новаторскими стремленіями.

Только школы и суды, въ силу своей непосредственной близости къ народу и тѣхъ новыхъ началъ, на которыхъ они построены, могли бы привести пестрыя племена Закавказья къ тѣсному духовному союзу съ Россіей, могли бы пробудить въ нихъ сознаніе, что европейская культура заслуживаетъ и изученія и подражанія.

А между тѣмъ именно эти то учрежденія, на которыхъ, повидимому, Россія всего болѣе должна была бы основывать свои культурныя стремленія и которыя должны были бы служить наиболѣе надежнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ варварствомъ, эти-то учрежденія поставлены въ наиболѣе невыгодныя условія, подвергаются всякаго рода законодательнымъ и матеріальнымъ стѣсненіямъ.

Разработка школьнаго вопроса, въ примѣненіи его на Кавказѣ, не входитъ въ планъ настоящей статьи. Предоставляемъ перу спеціалиста заняться этимъ вопросомъ и обратимся сами къ явленію гораздо болѣе близкому намъ—къ судьбамъ новыхъ судовъ въ Закавказьѣ, насколько эти судьбы находятся въ связи съ слѣдственнымъ институтомъ и предварительнымъ слѣдствіемъ.

Смѣемъ надѣяться, что коммисія, о которой мы говорили раньше, не ограничится одними только офиціальными отчетами окружныхъ судовъ и разныхъ начальствъ, представляющими собой сжатые и готовые отвѣты на такіе же сжатые и готовые вопросы со стороны министерства и что ею будутъ приняты къ свѣдѣнію и посторонніе источники, лишь бы эти послѣдніе помогали пролитію свѣта на тѣ или другіе вопросы, лишь бы они вѣрно изображали положеніе вещей.

Полагаемъ, что факты, которымъ мы посвятимъ всю настоящую статью, настолько краснорѣчиво говорятъ сами за себя, что коммисія, и прочія учрежденія, кому о томъ вѣдать надлежитъ, не оставятъ ихъ безъ вниманія и вмѣстѣ съ авторомъ этихъ строкъ придутъ къ заключенію, что система предварительнаго слѣдствія въ Закавказьѣ такова, что требуетъ быстрыхъ и рѣшительныхъ улучшеній, что установившіеся нынѣ въ ней принципы противорѣчатъ здравымъ началамъ судопроизводства, не соотвѣтствуя въ тоже время вовсе практической необходимости и что при дальнѣйшемъ существованіи настоящихъ порядковъ дѣятельность всѣхъ судовъ этого края подвергнется полному дискредиту.

Мы сами принадлежимъ къ судебному вѣдомству и твердо вѣримъ въ цивилизаторскую миссію его, какъ въ Россіи, такъ и въ особенности въ колоніяхъ ея; мы дорожимъ, кромѣ того, престижемъ русскаго имени и потому не можемъ безъ душевной боли смотрѣть па то, какъ ложно поставленные принципы и практическія полумѣры губятъ самыя свѣтлыя начинанія, какъ надъ безплодной работой даромъ пропадаютъ и знанія и усилія цѣлыхъ сотенъ людей, заслуживающихъ лучшей участи.

Предварительное слѣдствіе, какъ одинъ изъ моментовъ новаго направленія уголовнаго процесса, существуетъ въ Закавказьи лишь весьма съ недавнихъ поръ, а между тѣмъ оно уже успѣло вынести нѣсколько ломокъ и крупныхъ поворотовъ изъ стороны въ сторону. Несоотвѣтствіе законодательной постановки этого института съ требованіями жизни, нѣсколько разъ уже вызывало стремленіе поставить его на иной путь; изъ стремленій этихъ возникали новые законы или циркулярныя распоряженія съ характеромъ законовъ, вносившіе новое направленіе и порядки, но все это творилось ощупью, безъ послѣдовательности, безъ ясно сознанной идеи, если только не считать идеею упрямое желаніе во что-бы то ни стало уклониться отъ тѣхъ образцовъ, которые суще-

ствуютъ въ Россіи и поставить предварительное слѣдствіе на какой угодно путь, кромѣ только того, который предначертанъ судебными уставами. Исторія слѣдственной части въ Закавказьи очень интересна сама по себѣ и, кромѣ того, весьма поучительна, ибо подобно вѣхамъ на рѣкѣ указываетъ куда не слѣдуетъ плыть; поэтому мы и не считаемъ возможнымъ обойти ее молчаніемъ.

При введеніи судебной реформы въ Закавказскомъ краѣ, организаторы ея не сочли возможнымъ ввести туда судебные уставы 1864 г. въ полномъ ихъ объемѣ. Верхніе этажи судебнаго зданія были перенесены на Кавказскую почву почти цѣликомъ, а фундаментъ оставили въ Россіи, замѣнивъ его какими то своеобразными сооруженіями по совершенно новому и еще нигдѣ невиданному образцу; институтъ слѣдователей, а вмѣстѣ съ нимъ и самое предварительное слѣдствіе были отвергнуты, какъ элементъ вовсе несущественный въ судопроизводствѣ. Слѣдователей, правда, допустили по отношенію къ важнѣйшимъ дѣламъ, но въ такомъ ограниченномъ числѣ—по одному при округѣ каждаго окружнаго суда— что никакого вліянія на общее теченіе дѣлъ они, разумѣется, имѣть не могли. Общій же фундаментъ былъ сооруженъ изъ смѣшаннаго и весьма зыбкаго матеріала: производство по разслѣдованію преступленій было возложено на мировыхъ судей, по одному на каждый уѣздъ, къ которымъ и должны были поступать сообщенія обо всѣхъ безъ различія преступныхъ дѣяніяхъ, обнаруженныхъ въ предѣлахъ ихъ участковъ. Мировые судьи сортировали ихъ, опредѣляли сами ихъ подсудность и затѣмъ принимались за разбирательство или предварительное изслѣдованіе, сообразно обстоятельствамъ. Построеніе это, на первый взглядъ, очень остроумное, страдало однако однимъ кореннымъ недостаткомъ по отношенію къ своей осуществимости. Разбирательство мировыхъ дѣлъ и прочія судебныя и административныя функціи требовали, чтобы мировой судья безотлучно находился при своей камерѣ; слѣдственныя же его обязанности требовали, если не непрерывныхъ разъѣздовъ, то по крайней мѣрѣ свободы перемѣщаться во всякій данный моментъ, для изслѣдованія преступленій на мѣстѣ. Судьи оказались въ положеніи Креза, такъ какъ имъ было сказано извѣстное domini sede. Чтобы вывести ихъ изъ этого затруднительнаго положенія при нихъ были созданы помощники, какъ нѣчто дополнительное къ ихъ канцеляріи. 7 глава III книги уст. угол. суд. поставила ихъ, какъ и подобаетъ помощникамъ, въ пол-

ную зависимость отъ мировыхъ судей. Своего круга вѣдомства, своихъ функцій и даже своей юридической физіономіи помощники не получили вовсе, а стали миніатюрами своихъ принципаловъ, съ тою только разницею, что не получили ни иниціативы, ни самостоятельности. Мировой судья могъ возлагать на нихъ производство слѣдствій, могъ командировать ихъ для осмотровъ и обысковъ по мировымъ дѣламъ, могъ однимъ словомъ распоряжаться ими, какъ суды распоряжаются кандидатами, но только гораздо неограниченнѣе и полновластнѣе. Возложеніе слѣдствія на помощника никогда не превращало этого послѣдняго въ хозяина извѣстнаго дѣла; онъ всегда и всюду продолжалъ оставаться покорнымъ вассаломъ мироваго судьи, продолжая дѣйствовать подъ его руководствомъ и его наблюденіемъ.

Извѣстныя процессуальныя положенія стали во всемъ цивилизованомъ мірѣ такими истинами, что излишне будетъ доказывать, что вышеприведенный порядокъ вещей сдѣлался, фактически, не изъятіемъ *изъ* судопроизводства, а изъятіемъ *самаго* судопроизводства.

Всѣхъ мотивовъ, побудившихъ законодателя къ установленію такого экстраординарнаго порядка мы не знаемъ, что же касается выраженныхъ и признанныхъ соображеній, легшихъ въ его основаніе, то они сводятся къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: 1) Закавказье такъ отдалено отъ центра Россіи, туда такъ трудно, не смотря на нѣкоторыя служебныя преимущества (скажемъ въ скобкахъ — скорѣе фиктивнаго, чѣмъ реальнаго свойства), привлечь людей съ юридическимъ или хотя бы просто съ высшимъ образованіемъ, въ особенности на многотрудную должность слѣдователей, что на избытокъ ихъ никоимъ образомъ расчитывать нельзя; придется довольствоваться людьми средняго образованія и пожалуй даже вовсе безъ образованія. Вручить имъ, на правахъ полныхъ хозяевъ, такія важныя функціи, какъ изслѣдованіе крупныхъ преступленій, и неудобно и опасно, поэтому необходимо подчинить ихъ непосредственному контролю лица, живущаго съ ними въ одномъ пунктѣ, лица, по презумпціи, обладающаго и болѣе высокимъ уровнемъ образованія и большимъ опытомъ, словомъ мироваго судьи. 2) Отсутствіе въ Закавказьи почетныхъ мировыхъ судей и абсолютная невозможность создать ихъ, за недостаткомъ людей, должны вызвать особый характеръ мироваго судопроизводства: смерть, отставка, отпускъ и отводъ

участковыхъ мировыхъ судей естественно должны будутъ крайне вредно отражаться на дѣлахъ, лишая ихъ, или совершенно, или на болѣе или менѣе продолжительное время, разсмотрѣнія и рѣшенія. Замѣнить ихъ не кѣмъ, такъ какъ нельзя же заставить мировыхъ судей изъ другихъ уѣздовъ бросать собственные участки и ѣздить за сто и болѣе верстъ разбирать чужія дѣла, когда они сами завалены работой. Поэтому необходимо создать при нихъ такихъ помощниковъ, которые бы во всякій данный моментъ могли замѣнить ихъ и обладали бы достаточною опытностью и высотою положенія, чтобы не испортить дѣлъ и не принизить званія мировыхъ судей. Отсюда полное упраздненіе института судебныхъ слѣдователей и замѣна ихъ какими то неопредѣленными, безличными чиновниками, называющимися помощниками мировыхъ судей.

Плачевные результаты подобной системы сказались очень скоро: по какому то чуду (а Россія все еще страна чудесъ, чтобы тамъ ни говорили маловѣрные) образованные люди почти вовсе не попали на должности мировыхъ судей; ихъ мѣста заняли, или люди, неимѣвшіе ровно никакой подготовки, или которые пріобрѣли свои знанія строча повѣстки и исполнительные листы въ канцеляріяхъ окружныхъ судовъ. Наоборотъ, на должностяхъ помощниковъ ихъ оказались весьма многіе молодые люди съ университетскимъ образованіемъ, а остальные сотоварищи ихъ ничѣмъ не уступали мировымъ судьямъ, такъ какъ выходили изъ того же слоя общества и формировались въ той же житейской школѣ. Нравственное преобладаніе оказалось вовсе не на сторонѣ мировыхъ судей и первое изъ приведенныхъ нами выше соображеній разбилось о преграду, которую можно и должно было предвидѣть—о фаворитизмъ, кумовство и прочія темныя явленія бюрократическаго міра. Несостоятельность втораго соображенія сказалась еще быстрѣе и рельефнѣе: пользуясь своимъ неограниченнымъ правомъ возлагать на помощниковъ какъ мировыя, такъ и слѣдственныя функціи, многіе судьи перестали работать вовсе, раздѣленіе труда замѣнилось нагроможденіемъ его на одного человѣка, притомъ же лишеннаго свободы дѣйствій и собственнаго усмотрѣнія. Мировые судьи сохранили за собою лишь право руководства, т. е., иными словами, воздѣйствія и давленія на убѣжденія и поступки своихъ подчиненныхъ. Какія произошли отъ того послѣдствія, излишне говорить.

Въ лучшихъ случаяхъ, когда мировые судьи не отказывались

нести свои обязанности, отправленіе правосудія отъ этаго весьма мало выигрывало: смѣшеніе компетенцій и низкій уровень ихъ образовательнаго ценза вызвали вопіющія смѣшенія подсудностей; преступленія, влекущія за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, квалифицировались какъ легкія правонарушенія и становились предметомъ мироваго разбирательства; наоборотъ, ничтожные проступки возводились въ важныя событія, по которымъ помощники производили слѣдствія и, притомъ, безропотно, такъ какъ о пререканіяхъ между ними и мировыми судьями не могло быть и рѣчи. Переходъ дѣлъ изъ рукъ принципала въ руки помощника, и наоборотъ, измѣнялъ единство во взглядахъ и силѣ уголовной репрессіи, сообщалъ всему процессу несвойственные ему толчки и колебанія изъ стороны въ сторону.

Жалобы стали раздаваться въ народѣ и въ судахъ и въ прокуратурѣ; всюду требовали измѣненія невыносимаго и, по самому существу своему, невозможнаго порядка

Предѣлъ ему былъ наконецъ положенъ въ циркулярѣ намѣстника кавказскаго: изъятія изъ судопроизводства не подверглись, правда, законодательной отмѣнѣ, но ихъ самихъ изъяли de facto, установивъ новыя рамки для предварительнаго слѣдствія, рамки, если и не вполнѣ совпадавшія съ кругомъ вѣдомства судебныхъ слѣдователей въ Россіи, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени приближавшіяся къ нему: слѣдственная часть была окончательно выдѣлена изъ компетенціи мировыхъ судей и помощники ихъ впервые были поставлены на ноги, получивъ хотя нѣкоторую самостоятельность. Полиціи, частнымъ лицамъ и прокурорскому надзору было повелѣно обращаться къ нимъ непосредственно съ увѣдомленіями, жалобами и предложеніями, по поводу преступленій, подсудныхъ окружнымъ судамъ; давленіе мировыхъ судей на предварительное слѣдствіе было рѣшительно устранено и помощники получили право дѣйствовать также самостоятельно и при тѣхъ же условіяхъ, какъ и судебные слѣдователи; имъ были выдѣлены даже особые участки, существующіе и понынѣ.

Эминсипація ихъ отъ власти судей пошла еще дальше: допущено было примѣненіе 39 ст. уст. угол. суд. т. е. пререканія о подсудности между ними и ихъ бывшими принципалами, и сами они были поставлены въ непосредственную зависимость лишь отъ окружныхъ судовъ. На этомъ остановилась реформа. Въ остальныхъ же отношеніяхъ положеніе помощниковъ не измѣнилось. Но и этого

было достаточно, чтобы хотя нѣсколько оживить слѣдственный институтъ и вывести его изъ летаргическаго канцелярскаго существованія.

Предварительное слѣдствіе пріобрѣло нѣкоторую устойчивость во взглядѣ и направленіи; въ его отдѣльныхъ моментахъ появились и связь и послѣдовательность. Циркуляръ этотъ, конечно, не былъ тѣмъ fiat lux, который былъ бы желателенъ, но все же онъ въ значительной степени разсѣялъ судебный хаосъ, отведя разнымъ элементамъ подобающее имъ мѣсто.

Мы не были очевидцами этого преобразованія и, потому, не можемъ сказать утвердительно, въ какихъ именно формахъ отразилось оно на всей судебной практикѣ, но мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что эта послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не могла потерять отъ порядка, дававшаго и прокурорскому надзору и судамъ возможность строить свои убѣжденія не на компиляціяхъ своего и чужаго безличныхъ сподручниковъ мировыхъ судей, а на осмысленно проведенной работѣ людей, обладающихъ собственнымъ взглядомъ и собственнымъ убѣжденіемъ.

Послѣ этой, хотя и не полной, но все же благодѣтельной реформы, чѣмъ-то необъяснимо страннымъ является тотъ шагъ назадъ, который сдѣланъ въ области предварительнаго слѣдствія по упраздненіи намѣстничества кавказскаго и присоединеніи его, по порядку управленія, къ центральнымъ учрежденіямъ Россіи. По настоящему, можно было ожидать, что новый законъ только санкціонируетъ тотъ слѣдственный строй, который былъ установленъ вышеприведеннымъ циркуляромъ намѣстника. Между тѣмъ на дѣлѣ вышло почти совершенно обратное: въ Высочайше утвержденномъ положеніи отъ 10 марта 1883 года предварительное слѣдствіе сводится опять къ прежнимъ началамъ, съ крайне незначительными лишь отступленіями отъ прежней редакціи соотвѣтственныхъ статей въ 7 главѣ III книги уст. уг. суд. Статья 146 означеннаго положенія гласитъ: „обязанности судебныхъ слѣдователей въ Закавказьѣ возлагаются на мировыхъ судей и ихъ помощниковъ. При окружныхъ судахъ: тифлисскомъ, елизаветпольскомъ, кутаисскомъ, эриванскомъ и бакинскомъ, для производства слѣдствій по наиболѣе важнымъ дѣламъ, состоятъ по два судебныхъ слѣдователя и при каждомъ изъ нихъ по одному переводчику.“

Даже изъ поверхностнаго разсмотрѣнія первой части означенной статьи не трудно убѣдиться, что она страдаетъ двумя существен-

ными недостатками: во первыхъ, отрицаніемъ тѣхъ процессуальныхъ началъ, на которыхъ построено предварительное слѣдствіе во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы, и во вторыхъ, крайнею неопредѣленностью компетенціи мировыхъ судей и ихъ помощниковъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи она стоитъ значительно ниже 1294 ст. уст. угол. суд., не обладая ни ея логикою, ни ея послѣдовательностью: правильно ли или неправильно, но раньше предварительное слѣдствіе имѣло юридически одного хозяина—мироваго судью, и не могло быть никакихъ сомнѣній относительно того, кому должны были быть адресованы жалобы и сообщенія о преступныхъ дѣяніяхъ, ни кто долженъ былъ ихъ вѣдать. Въ настоящее же время этотъ вопросъ окончательно затемненъ редакціею 146 ст. положенія отъ 10 марта, такъ что лицо, которому на практикѣ приходится съ нимъ сталкиваться, поставлено въ положеніе Тезея въ лабиринтѣ, но только безъ нити Аріадны. Еслибъ законодатель хотѣлъ сохранить цѣликомъ порядокъ вещей, установленный 1294 ст. уст. угол. суд., ему незачѣмъ было бы вовсе издавать новаго закона, такъ какъ означенное положеніе ничуть не отмѣняетъ и даже не измѣняетъ 7 главу III книги уст. уг. суд., не касаясь большинства тѣхъ вопросовъ, которые составляютъ предметъ этой главы, а только нѣсколько дополняетъ ее. Если же, наоборотъ, законодатель счелъ нужнымъ создать новыя условія для предварительнаго слѣдствія, то это надо было сдѣлать въ такихъ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ, которыя не оставляли бы мѣста сомнѣніямъ и не ставили бы и суды и прочія учрежденія и частныхъ лицъ въ полную неизвѣстность относительно того, кто въ каждомъ данномъ случаѣ производитъ и долженъ производить предварительное слѣдствіе.

Новое положеніе не упоминаетъ болѣе ни о правѣ наблюденія и руководства мировыхъ судей надъ слѣдственными функціями ихъ помощниковъ, ни о правѣ слагать на нихъ свои собственныя обязанности. Выводъ этотъ неоспоримо вытекаетъ изъ смысла 148 ст. того же положенія, согласно которому мировой судья можетъ только „распредѣлять“ занятія между состоящими при немъ чиновниками, но не выводить ихъ изъ круга установленныхъ для каждаго изъ нихъ обязанностей. Если напр. при немъ состоятъ два или болѣе помощника, то онъ можетъ дѣла отъ одного передавать другому, въ видахъ болѣе правильнаго распредѣленія занятій, но врядъ ли кто либо рѣшится утверждать, чтобы мировой судья могъ возло-

жить на помощника своего обязанности судебнаго пристава или секретаря. Поэтому и слово „распредѣленіе“ должно быть толкуемо лишь въ самомъ ограничительномъ смыслѣ и никоимъ образомъ не можетъ быть распространяемо на измѣненіе круга вѣдомства каждаго изъ подначальныхъ ему лицъ.

Разъ, прежнее сюзеренное право мировыхъ судей низведено до простаго лишь распредѣленія занятій, помощники ихъ тѣмъ самымъ признаны за самостоятельныя служебныя единицы и имъ отведенъ извѣстный кругъ занятій, но въ такомъ случаѣ, гдѣ же этотъ кругъ, кто начертилъ его, гдѣ онъ начинается и гдѣ кончается? Вотъ вопросы, на которые положеніе отъ 10 марта не даетъ никакого отвѣта.

Поставленная въ этотъ заколдованный циклъ сомнѣній и вопросовъ, закавказская судебная практика пришла къ наиболѣе разумному выводу, возможному въ этомъ положеніи: она сдѣлала видъ, что позабыла 7 главу III книги уст. угол. суд. и въ тоже время не ознакомилась съ положеніемъ отъ 10 марта, а осталась при томъ слѣдственномъ строѣ, который былъ установленъ циркуляромъ намѣстника. Въ сущности, это произволъ и явная незаконность, но что же было ей дѣлать, когда противорѣчія, неясности и несоотвѣтствіе закона съ вопіющими нуждами жизни, не давали никакой возможности руководствоваться этимъ послѣднимъ безъ неминуемаго крушенія всей дѣятельности судебныхъ учрежденій закавказскаго края. Предстояла дилемма — или пожертвовать закономъ въ интересахъ дѣла, или наоборотъ, позабыть о своемъ великомъ жизненномъ призваніи и пожертвовать своею служебною и обще-культурною миссіею, ради нѣсколькихъ статей устава угол. суд. и положенія отъ 10 марта. Практика выбрала первое. Можно ли винить ее въ этомъ?

Впрочемъ, къ подробному анализу законодательной обстановки предварительнаго слѣдствія мы еще вернемся ниже; теперь же, чтобы закончить нашъ историческій очеркъ, обратимся къ описанію тѣхъ условій, которыми обставленъ слѣдственный институтъ въ настоящее время.

Предварительно слѣдствіе, какъ уже сказано, производится, или, вѣрнѣе, можетъ производиться мировыми судьями и ихъ помощниками. И тѣ и другіе назначаются на свои должности министромъ юстиціи, но не иначе, какъ по соглашенію съ главноначальствую-

щимъ кавказскаго края. При каждомъ окружномъ судѣ существуютъ по два судебныхъ слѣдователя по наиболѣе важнымъ дѣламъ.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, которыя, въ виду ихъ отдаленности отъ уѣздныхъ центровъ, неудобно подчинить юрисдикціи мировыхъ судей, образованы, такъ называемые, слѣдственные мировые участки, завѣдываніе которыми возложено, на правахъ мировыхъ судей, на помощниковъ ихъ.

Такимъ образомъ оказывается, что обязанности судебныхъ слѣдователей несутся четырьмя различными органами суда.

Это необычайное и нигдѣ невиданное построеніе мотивируется, кромѣ приведенныхъ нами выше двухъ соображеній, еще и тѣмъ, что общій складъ кавказской жизни иной, чѣмъ въ Россіи, и что, поэтому, предварительное слѣдствіе только тогда и можетъ привиться къ ея почвѣ, если будетъ опираться на иныя начала, соотвѣтствующія особенностямъ края.

Не трудно убѣдиться, что соображеніе это рѣшительно не выдерживатъ критики: особенности края, насколько онѣ касаются области суда, могли бы еще съ нѣкоторою основательностью отразиться на нашемъ матеріальномъ правѣ, такъ какъ правовыя понятія, вылившіяся въ наши уголовные и гражданскіе законы, во многомъ не соотвѣтствуютъ тѣмъ же понятіямъ кавказскаго населенія, не стоящаго съ ними на одномъ уровнѣ развитія и не доросшаго еще до пониманія общественныхъ и государственныхъ ученій. Поэтому, мы понимали бы, еслибъ обычному праву каждой народности было отведено извѣстное мѣсто въ нашемъ кодексѣ и еслибъ законъ санкціонировалъ то, что установилось вѣками и вытекаетъ изъ нравовъ и общаго склада жизни тѣхъ полудикарей, которые населяютъ Кавказъ.

Мы понимаемъ, что нѣкоторыя непреодолимыя и чисто физическія препятствія, какъ, напримѣръ, невозможность навербовать почетныхъ мировыхъ судей, должны были повлечь за собою соотвѣтственное измѣненіе въ судоустройствѣ, замѣнивъ мировые съѣзды окружными судами. Мы, пожалуй, могли бы еще, хотя не безъ труда, оправдать тѣ ограниченія, которымъ подверглась въ Закавказьѣ компетенція окружныхъ судовъ, въ пользу расширенія юрисдикціи мировыхъ судей; но мы рѣшительно отказываемся понять, почему особенности края должны были отразиться на внутренней организаціи учрежденія, цѣликомъ перенесеннаго изъ Россіи, цѣликомъ состоящаго изъ людей русскихъ, или по проис-

хожденію, или по образованію, дѣйствующихъ исключительно на основаніи русскихъ законовъ и порядковъ? Почему сочли возможнымъ перенести на кавказскую почву и, притомъ, безъ всякихъ измѣненій, нашъ уголовный процессъ и вмѣстѣ съ нимъ и предварительное слѣдствіе, а тѣхъ лицъ, которыя должны быть ближайшими проводниками ихъ въ жизнь, подвергли всевозможнымъ ампутаціямъ, и задачи ихъ разбили между разными учрежденіями. Если могли перевезти самую колесницу правосудія, то отчего же было не сохранить и движущихъ её силъ? Гдѣ пройдетъ первая, тамъ, подавно, пройдутъ и вторыя. Или колесница покатится быстрѣе, если кони ея будутъ замѣнены лебедемъ, ракомъ и щукою? Страннѣе всего, что организаторы русской государственности на Кавказѣ, усмотрѣли необходимость подобной ломки лишь по отношенію къ предварительному слѣдствію и даже не попытались ввести ее въ другія вѣдомства, несмотря на полную аналогію условій; не подлежитъ сомнѣнію, что съ кавказскими особенностями всего болѣе пришлось считаться военному дѣлу; между тѣмъ никому и въ голову не приходило посадить кавалериста за пушку, а пѣхотинца—на коня. Измѣняли тактику, пріемы, калибръ пушекъ и снарядовъ, но не трогали принциповъ военной организаціи и оставляли за каждымъ родомъ оружія свойственное ему назначеніе.

Въ предварительномъ же слѣдствіи подобное смѣшеніе было признано и умѣстнымъ и необходимымъ. Мироваго судью не только заставили стрѣлять изъ пушки, но и вольтижировать на конѣ и идти въ штыки, а помощниковъ его—продѣлывать всѣ артикулы, какіе только можетъ придумать самая богатая фантазія, какъ будто судебное дѣло не требуетъ спеціальныхъ знаній и спеціальнаго опыта.

Второе соображеніе не сильнѣе только что приведеннаго нами, по крайней мѣрѣ при настоящемъ положеніи вещей. При подчиненіи слѣдователей мировымъ судьямъ исходили когда то изъ предположенія, что не найдутся въ достаточномъ числѣ образованные люди для занятія этихъ должностей. Предположеніе это, даже 15 лѣтъ тому назадъ, не оправдалось на практикѣ; положимъ, что тогда дѣйствительно могъ ощущаться недостатокъ въ юристахъ, но онъ ощущался въ одинаковой степени какъ на должностяхъ помощниковъ, такъ и мировыхъ судей, и на этихъ послѣднихъ даже больше, такъ какъ ихъ заняли люди, сильные не университетскими дипломатами, а связями и умѣньемъ нравиться.

Въ настоящее время нельзя опираться даже на эту гипотезу, ибо стоитъ только просмотрѣть списки помощниковъ мировыхъ судей, чтобы убѣдиться, что большая половина ихъ состоитъ изъ университетской молодежи, или изъ правовѣдовъ. Наоборотъ, даже бѣглый взглядъ на списокъ мировыхъ судей докажетъ, что между ними весьма мало юристовъ и что, слѣдовательно, законъ ошибся, предположивъ за ними извѣстное умственное преобладаніе.

Но если допустить даже, что пока мало образованныхъ людей на Кавказѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ихъ нельзя было раздобыть вовсе. Въ Россіи осталось еще такъ много кандидатовъ на судебныя должности, изнывающихъ подъ бременемъ многолѣтнихъ ожиданій, что между ними безъ всякаго труда можно было бы навербовать недостающій контингентъ образованныхъ силъ. Призывъ кандидатовъ на кавказскую службу, во первыхъ, открылъ бы имъ прекрасный исходъ изъ ихъ теперешняго тяжкаго положенія и, во вторыхъ, устранилъ бы необходимость проводить, за недостаткомъ людей, на должности помощниковъ такихъ лицъ, которыя не удовлетворяютъ своему назначенію.

Не трудно убѣдиться, что при указанномъ нами соотношеніи между умственными силами мировыхъ судей и ихъ помощниковъ, подчиненіе послѣднихъ первымъ становится совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что въ Закавказьѣ, какъ и всюду въ Россіи, контроль надъ предварительнымъ слѣдствіемъ принадлежитъ прокурорскому надзору и суду. Если учрежденія эти являются достаточными гарантіями правильности и законности слѣдствія въ Россіи, то почему не довѣрять имъ и здѣсь, устанавливая еще третій органъ контроля и, притомъ, такой, который не ограниченъ никакими законодательными рамками? Опытъ не разъ уже доказалъ, что успѣхъ контроля зависитъ отъ качествъ контролирующихъ учрежденій, а не отъ количества ихъ.

Закавказская практика оказалось однако, какъ мы и указали выше, послѣдовательнѣе закона: въ лѣтописяхъ тамошняго судебнаго вѣдомства не найдется за послѣдніе годы почти ни одного случая, когда бы мировые судьи или сами производили слѣдствіе, или вмѣшивались бы въ производство ихъ помощниками. Мало того, они даже вовсе не знаютъ, какія дѣла находятся на рукахъ у этихъ послѣднихъ и знать не могутъ, такъ какъ сами стонутъ подъ непосильнымъ бременемъ собственныхъ мировыхъ, нотаріальныхъ и

административныхъ функцій. Спрашивается, къ чему же тогда снабжать ихъ правомъ, которымъ они при обыкновенныхъ условіяхъ пользоваться не могутъ, но которое можетъ сдѣлаться весьма опаснымъ орудіемъ злоупотребленія, если мировой судья захочетъ воспользоваться имъ изъ какихъ либо личныхъ расчетовъ. Недавно въ практикѣ одного изъ закавказскихъ судовъ былъ случай, доказывающій правильность нашего взгляда: одному мировому судьѣ было подано оскорбительное для него прошеніе. Онъ пожаловался прокурору, который и предложилъ помощнику его приступить къ слѣдствію. Но подобный исходъ не согласовался съ личными интересами мироваго судьи, потому что онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ своимъ помощникомъ. И вотъ онъ вооружается 1294 ст. уст. угол. суд. и требуетъ, чтобы тотъ вернулъ ему дѣло, такъ какъ онъ намѣренъ самъ распорядиться имъ.

Не знаемъ, осуществятся ли замыслы, сдѣланные судьею въ собственномъ дѣлѣ, но во всякомъ случаѣ казусъ этотъ доказываетъ, что законъ можетъ быть примѣненъ не какъ орудіе права, а какъ орудіе личныхъ счетовъ, личныхъ некрасивыхъ побужденій.

Исторія права доказываетъ намъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законъ опереженъ жизнью, онъ либо не примѣняется на практикѣ, вслѣдствіе фактическихъ препятствій, либо имъ пользуются не иначе, какъ орудіемъ произвола и нарушенія чужаго права: у насъ напримѣръ еще существуетъ 1592 ст. улож. о наказаніяхъ, по которой родители имѣютъ право заключать въ смирительный домъ, безъ всякаго судебнаго разсмотрѣнія, своихъ строптивыхъ дѣтей. Но этотъ законъ настолько не соотвѣтствуетъ уровню нынѣшней общественности, что не находятъ себѣ болѣе оправданія въ общественной совѣсти, которая глубоко возмущается каждый разъ, когда находится субъектъ, достаточно безнравственный, чтобы воспользоваться подобнымъ правомъ. Да это и естественно: законъ, чтобы быть справедливымъ, долженъ быть равномѣренъ для всѣхъ, долженъ постоянно и непрерывно оказывать свое воздѣйствіе на жизнь, долженъ вытекать не изъ произвола и личнаго усмотрѣнія того или другаго человѣка, а изъ общаго государственнаго распорядка, обязательнаго какъ для тѣхъ, къ кому онъ примѣняется, такъ и для тѣхъ, кто примѣняетъ его.

Тотъ же законъ, который по тѣмъ или инымъ причинамъ отошелъ въ область прошедшаго, который забытъ и заброшенъ прак-

тикою, только вноситъ смуту въ общество и учрежденія и колеблетъ довѣріе къ законодательству, несумѣвшему встать на высоту своего призванія и неуслѣдившему за развитіемъ жизни. Простая статистическая справка въ лѣтописяхъ закавказскихъ судовъ доказала бы съ неопровержимою наглядностью, что на практикѣ предварительное слѣдствіе тамъ окончательно эмансипировалось отъ власти мировыхъ судей, что эти послѣдніе окончательно устранены отъ него и что, слѣдовательно, соотвѣтствующія законоположенія устарѣли, перестали воздѣйствовать на дѣйствительность и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ всплываютъ на поверхность жизни, но не въ видѣ осуществленія права, а въ видѣ орудій шиканъ и интригъ. Закавказская практика давно уже выпрягла лебедя, рака и щуку изъ судебной колесницы, замѣнивъ ихъ конями, и въ этомъ отношеніи законодательству остается только санкціонировать совершившійся фактъ. Но даже крутой и рѣшительный шагъ назадъ былъ бы лучше и полезнѣе, чѣмъ теперешній разладъ между закономъ и практикою, только деморализующій судебное вѣдомство, заставляя его отступать отъ закона и дѣйствовать на основаніи хотя и полезнаго произвола, но все же произвола.

Третье соображеніе въ пользу подчиненія слѣдователей мировымъ судьямъ имѣетъ, на первый взглядъ, всего больше данныхъ за себя, но, повторяемъ мы, только на первый взглядъ. Невозможность замѣнять участковыхъ мировыхъ судей почетными—дѣйствительно должна была вызвать потребность въ иной организаціи мироваго института, чѣмъ въ Россіи, должна была создать новыхъ должностныхъ лицъ, которыя могли бы замѣнять мировыхъ судей въ случаѣ ихъ устраненія, отпуска, смерти и т. д. Но почему нужно было пополнять силы мироваго института именно на счетъ слѣдственнаго и въ ущербъ ему,—это мы рѣшительно отказываемся понять. Обращаясь опять-таки къ военнымъ примѣрамъ, мы видимъ, что ни одинъ родъ оружія не усиливается на счетъ другаго, что пѣхоту не заставляютъ нести артиллерійскія обязанности, а кавалеристовъ—производить саперныя работы. Особенности того или другаго похода, можетъ быть, и требуютъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ возложенія на разные роды оружія несвойственныхъ имъ функцій, но это всегда бываетъ лишь явленіемъ временнымъ, скоропреходящимъ и никто даже не помышляетъ о томъ, чтобы возводить его въ принципъ военной организаціи. Еслибъ мировымъ судьямъ и ихъ помощникамъ нечего было бы

дѣлать въ Закавказскомъ краѣ, то тогда еще можно было бы допустить, вопреки принципу раздѣленія мировой и слѣдственной компетенцій, нѣкоторое смѣшеніе этихъ послѣднихъ на практикѣ. Но та же статистика докажетъ намъ, что всѣ безъ изъятія органы судебной власти задавлены горами дѣлъ, что мировые судьи имѣютъ на своихъ рукахъ тысячи, а слѣдователи сотни производствъ и что совмѣщеніе обязанностей тѣхъ и другихъ въ одномъ лицѣ ведетъ лишь къ тому, что не соблюдается ни та, ни другая, и живое судебное дѣло окончательно глохнетъ подъ массою канцелярской непроизводительной работы. Заниматься совмѣстно и мировыми и слѣдственными дѣлами невозможно и по времени и по роду дѣятельности; къ закавказскому слѣдователю чуть ли не каждый день поступаютъ сообщенія объ убійствахъ, тяжкихъ пораненіяхъ и разбояхъ. Не разсматривать ихъ тотчасъ же—значитъ окончательно погубить дѣло и никогда не доискаться виновныхъ. Слѣдовательно у него не можетъ оставаться времени на разсмотрѣніе мировыхъ дѣлъ и самое большее, что онъ можетъ сдѣлать, это не запускать ихъ канцелярскую сторону. Если же въ виду какихъ либо соображеній онъ и займется ими, то тѣмъ самыхъ запуститъ свои собственныя слѣдственныя дѣла.

Такимъ образомъ замѣна мировыхъ судей ихъ помощниками, очень остроумная при поверхностномъ взглядѣ, оказывается рѣшительно несостоятельною на практикѣ. Внѣшность, правда, соблюдена и мировые участки de jure никогда не остаются вакантными, но дѣла отъ этого не только не выигрываютъ, а напротивъ того страдаютъ, ибо отнимаютъ у помощника то время, которое онъ посвятилъ бы производству слѣдствій. Законы, въ особенности такіе жизненные, какъ тѣ, которые регулируютъ отправленіе правосудія, созданы не для внѣшности, не для соблюденія апарансовъ, а должны охранять гражданъ отъ медленности и застоя въ огражденіи и возстановленіи ихъ нарушенныхъ правъ. И для кого устанавливать внѣшность, кого она обманетъ?

Потерпѣвшіе по уголовнымъ дѣламъ, истцы—по гражданскимъ, и вообще всѣ тѣ лица, интересы которыхъ такъ или иначе связаны съ судебнымъ рѣшеніемъ, вѣдь не попадутся въ обманъ, не примутъ внѣшность за дѣйствительность и прекрасно поймутъ, что юридическое раздвоеніе слѣдователя только тормозитъ, а не ускоряетъ движеніе ихъ дѣлъ. Окружный судъ, судебная палата и министерство юстиціи, точно также не поддадутся иллюзіямъ и не

вообразять, что все обстоитъ благополучно потому только, что на бумагѣ мировой участокъ снабженъ новымъ хозяиномъ. Для чего же въ такомъ случаѣ установленъ этотъ порядокъ вещей, который и дѣлу не помогаетъ и самообольщенія не допускаетъ?—Мы лично не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ.

Отсутствіе почетныхъ мировыхъ судей, конечно, представляетъ собою фактъ, съ которымъ считаться нужно, но этому горю можно было бы, на нашъ взглядъ, помочь, не прибѣгая къ невозможнымъ комбинаціямъ и даже не затрогивая большихъ денежныхъ средствъ: можно было бы при каждомъ окружномъ судѣ учредить двухъ или трехъ помощниковъ мировыхъ судей, настоящихъ помощниковъ и не фиктивныхъ, помощниковъ, свободныхъ отъ постороннихъ занятій, и вмѣнить имъ въ обязанность не только замѣщать вакантные мировые участки, но и работать въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ накопленіе дѣлъ становится не по силамъ одному человѣку. Такая реорганизація мироваго судоустройства устранили бы всѣ приведенные нами недостатки и неудобства настоящаго строя и въ то же время имѣла бы на своей сторонѣ многія несомнѣнныя достоинства. Такіе помощники заняли бы, во первыхъ, по отношенію къ мировымъ судьямъ совершенно такое же положеніе, какъ кандидаты по отношенію къ слѣдователямъ. Не имѣя своего особаго круга вѣдомства, они во всякій данный моментъ могли бы перемѣщаться въ тѣ мировые участки, гдѣ ощущается потребность въ ихъ содѣйствіи. Во вторыхъ, работа ихъ была бы не кажущеюся, не построенною на внѣшности, и по отношенію къ нимъ можно было бы предъявлять самыя строгія требованія. Благодаря имъ, мировые участки фактически никогда не оставались бы вакантными, такъ какъ они имѣли бы полную возможность посвятить все свое время и всѣ труды исключительно мировымъ дѣламъ, не разбрасываясь по производству разнородныхъ и несовмѣстныхъ компетенцій. Въ третьихъ, помощники эти проходили бы прекрасную практическую школу и исподоволь подготовлялись бы къ многотрудной дѣятельности закавказскаго мироваго судьи.

Теперешніе фиктивные помощники, по общему правилу, мировою практикою не занимаются и, слѣдовательно, являются совершенно неопытными и неподготовленными новичками, когда ихъ переводятъ на должности мировыхъ судей

Въ четвертыхъ, наконецъ, рекомендуемое нами нововведеніе пре-

доставило бы слѣдователямъ исключительно слѣдовательскія функціи, эмансипировало бы ихъ отъ мировыхъ судей и вообще поставило бы весь слѣдственный институтъ на подобающее ему мѣсто.

Что касается денежныхъ затратъ на такое переустройство, то ихъ или не было бы вовсе, или онѣ были бы крайне незначительны; на нашъ взглядъ, который мы, впрочемъ, подробно разовьемъ лишь ниже, два судебныхъ слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ при каждомъ окружномъ судѣ, составляютъ излишнюю роскошь даже въ настоящее время и станутъ положительно ненужными, когда прочіе слѣдователи не будутъ болѣе отклоняемы отъ своего истиннаго назначенія и когда штаты ихъ будутъ поставлены въ большее соотвѣтствіе съ количествомъ дѣлъ. При упраздненіи одного слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, вмѣстѣ съ его переводчикомъ, получилась бы экономія въ 2500 р. Стоило бы только присоединить къ нимъ еще 500 р. въ годъ, чтобы составить ту сумму, которая, по существующимъ окладамъ, идетъ на двухъ помощниковъ мировыхъ судей. Положимъ, совершенно такіе же оклады оказались бы нѣсколько недостаточными для проектируемыхъ нами помощниковъ, такъ какъ имъ пришлось бы вести кочевой и, слѣдовательно, дорого стоющій образъ жизни; но если даже опредѣлить каждому изъ нихъ содержаніе въ 2000 р., то и тогда получилось бы въ итогѣ такое ничтожное увеличеніе расхода, которое для всего Закавказья не превыситъ десяти или двѣнадцати тысячъ рублей въ годъ; да если бы даже расходъ и превысилъ бы немного эту цифру, то и тогда, намъ кажется, передъ нимъ не должно отступать въ интересахъ правосудія.

Такого рода нововведеніе логически повлекло бы за собой перестановку слѣдственнаго института на обще-русскія начала и тогда сами собою рухнули бы всѣ тѣ искуственныя построенія, которыми въ настоящее время такъ богато обставлены помощники мировыхъ судей.

Возвращаясь изъ области проектовъ къ дѣйствительности, нельзя не отмѣтить еще одного явленія, исключительно Закавказскаго происхожденія, въ оправданіе котораго трудно въ наше время подъискать хоть нѣсколько солидные аргументы: мы говоримъ о зависимости мировыхъ судей и ихъ помощниковъ отъ администраціи.

157 ст. положенія отъ 10 марта 1883 г. устанавливаетъ въ от-

ношеніи ихъ такой порядокъ назначенія, который нигдѣ не можетъ быть одобренъ. Министръ юстиціи не можетъ назначать ихъ собственною властію, а долженъ входить о томъ въ предварительное соглашеніе съ главноначальствующимъ. Положеніе не упоминаетъ, правда, зависитъ ли и увольненіе отъ главноначальствующаго, но и это право само собою должно быть признано за нимъ, въ виду общаго закона, по которому устраненіе должностныхъ лицъ зависитъ отъ тѣхъ органовъ власти, которые опредѣлили ихъ. Такимъ образомъ судьи и ихъ помощники косвенно подчинены администраціи и принципъ судейской независимости долженъ былъ отступить передъ тѣми же соображеніями объ особенностяхъ Закавказской жизни, которыя исказили предварительное слѣдствіе и внесли хаосъ во всѣ фазисы уголовнаго процесса.

Въ защиту такого изъятія изъ краеугольныхъ положеній судоустройства приводятъ тотъ аргументъ, что въ Закавказьѣ по судебному вѣдомству служитъ много армянъ и грузинъ, не обладающихъ, можетъ быть, нужною степенью благонадежности и таящихъ въ душѣ сепаратистическія стремленія. Мы не думаемъ, чтобы подобное подозрѣніе часто оправдывалось на практикѣ, но если даже и допустить, что политическая неблагонамѣренность грузинъ и армянъ и проявилась въ двухъ-трехъ случаяхъ, то это еще не причина подвергать административному надзору всѣхъ мировыхъ судей и всѣхъ помощниковъ ихъ, между которыми большинство чисто русскаго происхожденія и которые, конечно уже, не мечтаютъ ни объ Араратской республикѣ, ни о возстановленіи Грузинскаго царства. Гораздо послѣдовательнѣе, на нашъ взглядъ, было бы установить административный контроль только тамъ, гдѣ онъ оправдывается извѣстными прецедентами и не распространять его на цѣлый институтъ, гдѣ онъ является мѣрою и ненужною и оскорбительною.

Мы не будемъ вдаваться въ теоретическое обсужденіе административнаго давленія на судебный міръ—это вопросъ и рѣшенный и всѣмъ извѣстный—скажемъ лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ фактически поставленъ въ Закавказьѣ административный контроль надъ мировымъ институтомъ. Главноначальствующій, разумѣется, ни мировыхъ судей, ни ихъ помощниковъ непосредственно знать не можетъ; свѣдѣнія о ихъ благонадежности и прочихъ нравственныхъ качествахъ доставляются ему губернаторами, которые, въ

свою очередь, получаютъ ихъ отъ исправниковъ, или, какъ они называются въ Закавказскомъ краѣ,— уѣздныхъ начальниковъ. Излишне говорить, что на этихъ послѣднихъ должностяхъ сидятъ далеко не сливки общества и не цвѣтъ учености; поэтому вручать имъ цензорскія права надъ мировымъ институтомъ, большая часть котораго состоитъ изъ людей съ университетскимъ образованіемъ, и неудобно и опасно. Чѣмъ менѣе человѣкъ образованъ и развитъ, тѣмъ ограниченнѣе и субъективнѣе его взглядъ на лица, тѣмъ болѣе склоненъ онъ обобщать единичные случаи, игнорировать общія явленія и оцѣнивать людей черезъ призму своихъ личныхъ симпатій и антипатій. Поэтому отъ цензорскихъ сужденій уѣздныхъ начальниковъ нельзя ожидать ни безпристрастія, ни тщательной провѣрки источниковъ. Въ хорошихъ отношеніяхъ находится уѣздный начальникъ съ мировымъ судьею, или его помощникомъ, онъ отзывается о нихъ съ лучшей стороны; если же, наоборотъ, эти отношенія почему либо порвались, сплетнямъ, инсинуаціямъ, искаженіямъ и т. д. не бываетъ конца ;мелкія человѣческія слабости возводятся въ пороки, единичные промахи — въ вопіющія злоупотребленія, случайное ослабленіе въ интенсивности работы -- въ полную бездѣятельность.

Къ такимъ конфиденціальнымъ отзывамъ присоединяются явные и анонимные доносы лицъ, считающихъ себя обиженными поворотомъ дѣлъ не въ ихъ пользу, и вотъ сужденіе губернатора о томъ или другомъ судьѣ готово и въ этомъ видѣ поступаетъ въ канцелярію главноначальствующаго. Конечно, можно представить себѣ случаи, когда подобныя свѣдѣнія не принимаются на вѣру, а провѣряются, но средствъ для провѣрки такъ мало въ рукахъ губернаторовъ и, притомъ, они такъ несовершенны, вращаясь все - таки въ кругу частныхъ и голословныхъ слуховъ, что благодаря имъ можно придти хотя и къ противоположнымъ, но одинаково ошибочнымъ выводамъ. Доказательныхъ, или что еще важнѣе, вполнѣ чистыхъ источниковъ знанія у высшей администраціи, такимъ образомъ, быть не можетъ, и она должна осуществлять свое право вмѣшательства въ судебныя назначенія съ закрытыми глазами, почти на авось.

Смотрѣть на это вмѣшательство, какъ на право исключительно почетное не приходится; во первыхъ потому, что случаи внезапно рухнувшихъ карьеръ уже бывали и, во вторыхъ, потому что будь это право только почетнымъ, оно вѣроятно было бы распростра-

нено на цѣлое судебное вѣдомство, а не на одинъ только мировой институтъ. Но если даже на мигъ признать за нимъ исключительно такое значенiе, то и тогда оно врядъ-ли можетъ быть оправдываемо, ибо почетъ одному лицу всегда создается на счетъ почета другому, — а судебное вѣдомство ничѣмъ не скомпрометировало себя, чтобы оправдать подобную урѣзку въ его внѣшнемъ престижѣ. Недостаткомъ, слабостью этого престижа страдаетъ оно всюду въ Россiи, и въ Закавказьѣ въ частности, и никоимъ ужъ образомъ нельзя жаловаться на избытокъ его. Да и вяжется ли подобное право съ духомъ судебныхъ уставовъ, стремящихся къ созданiю типа судьи, свободнаго въ своихъ убѣжденiяхъ и неподчиняющагося никакимъ давленiямъ? Великая обновляющая сила новаго процесса можетъ сказаться лишь при соотвѣтствующемъ судоустройствѣ, какъ сила пара или электричества можетъ проявляться лишь при соотвѣтствующемъ устройствѣ механизма. Перенося въ Закавказьѣ новый духъ закона, намъ слѣдовало перенести туда и внѣшнее воплощенiе его, но мы сдѣлали только первое и новое вино влили въ старые мѣха.

Выше мы уже говорили, что кромѣ мировыхъ судей и ихъ помощниковъ предварительное слѣдствiе производится въ Закавказскомъ краѣ судебными слѣдователями по важнѣйшимъ дѣламъ и еще особымъ родомъ чиновниковъ, носящихъ длинный титулъ „завѣдывающихъ слѣдственно-мировыми участками.“

Первые изъ нихъ даже повсюду въ Россiи не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ, здѣсь же они оказались почти безполезными. Разграниченiе между важными и неважными дѣлами возможно и даже необходимо въ Россiи, гдѣ кругъ вѣдомства окружныхъ судовъ весьма широкъ и гдѣ жизнь создала особые виды крупныхъ и тонко придуманныхъ преступленiй. Въ Закавказьѣ этихъ условiй нѣтъ: почти всѣ дѣла, не влекущiя за собою ограниченiя въ правахъ состоянiя, вѣдаются мировыми судьями, такъ что одни лишь важные случаи восходятъ до разсмотрѣнiя окружныхъ судовъ. Кромѣ того, общiй низкiй уровень мѣстной культуры отразился и на криминальной сторонѣ ея: сложныхъ, запутанныхъ и загадочныхъ преступленiй, требующихъ со стороны слѣдователя выдающихся способностей и спецiальной снаровки тамъ не встрѣчается почти вовсе и Лекоку нечего было бы дѣлать въ Закавказьѣ. Разбои, убiйства и т. д., чуть-ли не ежедневно совершающiеся въ каждомъ слѣдственномъ участкѣ, до та-

кой степени грубы и просты по своимъ пріемамъ, что разслѣдовать ихъ не представляло бы никакихъ трудностей, еслибъ не встрѣчались къ тому тысячи фактическихъ препятствій, о которыхъ мы будемъ еще говорить Препятствія эти, выражаясь въ повальной безнравственности мѣстнаго населенія, въ повальномъ лжесвидѣтельствѣ всѣхъ и каждаго, вызываемыхъ къ допросамъ, въ полномъ отсутствіи полицейскаго розыска и въ затруднительности путей сообщенія, ставятъ всѣхъ рѣшительно слѣдователей, будь они по важнѣйшимъ или неважнымъ дѣламъ, въ совершенно одинаковыя условія и личныя способности каждаго слѣдователя могутъ, поэтому, лишь весьма слабо отразиться на производствахъ.

По настоящему, въ Закавказскомъ краѣ можно всѣ слѣдственныя дѣла признать за важныя или за неважныя, смотря по тому, что взять за критерій, но внутренней классификаціи ихъ установить нельзя. Убійство и разбой, съ общерусской точки зрѣнія, конечно составляютъ очень важныя происшествія, но здѣсь, волею-неволею, приходится смотрѣть на нихъ равнодушно, ибо другихъ преступленій почти нѣтъ.

Съ другой стороны, простота и первобытность мѣстнаго склада жизни не дали еще возможности народиться тѣмъ сложнымъ и художественнымъ, по своему исполненію, преступленіямъ, которыя при разслѣдованіи ихъ требуютъ совокупныхъ усилій многихъ людей, глубокихъ спеціальныхъ знаній и многолѣтняго опыта,

Поэтому слѣдователямъ по важнѣйшимъ дѣламъ, какъ таковымъ, здѣсь нечего дѣлать и это давно уже признано закавказскою судебною практикою, которая въ дѣйствительности дала имъ совершенно другое назначеніе: ихъ либо прикомандировываютъ къ окружнымъ судамъ, для засѣданія на правахъ членовъ, либо, подобно кандидатамъ на судебныя должности, посылаютъ въ уѣздные участки помогать тѣмъ помощникамъ мировыхъ судей, у которыхъ замѣчается слишкомъ большее накопленіе дѣлъ. Это двойственное назначеніе, которое они получили въ практикѣ, самымъ нагляднымъ образомъ доказываетъ, что Закавказье гораздо больше нуждается въ членахъ суда и въ кандидатахъ на судебныя должности, чѣмъ въ подобныхъ слѣдователяхъ.

Поэтому мы, не колеблясь, рѣшаемся утверждать, что суды ровно ничего не потеряли бы, еслибъ эти должности были окончательно упразднены. Конечно разъ, въ два-три года, въ каждой губерніи и можетъ возникнуть какое нибудь дѣло, не столько

сложное, сколько обширное, и потребовать такихъ усилій при разслѣдованіи, на которыя неспособенъ обыкновенный слѣдователь, заваленный кучею другихъ производствъ; но для этихъ случаевъ было бы вполнѣ достаточно одного или двухъ судебныхъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ, учрежденныхъ при прокурорѣ тифлисской судебной палаты.

Теперь намъ остается упомянуть лишь о четвертомъ и послѣднемъ органѣ предварительнаго слѣдствія —такъ называемыхъ завѣдующихъ слѣдственно-мировыми участками. Въ сущности это тѣ же помощники мировыхъ судей, съ тою только разницею, что временные недуги этихъ послѣднихъ превращены у нихъ въ хроническую болѣзнь. Какъ мы видѣли выше, помощники обыкновенно несутъ лишь слѣдовательскія обязанности и только отъ времени до времени вѣдаютъ мировыя дѣла, такъ что въ общемъ они все-таки могутъ заниматься разслѣдованіемъ преступленій, не разрываясь на части и не дробясь. Слѣдственно—мировые же чиновники, какъ показываетъ и самое названіе ихъ, должны одновременно чинить и слѣдствіе и судъ, должны быть на мѣстѣ, и въ тоже время перемѣщаться – находиться и въ центрѣ и на окружности. Нечего и говорить о томъ, что не обладая чудотворными способностями, они не могутъ выполнить эту трудную программу и не дѣлаютъ въ дѣйствительности ни того, ни другого, а выбираютъ третій исходъ, вовсе несогласный съ судебными уставами,—исписываютъ кипы бумагъ, относительно которыхъ и они сами и судьи притворяются будто имѣютъ передъ собою настоящія слѣдственныя производства и настоящія судебныя рѣшенія. Форма соблюдена: есть протоколы, постановленія, окончательныя и неокончательныя рѣшенія; есть манекены, наряженные какъ живыя существа—и слава Богу, а дальнѣйшаго и требовать нельзя. Но мы не думаемъ, чтобы жизнь смотрѣла на эти вещи съ такой формальной точки зрѣнія и удовлетворялась явленіемъ, имѣющимъ недостатки двухъ учрежденій и не обладающимъ достоинствами ни одного изъ нихъ.

Говоря о функціонирующемъ слѣдственномъ механизмѣ, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ и о запасныхъ частяхъ его—кандидатахъ на судебныя должности. За послѣднее время даже въ Россіи эти должностныя лица стали мало по малу исчезать изъ окружныхъ судовъ, благодаря тѣмъ невозможнымъ законодательнымъ и фактическимъ условіямъ, которыми они обставлены и о которыхъ намъ уже приходилось говорить въ одной изъ нашихъ предъиду-

щихъ статей [1]). Въ Закавказьѣ эти условія еще хуже; поэтому неудивительно, если кандидатовъ тамъ оказалось такъ мало, что пришлось создать для нихъ нѣкоторыя особыя преимущества, чтобы завербовать ихъ, хоть по одному человѣку, на каждый окружный судъ. При общемъ положеніи, что кандидаты никакого содержанія не получаютъ и должны расходовать собственныя средства на служебныя нужды, никто, разумѣется, изъ Россіи на эти должности не ѣхалъ, а между тѣмъ потребность въ кандидатахъ ощущалась въ Закавказьѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Россіи, ибо тамъ на рукахъ у каждаго слѣдователя перечневымъ числомъ 250 дѣлъ. Поэтому при каждомъ судѣ была учреждена штатная должность кандидата съ содержаніемъ въ 1000 руб. въ годъ и съ прогонами на четыре лошади. Мѣста эти, конечно, были сейчасъ же заняты, но число другихъ, даровыхъ кандидатовъ отъ этого не увеличилось; да это и естественно, ибо приманка была не настолько сильна, чтобы изъ за нея стоило дѣлать на собственный счетъ двѣ и три тысячи верстъ изъ Россіи и затѣмъ нѣкоторое время проживать свои собственныя деньги. При томъ же и условія кавказской жизни несомнѣнно тяжелѣе, чѣмъ въ Россіи: въ этой послѣдней въ каждомъ уѣздномъ городѣ можно достать хоть квартиру, столъ и прочія удобства, безъ которыхъ не можетъ обойтись цивилизованный человѣкъ, въ Закавказьѣ же ничего подобнаго нѣтъ и лишенія, которыя приходится испытывать человѣку безъ средствъ или съ малыми средствами, крайне тяжелы чтобы не сказать болѣе.

Даровые кандидаты, и то лишь въ очень ограниченномъ числѣ, нашлись только въ Тифлисѣ, гдѣ ряды ихъ пополнялись сыновьями мѣстныхъ должностныхъ лицъ; въ прочихъ же губерніяхъ подражателей имъ почти не нашлось и въ настоящее время при остальныхъ окружныхъ судахъ существуетъ лишь по одному кандидату съ содержаніемъ.

Кажется излишне доказывать, что при громадномъ количествѣ дѣлъ, число это болѣе чѣмъ ничтожно и что, поэтому, необходимо принять самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы утроить, даже, если возможно, удесятерить его. Средства на это также могутъ найтись безъ особеннаго обремененія для казны: мы только что

---

[1]) Журналъ гражд. и уголов. права. Сентябрь 1883 г., статья подъ заглавіемъ: «Плоты судебнаго вѣдомства».

говорили выше о полной ненужности слѣдователей по важнѣйшимъ дѣламъ, которые между тѣмъ обходятся государству въ 25 тысячъ рублей въ годъ. Если, какъ мы рекомендовали, замѣнить ихъ двумя слѣдователями по особо важнымъ дѣламъ и ассигновать на нихъ даже восемь тысячъ, то получилась бы экономія въ 17 тыс. рублей, на которую можно было бы содержать 17 лишнихъ кандидатовъ. При общей несложности дѣлъ и при колоссальной цифрѣ этихъ послѣднихъ у каждаго помощника мироваго судьи, важно не столько качество, сколько количество судебныхъ дѣятелей и, потому, кандидаты оказались бы гораздо полезнѣе, чѣмъ настоящіе важнѣйшіе слѣдователи безъ важнѣйшихъ дѣлъ.

Оканчиваемъ на этомъ очеркѣ обзоръ полупринциповъ закавказ скаго устройства и переходимъ затѣмъ къ описанію тѣхъ полумѣръ, которыя приняты на практикѣ для прививки слѣдственнаго института къ мѣстной почвѣ и для убѣжденія восточныхъ народовъ въ превосходствѣ нашего правосудія надъ азіатскимъ.

II.

Сравнивая колоніальную политику европейскихъ государствъ и въ особенности Англіи съ нашею, нельзя не придти къ сознанію, что мы оказываемся значительно слабѣе ихъ, такъ какъ колоніи обходятся намъ гораздо дороже, не принося метрополіи ровно никакой выгоды и жертвы наши ничуть не соотвѣтствуютъ добытымъ результатамъ. Причина этому ясна: Англія, напримѣръ, если она однажды пришла къ убѣжденію о необходимости стать твердою ногою въ извѣстной колоніи, не щадитъ никакихъ усилій, никакихъ денежныхъ средствъ для насажденія гражданственности въ той странѣ. Она прекрасно понимаетъ, что штыки составляютъ весьма ненадежную опору, и что крѣпко держаться тамъ можно лишь пріобрѣтя симпатіи мѣстнаго населенія. Англія много сѣетъ, но за то много пожинаетъ. Мы же, наоборотъ, стараемся какъ можно менѣе расходовать на гражданское развитіе колоній и всѣ усилія наши направляемъ лишь на наше военное могущество. Лучшіе принципы, лучшихъ людей и лучшія культурныя средства мы оставляемъ дома и отправляемъ въ колоніи все, что похуже. Мы сѣемъ мало, но за то не пожинаемъ ровно ничего.

Англія, посылая въ колоніи своихъ агентовъ, тщательно выбираетъ людей, даетъ имъ громадныя денежныя средства и заставляетъ ихъ дѣйствовать согласно принципамъ, разумность кото-

рыхъ провѣрена опытомъ и серьезнымъ изученіемъ. Поэтому правительственный механизмъ функціонируетъ тамъ правильно, непрерывно и приноситъ удивительные результаты. Мы же, завоевавъ колонію, первымъ дѣломъ задается мыслью, какъ бы устроить ее подешевле и нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы наши агенты, неся двойныя лишенія и двойную работу, удовлетворялись вдвое меньшимъ содержаніемъ. Создаемъ мы въ проектахъ разныя колоніальныя сооруженія и затѣмъ спокойно закрываемъ глаза на вопросъ, дѣйствительно ли возводятся эти сооруженія и не приходится ли останавливаться въ работѣ за недостаткомъ матеріала и силъ

Выше мы говорили уже, что нашъ престижъ въ Закавказьѣ могъ бы окрѣпнуть, главнымъ образомъ, лишь благодаря правильной организаціи правосудія: мы отняли у закавказскихъ племенъ ихъ автономію, ихъ государственныя и общинныя права и взамѣнъ не дали имъ того, что вправѣ требовать отъ государства каждый гражданинъ—огражденія его личныхъ индивидуальныхъ правъ отъ нарушенія и поруганія.

Вводя новые суды мы заботились лишь о томъ, чтобы они существовали на бумагѣ и не сдѣлали ничего, чтобы они дѣйствительно могли проявить въ жизни свое культурное значеніе; мы урѣзывали штаты судебныхъ органовъ, убавляли ихъ и безъ того маленькое содержаніе, отводили подъ зданія судовъ самыя жалкія помѣщенія и вообще такъ упорно бились за удержаніе рубля, какъ будто дѣло шло о плѣненіи Шамиля и завоеваніи Дагестана. На кавказскомъ судебномъ знамени мы замѣнили слова о скоромъ и правомъ судѣ словами „экономія и бережливость“ и съ этимъ знаменемъ пошли проповѣдывать русское право отъ Эльбруса до Арарата. Но ни одно изъ кавказскихъ племенъ въ него не увѣровало и мы потерпѣли полное пораженіе: мы не сократили, а развили преступность, не ускорили, а затянули отправленіе правосудія, насадили не право и законъ, а безпримѣрную деморализацію.

Чтобы оправдать слова, начертанныя на этомъ импровизированномъ знамени, мы обрушили на каждаго судью работу троихъ, а иногда даже десятерыхъ, и бросили ихъ въ такую пучину бумажныхъ производствъ, что тамъ безвозвратно погибли и правовые принципы, и наука, и личныя способности, и энергія Вся судебная дѣятельность превратилась въ неустанную и непрерывную фабри-

кацію бумагъ, въ которой зрѣлому и разумному обсужденію каждаго отдѣльнаго случая было отведено лишь самое послѣднее мѣсто.

Въ самое худшее положеніе было, опять таки, поставлено предварительное слѣдствіе, на долю котораго выпали наименьшія средства при наибольшемъ трудѣ: штаты помощниковъ мировыхъ судей, даже въ настоящее время, до такой степени не соотвѣтствуютъ количеству дѣлъ, что у каждаго изъ нихъ отъ 200 до 300 слѣдственныхъ производствъ на рукахъ, а есть еще и такіе участки, гдѣ накопленіе дѣлъ доходитъ до семисотъ!

Можно ли представить себѣ такую рабочую силу, такую энергію, которыя совладали бы съ этими авгіевыми конюшнями и еще при тѣхъ условіяхъ, которыми обставлено предварительное слѣдствіе въ Закавказьѣ? Неудивительно, поэтому, что самыя крупныя преступленія ждутъ разслѣдованія не только мѣсяцы и годы, но иногда даже десятилѣтія. Подумаютъ, пожалуй, что помощники мировыхъ судей располагаютъ послушною и хорошо организованною полиціею, большими канцелярскими средствами и вообще всѣми орудіями для успѣшной борьбы съ такимъ накопленіемъ?—Ничуть не бывало. Имъ не даны даже тѣ средства, которыя находятся въ обладаніи каждаго судебнаго слѣдователя въ Россіи, не смотря на то, что у этихъ послѣднихъ занятій гораздо меньше. Ниже мы увидимъ, какою по истинѣ ужасною обстановкою окружены въ Закавказьѣ и слѣдователи и предварительное слѣдствіе.

Какъ извѣстно, при каждомъ помощникѣ непремѣнно долженъ состоять переводчикъ, ибо не можетъ же онъ самъ знать всѣ языки и нарѣчія закавказскихъ племенъ. Штатныхъ, казенныхъ переводчиковъ тѣмъ не менѣе при слѣдователяхъ не полагается, а должны они нанимать ихъ сами. На переводчиковъ и прочія канцелярскія нужды отпускается каждому изъ нихъ отъ 400 до 450 рублей въ годъ. Отчисляя полтораста рублей на бланки, бумагу, книги и т. д., въ остаткѣ оказывается всего лишь 250—300 рублей на наемъ переводчика. Въ странѣ, гдѣ заработная плата весьма высока и гдѣ самый послѣдній поваръ или лакей не беретъ меньше 15 руб. въ мѣсяцъ, живя при этомъ на всемъ готовомъ, за такія деньги, очевидно, нельзя достать порядочнаго человѣка. Поэтому въ переводчики къ слѣдователямъ идутъ либо полуграмотные, невѣжественные люди, потерпѣвшіе фіаско въ карьерѣ писцовъ, гдѣ нибудь при полиціи, либо люди, хотя и знающіе, но расчитывающіе на

всякіе поборы и косвенные доходы. Въ первомъ случаѣ слѣдователь получаетъ въ свое распоряженіе болѣе чѣмъ несовершенное орудіе, во второмъ—онъ постоянно долженъ опасаться за свою собственную репутацію, которая легко можетъ пострадать отъ темныхъ продѣлокъ переводчика.

Честный, но невѣжественный переводчикъ, однако, тяготится своимъ положеніемъ, только и помышляетъ о томъ, какъ бы пріискать себѣ мѣсто повыгоднѣе и, потому, вяло и небрежно относится къ своимъ обязанностямъ. По неумѣнію, непониманію или, просто, по нежеланію подумать, онъ искажаетъ вопросы слѣдователя и отвѣты допрашиваемыхъ лицъ, такъ что составленный на основаніи его словъ протоколъ заурядъ содержитъ въ себѣ такія показанія, которыя свидѣтели и не думали давать. Въ закавказскихъ судахъ слѣдующее явленіе сдѣлалось настолько ординарнымъ, что на него даже перестали обращать вниманіе: приходитъ свидѣтель въ судебное засѣданіе и даетъ показаніе, діаметрально противуположное тому, которое давалъ на предварительномъ слѣдствіи; спрашиваютъ его о причинахъ такого разнорѣчія и онъ отвѣчаетъ что либо переводчикъ слѣдователя неправильно перевелъ его слова, либо что самъ онъ не понялъ объясненія переводчика, Конечно большая часть такихъ оправданій является лишь уловкою, чтобы не сознаться во лжи, но часто и очень часто соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Какъ отражаются подобные порядки на судебныхъ рѣшеніяхъ, не трудно догадаться: теряя почву подъ ногами и не зная кому вѣрить, суды постановляютъ свои приговоры на авось, руководствуясь болѣе количествомъ, чѣмъ качествомъ свидѣтельскихъ показаній, и такимъ образомъ, незамѣтно для самихъ себя, возвращаются къ пріемамъ отжившаго формальнаго процесса.

Но это еще лучшій случай, когда въ переводчики къ слѣдователю нанялся невѣжественный, но честный человѣкъ, хотя, въ скобкахъ будь сказано, добродѣтели стали весьма рѣдки за послѣднее время, и за 25 рублей въ мѣсяцъ очень трудно подрядить таковыя; когда же на эту должность попадаетъ человѣкъ, желающій обдѣлывать свои собственныя дѣлишки, тогда предварительное слѣдствіе становится базаромъ, ярмаркою, комедіею,—всѣмъ, чѣмъ угодно, только не серьезнымъ разслѣдованіемъ преступленія. За приличный гонораръ переводчикъ такъ ловко искажаетъ вопросы и отвѣты, такъ искусно настраиваетъ свидѣтелей въ закулисныхъ

бесѣдахъ, что дѣла о самыхъ вопіющихъ злодѣйствахъ приходится пускать на прекращеніе или, что еще хуже, сажать на скамью подсудимыхъ невинныхъ людей. Догадаться, что переводчикъ лжетъ, слѣдователю весьма трудно, хотя бы онъ и понялъ изъ передаваемыхъ ему отвѣтовъ, что въ нихъ что-то неладно: лжесвидѣтельство составляетъ такое обычное и неизбѣжное явленіе по каждому дѣлу, что слѣдователь не можетъ знать, кто настоящій авторъ лжи—переводчикъ или свидѣтель.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ центральной Россіи, гдѣ предварительное слѣдствіе производится также при посредствѣ переводчиковъ, ему предпосылается хоть полицейское дознаніе, на основаніи котораго можно составить себѣ извѣстное апріорное сужденіе о каждомъ данномъ случаѣ. Въ Закавказьѣ же полицейское дознаніе или не производится вовсе, или такимъ образомъ, что вводитъ въ гораздо худшія ошибки, чѣмъ переводчики. Не имѣя, поэтому, апріорнаго представленія о томъ преступленіи, которое приходится разслѣдывать, зная заранѣе, что одна половина свидѣтелей лжетъ безусловно, а другая—преувеличиваетъ или умаляетъ значеніе фактовъ; не обладая руководящими нитями, каковыми являются осмотры, обыски и экспертизы, не зная мѣстнаго языка, слѣдователь волею-неволею долженъ полагаться на слова своего переводчика и на этомъ шаткомъ основаніи строить свои выводы, свои мѣропріятія. Продѣлки переводчика, конечно, рано или поздно обнаруживаются и его прогоняютъ, но вредъ, который онъ причинилъ, уже непоправимъ: не только гибнутъ важныя дѣла и остаются безнаказанными самые отчаянные преступники, но на репутацію слѣдователя и всего судебнаго вѣдомства падаетъ еще грязное пятно, подрывается довѣріе къ нашимъ судамъ. Народъ, дающій взятки переводчику, твердо увѣренъ, что тотъ дѣйствуетъ отъ имени слѣдователя и переводчикъ, конечно, ужь не разубѣждаетъ его въ этомъ. Въ округѣ каждаго суда можно указать на двухъ-трехъ бывшихъ переводчиковъ, которые, наживъ себѣ кругленькія суммы, открыли магазины и лавки, или даже опредѣлились на службу въ полицію. Переводчикъ занимаетъ въ тоже время и амплуа письмоводителя. Русскіе люди не попадаются между ними вовсе, а вербуются они преимущественно изъ армянъ и грузинъ, слабо владѣющихъ нашимъ языкомъ и еще слабѣе нашею письменностью. Поручить имъ составленіе даже пустой бумаги не приходится, чтобы потомъ не краснѣть за ея редакцію и граматическія ошибки,

и слѣдователь вынужденъ собственноручно писать все, даже препроводительныя бумаги. Настольные, исходящіе и тому подобные реестры, веденіе которыхъ всюду лежитъ исключительно на канцелярскихъ чинахъ, должны вѣдаться въ Закавказьѣ самими слѣдователями, такъ какъ иначе туда заносятся такія отмѣтки, которыя умѣстны лишь въ юмористическихъ журналахъ. Все что можно поручать этимъ дешевымъ письмоводителямъ—это составленіе повѣстокъ, подшиваніе дѣлъ и печатаніе пакетовъ. Поэтому слѣдователь долженъ выносить на своихъ плечахъ еще и утомительную мертвящую канцелярскую работу и это въ то время, когда сотни дѣлъ о крупныхъ преступленіяхъ цѣлые годы валяются въ его камерѣ въ ожиданіи разслѣдованія. Какъ отражается эта скудость средствъ на предварительномъ слѣдствіи излишне говорить—настолько это понятно само сабою.

Говоря о канцелярскихъ средствахъ, нельзя не отмѣтить одной комической особенности Закавказья: тамъ канцелярскія суммы отпускаются не въ полное распоряженіе слѣдователей, какъ въ Россіи, а относительно ихъ нужно составлять ежемѣсячные отчеты, какъ будто изъ этихъ крохъ еще можно утаить что нибудь.

Чтобы хоть нѣсколько улучшить—не говоримъ уже положеніе слѣдователей, а только производство самаго предварительнаго слѣдствія, необходимо, чтобы переводчики были штатные, съ извѣстнымъ образованіемъ, служившіе уже въ учрежденіяхъ, на рекомендацію которыхъ можно положиться, и получающіе настолько приличное содержаніе, чтобы они могли жить на него, не прибѣгая къ вымогательствамъ и взяткамъ.

Вторымъ непремѣннымъ условіемъ предварительнаго слѣдствія служатъ во время произведенные осмотры, выемки, обыски и т. д. Въ Закавказьѣ, гдѣ свидѣтельскія показанія составляютъ самую ненадежную опору, эти слѣдственныя дѣйствія имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ въ Россіи. Между тѣмъ ихъ то Закавказскіе слѣдователи, почти никогда производить не могутъ, такъ какъ на это имъ нужныхъ средствъ не отпускается. Тамъ слѣдователи, по мѣстнымъ условіямъ, открытыми листами пользоваться не могутъ, такъ какъ земскихъ почтъ не существуетъ и въ то же время они не получаютъ прогоновъ за каждую отдѣльную поѣздку. Всего на всего на разъѣзды имъ дается въ полное распоряженіе 200 руб. въ годъ, съ которыми они и должны управляться, какъ знаютъ. Въ Россіи каждый уѣздный судебный слѣдо-

ватель дѣлаетъ ежегодно по своему участку отъ трехъ до четырехъ тысячъ верстъ, несмотря на то, что тамъ далеко не всѣ дѣла требуютъ осмотровъ и обысковъ. Если принять ту же норму для Закавказья, то для слѣдователей этого края понадобилось бы отъ 360 до 480 рублей въ годъ, считая прогоны по 12 коп. за версту, какъ и подобаетъ имъ по закону, въ виду класса ихъ должности. Оказывается, такимъ образомъ, что на дѣлѣ имъ дается вдвое меньше чѣмъ бы слѣдовало и что, поэтому, слѣдователи лишены возможности предпринимать необходимыя поѣздки. Требовать, чтобы они расходовали собственныя деньги на служебныя нужды, конечно, невозможно, тѣмъ болѣе, что Закавказскіе помощники мировыхъ судей получаютъ такое ничтожное содержаніе, что даже прожить на него нельзя безъ долговъ. Поэтому судамъ не остается ничего болѣе, какъ закрывать глаза на упущенія слѣдователей по части осмотровъ и узаконять своимъ молчаніемъ такія дѣйствія, которыя прямо противорѣчатъ положительнымъ требованіямъ судебныхъ уставовъ. Такъ, напримѣръ, слѣдователи, въ весьма лишь рѣдкихъ случаяхъ, чтобы не сказать никогда, не выѣзжаютъ для вскрытія труповъ и освидѣтельствованія раненыхъ, а командируютъ для этой цѣли однихъ врачей, которые и составляютъ такіе протоколы и свидѣтельства, какіе имъ богъ на душу положитъ. По настоящему, подобные документы никакой силы не имѣютъ и даже не могутъ быть читаемы на судебномъ слѣдствіи, а между тѣмъ въ дѣйствительности окружные суды довольствуются ими и на основаніи ихъ однихъ вершатъ судьбы людей. Каждый, видѣвшій Закавказскіе акты судебно-медицинскихъ осмотровъ, не можетъ не согласиться съ нами, что удовлетворительность ихъ ниже всякой критики и что, если они и щеголяютъ чѣмъ либо, то развѣ лишь изумительнымъ лаконизмомъ. Да это и понятно: не имѣя о преступленіи никакихъ предварительныхъ свѣдѣній и не зная, на что именно нужно обратить вниманіе, врачи въ своихъ протоколахъ ограничиваются краткимъ указаніемъ, что такое то поврежденіе найдено въ такой то части тѣла и причинено, повидимому, такимъ то орудіемъ. И это называется экспертизою!

Но это еще лучшій случай: видя, что слѣдователи безнаказанно не исполняютъ своей обязанности, врачи, въ свою очередь, считаютъ себя вправѣ небрежно относиться къ своей. Смѣло можно сказать, что по двумъ третямъ убійствъ вскрытія производятся лишь по прошествіи пяти, шести недѣль, а иногда даже—нѣсколькихъ

мѣсяцевъ, при чемъ врачи обыкновенно отписываютъ, что за гнилостью трупа они причинъ смерти опредѣлить не могутъ. Чтобы не выѣзжать нарочно для каждаго отдѣльнаго осмотра или вскрытія, врачи дожидаются, чтобы въ той же мѣстности накопились еще два, три такихъ же случая, и тогда уже разомъ производятъ экспертизу, или, что вѣрнѣе, удостовѣряютъ, что никакой экспертизы произвести не могли. Больно видѣть, какъ формальная сторона дѣла торжествуетъ надъ сутью его и какъ десятки тысячъ непроизводительно расходуются на то лишь, чтобы въ каждомъ дѣлѣ былъ клочокъ бумаги, называемый судебно-медицинскимъ актомъ, когда въ дѣйствительности ни судебныхъ, ни медицинскихъ дѣйствій не было.

Такой печальный порядокъ вещей не могъ бы существовать, если бы по каждому дѣлу слѣдователи выѣзжали сами и на мѣстѣ руководили бы дѣйствіями врача. Но для этого имъ, разумѣется, нужно дать необходимыя денежныя средства и не ограничивать ихъ произвольными рамками двухъ сотъ рублеваго расхода въ годъ. Вѣдь отпускается же закавказскимъ кандидатамъ на судебныя должности прогоны на четыре лошади при каждомъ ихъ выѣздѣ, отчего же не установить того же правила и по отношенію къ слѣдователямъ. Получая даже нѣкоторые остатки отъ такихъ прогоновъ и, во всякомъ случаѣ, не расходуя уже собственныхъ денегъ на разъѣзды, слѣдователи весьма охотно исполняли бы требованіе закона и ни одинъ осмотръ не совершался бы безъ ихъ присутствія, а суды предъявляли бы въ этомъ отношеніи самыя строгія и неуклонныя требованія.

Помимо вреда для каждаго отдѣльнаго производства, настоящій порядокъ оказываетъ еще и деморализующее вліяніе на самихъ слѣдователей: имѣя 200 руб. въ своемъ безотчетномъ распоряженіи, слѣдователи забываютъ, что эта сумма имѣетъ спеціальное предназначеніе и привыкаютъ смотрѣть на нее какъ на часть своего содержанія. Поэтому на практикѣ они не расходуютъ на разъѣзды даже этихъ денегъ и тратятъ ихъ на собственныя нужды. Про большую половину закавказскихъ слѣдователей можно съ увѣренностью сказать, что они ни разу въ году не выѣзжаютъ въ свои участки, а про меньшую, что они тогда лишь присутствуютъ при вскрытіяхъ и осмотрахъ, когда мѣсто происшествія находится у нихъ подъ бокомъ. Явленіе это, конечно, некрасивое, но съ нимъ суды даже не пытаются бороться, потому что, во первыхъ, борьба

была бы безполезна, а во вторыхъ, они сами сознаютъ, что закавказскіе слѣдователи не могутъ существовать на свое микроскопическое жалованье и, потому, должны пользоваться тѣми побочными средствами, захватъ которыхъ только предосудителенъ, а не грязенъ.

Въ приведенномъ нами примѣрѣ всего яснѣе сказывается избитая истина, что требовать слишкомъ многаго, значитъ въ дѣйствительности не получить ничего

Третье необходимое условіе предварительнаго слѣдствія—это помѣщеніе. Даже въ Россіи камерный вопросъ поставленъ крайне неудовлетворительнымъ образомъ, въ Закавказьѣ же въ этомъ отношеніи, какъ будто нарочно, задались цѣлью стѣснить и принизить слѣдователей: квартирныхъ денегъ они тамъ почему то не получаютъ вовсе, вопреки общему положенію, что каждое должностное лицо нуждается въ крышѣ надъ головою; поэтому о помѣщеніи камеръ въ ихъ частныхъ квартирахъ, какъ это практикуется въ Россіи, не можетъ быть и рѣчи. Для камеръ имъ, по усмотрѣнію тѣхъ мировыхъ судей, при которыхъ они состоятъ, отводятъ при мировомъ отдѣлѣ одну или двѣ комнаты. Но что это за комнаты— трудно даже представить себѣ человѣку, въ нихъ небывавшему.

Вотъ фотографическое описаніе моей собственной камеры, въ томъ видѣ, какъ я засталъ ее полгода тому назадъ: крыльцо съ обсыпавшимися земляными ступеньками вело въ сѣни, раздѣлявшіе слѣдовательское помѣщеніе на двѣ половины: въ правой,—за отсутствіемъ шкаповъ и даже полокъ, въ невообразимомъ безпорядкѣ валялись на полу вещественныя доказательства; лѣвая—предназначалась собственно для камеры. Эта была большая, узкая комната, когда то оклеенная копѣечными обоями, остатки которыхъ, какъ лохмотья на нищемъ, висѣли по стѣнамъ. Въ трехъ окнахъ камеры всѣ стекла оказались выбитыми, такъ что вѣтеръ и пыль свободно проникали въ комнату. Штукатурка на потолкѣ во многихъ мѣстахъ обвалилась, обнажая полуаршинные куски драни и приглашая дождь заглянуть къ слѣдователю въ гости, такъ какъ крыша надъ зданіемъ, по азіатскому обычаю, замѣнялась земляною настилкою прямо надъ балками потолка. Двери двустворчатыя, кое какъ сколоченныя изъ тоненькихъ некрашеныхъ досокъ, безъ замковъ и безъ ручекъ. Полъ земляной, съ глубокими выбоинами около порога. Полуразвалившаяся, закоптѣлая печка въ глубинѣ комнаты. Мебели никакой; лишь черезъ нѣсколько недѣль удалось мнѣ добиться того, чтобы мировой судья распорядился вставить стекла,

задѣлать дыры въ потолкѣ и снабдить меня мебелью, но, боже,—какою мебелью! Одинъ некрашеный складной столъ со скрещенными ножками, такъ что и подсѣсть къ нему нельзя хорошенько, съ двумя покоробившимися досками сверху, такъ что на нихъ и писать нельзя. Когда я позднѣе замѣнилъ этотъ столъ своимъ собственнымъ, а тотъ перемѣстилъ въ свою кухню, даже мой поваръ протестовалъ противъ него, говоря, что это не столъ, а корыто. Меблировка камеры дополнялась тремя продавленными вѣнскими стульями и больше ничѣмъ. Ни шкапа, ни полокъ, ни вѣшалки! Ничто не портило эту спартанскую обстановку. Между тѣмъ у самого мироваго судьи камера была убрана совсѣмъ прилично и послѣдній писецъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи хорошій крашеный столъ.

Но есть камеры еще хуже этого: напримѣръ, одинъ изъ помощниковъ Эриванскаго городскаго мироваго судьи долженъ чинить допросы въ прихожей комнатѣ и сидѣть на стульяхъ. забинтованныхъ, какъ больные, мочалами и веревками.

Вліяніе подобной (passez moi le mot) мелко трактирной обстановки на ходъ предварительнаго слѣдствія понятно само собою: не только слѣдователь лично терпитъ всякія неудобства, но и творимыя имъ дѣйствія лишаются уваженія со стороны народа, незнающаго куда онъ попалъ,—въ шинокъ ли, или присутственное мѣсто. Еще спасибо персидскимъ и турецкимъ традиціямъ, благодаря которымъ закавказскій простолюдинъ, если не съ почтеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ великимъ страхомъ относится ко всякому должностному лицу. Безъ этихъ традицій свидѣтели позволи ли бы себѣ такія вольности, что слѣдовательская служба стала бы не втерпежь.

Мизерность помѣщенія и, какъ бы это назвать,—ну хоть скудость обстановки, были бы еще извинительны, еслибъ мировые судьи получали одну общую сумму на наемъ квартиръ подъ мировой отдѣлъ; тогда желаніе получше устроить собственную камеру на счетъ слѣдовательской, могло бы найти себѣ нѣкоторое оправданіе въ обще-человѣческихъ слабостяхъ. Но на дѣлѣ нѣтъ даже этого: мировой судья долженъ посылать на утвержденіе губернатора двѣ отдѣльныя смѣты расхода на наемъ помѣщеній и получаетъ двѣ раздѣльныя суммы. Отчего же, спрашивается, не сдѣлать въ такомъ случаѣ слѣдователя хозяиномъ въ собственномъ дѣлѣ и не предоставить ему самому заботиться о наймѣ о

внутренномъ устройствѣ помѣщенія? Расходъ для казны былъ бы тотъ же самый, а между тѣмъ прекратилось бы положеніе, которое является только излишнею жестокостью, ставя слѣдователя въ зависимость отъ произвола и каприза мироваго судьи. Какая надобность, наконецъ, совмѣщать непремѣнно въ одномъ зданіи два учрежденія, фактически другъ отъ друга независимыхъ? Да еслибъ и была подобная зависимость, неужели же она непремѣнно, даже вопреки удобствамъ, должна выражаться въ общей крышѣ и общихъ стѣнахъ? Ненужная, безцѣльная жестокость идетъ еще дальше въ прочихъ мелочахъ: суммы на отопленіе обоихъ камеръ поручаются опять-таки одному мировому судьѣ, отъ личнаго усмотрѣнія котораго и зависитъ держать въ теплѣ или морозить своего помощника. На практикѣ по этому поводу уже возникали пререканія и общія собранія судовъ должны были унижаться до счета полѣньевъ, отпускаемыхъ на отопленіе слѣдственныхъ камеръ. Неужто же это желанный, законный порядокъ, когда мировой судья отбираетъ себѣ лучшія комнаты, лучшую мебель, монополизируетъ дрова, а слѣдователя прячетъ въ какіе-то чуланы, безобразные, неприличные, неудобные и холодные? Далѣе, слѣдователь не получаетъ непосредственно изъ казначейства своего содержанія, а выдается оно ему тѣмъ же мировымъ судьею. Бываетъ, что этотъ послѣдній какъ нибудь перепутаетъ счеты, или не успѣетъ своевременно снестись съ казначействомъ, и тогда помощникъ его сидитъ безъ денегъ.

Наконецъ слѣдователь не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни свода законовъ, ни сенатскихъ указовъ и министерскихъ циркуляровъ. Все это находится на рукахъ у мироваго судьи. Нужна слѣдователю какая нибудь справка въ законѣ, онъ долженъ отправляться къ своему принципалу. Но оказывается, что камера его заперта, или самъ онъ и его секретарь сидятъ въ залѣ засѣданія и не могутъ отлучиться, или ключи отъ шкаповъ забыты дома и слѣдователь остается безъ справки. Это ненормальное явленіе не только тормозитъ то или другое дѣло, но и отражается на общемъ уровнѣ слѣдовательскихъ знаній, ибо свѣдѣнія о новыхъ законахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ зачастую вовсе не доходятъ до слѣдователя. Мы лично наталкивались на случаи, когда, благодаря такому распорядку, помощники мировыхъ судей не знали о существованіи законовъ, изданныхъ за годъ передъ тѣмъ.

Переходимъ теперь къ самому больному мѣсту для закавказскихъ слѣдователей—къ окладамъ жалованья: до 1884 года помощникъ мироваго судьи получалъ 1000 рублей содержанія и 500 р. столовыхъ. Но съ прошлаго года были введены вычеты на эмеритуру, что, вмѣстѣ съ прочими вычетами, убавило въ общемъ содержаніе до 1400 руб. въ годъ. Квартирныхъ денегъ, какъ уже сказано, не полагается вовсе. Между тѣмъ жизнь въ Закавказьѣ, въ особенности гдѣ нибудь въ глуши, стоитъ несравненно дороже, чѣмъ въ Россіи; сажень дровъ стоитъ до 30 р., прислуга не беретъ меньше 15 р. въ мѣсяцъ, предметы первой необходимости привозятся либо изъ за границы, либо изъ Москвы и вообще центральной Россіи и обходятся поэтому баснословно дорого. За все приходится платить рублемъ, гдѣ въ Россіи откупишься копѣйками и несмотря на все это слѣдователи получаютъ меньше, чѣмъ въ Россіи. Есть, правда, законъ, по которому кавказскія должностныя лица черезъ каждое пятилѣтіе получаютъ прибавку въ видѣ $^1/_4$ годоваго оклада жалованья, но это преимущество фактически на слѣдователей не распространяется, ибо они по большей части молодые люди, непрослужившіе еще пятилѣтія. Да и велика ли прибавка въ 250 р. въ годъ для тѣхъ, которые отбыли этотъ срокъ.

Англія даетъ даже мелкимъ колоніальнымъ агентамъ громадное содержаніе, исходя изъ положенія, что нужно же вознаградить человѣка за лишніе труды, за переносимыя лишенія, за разлуку съ родиной. Мы же, наоборотъ, посылая въ колоніи нашихъ чиновниковъ, урѣзываемъ даже то, что они получали дома; вмѣсто добавочнаго содержанія мы расплачиваемся добавочными лишеніями и страданіями. Другой монеты у насъ для колоній нѣтъ.

Положительно изумительна та нравственная стойкость, которую, несмотря на эти тяжкія условія, проявилъ въ Закавказьѣ институтъ слѣдователей: бываютъ нареканія по части ихъ медленности (впрочемъ, какъ мы доказали, независящей отъ ихъ воли), или поверхностнаго разслѣдованія дѣлъ, но почти никогда не бываетъ жалобъ на какія либо грязныя, корыстныя дѣйствія съ ихъ стороны. Доносы, разумѣется, пишутся на нихъ, какъ и на всѣхъ должностныхъ лицъ, но они лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ оправдываются дѣйствительностью, да и то оказывается обыкновенно, что на днѣ дѣла лежитъ продѣлка переводчика, прикрывшагося именемъ своего принципала. Велика, конечно, сила универ-

ситетскихъ традицій, велико вліяніе того esprit de corps, который, чтобы тамъ ни говорили, еще не утратился окончательно въ судебномъ вѣдомствѣ, но еще больше вліяніе жизни, и не трудно предвидѣть тотъ моментъ, когда культъ честности и безкорыстія поколеблется у слѣдователей и уступитъ свое мѣсто всякимъ грязнымъ стяжаніямъ дореформеннаго періода. Отъ той или другой отдѣльной личности еще можно ожидать, что она противостоитъ давленію нужды и не уронитъ своего знамени, но требовать этого отъ цѣлаго учрежденія не приходится, когда оно самимъ государствомъ поставлено въ альтернативу выбирать между безчестіемъ и нищетою. Даже въ Россіи, гдѣ, повторяемъ мы, жизнь обходится дешевле, слѣдователь не могъ бы жить на 1400 р. сообразно своему положенію, въ Закавказьѣ же это рѣшительно немыслимо. А между тѣмъ соблазны такъ и напрашиваются сами собою: народъ еще не отвыкъ отъ азіатскихъ порядковъ сношенія съ должностными лицами и находитъ вполнѣ естественнымъ, чтобы эти послѣднія получали за свои труды разные „пешкеши", т. е. подарки или взятки. Поэтому онъ, въ большинствѣ случаевъ, и не жаловался бы на корыстныя дѣйствія слѣдователя, а если бы и пожаловался, то изъ этого не вышло бы никакого толку, ибо искаженія въ протоколахъ всегда можно приписать лживости свидѣтелей, а неправильности въ дѣйствіяхъ—разнымъ физическимъ препятствіямъ. И тому и другому всякій повѣритъ, ибо и то и другое дѣйствительно существуетъ. Да еслибъ и повѣрили доносу, то бороться вѣдь можно лишь съ двумя, тремя, десятью отдѣльными лицами, а съ цѣлымъ учрежденіемъ бороться не хватитъ силъ. На это въ нашемъ отечествѣ не мало примѣровъ и въ прошломъ и въ настоящемъ. Стоитъ только нѣкоторымъ положить начало, а давленіе бѣдности быстро разовьетъ ихъ ученіе между сотоварищами и превратитъ предварительное слѣдствіе въ торговлю, въ которой перевѣсъ всегда останется задающимъ больше. Грязь физическая и нравственная составляютъ обычный спутникъ нужды, и предполагать одно безъ другаго это—иллюзія, быстро разбивающаяся о жизнь. Судебное вѣдомство не то что всякое другое, въ немъ выражаются не временныя нужды государства, не преходящія политическія ученія, въ немъ воплощается принципъ непоколебимый и вѣчный, принципъ правосудія, котораго, подобно цезаревой женѣ, не должно касаться даже подозрѣніе. Поставьте же его, въ такомъ случаѣ, на подобающую высоту, поднимите его надъ нуждою и ли-

шеніями и при нынѣшнемъ составѣ его подозрѣніе не посмѣетъ промолвить позорящаго слова. Пока еще не поздно; но не принимая на себя роли пророка, намъ не трудно предвидѣть то будущее, когда теперешняя нужда заставитъ институтъ слѣдователей, да и цѣлую половину судебнаго вѣдомства, до члена суда включительно, отступить отъ долга и чести и тогда паденіе ихъ будетъ быстрое, неудержимое, позорное, паденіе, которое вмѣстѣ съ собою увлечетъ и судебные уставы и правосудіе и вѣру въ лучшее будущее.

Къ законодательнымъ полумѣрамъ, препятствующимъ предварительному слѣдствію сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ оно должно быть по духу судебныхъ уставовъ, присоединяется еще множество другихъ неблагопріятныхъ фактическихъ условій, о которыхъ слѣдователи въ Россіи даже не имѣютъ понятія. И отъ нихъ часто приходится слышать сѣтованія на неудовлетворительность полицейскаго розыска, но что сказали бы они, увидавъ тѣ полицейскія дознанія, которыя производятся въ Закавказьѣ!

Смѣло можно сказать, что тамъ полиція не только не помогаетъ слѣдствію, а какъ будто нарочно задается цѣлью тормозить его и ставить на ложный путь. Къ невообразимой безграмотности актовъ дознанія присоединяется полное непониманіе со стороны полиціи своихъ обязанностей въ отношеніи розыска, безпримѣрная небрежность и часто даже умышленная и сознательная лживость. Да иначе и быть не можетъ, ибо полиція въ Закавказьѣ поставлена въ еще болѣе неблагопріятныя условія, чѣмъ судебное вѣдомство: штаты ея болѣе чѣмъ недостаточны, образовательный уровень болѣе чѣмъ низокъ, средства—болѣе чѣмъ ничтожны, а между тѣмъ работы и разныхъ обязанностей на ней лежитъ несравненно больше чѣмъ въ Россіи.

Слѣдующіе полицейскіе органы производятъ въ Закавказскомъ краѣ розыскъ и дознанія: сельскіе старшины и ихъ помощники, соотвѣтствующіе нашимъ старостамъ, земскіе стражники, пристава и помощники уѣздныхъ начальниковъ. Полицейскихъ сотскихъ и урядниковъ тамъ нѣтъ. О томъ, что сельская полиція состоитъ цѣликомъ изъ туземнаго элемента — нечего и говорить, такъ какъ это понятно само собою: но даже въ уѣздной полиціи за исключеніемъ уѣздныхъ начальниковъ, лично незанимающихся производствомъ дознаній, число русскихъ крайне незначительно; болѣе 90 процентовъ служащихъ въ ней доставляются грузинами, армянами и та-

тарами, плохо владѣющими русскимъ языкомъ, не только полуобразованными, но даже полуграмотными, раздѣляющими въ душѣ воззрѣнія и правовыя понятія своихъ соплеменниковъ, склонными, какъ всѣ восточные люди, къ лѣни и умственной летаргіи. Но даже до такихъ органовъ полиціи лишь въ рѣдкихъ случаяхъ восходятъ дознанія; обыкновенно же эти послѣднія производятся только сельскою полиціею и отъ нея, безъ всякихъ добавленій и провѣрокъ, переходятъ къ слѣдователю. Когда случится какое нибудь происшествіе уголовнаго характера, помощникъ старшины выслушиваетъ заявленіе жалобщика, и затѣмъ или лично, или чрезъ какого нибудь сподручнаго человѣка, но непремѣнно изустно, такъ какъ грамотность очень рѣдкое явленіе въ селахъ, передаетъ о томъ старшинѣ. Этотъ послѣдній — человѣкъ тоже неграмотный и, потому, поручаетъ муллѣ или какому - нибудь писцу составить рапортъ по начальству. Очевидно, что разсказъ о преступленіи, переходя такимъ образомъ изъ устъ въ уста, искажается, что упускаются изъ виду подробности происшествія, перепутываются имена свидѣтелей. Старшины, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда преступленіе совершено у нихъ подъ бокомъ, лично дознаніе не производятъ, хотя въ донесеніяхъ своихъ, всегда излагаютъ ходъ дознанія отъ своего имени. Подлогъ этотъ, разумѣется, обнаруживается на предварительномъ слѣдствіи, но на него закрываешь глаза, потому что всѣхъ старшинъ подъ судъ не отдашь; на мѣсто смѣняемаго явится совершенно такой же, если не хуже, поэтому въ борьбу съ ними лучше и не вступать.

Не трудно убѣдиться, что, собственно говоря, это даже не дознаніе, а лишь простое сообщеніе о случившемся фактѣ. Обысковъ, осмотровъ, повѣрки доказательствъ, представленныхъ потерпѣвшими и подозрѣваемыми, не бываетъ никогда. Все, что на практикѣ можно требовать отъ здѣшней сельской полиціи, это—правдивости самого сообщенія; но даже этого качества почти никогда въ нихъ не найдешь: старшины и ихъ помощники, какъ истинные представители своего народа, до такой степени проникнуты лживостью, такъ абсолютно чужды нашимъ правовымъ понятіямъ, что подлогъ и ложный доносъ составляютъ съ ихъ стороны самое ординарное явленіе. Нѣтъ такого факта, котораго бы они не рѣшились исказить ради пешкеши, изъ родственныхъ или сосѣдскихъ симпатій, изъ личной вражды или страха передъ местью. Очевидныя убійства приписываются несчастнымъ случаямъ, и наоборотъ, несчастные

случаи возводятся въ преступленія, настоящіе виновные тщательно скрываются, или выгораживаются и обвиненіе взводится на ни въ чемъ неповинныхъ людей, имѣвшихъ несчастіе не поладить съ старшиною; нерѣдко даже сочиняются цѣлыя исторіи о преступленіяхъ никогда неимѣвшихъ мѣста.

Чѣмъ подробнѣе донесеніе старшины, чѣмъ больше въ немъ деталей, тѣмъ увѣренѣе можетъ быть закавказскій слѣдователь, что все изложенное въ немъ измышлено или сознательо искажено. Намъ нерѣдко приходилось получать рапорты, въ которыхъ старшины очень обстоятельно приводили предсмертныя показанія убитыхъ, показанія, въ которыхъ излагались и обстоятельства дѣла, и имена убійцъ; между тѣмъ при вскрытіи труповъ оказывалось, что напримѣръ, кинжалъ проникъ прямо въ сердце, или пуля прошла на вылетъ чрезъ голову, такъ что смерть должна была быть моментальная и потерпѣвшій никакихъ показаній давать не могъ. Спрашиваешь завравшагося старшину, какъ же это могло быть; но онъ ничуть не смущаясь увѣряетъ, что выводы экспертизы ему не указъ, что онъ слышалъ на самомъ дѣлѣ объясненія убитаго и что при этомъ даже присутствовали такіе-то и такіе свидѣтели. Спрашиваешь этихъ послѣднихъ и они подтверждаютъ слова старшины. Недавно еще мы получили донесеніе именно такого рода, причемъ обнаружилось, что пуля раздробила потерпѣвшему обѣ челюсти и повредила языкъ; обстоятельство это однако ничуть не помѣшало старшинѣ и его свидѣтелямъ трактовать о предсмертныхъ показаніяхъ убитаго.

Этого мало, недавно къ намъ поступилъ отъ одного старшины рапортъ, въ которомъ трагическими красками описывалось, какъ одинъ хозяинъ нанесъ смертельныя побои своему работнику, какъ онъ ночью и тайно отвезъ его въ горы, гдѣ и бросилъ, какъ его подобрали тамъ проѣзжіе люди и доставили домой и какъ, наконецъ, онъ разсказалъ своимъ родственникамъ и сосѣдямъ о совершенномъ надъ нимъ злодѣяніи. На дѣлѣ же оказалось, что работникъ умеръ отъ лихорадки и что вся драма отъ начала до конца сочинена старшиною изъ вражды къ хозяину его.

Наоборотъ, когда старшинѣ хочется почему-либо выгородить настоящаго виновнаго, онъ сообщаетъ, что тотъ оборонялся только отъ нападенія со стороны самого потерпѣвшаго, или въ моментъ совершенія преступленія, находился вмѣстѣ съ нимъ, старшиною, въ 20 верстахъ отъ мѣста совершенія.

Если потерпѣвшій и виновный успѣли помириться между собою, такъ что старшинѣ доноса бояться нечего, онъ сообщаетъ, что подозрѣваемый скрылся бѣгствомъ. Слѣдователь собираетъ справки о примѣтахъ этого послѣдняго, окружный судъ публикуетъ о сыскѣ его; отъ всѣхъ полицейскихъ управленій губерніи получаются увѣдомленія, что по самымъ тщательнымъ розыскамъ такого-то въ предѣлахъ ихъ уѣздовъ не обнаружено, а затѣмъ, благодаря какой нибудь случайности оказывается, что подозрѣваемый даже и не думалъ отлучаться изъ своей деревни и преспокойно продолжаетъ въ ней жить, пока газеты возвѣщали пермскимъ, вологодскимъ и варшавскимъ властямъ о побѣгѣ его и требовали поимки его.

Старшины въ своей изобрѣтательности идутъ еще дальше и умѣютъ вырывать изъ рукъ правосудія даже такихъ преступниковъ, привлеченіе которыхъ въ качествѣ обвиняемыхъ уже состоялось и которые отданы на поруки: обвиняемаго отправляютъ въ Персію или Турцію, а старшина доноситъ, что онъ умеръ. Если сторона, потерпѣвшая отъ преступленія, получила отъ обвиняемаго возмѣщеніе убытковъ, или приличный гонораръ, она не только молчитъ о побѣгѣ, но даже, въ случаѣ обнаруженія обмана, утверждаетъ, что такой-то дѣйствительно въ ея присутствіи утонулъ, или свалился въ пропасть. Мулла и двадцать постороннихъ свидѣтелей подтвердятъ этотъ фактъ и правосудіе вынуждено отступить передъ наглостью старшины и безсовѣстностью свидѣтелей.

Когда на предварительномъ слѣдствіи старшина замѣчаетъ, что продѣлка его обнаружена, онъ ссылается на то, что самъ онъ человѣкъ неграмотный и, потому, не можетъ отвѣчать за то, что писецъ изложилъ отъ его имени, или что свидѣтели, своими ложными показаніями, ввели его самого въ заблужденіе. И то и другое оправданіе очень правдоподобны и слѣдователю не остается ничего болѣе, какъ повѣрить, или сдѣлать видъ, что вѣритъ.

Возбуждать преслѣдованіе противъ старшинъ и хлопотливо и безполезно. У каждаго закавказскаго слѣдователя сотни дѣлъ на рукахъ и потому ни у кого изъ нихъ нѣтъ охоты создавать новую работу и, притомъ, безцѣльную, такъ какъ старшина, въ доказательство своей правоты, выставитъ дюжину свидѣтелей, купленныхъ имъ за двугривенные или застращенныхъ угрозами. Да еслибъ и удалось наказать лживаго старшину, на его мѣсто выберутъ совершенно такого же и выйдетъ борьба съ лернейскою гидрою.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, пограничныхъ съ Персіею или Малой Азіею, существуетъ такъ называемая земская стража, на обязанности которой лежитъ воевать съ разбойническими шайками, всегда болѣе многочисленными въ мѣстностяхъ, откуда легко перейти въ другое государство и тѣмъ избѣжать наказанія. Во главѣ этихъ стражниковъ стоятъ урядники, которые о каждомъ происшествіи также пишутъ по начальству рапорты, или дознанія. Чтобы читатель могъ подобающимъ образомъ оцѣнить эти акты, приведемъ два случая изъ нашей личной практики. Первый рапортъ сообщалъ, что урядникъ съ своими всадниками встрѣтили въ горахъ шайку разбойниковъ, надъ которыми они одержали блестящую побѣду, причемъ взяли въ плѣнъ одного изъ нихъ; во второмъ, описывалось вооруженное сопротивленіе какихъ-то подозрительныхъ людей, изъ которыхъ одинъ также былъ задержанъ.

Въ первомъ случаѣ, на предварительномъ слѣдствіи, всадники, успѣвшіе поссориться съ своимъ урядникомъ, чистосердечно разсказали, что никакихъ разбойниковъ они не настигали, ни съ кѣмъ не воевали и что урядникъ, желая отличиться передъ начальствомъ, схватилъ на дорогѣ перваго встрѣчнаго человѣка и препроводилъ его въ полицейское управленіе, въ качествѣ пойманнаго разбойника. Во второмъ случаѣ выяснилось, что всадники сами ограбили человѣка, а потомъ, чтобы не могло быть вѣры его жалобѣ, сочинили исторію о вооруженномъ сопротивленіи.

Въ такомъ видѣ рапорты и донесенія поступаютъ въ уѣздное полицейское управленіе. Тамъ, подъ предлогомъ перевода на русскій языкъ или полученія дополнительныхъ свѣдѣній, они валяются нѣсколько дней, а иногда даже нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ. Недавно, напримѣръ, мы получили сообщеніе о разбоѣ, пролежавшее въ полиціи безъ всякаго движенія десять мѣсяцевъ. Даже объ экстренныхъ случаяхъ сообщается слѣдователю не ранѣе трехъ-четырехъ сутокъ, нужныхъ будто бы для того, чтобы бумага старшины успѣла пройти всѣ канцелярскія мытарства. Очевидно, при этихъ условіяхъ, что осмотры слѣдовъ преступленій становятся или невозможными, или безцѣльными, тѣмъ болѣе, что къ охраненію ихъ не принимается никакихъ мѣръ: трупы переносятся въ дома, или даже зарываются въ землю; слѣды крови замываются или затаптываются, проломы въ домахъ и прочихъ строеніяхъ задѣлываются, и осмотръ констатируетъ лишь, что осматривать нечего. При мѣстныхъ условіяхъ это, пожалуй, даже хорошо, ибо до-

гадайся населеніе о значеніи осмотровъ, оно непремѣнно стало бы создавать искуственные слѣды преступленій и поддѣлывать ихъ декораціи; трупы и окровавленные предметы подбрасывались бы къ лицамъ, которыхъ хотятъ обвинить, проломы дѣлались бы тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было и т. д., и на все нашлись бы свидѣтели, клянущіеся кораномъ и евангеліемъ, что говорятъ чистую правду, Пристава и помощники начальниковъ лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ производятъ дознанія, обыкновенно, когда получаютъ о томъ спеціальныя порученія отъ слѣдователей. Но мы лично пришли къ убѣжденію въ полной безполезности этой мѣры и, потому, на практикѣ отказались давать порученія. Подобныя дознанія, или кратко извѣщаютъ, что послѣ самыхъ тщательныхъ розысковъ никакихъ свѣдѣній не добыто или, точь въ точь, только растянуто, воспроизводятъ рапорты старшинъ. При томъ же, дознанія эти и по добросовѣстности своей нерѣдко успѣшно конкурируютъ съ рапортами и сообщеніями старшинъ. По крайней мѣрѣ намъ лично приходилось уже требовать преданія суду полицейскихъ чиновниковъ, превращавшихъ дознаніе въ орудіе вымогательствъ и другихъ злоупотребленій. Все, что возможно поэтому требовать отъ полиціи — это передача повѣстокъ и собраніе справокъ, но на практикѣ даже это исполняется ею далеко небезукоризненно: медленность до такой степени вошла у нея въ привычку, что для самыхъ пустыхъ дѣйствій ей нужны такіе длинные сроки, какъ будто бы жизнь людей измѣряется мафусаиловымъ вѣкомъ. При этомъ на всякое понужденіе къ быстротѣ полиція смотритъ, какъ на посягательство на свои права, какъ на стремленіе со стороны слѣдователя установить надъ нею свое главенство и, потому, враждебно относится къ тѣмъ новаторамъ, которые полагаютъ, что предварительное слѣдствіе не есть канцелярская работа, которую можно затягивать на неопредѣленное время. Положимъ въ оправданіе полиціи можно сослаться на ту массу разнородныхъ обязанностей, которая лежитъ на плечахъ, но слѣдователю отъ этого не легче и дѣло весьма мало выигрываетъ отъ того, что полиція можетъ удовлетворительнымъ образомъ объяснить свою медлительность.

Оказывается, такимъ образомъ, что закавказскій слѣдователь лишенъ въ лицѣ полиціи своей правой руки, но и лѣвая, въ лицѣ свидѣтелей, находится не въ лучшемъ положеніи: въ Россіи правовое развитіе народа стоитъ, сравнительно, настолько высоко, что ложный доносъ и въ особенности лжесвидѣтельство составляютъ тамъ явленіе

исключительное и слѣдователь, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, можетъ твердо и увѣренно опираться на показанія допрошенныхъ имъ лицъ. Въ Закавказьѣ же сколько бы сотенъ дѣлъ ни находилось у слѣдователя на рукахъ, въ нихъ не сыщется ни одного — буквально ни одного производства, въ которомъ бы ложь и обманъ не выступали въ самыхъ наглыхъ, самыхъ безцеремонныхъ формахъ. Лгутъ изъ корыстныхъ расчетовъ, лгутъ изъ симпатій, лгутъ изъ вражды, лгутъ изъ любви къ искуству и никогда — рѣшительно никогда, не даютъ такихъ показаній, которыя бы во всемъ соотвѣтствовали истинѣ. Чтобы доказать это, возьмемъ наугадъ любое дѣло изъ двухпудовой груды слѣдственныхъ производствъ, лежащихъ въ нашей камерѣ: жалуется потерпѣвшій, что разбойники ночью разграбили его домъ, причемъ предварительно перевязали и застращали все его семейство. Спрашиваешь его о подробностяхъ происшествія, и онъ повѣствуетъ, что разбойниковъ было пять человѣкъ, что при нихъ были ружья и кинжалы, что онъ всѣхъ ихъ прекрасно разглядѣлъ и узналъ, благодаря лунному свѣту, и что, наконецъ, по удаленіи ихъ съ награбленнымъ имуществомъ, онъ созвалъ своихъ сосѣдей и вмѣстѣ съ ними погнался за злоумышленниками, но никого изъ нихъ задержать не могъ, такъ какъ тѣ отстрѣливались. Затѣмъ потерпѣвшій перечисляетъ свои убытки, причемъ утверждаетъ, что одна пуховая подушка стоила 12 руб., одна ситцевая наволочка—5 руб., мѣдный котелъ—8 руб. и т. д.

Наводишь сперва справку въ календарѣ, дѣйствительно ли тогда была лунная ночь; оказывается однако, что луны вовсе не было и что, слѣдовательно, ночь была непроницаемо темна, какъ всѣ южныя ночи. Сообщаешь объ этомъ потерпѣвшему; онъ, нисколько не смущаясь, отвѣчаетъ, что календарь ошибается, а самъ онъ говоритъ правду.

Приступаешь къ допросу его домашнихъ: жена говоритъ, что разбойниковъ было семь человѣкъ и что она въ числѣ ихъ ошибаться не можетъ, такъ какъ видѣла ихъ всѣхъ при свѣтѣ зажженой ими лампы. Затѣмъ начинается изложеніе именъ злоумышленниковъ и перечень похищенному имуществу: и то и другое не согласуется съ показаніями ея мужа.

Переходишь къ свидѣтелямъ: одинъ повѣствуетъ, что разбойниковъ было только три человѣка и что онъ узналъ ихъ благодаря лунному свѣту; второй утверждаетъ, что ночь была темная,

какъ смоль, что разбойниковъ было много, очень много, такъ человѣкъ около двадцати и что всѣхъ ихъ онъ прекрасно узналъ по голосамъ. Третій же свидѣтель внезапно заявляетъ, что никакого разбоя не было и что потерпѣвшій выдумалъ всю эту исторію, потому что незадолго передъ тѣмъ его поколотили тѣ самыя лица, которыхъ онъ обвиняетъ.

Извольте теперь разобраться въ этомъ хаосѣ лжи и противорѣчій и вывести правильное заключеніе какъ о фактѣ преступленія, такъ и о виновникахъ его. Конечно ни остается ничего болѣе, какъ направить дѣло на прекращеніе.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы на днѣ дѣла не лежало ровно никакого преступленія и чтобы свидѣтель, заявившій о дракѣ, какъ о мотивѣ къ жалобѣ, былъ правъ. Человѣкъ болѣе или менѣе опытный по судебной части закавказскаго края догадается, что у потерпѣвшаго была совершена какая нибудь простая кража и что онъ на самомъ дѣлѣ не знаетъ, кто совершилъ ее, но тѣмъ не менѣе пользуется случаемъ, чтобы насолить тѣмъ изъ односельцевъ своихъ, съ которыми онъ живетъ не въ ладахъ. Тоже самое сдѣлали и тѣ свидѣтели, которые заявили, одинъ—о троихъ разбойникахъ, а другой—о двадцати; у перваго изъ нихъ, очевидно, только три врага, а у втораго двадцать—и каждый изъ нихъ надѣется такимъ образомъ отомстить имъ.

Къ сожалѣнію, подобные разсчеты ихъ нерѣдко оправдываются, въ особенности, когда полиція вмѣстѣ съ рапортомъ старшины препровождаетъ къ слѣдователю и задержанныхъ обвиняемыхъ. Отпустить этихъ послѣднихъ на свободу, когда есть на лицо прямое обвиненіе ихъ въ крупномъ преступленіи и пока не выяснены обстоятельства, оправдывающія ихъ, и неудобно и опасно. Поэтому слѣдователю не остается ничего болѣе, какъ привлечь ихъ въ качествѣ обвиняемыхъ и за тѣмъ посадить ихъ подъ стражу, впредь до представленія залога или поручительства. Болѣе легкой мѣры пресѣченія противъ нихъ и принять нельзя, такъ какъ закавказскій опытъ доказалъ, что полицейскій надзоръ и подписка о неотлучкѣ рѣшительно не гарантируютъ исправной явки къ слѣдствію и суду. Но этого-то только и нужно потерпѣвшему и свидѣтелямъ. Во первыхъ, ихъ чувство мести удовлетворено, а во вторыхъ, можно поторговаться съ родственниками обвиняемыхъ и содрать съ нихъ извѣстный гонораръ, чтобы потомъ на слѣдствіи отказаться отъ своихъ первоначальныхъ заявленій.

Вражда и раздоры составляютъ такое обычное явленіе въ закавказскомъ краѣ, что безъ нихъ нельзя представить себѣ даже самаго маленькаго селенія: татары враждуютъ съ армянами, эти послѣдніе враждуютъ съ грузинами и т. д. Въ каждой деревушкѣ есть двѣ, а иногда и болѣе враждующія между собою партіи. Мелкіе раздоры между ними, благодаря репрессаліямъ, разрастаются въ цѣлыя войны, въ которомъ убійства, грабежи и всякаго рода насилія надъ противнымъ лагеремъ не только допускаются, но даже предписываются мѣстными нравами. Когда совершается какое нибудь преступленіе, потерпѣвшій и его сторонники легко могутъ догадаться, изъ какого лагеря оно исходитъ; имъ безразлично, кто въ частности виновникъ злодѣянія и, потому, они либо огуломъ обвиняютъ всю враждебную имъ партію, либо наугадъ выхватываютъ изъ нея любаго члена ея и затѣмъ начинаютъ дѣло, въ которомъ, въ виду этихъ условій, они и не могутъ обойтись безъ лжи. Поэтому несмотря, на колоссальную массу дѣлъ въ Закавказьѣ, судебная практика почти незнаетъ случаевъ, когда бы потерпѣвшій объявилъ, что ему неизвѣстно, кто совершилъ преступленіе. Развѣ только онъ человѣкъ совершенно чужой въ томъ краѣ, гдѣ оно совершено и не знаетъ по имени ни одного человѣка, такъ что и доносить-то ложно ему не на кого.

Кромѣ вражды есть еще и другой мотивъ къ ложнымъ показаніямъ, это—стремленіе къ легкой наживѣ. Потерпѣвшій надѣется по судебному приговору получить съ обвиняемыхъ свои убытки, вмѣстѣ съ ростовщическими процентами, а свидѣтели желаютъ безъ труда заработать себѣ приличный гонораръ. Если закавказскій свидѣтель не приходится родственникомъ потерпѣвшему, или не имѣетъ личныхъ счетовъ съ обвиняемымъ, онъ никогда не даетъ даромъ ни одного показанія, а объявитъ, что ничего знать не знаетъ. Его слова нужно покупать и тотъ, кто заплатитъ больше, перетянетъ его на свою сторону. Торговля совѣстью, самая открытая и наглая, заурядъ совершается на дворѣ или въ передней слѣдователя, въ ожиданіи его прихода, или пока онъ допрашиваетъ по другому дѣлу. Платою за лжесвидѣтельство служатъ лошади, бараны, домашняя утварь, иногда деньги; и кровь людская нерѣдко вымѣнивается на буйвола, или какое нибудь тряпье. Не бываетъ почти случая, чтобы всѣ свидѣтели остались при тѣхъ показаніяхъ, которыя они раньше давали полиціи; всегда сыщется между ними два—три человѣка, слова которыхъ діаметрально противопо-

ложны ихъ первоначальнымъ объясненiямъ. Бываетъ даже и такъ, что только что допрошенное слѣдователемъ лицо, поторговавшись со сторонами, возвращается въ камеру и объявляетъ, что оно было не въ своемъ умѣ, или пьяно и потому дало невѣрныя показанiя; спрашиваешь его на счетъ „вѣрныхъ показанiй" и свидѣтель начинаетъ говоритъ обратное тому, что говорилъ полчаса передъ тѣмъ.

Предупрежденiе объ отвѣтственности за лжедоносъ и лжесвидѣтельство вызываетъ у закавказца только улыбку, ибо онъ по опыту знаетъ, что это пуская угроза, осуществляющаяся одинъ разъ изъ нѣсколькихъ тысячъ. Члены партiй, выступающiе передъ слѣдователемъ, даже не даютъ себѣ труда хорошенько комбинировать свои показанiя и установить между ними извѣстную гармонiю: для этого они слишкомъ неразвиты, да это представляется и излишнимъ. Къ чему ломать себѣ голову, когда за вранье все равно не накажутъ! Поэтому они сплошь и рядомъ утверждаютъ самыя чудовищныя нелѣпости, въ родѣ того напримѣръ, что десять разбойниковъ сдѣлали въ потерпѣвшаго десять выстрѣловъ въ упоръ, но тѣмъ не менѣе не попали въ него и даже не обожгли его платья. Одинъ потерпѣвшiй клялся намъ Магометомъ и Аллахомъ, что злоумышленники стащили съ его жены панталоны во время ея сна и что она при этомъ даже не проснулась.

Жалоба, поданная изъ одного лагеря, непремѣнно порождаетъ параллельную жалобу изъ другаго и, слѣдователю приходится распутывать, которая—мина, и которая—контрмина.

Если *А* обвиняетъ *Б*, положимъ, въ кражѣ, то *Б* немедленно же заявляетъ слѣдователю, что *А* ограбилъ или покушался убить его. Свидѣтели легко находятся на все. Въ этихъ случаяхъ сплошь и рядомъ бываетъ, что ни одна изъ этихъ жалобъ не имѣетъ фактической подкладки и что весь сыръ боръ загорѣлся вслѣдствiе какихъ нибудь пустяковъ, совершенно чуждыхъ уголовнаго характера.

Легкость достать лжесвидѣтелей породила со стороны обвиняемыхъ особую тактику въ оправданiяхъ; они никогда не сознаются въ преступленiи, никогда не стараются даже опровергнуть имѣющiяся противъ нихъ улики, а прямо ссылаются на свои alibi, которое и подтверждается цѣлымъ десяткомъ свидѣтелей.

Мы знаемъ случаи, когда бѣглые преступники, задержанные въ Персiи и выданные намъ персидскими властями, отвергали при

слѣдствіи этотъ фактъ и утверждали, что они въ ту пору находились въ Тифлисѣ, или Кутаисѣ. Свидѣтели, допрошенные по ихъ ссылкѣ, поддерживали это заявленіе, вопреки очевидности.

Враждою и корыстью не исчерпываются, однако, всѣ причины, создающія это грустное положеніе вещей; есть еще и другія причины, болѣе общія и лежащія глубже; это, во первыхъ, обычное право закавказскихъ туземцевъ, и во вторыхъ, та деморализирующая роль, которую поневолѣ играютъ тамъ наши суды.

Кавказское населеніе на цѣлое тысячелѣтіе отстало отъ европейской цивилизаціи и находится еще въ томъ періодѣ правоваго развитія, когда преступленіе признается дѣломъ личнымъ, не касающимся общества, и когда правонарушеніе, каково бы оно ни было, носитъ только гражданскій характеръ. Закавказецъ, будь онъ простолюдинъ или бекъ, не можетъ понять принципа государственнаго вмѣшательства въ область преступленія и ему кажется дикимъ и несправедливымъ, что потерпѣвшій не имѣетъ права самъ располагать исходомъ процесса, не можетъ мириться съ противною стороною и прощать обиду, отъ которой пострадалъ только онъ. Если воръ или разбойникъ возвратилъ ему похищенное имущество; если врагъ, покушавшійся на его жизнь, вознаградитъ его деньгами или вещами, онъ считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и не можетъ постигнуть, какъ это месть закона переживаетъ его собственную месть и почему карается обидчикъ, котораго онъ, потерпѣвшій, простилъ.

Въ самомъ фактѣ преступленія онъ ничего предосудительнаго и позорнаго не видитъ, такъ какъ при случаѣ готовъ сдѣлать тоже самое. По его понятіямъ не годится только обижать своихъ родичей, въ какихъ бы отдаленныхъ степеняхъ родства онъ съ ними ни находился; что же касается прочихъ людей, то для него это тоже самое, что лѣсная или горная дичь, съ которою онъ ни въ какихъ правовыхъ отношеніяхъ не состоитъ. Поэтому самыя отвратительныя преступленія не вызываютъ въ немъ чувства негодованія или омерзенія, а наоборотъ, нерѣдко кажутся ему блестящими подвигами, достойными подражанія. Въ настоящее время въ нахичеванскомъ тюремномъ замкѣ содержится недавно пойманный разбойникъ Баба Ахіали-оглы. Это двадцатилѣтній молодой человѣкъ, уже успѣвшій совершить около полусотни крупныхъ преступленій. Грабилъ и убивалъ онъ людей всегда самымъ звѣрскимъ образомъ, такъ что навелъ панику на всю Шарурскую до-

лину. Между тѣмъ онъ считается героемъ у всѣхъ татаръ и про него сложились хвалебныя пѣсни, которыя поются каждымъ десятилѣтнимъ татарченкомъ. Это своего рода знаменитость, которою гордится его родина.

Удивляться этому нечего, ибо давно ли у насъ самихъ воспѣвались „разбойнички, пошаливавшіе по Волгѣ“ и лихіе казаки, огнемъ и мечемъ опустошавшіе басурманскія земли. Еще въ послѣднее время намъ лично приходилось наблюдать въ Сициліи, какъ простонародье сочувственно относится къ разбойникамъ, гордится наиболѣе свирѣпыми атаманами и называетъ ихъ „dei bravi,“ т. е. молодцами.

Культъ преступленія существуетъ у всѣхъ закавказцевъ, разнообразясь лишь слегка, сообразно нравамъ каждой народности: татары и курды питаютъ симпатіи къ такимъ правонарушеніямъ, которыя требуютъ отваги и удали, гдѣ раздаются выстрѣлы и сверкаютъ кинжалы; армяне, какъ болѣе мирный народъ, предпочитаютъ обмѣръ и обвѣсъ и т. д.

Вездѣ тотъ или другой видъ преступленія пользуется мѣстными симпатіями и, потому, народъ, въ принципѣ, несочувственно относится къ государству, вступающему съ нимъ въ борьбу. Самъ потерпѣвшій только до той поры и прибѣгаетъ къ государственной защитѣ, пока онъ не получилъ отъ преступника вознагражденія и тотчасъ же переходитъ на его сторону, какъ только вредъ, по его понятіямъ, заглаженъ надлежащимъ выкупомъ. Даже въ случаѣ убійствъ, родственники убитаго только до той торы и помогаютъ слѣдователю въ раскрытіи преступленія, пока виновный не откупился отъ нихъ баранами или лошадьми. Всякое преступленіе имѣетъ у нихъ свою биржевую цѣну и Правда Ярослава пришлась бы имъ гораздо болѣе по вкусу, чѣмъ наше уложеніе о наказаніяхъ.

Обращаясь къ правосудію, закавказецъ вовсе не гонится за уголовнымъ наказаніемъ виновнаго, отъ котораго онъ лично ничего не выигрываетъ; за убитаго сына или брата, за прострѣленную ногу, за разграбленный домъ—ему нужно только гражданское, имущественное вознагражденіе, которое виновный на свободѣ легче можетъ доставить ему, чѣмъ виновный въ тюрьмѣ или на каторгѣ. Поэтому онъ въ предварительномъ слѣдствіи видитъ лишь способъ застращать своего обидчика и понудить его къ болѣе быстрому и полному удовлетворенію. Разъ онъ достигъ этой цѣли, русскій судъ ему болѣе не нуженъ и онъ возвращается къ воз-

зрѣніямъ своего народа на неумѣстность вторженія государства въ частныя дѣла

Очевидно, что при подобномъ правовомъ строѣ и роль закавказскихъ свидѣтелей должна была сложиться иначе, чѣмъ въ цивизованномъ мірѣ: если даже для потерпѣвшаго преступленіе есть лишь путь къ наживѣ, то почему же имъ, свидѣтелямъ, несущимъ разныя тягости изъ за посторонняго для нихъ дѣла, не поживиться такъ же? Къ публичной, государственной сторонѣ уголовнаго права они имѣютъ свои причины относиться враждебно, потому что за каждымъ изъ нихъ имѣется въ прошломъ нѣсколько такихъ случаевъ, за которые они попали бы по меньшей мѣрѣ въ тюрьму, еслибъ они обнаружились; преступленіе само по себѣ кажется имъ дѣломъ непредосудительнымъ, даже похвальнымъ, такъ съ чего же имъ помогать русскимъ властямъ и говорить правду, за которую они повлекутъ на себя гоненіе съ той стороны, которую они выдали, и пожалуй даже съ обѣихъ сторонъ, если они успѣли примириться. Гораздо лучше солгать, но за то получить барана или курицу и заручиться лжесвидѣтельствомъ своихъ кліентовъ, когда они сами попадутся на какомъ нибудь уголовномъ подвигѣ.

Чтобы бороться съ преступностью и, что еще важнѣе, съ симпатіями къ преступленію, намъ надо было приняться за дѣло энергично, съ удвоенными усиліями, не щадя людей и денегъ. Мы же, закавказскіе судебные дѣятели, обладаемъ въ этой гигантской битвѣ цивилизаціи съ варварствомъ такими ничтожными средствами, такимъ малымъ числомъ людей, что силы наши рѣшительно не соотвѣтствуютъ задачамъ. Это тоже самое, какъ еслибъ одинъ баталіонъ солдатъ былъ посланъ завоевать цѣлый обширный край. Все, что можно было бы требовать отъ его самоотверженія—это не сдаться врагу; но требовать положительныхъ подвиговъ и блестящихъ побѣдъ было бы смѣшно. Врагъ можетъ быть и не осилилъ бы эту горсть храбрецовъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, не иначе какъ съ презрѣніемъ относился бы къ ихъ ничтожному числу и къ ихъ завоевательнымъ претензіямъ. Новые суды, въ томъ видѣ, какъ ихъ поставили вышеуказанныя полумѣры, не только не могутъ привить къ Закавказью наши правовыя понятія и успѣшно бороться съ преступностью, но напротивъ того, деморализуютъ народъ и усиливаютъ преступность.

Какъ ни странно можетъ показаться на первый взглядъ это положеніе, мы тѣмъ не менѣе беремся доказать его самымъ неопро-

вержимымъ образомъ. Чтобы правосудіе уважалось и служило школою права, оно должно проявлять свою дѣятельность въ двухъ направленіяхъ: 1) гарантировать потерпѣвшему законное удовлетвореніе за правонарушеніе и 2) равномѣрно, упорно и послѣдовательно карать правонарушителей. Ни того, ни другаго наши закавказскіе суды дѣлать не могутъ по ихъ слабосилію; за недостаткомъ рукъ, дѣла объ убійствахъ, грабежахъ и тому подобныхъ преступленіяхъ валяются въ разныхъ судебныхъ инстанціяхъ не только годы, но даже десятилѣтія. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ авторъ этой статьи наслѣдовалъ отъ своихъ предмѣстниковъ 436 дѣлъ, между которыми находились еще едва начатыя производства 1872 и 73 годовъ. Многія изъ этихъ дѣлъ были дутыя и кляузныя, но были между ними и такія, гдѣ фактъ преступленія не подлежалъ сомнѣнію. Между тѣмъ въ теченіи болѣе десяти лѣтъ потерпѣвшіе не получили никакого удовлетворенія. Каждый день въ камеру слѣдователя являются пять, шесть человѣкъ просить о скорѣйшемъ разсмотрѣніи ихъ дѣлъ; имъ обѣщаешь, но разумѣется обѣщаніе не всегда держишь, ибо нельзя же требовать отъ одного слѣдователя, чтобы онъ двигалъ разомъ такую чудовищную массу дѣлъ. Видя, что правосудіе медлитъ, закавказецъ теряетъ всякую вѣру въ него и въ случаѣ новаго правонарушенія, которое, конечно, долго не заставитъ себя ждать, расправляется съ своимъ обидчикомъ самосудомъ. И явленіе это не только понятно, но даже не можетъ навлечь на себя порицанія мыслящаго человѣка: разъ законъ фиктивенъ и существуетъ только на бумагѣ, разъ онъ въ дѣйствительности не поддерживаетъ обиженнаго, тотъ въ правѣ другими путями добиваться того удовлеворенія, въ которомъ отказываетъ ему государство.

Безнаказанность преступленій растлѣвающимъ образомъ вліяетъ на всѣхъ очевидцевъ ихъ и служитъ лишнимъ соблазномъ къ новымъ кровавымъ подвигамъ. Совершается на глазахъ у цѣлаго селенія возмутительное убійство и не только судебная власть не караетъ убійцъ, но даже въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ подъ рядъ не предпринимаетъ ни одного дѣйствія къ выясненію подробностей и обстоятельствъ дѣла. Она и рада была бы сдѣлать это и сама негодуетъ на свое безсиліе, но не хватаетъ рукъ и времени.

Въ числѣ наслѣдованныхъ нами 436 дѣлъ было по крайней мѣрѣ сто убійствъ и пораненій. Разслѣдывать ихъ и въ тоже время вѣдать вновь поступающія дѣла не представляется никакой воз-

можности и потому убійцы гуляютъ на свободѣ, своимъ примѣромъ приглашая другихъ къ насилію и самосуду. Не только слѣдователи, но и всѣ прочіе органы суда, до судебной палаты включительно, завалены такими горами дѣлъ, что и у нихъ производство идетъ не быстрѣе. Повторяемъ, что въ Закавказьѣ каждый судебный дѣятель долженъ работать за десятерыхъ: неудивительно поэтому, что онъ работаетъ въ десять разъ медленнѣе и тѣмъ подрываетъ уваженіе и довѣріе не только къ нашему правосудію, но и ко всей нашей культурѣ.

Хорошъ судъ, который девять, десять лѣтъ подъ рядъ закрываетъ глаза на данное преступленіе, а потомъ вдругъ караетъ его, когда и обиженный и обидчикъ и окружающее ихъ населеніе успѣли все позабыть! Да и какое судебное разбирательство, кромѣ чисто формальнаго, возможно по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ: одни свидѣтели умерли, другіе разбрелись по бѣлому свѣту, третьи ничего не помнятъ. Волей неволей судъ выноситъ оправдательный приговоръ и санкціонируетъ безнаказанность преступленія. Если наше правосудіе безсильно по отношенію къ единичнымъ преступленіямъ, то можетъ ли оно осмѣлиться вступить въ борьбу съ повальною язвою лжесвидѣтельства? Произойдетъ только лишняя трата времени и новое пораженіе для нашего престижа. Еслибъ у слѣдователя было на рукахъ 30 дѣлъ, вмѣсто трехсотъ, онъ еще могъ бы преслѣдовать лжесвидѣтелей и не бояться лишнихъ 30 дѣлъ; но обладая капиталомъ въ 300, 400 дѣлъ, не можетъ же онъ самъ стремиться къ удвоенію этого числа. Все равно онъ не справится и съ десятою долею его и возбужденныя по его иниціативѣ дѣла будутъ валяться на ряду съ другими. Усилится только канцелярская сторона его дѣятельности, а лжесвидѣтели по прежнему будутъ смѣяться надъ правосудіемъ и пользоваться имъ какъ орудіемъ интригъ и хищническихъ стремленій.

Между тѣмъ ложь во всѣхъ ея видахъ составляетъ такой ужасающій бичъ для всего Закавказья, что закрывать на нее глаза почти преступно. Очевидно, что указанные въ законѣ способы борьбы съ нею недостаточны; поэтому надо придумать новые, а не мириться со зломъ, принимающимъ все болѣе и болѣе грандіозные размѣры. Не предлагая безцѣльно жестокихъ мѣръ, намъ кажется, что такое орудіе для борьбы можно было съ большою пользою позаимствовать изъ гражданскаго устава, примѣнивъ къ лжедоносу и лжесвидѣтельству то наказаніе, которое по 562 ст. гражд. устава

полагается за неосновательно предъявленный споръ о подлогѣ, т. е. штрафъ до 300 руб. и въ случаѣ несостоятельности виновнаго—соотвѣтственный арестъ. Никакой лишней процедуры это отъ судебнаго вѣдомства не потребовало бы, а между тѣмъ закавказцы убѣдились бы, что морочить судъ и опасно и невыгодно

Мы прекрасно сознаемъ теоретическую слабость нашего предложенія, но когда нѣтъ для борьбы усовершенствованнаго оружія, хороша и дубина. Все же это лучше, чѣмъ теперешняя полная безнаказанность лжи, чѣмъ настоящая терпимость къ преступленію, самому распространенному и опасному.

И такъ, наши суды сами развиваютъ презрѣніе къ закону, поощряютъ самосудъ и потворствуютъ лжи.

Въ свою очередь такой порядокъ вещей доморализуетъ судебное вѣдомство: не имѣя возможности посвятить свое время внимательному и добросовѣстному разсмотрѣнію каждаго отдѣльнаго случая, скача на всѣхъ парахъ, чтобы не запустить хоть текущія дѣла, органы суда привыкаютъ къ формальному и поверхностному отношенію къ своимъ обязанностямъ, перестаютъ быть судьями и превращаются въ канцелярскихъ чиновниковъ. Вращаясь въ безвыходномъ кругу лжи, не зная гдѣ и какъ найти истину, они теряютъ даже чувство справедливости и человѣчности и привыкаютъ рѣшать судьбы людей безъ достаточнаго анализа, безъ твердаго убѣжденія, на авось.

Одинъ татарскій бекъ высказывалъ намъ свое сужденіе о нашихъ судахъ въ такихъ яркихъ и убѣдительныхъ краскахъ, что мы считаемъ не лишнимъ привести его слова цѣликомъ: „Персидскій судъ, говорилъ онъ, гораздо лучше вашего суда. Угонятъ у меня разбойники, положимъ, стадо барановъ: я иду къ своему хану и жалуюсь ему; тотъ говоритъ мнѣ: если отыщу твое стадо, половина моя, половина твоя. Согласенъ. Ханъ разсылаетъ всюду людей, старается, и находитъ и барановъ и разбойниковъ. Вы же съ меня взятки не возьмете, но за то не отыщите ни похищеннаго стада, ни виновныхъ. Легче ли мнѣ отъ этого? Ханъ съ уличенными разбойниками церемониться не станетъ, тутъ же прикажетъ имъ отрубить руки, или уши; вы же отдадите разбойниковъ на поруки, или подъ залогъ, дѣло будетъ валяться у васъ, или въ другихъ судебныхъ инстанціяхъ, цѣлые годы, а разбойники тѣмъ временемъ угонятъ у меня еще нѣсколько стадъ, да еще пристрѣлятъ меня изъ мести. Да хорошо еще, если вы привлечете ихъ въ

качествѣ обвиняемыхъ; но вамъ и суду нужны рядъ уликъ, свидѣтельскія показанія и т. д. а всѣ допрошенныя лица будутъ врать и разбивать улики и доказательства и вы прекратите дѣло. У хана свидѣтель боится врать: во первыхъ ему импонируетъ роскошь обстановки; всюду вооруженные люди, всюду ковры и серебро, самъ ханъ страшный и грозный и шутить не любитъ. Если онъ пойметъ, что его морочатъ, онъ тутъ же прикажетъ вырѣзать лжесвидѣтелю языкъ. У васъ же свидѣтель врать не боится; обстановка у васъ такая, какую онъ привыкъ видѣть въ своемъ сельскомъ духанѣ, пожалуй даже похуже; свиты при васъ нѣтъ никакой; сами вы обходитесь съ нимъ мягко и вѣжливо; замѣчаете вы, что онъ лжетъ, а ничего подѣлать не можете. Свидѣтель чувствуетъ себя какъ дома и отвѣтственности не боится; отчего же и не соврать, когда за это ему дадутъ барана или курицу? Нѣтъ, ханскій судъ куда лучше вашего суда", закончилъ бекъ. И мы должны были замолчать, сознавая въ душѣ, что онъ правъ, ибо какой толкъ въ теоретическомъ превосходствѣ нашего правосудія надъ ханскимъ, когда на дѣлѣ мы имъ пользоваться не можемъ. Ханскій судъ основанъ на произволѣ, но за то въ немъ есть два несомнѣнныхъ достоинства— быстрота и сильная уголовная репрессія; нашъ судъ основанъ на законѣ, но за то въ немъ нѣтъ ни того, ни другаго.

По волѣ рока даже то, что должно способствовать успѣшному ходу предварительнаго слѣдствія— наблюденіе прокурорскаго надзора, становится часто на практикѣ лишь препятствіемъ и тормазомъ, затягивающими дѣла иногда на нѣсколько лѣтъ. Высшій прокурорскій надзоръ, разумѣется, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдаетъ непосредственно надъ слѣдствіемъ, возлагая эту обязанность почти цѣликомъ на участковыхъ товарищей своихъ. Тѣ же до такой степени завалены дѣлами, что не успѣваютъ двигать ихъ въ установленный закономъ срокъ и, потому, ищутъ предлога, какъ бы наиболѣе легкимъ способомъ сбыть ихъ съ рукъ. Такимъ способомъ, естественно, представляется возвращеніе дѣлъ къ дослѣдованію. Положимъ, есть 514 ст. уголовнаго устава, воспрещающая прокурорскому надзору возвращать дѣла для пополненія свѣдѣніями несущественными, но законъ этотъ остается мертвою буквою, такъ какъ къ сожалѣнію прокуроры судовъ не имѣютъ возможности постоянно слѣдить въ этомъ отношеніи за дѣятельностью своихъ товарищей.

Самымъ зауряднымъ явленіемъ въ Закавказьѣ бываетъ возвра-

щеніе дѣла для совмѣстнаго направленія его съ какимъ нибудь другимъ дѣломъ, имѣющимъ съ нимъ нѣкоторую связь. Помимо явной незаконности подобнаго предложенія, оно является еще и нѣкоторымъ превышеніемъ власти, ибо предрѣшаетъ исходъ другаго дѣла къ разслѣдованію котораго часто еще вовсе не приступлено Это послѣднее легко можетъ быть направлено впослѣдствіи на прекращеніе, или быть передано мировому судьѣ и т. д., и тогда вышеуказанный поводъ къ возвращенію окажется лишеннымъ всякаго основанія. Иногда поводы эти бываютъ еще безхитростнѣе: недавно произошелъ случай такого рода; въ одномъ селеніи, во время драки, была убита одна женщина; врачъ далъ довольно обстоятельное заключеніе, вполнѣ совпадавшее съ данными, добытыми предварительнымъ слѣдствіемъ. Тѣмъ не менѣе товарищъ прокурора возвратилъ дѣло, предложивъ слѣдователю истребовать еще мнѣніе врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія. Зачѣмъ понадобилось ему это мнѣніе и какія возникли у него сомнѣнія, онъ даже не потрудился выразить. Очевидно, поэтому, что тутъ дѣло было не въ сомнѣніяхъ, а лишь въ желаніи какъ нибудь скорѣе спихнуть работу и не писать обвинительнаго акта. Въ другой разъ поводъ къ возвращенію дѣла былъ еще страннѣе: земская стража наткнулась однажды ночью на какихъ то людей, которые открыли по ней огонь изъ ружей; стражѣ удалось задержать одного изъ нихъ, который на вопросъ урядника, кто были его товарищи, отвѣтилъ, что, положимъ, Петръ, Иванъ и Сидоръ. Ближайшихъ указаній на счетъ этихъ лицъ онъ не далъ, отзываясь незнаніемъ. На слѣдствіи обвиняемый отказался даже отъ этаго, говоря, что никакихъ сообщниковъ у него не было. Стража объяснила, что вслѣдствіе темноты рѣшительно никого изъ этихъ послѣднихъ разглядѣть не могла. Въ этомъ видѣ дѣло и было направлено. Представитель прокурорскаго надзора вернулъ его, однако, съ предложеніемъ поручить полиціи произвести дознаніе, кто такіе были Петръ, Иванъ и Сидоръ, и въ случаѣ обнаруженія ихъ, предложить имъ вопросъ, не пожелаютъ ли они сами сознаться въ нападеніи на стражу. Такихъ случаевъ можно было бы цитировать массу и къ сожалѣнію товарищи прокурора, при этой игрѣ въ мячикъ, лишь весьма рѣдко терпятъ неудачу. Слѣдователи, разумѣется, очень неохотно подчиняются подобнаго рода предложеніямъ и чтобы не исполнять ихъ, откладываютъ разсмотрѣніе дѣлъ на неопредѣленное время, предоставляя вѣдаться съ ними

своимъ преемникамъ. Чѣмъ произвольнѣе требованіе товарища прокурора, тѣмъ дольше лежитъ дѣло безъ движенія, затягивая производство на нѣсколько лѣтъ. Строго винить товарищей прокуроровъ не приходится тоже, ибо у каждаго изъ нихъ сотни дѣлъ на рукахъ и направлять ихъ въ семидневный срокъ, предписанный закономъ, не представляется никакой возможности. Чтобы дѣла не валялись, ложась на ихъ отвѣтственность, они предпочитаютъ отсылать ихъ слѣдователямъ; пріискивать же болѣе или менѣе благовидные предлоги не приходится, ибо каковъ бы ни былъ этотъ предлогъ, съ нихъ все равно не взыщутъ. Плачевное положеніе слѣдственной части въ Закавказьѣ, какъ водится у насъ, приписывалось не недостаткамъ законодательства и полумѣрамъ, а личнымъ свойствамъ служебнаго персонала. На этотъ послѣдній негодовали, находили его слабымъ, недѣятельнымъ, несоотвѣтствующимъ своему назначенію; придумывали для него новыя контролирующія инстанціи и отъ времени до времени подвергали его бурямъ и грозамъ ревизій. Находились, конечно, виновные въ небрежности къ своимъ занятіямъ и въ особенной медленности,— ихъ низвергали съ мѣста и даже отдавали подъ судъ, но затѣмъ все творилось опять по старому и дѣла нагромождались другъ на друга, какъ Пеліонъ на Оссу. Къ общей суммѣ человѣческаго горя прибавлялось только нѣсколько рухнувшихъ карьеръ и разбитыхъ жизней, а закавказское правосудіе все таки по прежнему утопаетъ въ пучинѣ канцеляризма, по прежнему задыхается въ своемъ безсиліи.

А между тѣмъ для насажденія нашего права въ Закавказьѣ мы ежегодно тратимъ сотни тысячъ рублей и высылаемъ цѣлыя полчища людей, которые могли бы быть гораздо полезнѣе въ своемъ отечествѣ, сами не замѣчая того, то и деньги и силы теряются понапрасну и будутъ теряться, если мы не измѣнимъ тактики. Изъ одного судьи никогда не выкроишь десяти, какъ ни стараться, и экономный судъ всегда окажется плохимъ судомъ. Чтобы только справляться съ преступностью и не давать ей разростаться, намъ необходимо удвоить штаты всего судебнаго вѣдомства, сверху до низу, усилить ряды полиціи и улучшить ея качество, ввести нѣкоторыя измѣненія въ системѣ наказаній и, что главное, перестать заботиться объ экономіи и сбереженіяхъ.

Правосудіе составляетъ такое неоцѣненное благо для каждой страны, что для достиженія его не должно останавливаться ни передъ какими жертвами; только этимъ путемъ, да школою, ста-

немъ мы твердою ногою на Кавказѣ и подчинимъ, духовно подчинимъ, себѣ его полудикія племена; только этимъ путемъ прекратимъ мы въ будущемъ безплодную трату нашихъ силъ и денегъ на колоніи, перестанемъ сѣять безъ надежды на жатву. До той же поры наше культурное вліяніе въ Азіи останется пустымъ миражемъ, обманчивымъ отблескомъ нашихъ пушекъ и штыковъ. Или для того разносимъ мы всюду нашу военную мощь, чтобы вслѣдъ за нею доказать нашу гражданскую немощь?

А. Красовскій.

Диспутъ Д. А. Дриля въ Харьковѣ.

22-го сентября, въ актовой залѣ харьковскаго университета, состоялся необыкновенно-интересный диспутъ, привлекшій многочисленную публику. Д. А. Дриль защищалъ свою диссертацію „Малолѣтніе преступники", представленную имъ на степень магистра уголовнаго права. Извѣстна судьба, которую имѣло это сочиненіе въ московскомъ университетѣ. Юридическій факультетъ этого послѣдняго нашелъ, что сочиненіе это слишкомъ много черпаетъ изъ психіатріи и другихъ медицинскихъ наукъ для того, чтобы служить въ качествѣ юридической диссертаціи, и подъ этимъ предлогомъ отказалъ магистранту въ принятіи его работы. Въ Харьковѣ, прежде допущенія г. Дриля къ диспуту, сочиненіе его также было передано на разсмотрѣніе коммисіи изъ профессоровъ-медиковъ, которые снабдили ее самымъ похвальнымъ отзывомъ, какъ рѣдкое юридическое сочиненіе по глубокому, не-дилетантскому знакомству автора съ медицинской наукой, и самое сочиненіе было признано вполнѣ заслуживающимъ ученой степени, просимой авторомъ. Диспутъ пріобрѣлъ въ глазахъ публики тѣмъ большій интересъ, что оппонентами выступили представители обоихъ факультетовъ – юридическаго и медицинскаго.

Въ своей вступительной рѣчи г. Дриль разсказалъ, что, почувствовавъ издавна влеченіе къ уголовному праву, онъ особенное свое вниманіе остановилъ на вопросѣ о субъективной сторонѣ преступ-

ленія. При этомъ, знакомясь съ психіатрической литературой, онъ былъ пораженъ трудностью, и даже почти полной невозможностью провести сколько-нибудь ясную, устойчивую границу между порочностью и тѣми тонкими душевными аномаліями, которыя отличаютъ нѣкоторыхъ людей отъ нормальнаго типа,—аномаліями, стоящими, какъ обыкновенно выражаются, на границѣ здоровья и болѣзни. Чѣмъ больше диспутантъ вдавался въ изученіе вопроса, тѣмъ больше усложнялись, не разрѣшаясь, сомнѣнія. Одно было ясно, что почва, на которой возникаетъ и развивается преступность, это почва органическаго вырожденія, и что въ основѣ всѣхъ явленій психическаго міра лежатъ строго-опредѣленные органическіе процессы; связь между душевною дѣятельностью и физической организаціей несомнѣнна. Конечно, основной вопросъ, вопросъ о сущности самосознанія, этимъ не разрѣшался, но этотъ вопросъ и недоступенъ разрѣшенію: печальный выводъ, передъ которымъ однако необходимо преклоняться, оставивъ въ сторонѣ безполезные споры; дѣло же науки констатировать только существованіе и співпослѣдовательность явленій, ихъ причинную, преемственную связь между собою.

Таковъ былъ отвѣтъ, къ которому пришелъ магистрантъ. Отвѣтъ этотъ былъ однако общій, основанный на обще-психологическихъ данныхъ а не на всестороннемъ изученіи особенностей дѣйствительнаго преступника. Между тѣмъ въ 1881 г. состоялась заграничная командировка его съ ученою цѣлью. Этой командировкой онъ рѣшилъ воспользоваться для цѣлей поставленнаго себѣ изслѣдованія За границей онъ посѣщалъ психіатрическія клиники, тюрьмы, рабочіе дома и исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ, бесѣдовалъ тамъ съ смотрителями, служащими, людьми, чуждыми ученыхъ мудрствованій и кабинетныхъ теорій; ихъ живой и непосредственный опытъ пріобрѣтаетъ поэтому тѣмъ большую цѣнность. И вотъ, всѣ эти люди, говоря о преступникахъ, которыхъ они знали тысячи и при томъ самыхъ различныхъ категорій, почти въ одинъ голосъ замѣчали: „это—народъ какой то особенный, странный; имъ чего то недостаетъ". Чего именно, никто не могъ сказать, но отзывъ былъ общій. Это „что то" есть психофизическіе дефекты, существующіе въ натурѣ преступниковъ, ихъ дурно-уравновѣшенная организація. Два вліянія дѣйствуютъ на человѣка: его прирожденныя свойства, его предрасположеніе къ извѣстнымъ дѣйствіямъ и внѣшнія условія, благодаря которымъ

это предрасположенiе проявляется. Полное выраженiе этой теорiи г. Дриль нашелъ въ той ново-итальянской школѣ, главою которой состоитъ профессоръ Ломброзо. Диссертантъ видитъ нѣкоторыя слабыя стороны этой школы, но то, что она отказывается отъ рѣшенiя вопросовъ уголовнаго права *a priori*, что она дѣлаетъ преступность объектомъ правильнаго научнаго изслѣдованiя, открывая тѣмъ широкое поле для многихъ новыхъ истинъ, является такимъ ея достоинствомъ, такой неумирающей заслугой, которая искупаетъ всѣ ея недостатки. Диссертантъ закончилъ заявленiемъ, что единственное достоинство, которое онъ позволяетъ себѣ признавать за своимъ трудомъ, это то, что онъ представляетъ собою выраженiе глубокаго и искренняго убѣжденiя, правильно или ошибочно выработавшагося втеченiе многихъ лѣтъ занятiй и размышленiй, чуждыхъ какихъ бы то ни было постороннихъ соображенiй.

Возраженiя официiальныхъ оппонентовъ заключали въ себѣ болѣе похвалъ диссертацiи, чѣмъ указанiй на ея слабыя стороны.

Профессоръ уголовнаго права *Л. Е. Владимiровъ* началъ съ упоминанiя о томъ, что по представленiи данной диссертацiи въ харьковскiй юридическiй факультетъ, ему, оппоненту, было предложено дать свое заключенiе по двумъ вопросамъ. Во первыхъ, относится ли диссертацiя къ уголовному праву? По его мнѣнiю, относится всецѣло. То, что авторъ специiальнаго сочиненiя обнаруживаетъ знакомство съ данными привходящихъ наукъ, вмѣняется ему только въ большую заслугу, такъ какъ при оцѣнкѣ научнаго труда принимается въ особенное вниманiе, насколько авторъ снабженъ вспомогательными средствами. Но сама по себѣ школа Ломброзо затрогиваетъ самые крупные вопросы уголовнаго права: она требуетъ коренныхъ измѣненiй въ устройствѣ уголовной юстицiи. Второй вопросъ состоялъ въ томъ, заслуживаетъ ли авторъ просимой ученой степени? Въ этомъ отношенiи г. Владимiровъ вполнѣ присоединяется къ мнѣнiю медицинской коммисiи, представившей панегирическiй отзывъ о диссертацiи.

„Если бы я имѣлъ право,—продолжалъ профессоръ, я бы совсѣмъ не возражалъ, но мнѣ поручена роль официiальнаго оппонента; я долженъ указать всѣ ваши заблужденiя и прегрѣшенiя, чтобы, черня васъ, тѣмъ рѣзче оттѣнить ваши достоинства“. Затѣмъ собственно возраженiя г. Владимiрова заключались въ слѣдующемъ. Прежде всего желательно очертить районъ изслѣдованiя, который избираетъ себѣ школа итальянскихъ антропологовъ. Она постоянно

говоритъ: „преступникъ“. Но что такое „преступникъ“? Преступникъ—и Красилинъ, харьковскій кабатчикъ, зарѣзавшій четырехъ человѣкъ своего семейства,—и Рыковъ, накравшій 7 милліоновъ; преступникъ и тотъ, кто нарушаетъ карантивный уставъ. Гдѣ тотъ признакъ, по которому, съ точки зрѣнія итальянской школы, можно было бы дѣлить преступниковъ, подобно тому, какъ въ зоологіи животное царство дѣлится на семейства и виды?—Далѣе: антропологическая школа старается дать всѣмъ дефективнымъ натурамъ общій психологическій критерій. Психіатрія уже отказалась отъ этой попытки по отношенію къ душевно-больнымъ, за невозможностью отыскать такой критерій. По опредѣленію г. Дриля, онъ заключается въ недостаточной приспособленности преступниковъ къ условіямъ окружающей жизни. Однако въ средѣ людей, не совершающихъ преступленія и потому, значитъ, „приспособленныхъ“, какая масса совершается поступковъ глубоко-безнравственныхъ, но только ненаказуемыхъ! Съ другой стороны, всякое-ли преступленіе служитъ признакомъ неспособности вести борьбу съ трудностями жизни? Напротивъ, часто преступленіе требуетъ такой энергіи, такого напряженія ума, которыя вовсе не обличаютъ человѣка слабаго. Да наконецъ, самое „приспособленіе“—ужели оно можетъ служить признакомъ гармонической натуры? Во времена римской имперіи клевреты императоровъ были отлично „приспособлены“, а христіане наказывались, какъ преступники; или во времена крѣпостнаго права кто былъ нормальнѣе: дворовый-ли человѣкъ, „преступно“ возстававшій противъ невыносимой тираніи барина, или баринъ, доводившій его до этого? Затѣмъ г. Владиміровъ указалъ на то, что признаки, которыми г. Дриль охарактеризовалъ преступныя, дефективныя натуры, а именно: ослабленіе задерживающихъ центровъ, измѣненный составъ общаго чувства, слишкомъ легкая возбудимость—съ полнымъ правомъ могутъ быть отнесены и къ массѣ людей, которые и не думаютъ быть преступниками. Далѣе оппонентъ отмѣтилъ то, что г. Дриль признаетъ преступность состояніемъ исправимымъ. О, если-бы это было такъ! Но сколько до сихъ поръ потрачено любви, труда и средствъ на реформы тюремнаго дѣла, а какъ еще мало достигнуто результатовъ? Въ самой антропологической школѣ начинаютъ уже раздаваться голоса о неисправимости, и итальянскіе ученые требуютъ возстановленія смертной казни. Наконецъ, послѣднее возраженіе, посланное г. Владиміро-

вымъ по адресу антропологической школы, это ея, такъ сказать, судебные идеалы. Возставая противъ той „математической" оцѣнки виновности, какая практикуется въ теперешнихъ судахъ, послѣдователи Ломброзо требуютъ наказаній, примѣнительныхъ къ способности исправленія въ преступникѣ. Что же, предоставить рѣшеніе этого вопроса тюремной администраціи? Но ея безграничная диктатура будетъ равна гибели правосудія. Такъ какъ суду будутъ подлежать не виновность, а преступность, то мелкаго воришку будутъ „впредь до исправленія" дольше держать въ тюрьмѣ, чѣмъ тяжкаго убійцу. Что же станется при этомъ съ индивидуальной свободой? Такъ какъ юстицію замѣнитъ „борьба съ преступленіемъ", проповѣдуемая гг. антропологами, то къ чему судъ присяжныхъ? Судьями явятся ученые, доктора, педагоги. Если исправленіе не будетъ достигнуто, такъ есть смертная казнь, пожизненное заключеніе. Словомъ, крайніе выводы, какіе можно сдѣлать изъ новаго ученія, ставящаго на первомъ планѣ „общественную безопасность", заключаютъ въ себѣ очень мало симпатичнаго, и тѣ самые люди, которые подозрительно косятся теперь на него, подхватятъ его со временемъ для своихъ цѣлей. Идеи наполняютъ воздухъ, руководятъ дѣйствіями людей, которые сами даже не сознаютъ этого. Во французскихъ палатахъ кажется нѣтъ послѣдователей итальянской школы, а между тѣмъ только подъ вліяніемъ ея ученія и могъ состояться такой законъ, какой прошелъ тамъ нынѣшней весной — да еще какимъ большинствомъ голосовъ, большинствомъ 287 противъ 57! Законъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы людей, совершающихъ преступленіе нѣсколько разъ, независимо отъ назначеннаго имъ наказанія, ссылать прямо въ колоніи. Такимъ образомъ отголоскомъ новаго ученія явилось возстановленіе административной расправы. Въ заключеніе г. Владиміровъ выразилъ свою глубокую радость по поводу счастливаго случая, давшаго ему возможность обмѣняться мыслями съ авторомъ сочиненія, которое составляетъ такой цѣнный вкладъ въ криминалистическую литературу. Это — не обычная магистерская диссертація, написанная въ три мѣсяца, для полученія степени, а серьезный и добросовѣстный трудъ. Такимъ сочиненіемъ дебютировалъ у насъ только Н. А. Неклюдовъ, „краса и слава нашей магистратуры".

Профессоръ *В. П. Даневскій*, высказавъ самое восторженное мнѣніе о диссертаціи, которая является полезнымъ сочиненіемъ для всякаго образованнаго человѣка, отмѣтилъ только преувели-

ченіе заслугъ антропологической школы со стороны диссертанта. Принципъ индивидуализаціи наказанія, который г. Дрилемъ выставленъ какъ якобы продуктъ ея изслѣдованій, проведенъ давно во всѣхъ уголовныхъ кодексахъ Европы. Далѣе, невѣрно утвержденіе диспутанта, будто всѣ современные кодексы построены на началахъ устрашенія. Если это можно сказать про такіе своды, какъ *Constitutio criminalis Carolina* или *Code pènale*, то новыя законодательства могутъ быть свободны отъ этого упрека.

Профессоръ психіатріи, *П. И. Ковалевскій*, далъ отзывъ о диссертаціи съ точки зрѣнія своей спеціальности, и въ этомъ отношеніи призналъ трудъ г. Дриля не только незаслуживающимъ укоризны, но даже полезнымъ руководствомъ для самихъ психіатровъ, какъ частыхъ экспертовъ въ судѣ и по близости наукъ психіатріи и уголовнаго права. Единственно въ чемъ г. Ковалевскій упрекнулъ ново-итальянскую школу (при чемъ мысль эта была развита имъ съ значительными подробностями), это — то, что элементу антропологическому ею дано слишкомъ большое преимущество надъ соціологическимъ. Вліяніе послѣдняго почти не изслѣдуется, а между тѣмъ оно очень важно.

Приватъ-доцентъ нервныхъ болѣзней, *И. Р. Оршанскій* представилъ цѣлый рядъ доводовъ противъ увлеченій ново-итальянской школы, которыя отчасти умѣрены самимъ г. Дрилемъ, но присоединился къ мнѣнію остальныхъ оппонентовъ о самой диссертаціи. Главная заслуга ея, которой не забудетъ диспутанту русская наука, что онъ первый у насъ перенесъ важный вопросъ о преступности изъ области тумана на правильную естественно-научную почву. Если есть въ его сочиненіи неясность, противорѣчія, запутанность, то они являются всегда, когда мысль человѣческая пускается въ разрѣшеніе самыхъ коренныхъ вопросовъ общежитія; недостатки этого сочиненія суть недостатки самой науки; оно—ея зеркало.

Профессоръ клиники В. Г. Лашкевичъ высказалъ также нѣсколько замѣчаній въ ослабленіе того абсолютнаго значенія наслѣдственности, какое придается ей антропологическою школой.

По окончаніи диспута факультетъ единогласно призналъ защиту диссертаціи удовлетворительной, а диспутанта—удостоеннымъ просимой степени. Объявленіе этого приговора встрѣчено было громкими и долгими рукоплесканіями.

(*Рус. Вѣд. № 266*).

Лебедевъ В. Финансовое право, вып. IV, С.-П.-Бургъ, 1885 г. Ц. 2 р. с.

Смирновъ Н. Указатель вопросовъ разрѣш. общ. собр. кассац. деп. сената. Ковно, 1885 г. Ц. 85 к. с.

Юридическая библіографія изд. С.-П.-Бургскаго универс. вып. IV. С.-П.-Бургъ, 1885 г. Ц. 15 к. с.

Ходотовъ Н. Справочная книга для податныхъ инспекторовъ. Петрозаводскъ, 1885 г. Ц. 5 р. с.

Афанасьевъ. Главные моменты министерск. дѣятел. Тюрго. Одесса, 1884 г. 1 р. 25 к. с.

Макшеевъ. Указатель разъясненій правит. сената по вопр. возникш. изъ положенія о сельскомъ состояніи (особое прил. къ IX гл. св. зак.) съ 1862—1882 г. Москва, 1885 г. Ц. 1 р. с.

Боровиковскій А. Уставъ гражданскаго судопроизводства, вып. 3. С.-П.-Бургъ, 1885 г. Ц. 2 р. 25 к. с.

Законъ 15 января 1885 г. Объ обложеніи торгов. и промышл. зав. % сбор. С.-П.-Бургъ, 1885 г. Ц. 85 к. с.

Пихно Д. Торгово-промышленныя стачки. Кіевъ, 1885 г. Ц. 50 к. с.

Клевановъ А. Три современныхъ вопроса о соціализмѣ, воспитаніи и дворянствѣ. Кіевъ, 1885 г. Ц. 50 к. с.

Москальскій П. Алфавитный указатель вопросовъ гражд. права и 1876—1884 гг. С.-П.-Бургъ, 1885 г. Ц. 4 р.

Ярошъ. Исторія идеи естественнаго права, ч. II. Харьковъ, 1885 г. Ц. 2 р. с.

Рейнгардтъ Н. О правахъ женщинъ по русскому праву. Казань, 1885 г. Ц. 20 к. с.

Ивановскій В. Преподаваніе административнаго права въ Берлинскомъ универс. Казань, 1885 г. Ц. 50 к. с.

За пересылку взимается особо по 10% съ рубля.

СОДЕРЖАНІЕ ОКТЯБРЬСКОЙ КНИГИ.

детъ составлять особаго рода дѣяніе, караемое закономъ или какъ покушеніе на кражу, или какъ поврежденіе чужаго имущества. Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Покушеніемъ на кражу подобныя дѣянія могутъ быть признаны только при томъ условіи, если въ дѣйствіяхъ обвиняемаго ясно выразилось намѣреніе именно совершить кражу, а не что либо другое. Не говоря уже о томъ, что на практикѣ весьма возможны случаи, когда человѣкъ входитъ въ помѣщеніе посредствомъ взлома или подобранныхъ ключей, не имѣя при этомъ намѣренія совершить кражу, а для какихъ либо другихъ цѣлей, напримѣръ, для свиданія съ женщиною или просто изъ желанія сдѣлать непріятность хозяину,—въ дѣйствительности чаще имѣетъ мѣсто другая комбинація: обвиняемый, можетъ быть, и имѣлъ затаенное намѣреніе совершить кражу, но такъ ловко замаскировалъ его, или это намѣреніе настолько ничѣмъ опредѣленнымъ не выразилось, что останется доказаннымъ лишь голый фактъ проникновенія въ чужое жилище посредствомъ взлома или подобранныхъ ключей. За что слѣдуетъ наказать такое лице? Приготовленіе къ кражѣ не наказуемо; покушеніе наказуемо при доказанности намѣренія совершить кражу, а если таковое не доказано, остается, по мнѣнію составителей Проекта, поврежденіе чужаго имущества. Но при входѣ въ чужое помѣщеніе посредствомъ подобранныхъ ключей большею частью не бываетъ никакого поврежденія. Между тѣмъ, нельзя не видѣть, что проникновеніе въ чужое запертое жилище, независимо отъ употребленія насилія или угрозъ, независимо отъ различныхъ преступныхъ цѣлей, для которыхъ оно можетъ быть совершаемо, само по себѣ взятое, является довольно тяжкимъ нарушеніемъ домоваго права, а слѣдовательно, и посягательствомъ на личную свободу. Достаточно представить себѣ положеніе человѣка, который, возвращаясь вечеромъ со службы, каждый день находитъ въ своей квартирѣ чужихъ, незнакомыхъ ему людей, расположившихся какъ дома, спящихъ на его кровати и т. п. По требованію его, эти люди безпрекословно удаляются, а завтра приходятъ снова отдыхать отъ какого нибудь ночнаго промысла. Они вошли съ подобранными ключами; они ушли по первому требованію хозяина и, по Проекту, остаются ненаказуемыми. Представимъ себѣ далѣе, что въ квартирѣ человѣка, уѣхавшаго на лѣто въ деревню, поселились неизвѣстные ему люди, войдя съ подобранными ключами; они прожили четыре мѣсяца и очистили квартиру, какъ только хозяинъ пріѣхалъ и потребовалъ удаленія По Проекту они ненаказуемы,

Въ сущности, составители Проекта даютъ этому вопросу постановку, существующую въ настоящемъ нашемъ Уложеніи и имѣющую своимъ крайне вреднымъ послѣдствіемъ массу прекращаемыхъ обвинительною властью дѣлъ, въ которыхъ, при наличности проникновенія въ чужія помѣщенія посредствомъ взломовъ и подобранныхъ ключей, является недостаточно опредѣлившимся истинное намѣреніе обвиняемаго. Если обвинительной власти удается иногда поставить на судъ подобное дѣло въ видѣ обвиненія въ покушеніи на кражу, то на судѣ эти дѣла, въ большинствѣ случаевъ, оканчиваются оправданіемъ именно потому, что въ такихъ дѣлахъ трудно доказать намѣреніе совершить кражу, а другаго обвиненія по существующему Уложенію поставить нельзя. Статьи 1611—1622 Уложенія предусматриваютъ слишкомъ серьезные случаи поврежденія и истребленія чужаго имущества, а 152 статья Уст. о нак.—слишкомъ ничтожные случаи, наказываемые штрафомъ не свыше 25 рублей. Наконецъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ поврежденіе наказывается какъ самостоятельное дѣяніе, а не какъ средство проникновенія въ чужое помѣщеніе.

Въ виду изложенныхъ соображеній весьма было бы желательно видѣть въ новомъ Уложеніи пополненнымъ этотъ пробѣлъ стараго Уложенія нашего. Достигнуть этой цѣли можно было бы включеніемъ въ число способовъ вторженія или проникновенія въ чужое жилище, указанныхъ въ 54 и 55 статьяхъ еще и способа посредствомъ подобранныхъ ключей или взлома. Такой взглядъ на вторженіе проведенъ въ кодексахъ Германскомъ, Голландскомъ, Венгерскомъ и Бельгійскомъ, очевидно, подъ вліяніемъ тѣхъ практическихъ соображеній, о которыхъ сказано выше. Особенно широко это начало установляетъ Германское Уложеніе, требуя для отвѣтственности вторгающагося, чтобы онъ *„wiederrechtlich eindringt“*, причемъ, для наказуемости вовсе не требуется, чтобы виновный преодолѣлъ сопротивленіе или какое либо иное препятствіе, даже не предполагается открытое нарушеніе воли владѣльца помѣщенія, но достаточно, чтобы виновный проникъ въ помѣщеніе вопреки воли заявленной, или даже предполагаемой, владѣльца помѣщенія.

Въ виду того, что при введеніи въ число способовъ вхожденія въ чужое помѣщеніе взлома и подобранныхъ ключей, слово *„вторженіе“* не всегда будетъ выражать точно дѣяніе виновнаго, такъ какъ при этомъ входящій не всегда будетъ это дѣлать въ при-

сутствіи хозяина, преодолѣвая его сопротивленіе, полезно было бы рядомъ съ словомъ „вторженіе" прибавить и слово *„проникновеніе"* котораго избѣгали составители Проекта только потому, что въ означенныхъ статьяхъ его (54 и 55) они подразумѣвали только такое вторженіе въ чужое помѣщеніе, которое совершалось посредствомъ преодолѣнія открытаго сопротивленія хозяина. Такимъ образомъ, 54 статью слѣдовало бы изложить такъ: „Виновный во вторженіи,.... *а также въ проникновеніи въ означенныя помѣщенія или мѣста посредствомъ подобранныхъ ключей или взлома*,".... Статью 55, соотвѣтственно этому, такъ: *„Виновный во вторженіи или проникновеніи, посредствомъ способовъ, указанныхъ въ 54 статьѣ"*....

35) Во второй части 54 статьи Проекта указаны обстоятельства, квалифицирующія вторженіе, а именно—*ночь, болѣе одного лица* и *хотя одно лице, но вооруженное*. При этомъ, увеличеніе наказанія за вторженіе вызывается не однимъ, а по крайней мѣрѣ наличностью двухъ изъ указанныхъ трехъ обстоятельствъ и, притомъ, въ одной изъ слѣдующихъ комбинацій: ночь и болѣе одного человѣка; ночь и хотя одинъ, но вооруженный человѣкъ. Такой пріемъ представляется едва ли правильнымъ: каждое изъ указанныхъ трехъ обстоятельствъ, взятое въ отдѣльности, совершенно достаточно для увеличенія наказанія, а посему въ статьѣ 54 слова: „и притомъ" желательно было бы замѣнить словомъ: *„или."*

36) Въ связи съ такимъ расширеніемъ квалификаціи, желательно было бы предоставить большій просторъ суду въ опредѣленіи размѣровъ наказанія, назначивъ во второй части статьи 54 *тюрьму безъ означенія срока*.

37) Остается только сказать нѣсколько словъ по поводу статьи 57. Въ томъ случаѣ, если не будетъ признано возможнымъ ввести въ статьяхъ 54 и 55 Проекта въ число средствъ проникновенія, подобранныхъ ключей и взлома, было бы весьма желательно дополнить статью 57 усиленіемъ наказанія до тюрьмы, хотя бы въ низшемъ размѣрѣ, въ томъ случаѣ, когда лице, оказавшееся ночью въ чужомъ жиломъ помѣщеніи, безъ вѣдома хозяина, проникло туда посредствомъ подобранныхъ ключей или взлома. Этого можно было бы достигнуть, дополнивъ 57 ст. Проекта, приблизительно, такъ:

„Если же виновный проникъ въ чужое жилое помѣщеніе посредствомъ подобранныхъ ключей или взлома, то онъ наказывается:

„тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ."

38) Обращаясь, въ заключеніе, къ тому порядку, въ которомъ рас-

положены статьи разсматриваемой главы, нельзя не замѣтить, что порядокъ этотъ представляется въ Проектѣ чѣмъ-то едва ли не случайнымъ. Расположеніе статей каждаго отдѣла должно имѣть своею цѣлью удобства систематическаго толкованія. Въ этихъ видахъ кодификаціонное искусство выставляетъ два правила: во первыхъ, статьи, обнимающія собою родовой, элементарный типъ преступныхъ дѣяній извѣстной категоріи, должны быть выдвинуты впередъ; за ними должны слѣдовать, по группамъ, статьи, обнимающія такія преступныя дѣянія, составъ которыхъ заключаетъ въ себѣ содержаніе элементарнаго типа съ присоединеніемъ новыхъ признаковъ или элементовъ. Во вторыхъ, въ каждой такой группѣ статьи должны быть расположены такъ, чтобы каждая послѣдующая статья могла, сдѣлавъ ссылку на предъидущую, избѣжать повторенія ея текста.

Руководствуясь этими правилами, должно признать, что статья 49 Проекта—о принужденіи—и за нею статьи 50 и 51 должны быть выдвинуты впередъ, такъ какъ именно 49 статья есть родовая, элементарная для всѣхъ прочихъ статей пятой главы: и заключеніе, и похищеніе людей, и вторженіе въ жилище суть ничто иное, какъ тоже принужденіе, но съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ элементовъ. Если бы законъ, ограждая свободу лицъ, ограничился одною только 49 статьею, то очевидно, что похищеніе людей, заключеніе и проч. не остались бы отъ этого ненаказуемыми, но подводились бы подъ 49 статью, какъ подъ родовой типъ всякаго наказуемаго посягательства на свободу.

Сообразно сказанному, въ текстѣ главы пятой Проекта желательны слѣдующія измѣненія:

Посягательства на личную свободу.

Проектъ.	Предположенія редакціоннаго комитета.
37. Виновный въ задержаніи или заключеніи кого либо на время не свыше четырехъ недѣль наказывается:	37*. Виновный въ лишеніи кого либо свободы задержаніемъ или заключеніемъ на время не свыше трехъ дней наказывается:
тюрьмою.	тюрьмою.
Если же задержаніе или заключеніе продолжались свыше четы-	Если же задержаніе или заключеніе продолжались свыше трехъ

рехъ недѣль, то виновный наказывается:

исправительнымъ домомъ.

Покушеніе наказуемо.

38. Виновный въ задержаніи или заключеніи:

1) матери или законнаго отца;

2) должностнаго лица при отправленіи или по поводу отправленія имъ служебной обязанности;

3) мучительномъ или опасномъ для жизни задержаннаго или заключеннаго;

наказывается:

въ случаѣ, 1-ою частью статьи 37 указанномъ, тюрьмою на срокъ не ниже трехъ мѣсяцевъ; а въ случаѣ, 2-ою частью статьи 37 указанномъ, исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ.

Покушеніе наказуемо.

39. Виновный въ помѣщеніи и содержаніи, посредствомъ насилія надъ личностью, наказуемой угрозы, обмана или злоупотребленія властью:

1) завѣдомо неодержимаго душевною болѣзнію въ больницѣ умалишенныхъ;

дней, то виновный наказывается:

исправительнымъ домомъ.

Покушеніе наказуемо.

38*. Виновный въ задержаніи или заключеніи:

1) матери или законнаго отца, а также незаконнорожденный, виновный въ задержаніи или заключеніи своего отца, которому онъ обязанъ своимъ воспитаніемъ или содержаніемъ;

2) должностнаго лица при отправленіи или по поводу отправленія имъ служебной обязанности;

3) мучительномъ или опасномъ для жизни задержаннаго или заключеннаго;

4) посредствомъ злоупотребленія властью, буде сіе совершено должностнымъ лицемъ;

наказывается:

въ случаѣ, 1-ю частью статьи 37 указанномъ, тюрьмою на срокъ не ниже трехъ мѣсяцевъ, а въ случаѣ, 2-ою частью статьи 37 указанномъ, исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ.

Покушеніе наказуемо.

39*. Виновный въ помѣщеніи или содержаніи, посредствомъ насилія надъ личностью, наказуемой угрозы, обмана или злоупотребленія властью:

1) завѣдомо неодержимаго душевною болѣзнію въ больницѣ умалишенныхъ, какъ душевно-больнаго;

2) лица женскаго пола, не внесеннаго въ списокъ публичныхъ женщинъ, въ домѣ терпимости; наказывается: исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ. Покушеніе наказуемо.	2) лица женскаго пола, не внесеннаго въ списокъ публичныхъ женщинъ, въ домѣ терпимости, какъ публичной женщины; наказывается: исправительнымъ домомъ. Покушеніе наказуемо.
40. Виновный въ лишеніи свободы продажею или передачею въ рабство наказывается: каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ.	40*. Виновный въ лишеніи свободы продажею или передачею въ иноземную военную службу, или въ рабство, или въ неволю за предѣлы Россіи наказывается: каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ. Суда, посредствомъ которыхъ производилась работорговля, подлежатъ обращенію въ казну.
41. Виновный въ похищеніи или сокрытіи чужаго ребенка моложе двѣнадцати лѣтъ, наказывается: исправительнымъ домомъ. Если же ребенокъ похищенъ или сокрытъ для нищенства, бродяжества, или съ корыстною или противонравственною цѣлью, то виновный наказывается: исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ. Покушеніе наказуемо.	41. Виновный въ похищеніи или сокрытіи чужаго ребенка моложе четырнадцати лѣтъ наказывается: исправительнымъ домомъ. Покушеніе наказуемо.
42. Виновный въ подмѣнѣ ребенка моложе семи лѣтъ наказывается: исправительнымъ домомъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ.	42. *Безъ измѣненій.*
43. Виновный въ невозвращеніи самовольно взятаго или удержан-	43*. Виновный въ невозвращеніи самовольно взятаго или самовольно

наго у себя ребенка моложе двѣнадцати лѣтъ, не смотря на требованіе родителей ребенка или лицъ заступающихъ ихъ мѣсто, наказывается:

арестомъ.

Если же ребенокъ былъ не возвращенъ изъ сострадания, то виновный наказывается:

денежною пенею не свыше ста рублей.

44. Виновный въ незаявленіи мѣстной полиціи или родителямъ въ теченіи двухъ недѣль объ оставленномъ у себя подкинутомъ или заблудившемся ребенкѣ моложе семи лѣтъ, наказывается:

арестомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежною пенею не свыше ста рублей.

45. Виновный въ отдачѣ, взятіи или обращеніи ребенка моложе двѣнадцати лѣтъ, для нищенства, бродяжества, или противонравственной цѣли, наказывается:

тюрьмою на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ.

46. Родители или лица, имѣющія попеченіе о малолѣтномъ, виновные въ помѣщеніи его въ промышленное, торговое или иное занятіе, ранѣе установленнаго для сего занятія срока возраста, а равно лица, виновныя въ допу-

удержаннаго у себя ребенка моложе четырнадцати лѣтъ, не смотря на требованіе родителей ребенка или лицъ заступающихъ ихъ мѣсто, если сіе учинено было не изъ состраданія къ ребенку, наказывается:

арестомъ.

44. Виновный въ незаявленіи мѣстной полиціи или родителямъ, или лицамъ заступающимъ мѣсто родителей, въ теченіи двухъ недѣль объ оставленномъ у себя подкинутомъ или заблудившемся ребенкѣ моложе семи лѣтъ, наказывается:

арестомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежною пенею не свыше ста рублей.

45. Виновный въ отдачѣ, взятіи или обращеніи ребенка моложе четырнадцати лѣтъ, для нищенства, бродяжества, или противонравственной цѣли, наказывается:

тюрьмою.

46. *Безъ измѣненій.*

щеніи къ симъ занятіямъ завѣдомо недостигшихъ такого возраста,

наказываются:

арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

Если судомъ признано, что такое преждевременное занятіе причинило вредъ здоровью малолѣтняго, то виновный наказывается:

тюрьмою.

47. Виновный въ похищеніи для непотребства лица женскаго пола:

1) отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ, безъ ея согласія, или хотя и съ ея согласія, но по употребленію во зло ея невинности;

2) старѣе шестнадцати лѣтъ, безъ ея согласія;

наказывается:

исправительнымъ домомъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ.

Покушеніе наказуемо.

48. Виновный въ увозѣ дѣвицы моложе двадцати одного года для вступленія съ нею въ бракъ безъ согласія ея родителей, буде бракъ не послѣдовалъ, наказывается:

арестомъ.

Если же увозъ дѣвицы послѣдовалъ безъ ея согласія, то виновный наказывается:

тюрьмою.

49. Виновный въ принужденіи, посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, выполнить или допустить что либо нарушающее право или обязан-

47*. Виновный въ похищеніи для непотребства лица женскаго пола:

1) отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ, безъ ея согласія, или хотя и съ ея согласія, но по употребленію во зло ея невинности;

2) старѣе шестнадцати лѣтъ, безъ ея согласія;

наказывается:

исправительнымъ домомъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ.

Покушеніе наказуемо.

48*. Виновный въ похищеніи дѣвицы моложе двадцати одного года для вступленія съ нею въ бракъ

наказывается:

тюрьмою.

49*. Виновный въ принужденіи, посредствомъ насилія или злоупотребленія властью, или наказуемой угрозы, выполнить или допустить что-либо, противное волѣ

ность принуждаемаго, или отказаться отъ осуществленія права или отъ исполненія обязанности, наказывается:

тюрьмою.

Если принудившій предполагалъ, что онъ осуществляетъ таковымъ принужденіемъ свое право, то онъ наказывается:

арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежною пенею не свыше трехсотъ рублей.

Покушеніе наказуемо.

принуждаемаго, наказывается:

арестомъ.

Если же виновный принудилъ выполнить или допустить что-либо, нарушающее право или обязанность принуждаемаго, или отказаться отъ осуществленія права или отъ исполненія обязанности, то онъ наказывается:

тюрьмою.

Если принудившій предполагалъ, что онъ осуществляетъ таковымъ принужденіемъ свое право, то онъ наказывается:

въ случаѣ, первою частью настоящей статьи указанномъ, арестомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежною пенею не свыше ста рублей, а въ случаѣ, второю частью настоящей статьи указанномъ, арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежною пенею не свыше трехсотъ рублей.

Покушеніе наказуемо.

50. Виновный въ покушеніи принудить, посредствомъ насилія надъ личностью, наказуемой угрозы, злоупотребленія властью, или угрозы таковымъ злоупотребленіемъ, учинить преступленіе или проступокъ, наказывается:

за принужденіе къ преступленію исправительнымъ домомъ, а за принужденіе къ проступку — тюрьмою.

Если же преступленіе или проступокъ послѣдовали и принудив-

50. Виновный въ покушеніи принудить, посредствомъ насилія, наказуемой угрозы, злоупотребленія властью, или угрозы таковымъ злоупотребленіемъ, учинить преступленіе или проступокъ, наказывается:

за покушеніе на принужденіе къ преступленію — исправительнымъ домомъ, а за покушеніе на принужденіе къ проступку — тюрьмою.

Если же преступленіе или проступокъ послѣдовали и принудив-

шій не подлежитъ за нихъ, какъ соучастникъ, болѣе тяжкому наказанію, то онъ наказывается:

за принужденіе къ преступленію исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ, а за принужденіе къ проступку—тюрьмою на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ.

51. Виновный въ принужденіи рабочихъ, посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, прекратить работу на заводѣ или фабрикѣ, или не возобновлять прекращенную работу, наказывается:

тюрьмою на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ.

Покушеніе наказуемо.

52. Виновный въ угрозѣ учинить преступленіе или проступокъ противъ личности или имущества угрожаемаго или членовъ его семьи, буде таковая угроза могла вызвать у угрожаемаго опасеніе ея осуществимости, наказывается:

арестомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежною пенею не свыше ста рублей.

53. Виновный въ угрозѣ при условіи, статьею 52 указанномъ:

1) матери или законному отцу преступленіемъ или проступкомъ противъ ихъ личности;

2) должностному лицу, при отправленіи или по поводу отправ-

шій не подлежитъ за нихъ, какъ соучастникъ, болѣе тяжкому наказанію, то онъ наказывается:

за принужденіе къ преступленію исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ, а за принужденіе къ проступку—тюрьмою на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ.

51. Безъ измѣненій.

52*. Виновный въ угрозѣ учинить преступное дѣяніе противъ личности или имущества угрожаемаго или членовъ его семьи, буде таковая угроза могла вызвать у угрожаемаго опасеніе ея осуществимости, наказывается:

арестомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежною пенею не свыше ста рублей.

53. Виновный въ угрозѣ при условіи, статьею 52 указанномъ:

1) матери или законному отцу преступнымъ дѣяніемъ противъ ихъ личности, а также незаконнорожитый, виновный въ угрозѣ своему отцу, которому онъ обя-

ленія имъ служебной обязанности, преступленіемъ или проступкомъ противъ его личности;

3) на письмѣ и притомъ убійствомъ или поджогомъ;

наказывается:

арестомъ.

занъ своимъ воспитаніемъ или содержаніемъ;

2) должностному лицу, при отправленіи или по поводу отправленія имъ служебной обязанности, преступнымъ дѣяніемъ противъ его личности;

3) на письмѣ и притомъ убійствомъ или поджогомъ;

наказывается:

арестомъ.

54. Виновный во вторженіи въ чужое жилое помѣщеніе или находящееся въ общей съ нимъ оградѣ мѣсто, посредствомъ насилія надъ личностью, наказуемой угрозы, наказывается:

тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ.

Если же таковое вторженіе учинено ночью и притомъ двумя или болѣе лицами, или же однимъ, но вооруженнымъ человѣкомъ, то виновный наказывается:

тюрьмою на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ.

Покушеніе наказуемо.

54*. Виновный во вторженіи въ чужое жилое помѣщеніе или находящееся въ общей съ нимъ оградѣ мѣсто, посредствомъ насилія, наказуемой угрозы или злоупотребленія властью, а также въ проникновеніи въ означенныя помѣщенія или мѣста, посредствомъ подобранныхъ ключей или взлома, наказывается:

тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ.

Если же таковое вторженіе учинено ночью или двумя, или болѣе лицами, или же однимъ, но вооруженнымъ человѣкомъ, то виновный наказывается:

тюрьмою.

Покушеніе наказуемо.

55. Виновный во вторженіи въ публичное или чужое нежилыя помѣщенія или огороженныя мѣста, посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, наказывается:

арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

55. Виновный во вторженіи или проникновеніи, посредствомъ способовъ, указанныхъ въ 54 статьѣ, въ чужое нежилое помѣщеніе или огороженное мѣсто, наказывается:

арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

56. Виновный въ неоставленіи чужаго помѣщенія или огороженнаго мѣста, не смотря на требованіе хозяина или лица его заступающаго, наказывается: арестомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежною пенею не свыше ста рублей.	56. *Безъ измѣненій.*
57. Лицо, оказавшееся ночью въ чужомъ жиломъ помѣщеніи, безъ вѣдома хозяина или заступающаго его мѣсто, наказывается: арестомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежною пенею не свыше ста рублей.	57. *Безъ измѣненій.*
58. Уголовное преслѣдованіе за дѣянія, статьями 39, 2 п. 43, 47, 48, 49, 52, 53, 54, 55, 56 и 57 предусмотрѣнныя, возбуждается только по жалобѣ потерпѣвшаго.	58. Уголовное преслѣдованіе за дѣянія, статьями 37, 38, 39, 2 п. 43, 47, 48, 49, 52, 53, 54, 55, 56 и 57 предусмотрѣнныя, возбуждается только по жалобѣ потерпѣвшаго.

Затѣмъ, по содержанію пятой главы Проекта, членами комитета заявлены нижеслѣдующія особыя мнѣнія:

I. Особое мнѣніе А. Ѳ. Масловскаго, А. В. Михайлова, А. Т. Серебрякова и А. Н. Турчанинова, по статьямъ 39, 49 и 52.

1) Соглашаясь съ тѣми измѣненіями 39 статьи, которыя предположены въ общемъ мнѣніи редакціоннаго комитета, означенные члены, независимо отъ того, полагаютъ, что статья эта нуждается еще въ одномъ измѣненіи, въ диспозитивной ея части.

Статья 39 Проекта имѣетъ предметомъ два спеціальныхъ случая лишенія свободы изъ того вида этого лишенія, который предусмотрѣнъ въ 37 и 38 статьяхъ. Такое, неизвѣстное дѣйствующему закону, выдѣленіе этихъ проступковъ и назначеніе за совершеніе ихъ усиленнаго наказанія вполнѣ оправдывается какъ дѣйствительными условіями жизни, въ которыхъ возникаютъ подобные слу-

чаи, такъ и особенною ихъ преступностью и важностью зла, причиняемаго потерпѣвшему, для котораго лишеніе личной свободы отягчается при этомъ нарушеніемъ и другихъ цѣнныхъ благъ. Тѣмъ не менѣе, лишеніе свободы составляетъ и здѣсь существенный признакъ, въ силу котораго эти проступки и относятся къ группѣ посягательствъ на личную свободу. Между тѣмъ, статья 39 не выражаетъ этого момента нарушенія права на личную свободу съ необходимою точностью въ словахъ „помѣщеніе“ и „содержаніе“, почему указаніе на него надлежало бы внести въ опредѣленіе преступнаго дѣянія. Черезъ это была бы устранена надобность въ перечисленіи тѣхъ средствъ совершенія проступка, которыми обусловлена его наказуемость по этой статьѣ. Указанное перечисленіе, обнимающее насиліе, угрозы, обманъ и злоупотребленіе властью, представляется слишкомъ подробнымъ и, такъ сказать, казуистическимъ, а потому легко можетъ вызвать на практикѣ недоразумѣнія относительно возможности примѣнить законъ въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ въ зависимости отъ того, оказывается ли въ данномъ дѣяніи наличность одного изъ означенныхъ условій. Между тѣмъ, помѣщеніе душевно здороваго въ больницу умалишенныхъ или женщины, не промышляющей непотребствомъ, въ домъ терпимости и содержаніе ихъ тамъ, когда то и другое соединено съ противозаконнымъ лишеніемъ свободы, составляетъ дѣяніе, справедливо вызывающее указанную въ 39 статьѣ мѣру наказанія, независимо отъ того, были ли при этомъ употреблены насиліе, угрозы или иныя средства.

По этимъ основаніямъ текстъ 39 статьи надлежало бы изложить слѣдующимъ образомъ:

„Виновный *въ лишеніи свободы помѣщеніемъ или содержаніемъ*:
1) завѣдомо неодержимаго душевною болѣзнію . . . и т. д.“.

2) Наиболѣе общій, родовой типъ посягательства на личную свободу редакціонная коммисія предположила опредѣлить въ 49 и 50 статьяхъ Проекта подъ названіемъ *принужденія*, въ смыслѣ лишенія кого-либо возможности свободно проявлять свою волю въ дѣятельности. Но при этомъ наказуемость принужденія обусловлена, какъ употребленіемъ извѣстныхъ средствъ, въ видѣ насилія, угрозы или злоупотребленія властью, такъ и достиженіемъ опредѣленной цѣли, которая должна заключаться въ томъ, чтобы принуждаемый выполнилъ или допустилъ что-либо противное его праву или обязанности, или отказался отъ осуществленія права или обязанности.

Выраженія, употребленныя для обозначенія результата принужденія, какъ-то: „выполнить", „допустить", „отказаться", предполагаютъ всѣ, болѣе или менѣе, проявленіе воли со стороны выполняющаго, допускающаго или отказывающагося. Не говоря уже объ отказѣ отъ чего нибудь, который немыслимъ безъ такого проявленія, съ понятіями „выполнить" или „допустить" что либо неразрывно связано, вопреки мнѣнію коммисіи (Объясн. Зап. стр. 312), по общепринятому пониманію, представленіе объ участіи воли, хотя бы и слабомъ и вынужденномъ. Вслѣдствіе этого, по точной силѣ редакціи 49 статьи, принужденіе преступно только какъ воздѣйствіе на чужую волю, т. е. когда оно совершено съ цѣлью направить волю принуждаемаго къ какому либо дѣйствію, а за симъ, подъ это опредѣленіе не подойдетъ такой актъ насилія, которымъ потерпѣвшій поставленъ въ абсолютную невозможность воспротивиться тому, чтобы что-либо совершилось или не совершилось совершенно помимо его воли. Между тѣмъ, случаи безусловнаго насилія, по мнѣнію самихъ составителей Проекта, должны подойти подъ опредѣленіе наказуемаго принужденія (Объясн. Зап. стр. 309). Такимъ образомъ, замѣчаніе сводится къ редакціонной только замѣнѣ слова „допустить" словомъ „*претерпѣть*".

3) Выраженіе статьи 52 „*членовъ его семьи*" даетъ поводъ признавать объектомъ угрозы только *законное семейство*, но—въ виду существеннаго условія угрозы, чтобы таковая могла возбуждать страхъ въ угрожаемомъ,—слѣдовало бы признать, что угроза наказуема и тогда, когда она направлена противъ лицъ, вообще близкихъ къ угрожаемому, кто бы они ни были.

Сообразно этому, въ текстѣ статьи 52 слова „членовъ его семьи", слѣдовало бы замѣнить словами „*близкихъ ему лицъ*".

II. Особое мнѣніе Н. И. Цуханова по статьѣ 37.

Въ виду того обстоятельства, что установленіе сроковъ задержанія и заключенія, при раздѣленіи этого преступнаго дѣянія на виды, представляется всегда болѣе или менѣе случайнымъ, Н. И. Цухановъ полагаетъ, что въ новомъ Уложеніи слѣдуетъ вовсе отказаться отъ этого стараго пріема и дать, взамѣнъ того, большій просторъ судейскому усмотрѣнію при назначеніи наказаній. Сообразно этому, онъ считаетъ полезнымъ: уничтожить 2 часть статьи 37; изъ первой ея части исключить слова „на время не свыше четырехъ недѣль", а санкцію второй части ввести въ первую въ ка-

чествѣ альтернативы. При такомъ измѣненіи, статья 37 получитъ слѣдующую краткую редакцію: „*Виновный въ задержаніи или заключеніи кого либо наказывается: тюрьмою или исправительнымъ домомъ*“.

III. Особое мнѣніе А. А. Маркова по статьямъ 38 и 49.

1) Соглашаясь съ предположеннымъ въ общемъ мнѣніи редакціоннаго комитета внесеніемъ 4 пункта въ 38 статью, А. А. Марковъ полагаетъ, однако, что нѣтъ никакихъ основаній ограничивать квалификацію злоупотребленіемъ властью должностнаго лица. Онъ полагаетъ, что злоупотребленіе всякою законною властью—родительскою, супружескою, хозяйскою и т. п.—должно имѣть одинаковое значеніе и что, поэтому, предположенный 4 пунктъ статьи 38 долженъ быть изложенъ такъ: „*посредствомъ злоупотребленія властью*“.

2) По 49 статьѣ Проекта, А. А. Марковъ не усматриваетъ достаточныхъ основаній облагать наказаніемъ покушенія къ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ въ 49 статьѣ, а посему полагаетъ въ текстѣ этой статьи слова „покушеніе наказуемо“ исключить.

IV. Особое мнѣніе В. М. Володимірова и М. В. Красовскаго по статьѣ 40.

Означенные члены, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній при толкованіи слова „рабство“, считаютъ полезнымъ изложить диспозитивную часть статьи 40 такъ: „*Виновный въ лишеніи свободы продажею или передачею въ неволю за предѣлы Россіи, наказывается*“....

V. Особое мнѣніе К. Д. Анциферова и М. В. Красовскаго по статьѣ 41.

Означенные члены полагаютъ желательнымъ исключить изъ 2 части 41 статьи слова „для нищенства, бродяжества или“, ограничивъ квалификацію корыстною и противонравственною цѣлью, такъ какъ эти два послѣдніе момента, какъ болѣе широкіе, представляются вполнѣ достаточными для руководства суда.

VI. Особое мнѣніе В. М. Володимірова по статьѣ 43.

Въ виду недоразумѣній, которыя вызываются словами статьи 43 „самовольно взятаго или удержаннаго у себя“, В. М. Володиміровъ полагаетъ полезнымъ замѣнить ихъ въ текстѣ означенной статьи выраженіемъ: „*находящагося у него*“, какъ болѣе согласнымъ съ

мыслью составителей Проекта, изложенной въ Объяснительной Запискѣ.

VII. Особое мнѣніе А. В. Михайлова по статьямъ 47 и 48.

1) Дѣяніе, въ 47 статьѣ предусмотрѣнное, по составу своему, слагается изъ двухъ отдѣльныхъ преступныхъ актовъ — похищенія и непотребства, причемъ, послѣдній предполагается не въ видѣ совершившагося дѣянія, а лишь въ идеальной формѣ задуманнаго проступка. При этомъ оба они находятся въ тѣсной связи, въ томъ смыслѣ, что одно безъ другого немыслимо, какъ преступное дѣяніе по Проекту: одно похищеніе женщины не наказуемо, такъ какъ подъ статью 49 въ редакціи, принятой Проектомъ, похищеніе не подходитъ, а одна мысль о непотребствѣ, цѣль непотребства, сама по себѣ взятая, также нигдѣ не наказуема, да и не можетъ быть объявлена преступнымъ дѣяніемъ по правилу: cogitationis poenam nemo patitur.

Такимъ образомъ и согласно замѣчанію редакціонной коммисіи (стр. 295) особенная цѣль похищенія—непотребство—составляетъ здѣсь не только отличительную черту этого преступнаго дѣянія, но и, такъ сказать, весь его corpus, весь его составъ. Но такое положеніе едва ли можетъ быть принято.

Съ одной стороны, похищеніе женщины, какъ актъ насилія, должно быть выдѣлено въ самостоятельное преступное дѣяніе, подобно тому, какъ оно выдѣлено въ статьѣ 41, когда субъектомъ его является ребенокъ, совершенно независимо отъ цѣли похищенія. Съ измѣненіемъ редакціи статьи 49, какъ это предположено въ общемъ мнѣніи комитета, такое выдѣленіе окажется не нужнымъ, но если таковая не будетъ измѣнена,—если похищеніе женщины нельзя подвести подъ „принужденіе, посредствомъ насилія, что либо выполнить или допустить"—такое выдѣленіе необходимо.

Съ другой стороны, вообще цѣль извѣстнаго дѣянія вовсе не должна бы имѣть значенія при опредѣленіи самаго состава этого дѣянія. Сама коммисія признала (стр. 464), и совершенно справедливо, что для преступнаго дѣянія вполнѣ безразлично, изъ какихъ мотивовъ выходилъ виновный, къ какой цѣли онъ стремился. Примѣръ „убійства съ цѣлью грабежа" не опровергаетъ сказаннаго, ибо убійство само по себѣ есть преступленіе.

На практикѣ статья 47 можетъ повести къ такому недоумѣнію: положимъ, нѣкто увезъ дѣвушку, дѣйствительно намѣреваясь совершить непотребство, но по дорогѣ раздумалъ и свезъ ее въ театръ.

На судѣ онъ признаетъ, что *имѣлъ цѣлью непотребство*, но раздумалъ, раскаялся; тѣмъ не менѣе, всѣ условія примѣненія ст. 47 на лицо: есть похищеніе и была цѣль непотребства. И вотъ, такого субъекта судъ обязанъ будетъ приговорить къ исправительному дому, единственно за то, что онъ свезъ дѣвушку въ театръ безъ ея согласія.

Вообще, похищеніе съ цѣлью непотребства можетъ быть разсматриваемо какъ двойное, такъ сказать, преступное дѣяніе—похищеніе и непотребство, причемъ, каждое изъ этихъ двухъ дѣяній можетъ относиться къ другому какъ обстоятельство квалифицирующее, т. е. похищеніе, наказуемое вообще, можетъ считаться квалифицируемымъ непотребствомъ, а сіе послѣднее, также наказуемое по 60 ст.,—квалифицируемымъ похищеніемъ. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не представляется никакой надобности въ особой квалификаціи, потому что разъ непотребство совершилось при помощи похищенія, оно и будетъ наказуемо по ст. 62, какъ квалифицированное любострастное дѣйствіе—по принужденію насиліемъ надъ личностью (п. 3). Поэтому представляется необходимымъ или вовсе исключить ст. 47, если будетъ измѣнена редакція ст. 49 или, если сего не послѣдуетъ, то изложить ее такъ:

„*Виновный въ похищеніи лица женскаго пола наказывается тюрьмою на срокъ не ниже трехъ мѣсяцевъ.*

Покушеніе наказуемо".

2) Относительно 48 ст. нужно замѣтить, что здѣсь точно также центръ тяжести преступнаго дѣянія лежитъ не въ немъ самомъ, а въ цѣли его—*бракъ безъ согласія родителей*. Слѣдовательно, и здѣсь примѣнимы всѣ тѣ соображенія, которыя приведены выше собственно о цѣли преступнаго дѣянія, но кромѣ того, здѣсь надлежитъ остановиться на слѣдующемъ:

Если назначеніе ст. 48 охранить, подъ страхомъ наказанія, волю родителей, то спрашивается, во 1-хъ, умѣстна ли эта статья въ главѣ о посягательствѣ на *личную свободу* и не умѣстнѣе ли было бы ей находиться въ отдѣлѣ о нарушеніи правъ семейственныхъ, а во 2-хъ, достигаетъ ли этого назначенія ст. 48 по своей редакціи?

По первому вопросу вторая часть ст. 48 ясно показываетъ, что въ первой говорится объ увозѣ дѣвицы *съ ея согласія*, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ посягательства на личную свободу увозимой, а есть только посягательство на права родителей. По второму же вопросу

нельзя не замѣтить, что если назначеніе 48 статьи оградить исполненіе воли родителей, то, слѣдовательно, статья эта и должна быть редактирована такъ, чтобы ея примѣненіе было возможно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эта воля не исполнена, и на оборотъ, чтобы примѣненію статьи не было бы мѣста, когда воля родителей исполнилась. Между тѣмъ, изъ статьи 48 выходитъ какъ разъ обратное этому: если желаніе родителей *исполнилось*, если брака ихъ дочери съ тѣмъ, за кого они не согласны были ее выдать, не послѣдовало, статья 48 примѣнима, а если желаніе ихъ не выполнено, воля нарушена, бракъ послѣдовалъ—статья 48 непримѣнима. Но съ другой стороны, наказывать за увозъ дѣвицы по воспослѣдованіи брака, по справедливымъ соображеніямъ коммисіи, представляется нежелательнымъ. Вотъ почему существованіе первой части статьи 48 представляется излишнимъ и статья эта должна быть перенесена въ отдѣлъ о нарушеніи власти родительской. Что же касается до второй ея половины, то съ принятіемъ предлагаемой здѣсь редакціи статьи 47 и съ измѣненіемъ статьи 49 увозъ дѣвицы безъ ея согласія, да и не одной дѣвицы, но и всякой женщины и не моложе только 21 года, но и старше, будетъ наказуемъ какъ похищеніе, независимо отъ цѣли увоза.

VIII. Особое мнѣніе К. Д. Анциферова, В. М. Володимірова и М. В. Красовскаго по ст. 52.

Принимая въ соображеніе: 1) что Проектъ значительно расширяетъ область наказуемыхъ угрозъ по сравненію съ дѣйствующимъ законодательствомъ; 2) что, хотя и нельзя совершенно отрицать необходимость такого расширенія, но желательно не заходить въ этомъ направленіи слишкомъ далеко и не подавать повода къ возникновенію кляузныхъ дѣлъ объ угрозахъ, направленныхъ противъ такихъ лицъ, опасеніе за личную неприкосновенность и имущественныя блага которыхъ не могло возбудить въ угрожаемомъ той степени тревоги, при коей только и можетъ быть оправдано требованіе наказанія угрожающему, и 3) что при современномъ строѣ семейной жизни отношенія между братьями и сестрами нерѣдко столь отдаленны, что угроза, направленная противъ одного изъ нихъ, если она высказана другому, не будетъ возбуждать особой тревоги въ послѣднемъ,—представляется полезнымъ въ статьѣ 52 Проекта, взамѣнъ словъ „или членовъ его семьи“, сдѣлать перечисленіе самыхъ ближайшихъ родственниковъ, именно: *отца, матери, супруга и дѣтей.*

IX. Особое мнѣніе М. В. Красовскаго, по 2 части 54 статьи.

Соглашаясь съ предположеннымъ въ общемъ мнѣніи редакціоннаго комитета измѣненіемъ санкціи во 2 части 54 статьи, М. В. Красовскій полагаетъ, тѣмъ не менѣе, желательнымъ оставить диспозитивную часть 2 части означенной статьи безъ измѣненій, какъ она изложена въ Проектѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Непотребство.

Подъ именемъ непотребства Проектъ соединяетъ въ главѣ шестой три группы преступныхъ дѣяній противъ личности: любострастныя дѣйствія, преступное совокупленіе и сводничество.

Понятіе любострастнаго дѣйствія, по мысли составителей, должно охватывать собою, во первыхъ, всѣ случаи удовлетворенія половой похоти, за исключеніемъ естественнаго совокупленія лицъ разныхъ половъ; во вторыхъ, возбужденіе половой похоти прикосновеніемъ дѣтородными частями къ тѣлу другаго лица или прикосновеніемъ къ дѣтороднымъ частямъ другаго, а иногда даже обнаженіемъ дѣтородныхъ частей другаго лица (Объясн. Зап. стр. 354).

Всѣ прочіе поступки, могущіе оскорбить чувство стыдливости или цѣломудрія, не разсматриваются какъ любострастныя дѣйствія и виновный можетъ быть наказанъ лишь какъ за обиду или принужденіе, если необходимыя по закону для состава этихъ преступныхъ дѣяній условія находятся на лицо.

Преступное совокупленіе обнимаетъ собою пять группъ дѣяній: совокупленіе съ малолѣтними, изнасилованіе, обольщеніе, кровосмѣшеніе и прелюбодѣяніе, какъ нарушеніе супружеской вѣрности.

Сводничество образуется изъ такихъ случаевъ склоненія другихъ лицъ къ плотской между собою связи, въ которыхъ невозможна наказуемость виновныхъ по правиламъ о соучастіи, но въ которыхъ государство, тѣмъ не менѣе, признаетъ такую дѣятельность настолько опасною и вредною, что считаетъ необходимымъ обложить ее уголовною карою. Таковы суть, во первыхъ, сводничество къ совокупленію кровосмѣсительному, и вовторыхъ, нѣкоторые случаи сводничества къ совокупленію ненаказуемому.

При такой конструкціи, понятіе непотребства, какъ особаго рода преступныхъ дѣяній противъ личности, не можетъ быть распространяемо на такіе поступки, которые, хотя и служатъ цѣлямъ воз-

бужденія или удовлетворенія половой похоти, но не имѣютъ своимъ объектомъ личности другаго человѣка. Далѣе, изъ сферы непотребства исключаются нарушенія общественнаго благочинія публичными проявленіями безстыдства и нарушеніе правилъ объ открытіи и содержаніи притоновъ разврата. Эти двѣ послѣднія категоріи преступныхъ дѣяній имѣютъ быть опредѣленными въ другихъ главахъ Уложенія, по принадлежности. Наконецъ, отдѣльно отъ непотребства, въ другой главѣ Уложенія, должно быть опредѣлено развращеніе юношества въ качествѣ delictum sui generis. Въ тѣхъ жé случаяхъ, когда развращеніе юношества будетъ соединяться съ дѣйствіями, образующими собою составъ непотребства того или другаго вида, дѣяніе должно будетъ обсуждаться по общимъ правиламъ объ идеальной совокупности.

Нельзя не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ такой системѣ Проекта, не только сравнительно съ дѣйствующимъ Уложеніемъ, но и по сравненію съ законодательствами запада. Въ особенности должно отмѣтить какъ выдающіяся достоинства Проекта въ этой главѣ, во первыхъ, правильное опредѣленіе области наказуемыхъ дѣяній, въ отличіе отъ простыхъ безнравственныхъ поступковъ, не подлежащихъ уголовно карательнымъ мѣропріятіямъ; во вторыхъ, выдѣленіе любострастныхъ дѣйствій, которыя въ дѣйствующемъ Уложеніи, кромѣ мужеложства, подводятся подъ понятіе обидъ или оскорбленій въ тѣсномъ смыслѣ, — обстоятельство, какъ извѣстно, вызывавшее немалыя затрудненія и различныя искусственныя толкованія закона въ судебной практикѣ.

Относясь, далѣе, съ полнымъ одобреніемъ къ большинству опредѣленій Проекта, касающихся состава, наказуемости и условій квалификаціи отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ нѣкоторыя изъ нихъ не вполнѣ удовлетворительными и нуждающимися въ болѣе или менѣе значительной передѣлкѣ.

1) Такъ, прежде всего терминъ „любострастныя дѣйствія“ представляется мало понятнымъ и, по новизнѣ своей, способнымъ вызывать недоразумѣнія. Въ виду неудобства описательнаго перечня любострастныхъ дѣйствій въ законѣ, желательно было бы, по крайней мѣрѣ, замѣнить этотъ терминъ такимъ выраженіемъ, которое болѣе соотвѣтствовало бы мысли составителей. Такимъ выраженіемъ можетъ быть признанъ терминъ *„блудныя дѣйствія“*. Это названіе уже получило у насъ, такъ сказать, право гражданства на юридическомъ языкѣ; такъ, Уголовный Кассаціонный Департаментъ Правитель-

ствующаго Сената во многихъ своихъ рѣшеніяхъ, говоря о нѣкоторыхъ любострастныхъ дѣйствіяхъ, называетъ ихъ блудными дѣйствіями рукою, пальцами. Правда, безъ этой послѣдней прибавки понятіе „блудныя дѣйствія" представляется понятіемъ болѣе обширнымъ, такъ какъ подъ него можно подвести и совокупленіе; но въ виду выдѣленія послѣдняго въ особый видъ преступнаго дѣянія, само собою будетъ понятно, что выраженіе „блудныя дѣйствія" не объемлетъ случаевъ наказуемаго совокупленія.

2) Любострастныя дѣйствія по возрасту жертвы раздѣлены Проектомъ на два вида, какъ сказано въ Объяснительной Запискѣ. Къ первому виду отнесены любострастія съ дѣтьми, безъ различія пола, моложе 12 лѣтъ, недостигшими, какъ говоритъ Записка, такого возраста, въ которомъ они могли-бы вполнѣ понимать значеніе любострастныхъ дѣйствій, когда подобнаго рода поступки могутъ особенно вредно отразиться не только на нравственномъ, но и на физическомъ организмѣ ребенка. Такимъ образомъ, Проектъ имѣлъ въ виду, такъ сказать, два основанія: неполное пониманіе значенія поступка жертвою и вредъ для нея не только нравственный, но и физическій. Что касается до перваго основанія, то, конечно, весьма трудно установить одинъ какой либо общій предѣльный срокъ возраста въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей данной жертвы, но казалось бы, чтобы быть послѣдовательными, составителямъ Проекта съ большимъ основаніемъ надлежало-бы избрать тотъ срокъ, съ котораго преступное дѣяніе можетъ быть признано совершеннымъ малолѣтнимъ съ разумѣніемъ, а между тѣмъ, общая часть Проекта допускаетъ разумѣніе не съ 12, а съ 10 лѣтъ. Установленіе всякаго другаго срока можетъ повлечь за собою неудобство и въ практическомъ примѣненіи самого закона, какъ то видѣла и редакціонная коммисія. Блудныя дѣйствія предполагаютъ участіе въ нихъ, по крайней мѣрѣ, двухъ лицъ, причемъ одно изъ нихъ, по условіямъ 59 статьи, предполагается ребенкомъ, имѣющимъ менѣе 12 лѣтъ, неподлежащимъ отвѣтственности, какъ объектъ преступнаго дѣянія, хотя бы этотъ объектъ игралъ не только пассивную роль, но и былъ активнымъ дѣятелемъ въ самомъ актѣ и самый починъ въ этомъ актѣ принадлежалъ малолѣтнему. Какимъ же образомъ примѣнить этотъ законъ, если другимъ участвующимъ въ актѣ лицомъ явится тоже малолѣтній, которому только что исполнилось 10 лѣтъ и который, слѣдовательно, перешелъ предѣлъ бе-

зусловной невмѣняемости? Редакціонная коммисія разрѣшаетъ этотъ вопросъ очень просто: она говоритъ въ своей Объяснительной Запискѣ, что въ такомъ случаѣ они оба подлежатъ отвѣтственности, въ случаѣ признанія ихъ дѣйствующими съ разумѣніемъ, такъ какъ, какъ предполагается коммисіею, въ такомъ случаѣ каждый участникъ является не только объектомъ, но и субъектомъ по отношенію къ другому участнику. Такое разрѣшеніе вопроса едва ли представляется правильнымъ, не говоря даже о томъ случаѣ, когда одинъ изъдѣятелей игралъ исключительно пассивную роль. Двѣнадцатилѣтній возрастъ по общему правилу избранъ какъ такой предѣльный возрастъ, до котораго дѣти признаются безусловно невполнѣ понимающими значеніе любострастныхъ дѣйствій, а потому и ненаказуемыми, хотя бы они были даже активными дѣятелями; слѣдовательно, одно только то, что въ блудномъ дѣйствіи будутъ участвовать два такихъ, невполнѣ понимающихъ значеніе самаго дѣйствія, лица, не можетъ измѣнить преступности и наказуемости этихъ лицъ. Составители Проекта не сочли однако возможныхъ установить въ 59 статьѣ 10-ти лѣтній срокъ, а нашли нужнымъ нѣсколько повысить его, отчасти въ виду нашего дѣйствующаго права, какъ сказано въ Объяснительной Запискѣ, отчасти по примѣру западныхъ кодексовъ, и назначить его въ 12 лѣтъ. Но такого примѣра ни нынѣ дѣйствующее законодательство, ни иностранные кодексы положительно не даютъ. По нынѣ дѣйствующему законодательству грань дѣтскаго возраста при растлѣніяхъ полагается, какъ извѣстно, въ 14 лѣтъ и для Кавказа—въ 13 лѣтъ; изъ иностранныхъ же законодательствъ только французское опредѣляетъ срокъ въ 13 лѣтъ, всѣ же прочія ставятъ большій предѣлъ, такъ: германское и бельгійское—14 лѣтъ, а голландское и итальянское—16 лѣтъ. Отчего же для Россіи признано необходимымъ понизить этотъ срокъ противъ дѣйствующаго закона на два года и на одинъ годъ—противъ самаго низшаго срока, установленнаго другими западными законодательствами, именно Французскимъ, остается непонятнымъ и ужь конечно не можетъ быть объясняемо различіемъ въ климатическихъ и соціальныхъ условіяхъ созрѣванія дѣтскихъ организмовъ въ Россіи и западной Европѣ. Точно также, установленіе такого низкаго срока не оправдывается и другимъ основаніемъ, которое имѣла въ виду редакціонная коммисія, а именно—причиненіемъ жертвѣ вреда не только въ нравственномъ, но и физическомъ отношеніи. Несомнѣнно, блудныя дѣй-

ствія представляются болѣе вредными для лицъ физически неразвитыхъ, но едва ли можно сказать, что 12-ти лѣтній возрастъ, — это такой возрастъ, съ достиженіемъ котораго лица обоего пола представляются на столько физически развитыми, что блудныя дѣйствія для нихъ не могутъ быть вредными и опасными въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Напротивъ того, возрастъ этотъ въ большинствѣ случаевъ есть періодъ начала половаго развитія, когда самыя дѣйствія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могутъ представиться даже болѣе опасными, нежели въ болѣе низшемъ возрастѣ. Такъ напр. единичный онанистическій случай съ ребенкомъ годовымъ или двухъ лѣтъ можетъ пройти для него безслѣдно и не причинить ему вреда ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ отношеніи, тогда какъ такой же единичный случай съ лицомъ отъ 12 до 14 лѣтъ, въ періодъ, когда пробуждается половое развитіе, можетъ вселить у него привычку къ онанизму и повліять пагубно не только на его нравственность, но и на здоровье. Поэтому было бы правильно признать, что дѣти обоего пола должны быть безусловно ограждены отъ половыхъ на нихъ посягательствъ до 14 лѣтъ.

Тотъ же четырнадцатилѣтній возрастъ долженъ быть установленъ и для наказуемаго совокупленія съ дѣвочкою, о которомъ говоритъ статья 63. Возрастъ 14-ти лѣтній былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ въ 1845 году по соображеніи дѣйствительныхъ условій нашего общественнаго быта, неизмѣнившихся въ этомъ отношеніи и до нынѣ. Развитіе ребенка, по климатическимъ условіямъ Россіи, за исключеніемъ южной окраины, начинается у насъ позже и протекаетъ медленнѣе, чѣмъ въ западной Европѣ. Высказанное Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ, въ рѣшеніи по дѣлу Веделина, требованіе о томъ, чтобы по дѣламъ о растлѣніи малолѣтнихъ старше 10-ти лѣтъ, вопросъ о наличности невинности и невѣдѣнія разрѣшался присяжными, не вытекаетъ изъ точнаго смысла статьи 1524 Уложенія. Составители дѣйствующаго Уложенія несомнѣнно противопоставляли растлѣніе съ насиліемъ растлѣнію съ злоупотребленіемъ невинностью, всегда предполагая наличность послѣдняго для жертвы, недостигшей 14 лѣтъ. Толкованіе Сената, очевидно, единственно можетъ быть оправдано 1 ч. 137 и 138 ст. Уложенія, допускающихъ, что малолѣтній 10—14 лѣтъ можетъ совершить преступленіе съ разумѣніемъ; на практикѣ, однако, почти немыслимо признаніе разумѣнія для малолѣтняго, не достигшаго 14 лѣтъ, и въ этомъ нельзя не видѣть глубокаго

смысла, такъ какъ до указаннаго возраста кругъ понятій дѣтей крайне ограниченъ, представленія о добрѣ и злѣ шатки, воля безсильна противъ искушеній и своеобразные мотивы не соотвѣтствуютъ важности предпринимаемыхъ дѣйствій. Сказанное неразуміе, невѣдѣніе, примѣняется въ особенности къ сферѣ половыхъ отношеній, такъ какъ нормальный періодъ половаго развитія почти на всемъ протяженіи Россіи наступаетъ гораздо позже. Начало половой зрѣлости у женщинъ считается обыкновенно наступившимъ со времени появленія у нихъ первыхъ менструацій. Что касается до наблюденій, произведенныхъ въ этомъ отношеніи въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, то изъ имѣющихся у насъ по этому предмету свѣдѣній можно извлечь слѣдующія данныя. Для Петербурга средній возрастъ появленія менструацій 15 лѣтъ, самая же большая цифра начала регулъ приходится на 16 лѣтъ, затѣмъ 14, 15 и 17 лѣтъ по наблюденіямъ Киттера (Руководство къ изученію женскихъ болѣзней, 1858 г., стр. 354); на 16 лѣтъ, затѣмъ 15, 18 и 14—по наблюденіямъ Горвица (Клиническія записки по гинекологіи, 1871 г., стр. 102). Для Финляндіи средній возрастъ появленія менструацій 16 л. 1 м. 11 дней, а наибольшая цифра начала ихъ – въ 16 лѣтъ, затѣмъ 15 и 17 лѣтъ (Родзевичъ, Врачебныя вѣдомости, 1883 г., № 566). Вообще, для женщинъ средней полосы Россіи, по даннымъ, собраннымъ Родзевичемъ и помѣщеннымъ во Врачебныхъ Вѣдомостяхъ, 1883 г., № 593, среднее число появленія регулъ падаетъ на 15, 94 года, т. е. 15 л. 11 м. 8 д., большинство же начала ихъ—въ 16 лѣтъ, затѣмъ 15 и 17 лѣтъ. Подтвержденіе этого встрѣчается и въ свѣдѣніяхъ, опубликованныхъ относительно отдѣльныхъ мѣстностей средней полосы. Такъ, докторъ Смидовичъ (Наблюденіе надъ физіологическими проявленіями женской половой дѣятельности, Сборникъ сочин. по судебной медицинѣ, 1877 г. т. II стр. 73) для жительницъ Тульской губерніи среднюю цифру появленія менструацій выводитъ: для городовъ—15 лѣтъ 5 м. 1 д., для деревень—16 л. 6 м. 4 дня, причемъ, самое большее число появленія менструацій приходится въ 16 лѣтъ. Докторъ Славянскій (Къ ученію о физіологическихъ проявленіяхъ половой жизни женщинъ крестьянокъ). Для изслѣдованной имъ мѣстности въ Рязанской губерніи, средній возрастъ онъ опредѣляетъ въ 16 л. 3 м. 11 д., наибольшее же число начала регулъ относитъ къ 17 годамъ, затѣмъ слѣдуютъ 16 и 15 лѣтъ. Докторъ Григоровичъ (О половой дѣятельности женщинъ Мышкинскаго уѣзда, Яро-

славской губерніи, Врачебныя Вѣдомости, 1883 г. № 573) средній возрастъ для этой мѣстности опредѣляетъ въ 16 л. 1 м. 18 дней, а наибольшее число начала въ 17 л., затѣмъ 16 и 15 лѣтъ. Докторъ Сочава (Гинекологическія замѣтки, Медицинскій Вѣстникъ 1870 г. № 11) для Харькова начало появленія регулъ распредѣляетъ такъ: 13, 15 и 18 лѣтъ. Цифры эти нѣсколько понижаются для южныхъ окраинъ Россіи; такъ, по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ Родзевичемъ (Врачебныя Вѣдомости, 1883 г. № 593), для Одессы средній возрастъ является 14, 93 года или 14 лѣтъ 11 м. 8 д., а наибольшее число начала падаетъ на 15, 14 и 16 лѣтъ.

Такимъ образомъ, приведенныя статистическія данныя указываютъ, что въ Россіи minimum нормальнаго достиженія половой зрѣлости падаетъ на 14 лѣтъ. Поэтому было бы правильно удержать постановленіе дѣйствующаго права о наказуемости совокупленія съ малолѣтними до 14-ти лѣтъ и нѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, основанія вводить для возраста 12—14 лѣтъ признакъ невѣдѣнія и невинности, такъ какъ наличность этого признака въ такомъ нѣжномъ возрастѣ сама собою разумѣется, а съ другой стороны, совокупленіе съ малолѣтнею до 14 лѣтъ всегда глубоко безнравственно и крайне вредно для жертвы.

Установить неприкосновенность въ половомъ отношеніи дѣтей, недостигшихъ 14 лѣтъ, весьма важно, въ видахъ поднятія уровня общественной нравственности. Допустивъ, хотя бы условно, безотвѣтственность за совокупленіе съ ребенкомъ 12—14 лѣтъ, законъ какъ бы поощряетъ развратъ въ его самыхъ отвратительныхъ проявленіяхъ. Число дѣтей, моложе 14 лѣтъ, падшихъ, развращенныхъ, промышляющихъ своимъ тѣломъ, несомнѣнно увеличивается. Но противъ этого зла необходимо бороться и могущественнымъ средствомъ въ этой борьбѣ будетъ служить суровое отношеніе закона къ лицамъ, избирающимъ въ жертвы своему сладострастію малолѣтнихъ. Къ тому же, въ большихъ городахъ извѣстны примѣры проститутокъ и недостигшихъ 10 лѣтъ. Неужели, если число подобныхъ несчастныхъ дѣтей, по мѣрѣ утонченія и развитія разврата, будетъ увеличиваться, окажется возможнымъ новое ограниченіе наказуемыхъ половыхъ актовъ?

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній, представляется необходимымъ въ статьяхъ 59, 60, 61 и 63 возрастъ 12 лѣтній замѣнить *четырнадцатилѣтнимъ*.

3) Отдаляя въ статьѣ 60 предѣльный срокъ возраста для дѣвицъ до 16 лѣтъ, въ особыхъ случаяхъ, редакціонная коммисія исхо-

дила изъ того основанія, что дѣвицы и переступивъ 12-ти лѣтній предѣлъ, по ихъ индивидуальнымъ особенностямъ, могутъ иногда оставаться дѣтьми. Въ этихъ случаяхъ, по мнѣнію редакціонной коммисіи, любострастіе будетъ наказуемо, хотя бы виновный и получилъ согласіе жертвы, но воспользовался *непониманіемъ нравственнаго значенія совершаемаго акта*. Соглашаясь съ такимъ вполнѣ справедливымъ взглядомъ редакціонной коммисіи, допуская даже, что такой взглядъ можетъ быть болѣе примѣнимъ къ дѣвушкамъ, по ихъ индивидуальнымъ особенностямъ, нежели къ мальчикамъ одинаковаго возраста, едва ли все-таки можно положительно утверждать, чтобы и по отношенію къ мальчикамъ не могли имѣть мѣста случаи не только *непониманія нравственнаго значенія любострастныхъ актовъ*, но даже и совершеннаго невѣдѣнія ихъ. Конечно, среди массы, среди низшаго и менѣе состоятельнаго класса, такое невѣдѣніе не будетъ имѣть мѣста, но не лицъ этого класса имѣла въ виду и редакціонная коммисія, указывая на такіе случаи исключеній по отношенію къ дѣвицамъ. Въ средѣ же болѣе состоятельнаго въ матеріальномъ отношеніи класса, не нуждающагося въ томъ, чтобы отдавать своихъ дѣтей въ учебныя заведенія въ раннемъ возрастѣ, и воспитывающаго своихъ сыновей дома до болѣе зрѣлаго возраста, когда они отдаются въ различныя привиллегированныя заведенія, такіе случаи даже полнаго невѣдѣнія вполнѣ возможны, а такіе то субъекты и представляютъ, въ этомъ отношеніи, такъ сказать, болѣе удобную почву и завидную приманку для развратнаго человѣка;—доказательствомъ этому можетъ служить извѣстное дѣло, недавно разсматривавшееся въ С. Петербургскомъ окружномъ судѣ. Но не говоря о такихъ возможныхъ исключеніяхъ, требующихъ тоже охраны закона, между нѣкоторымъ пониманіемъ половыхъ отношеній и пониманіемъ нравственнаго значенія любострастныхъ актовъ—громадная разница, и если признано возможнымъ ограждать дѣвушку, не понимающую нравственнаго значенія любострастнаго акта, отъ посягательства на ея цѣломудріе, въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, до 16 лѣтъ, то не представляется основанія, въ такихъ же исключительныхъ случаяхъ и до того же возраста, не ограждать и мальчиковъ. Подтвержденіе такого взгляда можно найти и въ мнѣніяхъ, высказанныхъ нѣкоторыми нашими криминалистами. Такъ, Неклюдовъ въ своемъ Руководствѣ къ особенной части русскаго уголовнаго права (т. I стр. 436) проводитъ ту же мысль, находя что блудныя дѣйствія съ лицами обоего пола,

недостигшими 16 лѣтъ, должны быть наказуемы, хотя бы они и изъявили на нихъ свое согласіе.

Сообразно этому желательно, чтобы въ п. 1 статьи 60 слово „дѣвицею" было замѣнено словомъ „*лицомъ*," т. е. чтобы означенный пунктъ былъ изложенъ такъ: „*съ лицомъ отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ безъ его согласія, или хотя и съ его согласія, но по употребленію во зло его невинности.*"

4) Пунктъ 2 статьи 60 предусматриваетъ любострастныя дѣйствія съ лицомъ женскаго пола старше 16 лѣтъ, безъ его согласія. Сравнивая эту статью Проекта съ законодательствами западной Европы, находимъ, что въ нихъ нѣтъ такого законоположенія. Всѣ извѣстныя законодательства признаютъ преступными: во 1) совершеніе блудныхъ дѣйствій надъ лицами, недостигшими опредѣленнаго возраста, независимо отъ воли этихъ лицъ, и во 2) совершеніе блудныхъ дѣйствій посредствомъ насилія или угрозъ, причемъ венгерское законодательство къ такому насилію приравниваетъ и совершеніе непотребныхъ дѣйствій надъ лицомъ женскаго пола, находящимся въ состояніи безсознательности, отсутствія воли (Willenslosigkeit) или беззащитности (Wehrlosigkeit), безразлично, было ли или нѣтъ такое состояніе вызвано самимъ виновнымъ (ст. 233), и только голландское Уложеніе въ ст. 247 предусматриваетъ нѣчто подобное, а именно—совершеніе блудныхъ дѣйствій надъ лицомъ, находящимся въ состояніи безсознательности или обморока, выдѣляя это дѣяніе въ отдѣльный видъ преступленія, но при этомъ нельзя не замѣтить того, что по наказуемости оно почти приравнивается къ насильственнымъ блуднымъ дѣйствіямъ, а именно, назначается тюрьма до 6 мѣсяцевъ—въ первомъ и до 8 мѣсяцевъ—во второмъ случаѣ. Нашъ же Проектъ Уложенія, выдѣливъ совершеніе блудныхъ дѣйствій посредствомъ угрозъ и насилія въ особую 62 статью и признавая совершеніе блудныхъ дѣйствій по соглашенію вообще ненаказуемымъ, между этими двумя видами устанавливаетъ нѣчто среднее, особый видъ наказуемыхъ блудныхъ дѣйствій, совершаемыхъ съ лицомъ женскаго пола безъ его на то согласія, и отличаетъ этотъ видъ по наказуемости весьма рѣзко отъ совершенія блудныхъ дѣйствій чрезъ насиліе или угрозы.

Обращаясь къ опредѣленію понятія, выражаемаго словами „безъ согласія" жертвы, нельзя не признать, что за предѣлами *душевной болѣзни, безсознательности, насилія, угрозъ и лишенія возможности сопротивляться*, совершеніе блудныхъ дѣйствій со взрослыми ли-

цами безъ ихъ согласія ограничивается весьма рѣдкими случаями внезапнаго прикосновенія къ дѣтороднымъ частямъ. Случаи же эти, по ихъ значенію ближе всего подходятъ къ оскорбленіямъ чести, а отнюдь не къ любострастнымъ дѣйствіямъ. Съ другой стороны, признакъ „безъ согласія" представляется крайне неудобнымъ въ практическомъ отношеніи, такъ какъ установить или отвергнуть фактъ согласія женщины представляется въ высшей степени труднымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о согласіи, выраженномъ конклюдентными дѣйствіями или вытекающемъ изъ предварительнаго поведенія. Одинъ и тотъ же поступокъ, въ одномъ случаѣ, заключаетъ въ себѣ полное согласіе на дальнѣйшія дѣйствія, а въ другомъ не даетъ въ этомъ отношеніи никакихъ указаній; таковъ, напримѣръ, поцѣлуй. Даже завѣдомое появленіе молодой женщины передъ мужчиной въ обнаженномъ или полуобнаженномъ видѣ далеко невсегда свидѣтельствуетъ о согласіи этой женщины на какія либо прикосновенія къ ея тѣлу.

Поэтому представлялось бы болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ признакъ „безъ согласія" въ пунктѣ 2 статьи 60 замѣнить вышеуказанными условіями: душевной болѣзни, безсознательнаго состоянія и т. д., сохранивъ, однако, при этомъ особую квалификацію за насиліемъ и угрозами высшей категоріи, какъ то совершенно правильно дѣлаетъ Проектъ въ пунктѣ 3 статьи 62. Такимъ образомъ, случаи внезапнаго прикосновенія отойдутъ къ оскорбленіямъ чести, а пунктъ 2 статьи 60 получитъ слѣдующую редакцію: *„съ лицомъ женскаго пола старѣе шестнадцати лѣтъ: завѣдомо душевно-больнымъ, или находящимся въ безсознательномъ состояніи, или лишеннымъ возможности оказать сопротивленіе, безъ его на то согласія, или принужденнымъ къ тому угрозою учинить преступное дѣяніе противъ него или членовъ его семьи."*

5) Статья 61 облагаетъ наказаніемъ мужеложство въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. педерастію между лицами мужскаго пола. Наказуемость мужеложства является въ Проектѣ, во первыхъ, исключеніемъ изъ общаго правила о ненаказуемости блудныхъ дѣйствій между взрослыми, дѣеспособными лицами, совершаемыхъ по согласію; во вторыхъ, исключеніемъ изъ общаго правила о ненаказуемости блудныхъ дѣйствій, какъ таковыхъ вообще, когда они совершаются между взрослыми мужчинами. Составители Проекта такую исключительную постановку вопроса о мужеложствѣ объясняютъ тѣмъ, что мужеложство есть порокъ, къ сожалѣнію, получившій значи-

тельное распространеніе, порокъ, оглашеніе коего раскрытіемъ того или другаго отдѣльнаго случая, оскорбляетъ общественную нравственность и требуетъ уголовной отвѣтственности виновныхъ.

Конечно, можно согласиться съ тѣмъ, что мужеложство, съ точки зрѣнія общественной нравственности, представляется наиболѣе тяжкимъ видомъ блудныхъ дѣйствій между мужчинами и что, поэтому, оно можетъ быть обложено наказаніемъ преимущественно передъ всѣми другими; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы каждый отдѣльный фактъ мужеложства между взрослыми по ихъ согласію долженъ былъ облагаться наказаніемъ. Согласіе взрослаго, дѣеспособнаго лица, думается намъ, съ точки зрѣнія задачъ современнаго права и уголовнаго правосудія, должно имѣть здѣсь тоже значеніе, какъ и при всякомъ иномъ блудномъ дѣйствіи. Преслѣдованіе посредствомъ уголовныхъ каръ какихъ бы то ни было пороковъ, которые не нарушаютъ охраняемыхъ закономъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ или всего общества, едва ли можетъ считаться цѣлесообразнымъ въ наше время. Преслѣдованіе подобныхъ дѣяній можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда они совершаются противъ воли пострадавшихъ или когда они превращаются въ постоянное занятіе, въ качествѣ ремесла; только при этихъ условіяхъ они могутъ считаться дѣйствительно причиняющими вредъ частнымъ лицамъ и обществу. За этими предѣлами, думается намъ, наказуемость мужеложства между взрослыми по согласію возможна лишь тогда, когда оно образуетъ собою проявленіе публичнаго безстыдства или разврата и, слѣдовательно, наказывается по другимъ основаніямъ, въ иномъ раздѣлѣ Уложенія.

Сообразно сказанному представляется желательнымъ, чтобы наказуемость мужеложства, насколько оно не войдетъ въ составъ блудныхъ дѣйствій съ малолѣтними, о которыхъ говорятъ статьи 59 и 60, была ограничена случаями совершенія его противъ воли и случаями обращенія его въ ремесло. При этомъ признакъ *противъ воли* или *безъ согласія* долженъ и здѣсь получить такое же опредѣленіе, какое предположено выше относительно блудныхъ дѣйствій съ взрослыми женщинами, тѣмъ болѣе, что внезапное совершеніе мужеложства даже невозможно. Такимъ образомъ, статья 61 должна получить слѣдующую редакцію: *„Виновный въ мужеложствѣ съ лицомъ старѣе шестнадцати лѣтъ:*

1) завѣдомо душевно-больнымъ или находящимся въ безсознательномъ состояніи, или лишеннымъ возможности сопротивляться,

безъ его на то согласія, или принужденнымъ къ тому угрозою учинить преступное дѣяніе противъ него или членовъ его семейства;
2) хотя и безъ сихъ условій, но совершаемомъ въ видѣ ремесла;
наказывается: тюрьмою".

Если же предположенное выше измѣненіе 1 пункта 60 статьи, именно, включеніе лицъ мужскаго пола отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ, не будетъ принято, то, сообразно этому, въ предполагаемомъ текстѣ 61 статьи возрастъ шестнадцатилѣтній должно будетъ замѣнить возрастомъ четырнадцатилѣтнимъ.

6) Обращаясь къ 63 статьѣ, мы видимъ, что по мнѣнію составителей Проекта, плотская связь женщины съ мальчикомъ составляетъ дѣяніе, однородное съ совокупленіемъ мужчины съ дѣвочкой. Съ этимъ нельзя согласиться. Помимо лишенія физической дѣвственности, помимо того особаго значенія, какое половой актъ имѣетъ спеціально для ея будущности, дѣвочка, дѣлаясь жертвою сладострастія, подвергается вообще несравненно большей опасности, чѣмъ мальчикъ. Даже покушенія подобнаго рода, въ виду несоотвѣтствія дѣтородныхъ органовъ дѣвочки съ половымъ членомъ мужчины, вызываютъ страданіе, причиняютъ поврежденія, могутъ грозить самой жизни. Ничему этому не подвергается мальчикъ и женщина, совокупляющаяся съ мальчикомъ, приноситъ ему вредъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой вообще вредно для малолѣтнихъ возбужденіе похоти. Если необходимо распредѣлять преступныя дѣянія по ихъ внутреннему значенію и по тяжести для жертвы, то совокупленія женщины съ мальчикомъ и мужчины съ дѣвочкою отнюдь не должны быть смѣшиваемы.

Поэтому представляется необходимымъ въ текстѣ 1 пункта 63 статьи слово „ребенкомъ" замѣнить словомъ „*дѣвицею*", а о совокупленіи женщины съ мальчикомъ поставить особую статью, 62[1], слѣдующаго содержанія: „*Женщина, виновная въ совокупленіи съ мальчикомъ моложе четырнадцати лѣтъ, наказывается: исправительнымъ домомъ*".

7) Пунктъ 5 статьи 63 охватываетъ двѣ категоріи случаевъ, весьма между собою несходныя: во первыхъ, совокупленіе съ женщиною посредствомъ простаго обмана, когда виновный, пользуясь темнотою или другимъ тому подобнымъ обстоятельствомъ, выдаетъ себя за мужа пострадавшей; во вторыхъ, когда виновный симулировалъ самый обрядъ брачнаго вѣнчанія и, такимъ образомъ, занялъ открыто въ глазахъ обманутой женщины мѣсто законнаго супруга на болѣе

или менѣе продолжительное время. Случаи перваго рода весьма рѣдки въ практикѣ и, по значенію своему, представляются ничтожнѣйшими сравнительно со всѣми другими, предусмотрѣнными 63 статьею вообще, а въ частности — съ обманнымъ совокупленіемъ втораго рода. Дѣянія этой послѣдней категоріи, наоборотъ, и по субъективной виновности, и по размѣрамъ причиняемаго обманутой женщинѣ вреда, должны вызывать особую кару закона и не могутъ быть смѣшиваемы съ легкомысленнымъ поступкомъ человѣка, который пробирается къ понравившейся ему женщинѣ подъ видомъ ея законнаго супруга.

Было бы весьма желательно различить въ законѣ эти двѣ категоріи и установить для каждой соотвѣтствующее наказаніе. Въ этихъ видахъ необходимо выдѣлить обманное совокупленіе въ особую, 63[1], статью, въ слѣдующей редакціи: „*Виновный въ совокупленіи съ предполагавшею, вслѣдствіе учиненнаго имъ обмана, что она вступаетъ въ связь съ своимъ мужемъ, наказывается: тюрьмою. Если же обманъ заключался въ совершеніи мнимаго бракосочетанія, то виновный наказывается: исправительнымъ домомъ, на срокъ не ниже трехъ лѣтъ*". Сообразно этому, пунктъ 5 статьи 63 исключить.

8) Въ текстѣ той же 63 статьи, въ интересахъ ясности редакціи, желательны слѣдующія измѣненія: въ пунктѣ 3, послѣ слова „находящеюся", ввести слово „*завѣдомо*"; въ пунктѣ 4, вмѣсто слова „то" поставить слово „*совокупленіе*".

9) Вполнѣ раздѣляя соображенія составителей Проекта (Объясн. Зап., стр. 404—413) о неудовлетворительности постановленій дѣйствующаго права относительно кровосмѣшенія и о необходимости ограничить отвѣтственность за кровосмѣшеніе ближайшими степенями родства и свойства и, притомъ, безъ различія вѣроисповѣданія виновныхъ, представляется необходимымъ, въ отношеніи статьи 67 и 68 Проекта, остановиться лишь на одномъ вопросѣ: справедливо ли подвергать отвѣтственности нисходящихъ родственниковъ и свойственниковъ женскаго пола, не достигшихъ совершеннолѣтія, за кровосмѣшеніе съ восходящими? Власть отца надъ своею дочерью настолько велика и онъ имѣетъ столько способовъ заставить ее подчиниться безнравственнымъ требованіямъ, что вся тяжесть отвѣтственности несомнѣнно падаетъ на виновнаго родителя. Не въ лучшемъ положеніи находятся и нисходящіе свойственники. Подъ 2 п. ст. 68 подойдетъ снохачество. А кому неизвѣстно подневольное, печальное положеніе снохи въ нашемъ крестьянскомъ

быту? Судебная практика рисуетъ краснорѣчивыя картины исторіи этихъ преступленій. Обыкновенно снохачъ —гроза всей семьи; истязанія и самая смерть грозятъ невѣсткѣ, которая отказалась бы отъ половыхъ съ нимъ сношеній; мужъ все знаетъ, но не смѣетъ заступиться за жену, не смѣетъ стать противъ воли отца. Поэтому недостаточно разсчитывать, что при указанныхъ условіяхъ сноха будетъ оправдана на судѣ. Необходимо въ самомъ законѣ установить для несовершеннолѣтнихъ до извѣстнаго предѣла полную ненаказуемость кровосмѣшенія. Предѣломъ такой ненаказуемости для нисходящихъ родственниковъ и свойственниковъ, имѣвшихъ кровосмѣшеніе съ восходящимъ, слѣдовало бы избрать 17-ти лѣтній возрастъ. До этого возраста всѣ дѣянія, учиненныя безъ разумѣнія, не вмѣняются въ вину (ст. 37 общ. ч. Проекта). Но въ кровосмѣшеніи, когда несовершеннолѣтняя служитъ не болѣе какъ орудіемъ сладострастія лица, имѣющаго надъ нею такую власть, какъ власть восходящаго родственника или свойственника, не можетъ быть, думается намъ, и вопроса о вмѣненіи этого дѣянія несовершеннолѣтней. Ни отдавать такую несовершеннолѣтнюю въ исправительно-воспитательное заведеніе, ни, тѣмъ болѣе, заключать ее въ тюрьму, при неимѣніи такого заведенія (2 п. 38 ст. общ. ч.), нѣтъ разумнаго основанія. Слѣдуетъ лишь озаботиться устраненіемъ отъ несчастной безнравственнаго вліянія восходящаго и на послѣдняго должна всецѣло лечь кара уголовнаго закона. Подобное постановленіе находится въ Германскомъ кодексѣ, по § 173 котораго нисходящіе родственники и свойственники отвѣтственны за кровосмѣшеніе съ восходящими лишь по достиженіи 18-тилѣтняго возраста.

Кромѣ этихъ общихъ основаній, въ пользу освобожденія отъ отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ за кровосмѣшеніе съ восходящими говорятъ еще и слѣдующія, чисто практическія соображенія: до тѣхъ поръ, пока существуетъ такая отвѣтственность, несовершеннолѣтняя, склоненная восходящимъ родственникомъ или свойственникомъ къ кровосмѣшенію, будетъ удерживаться отъ жалобы и отъ заявленія другимъ родственникамъ именно страхомъ грозящаго ей самой наказанія. Однажды уступившая безнравственнымъ требованіямъ, она становится беззащитною на все будущее время; она должна будетъ молча переносить даже насиліе со стороны своего обольстителя, такъ какъ двери правосудія для нея закрыты. Едва ли нужно много говорить о томъ, какое препятствіе для обнаруженія преступныхъ дѣяній этой категоріи создается такимъ положеніемъ вещей.

Въ этихъ видахъ желательно было бы дополнить статью 68 слѣдующимъ примѣчаніемъ: *„за дѣянія, предусмотрѣнныя въ статьяхъ 67 и 68, нисходящіе родственники и свойственники женскаго пола, не достигшіе семнадцатилѣтняго возраста наказанію не подвергаются"*.

10) По поводу 69 статьи, облагающей наказаніемъ прелюбодѣяніе, нельзя не высказать слѣдующаго. Супружескій союзъ, это такой союзъ, въ основаніи котораго должны лежать взаимная любовь и полное довѣріе супруговъ другъ къ другу, и разъ это основаніе поколеблено, то никакія кары закона, какъ бы онѣ тяжки ни были, не въ состояніи возстановить его; поддерживать же супружескую вѣрность тюремнымъ заключеніемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Н. А. Неклюдовъ (т. I стр. 388), немыслимо, такъ что самое наказаніе за прелюбодѣяніе является безцѣльнымъ. Послѣдствія нарушенія супружеской вѣрности могутъ быть только двоякія: или совершенное прощеніе невѣрнаго супруга и примиреніе съ фактомъ совершившимся или даже продолжающимъ совершаться, или же разлука супруговъ, въ какой бы формѣ она ни выразилась—въ видѣ ли законнаго развода, или же только фактическаго разлученія. Спрашивается, какое значеніе въ этомъ случаѣ можетъ имѣть наказаніе и какихъ послѣдствій можно ожидать отъ него? Наказаніе за прелюбодѣяніе не только не можетъ быть признано полезнымъ, но даже обыкновенно влечетъ за собою безусловно вредныя послѣдствія, такъ оно какъ не только не примиритъ супруговъ между собою, но, напротивъ того, вселитъ между ними еще большій раздоръ и—что еще того хуже—пагубно отразится на ни въ чемъ неповинныхъ членахъ семьи. Въ самомъ дѣлѣ, какія отношенія могутъ быть у дѣтей къ отцу или матери, возвратившимся въ семью изъ заключенія за прелюбодѣяніе, и даже къ тому изъ нихъ, который прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ содѣйствію закона? Какое вліяніе можетъ это имѣть на дальнѣйшее ихъ нравственное развитіе, если они малолѣтніе? Спрашивается, разумна ли и возможна ли жалоба въ судъ жены на мужа для преслѣдованія его по уголовному закону, при желаніи продолженія дальнѣйшаго супружескаго сожительства? Отвѣтъ на это, кажется, можетъ быть данъ только отрицательный, и едва ли судебная практика укажетъ примѣры подобнаго рода. Скорѣе, конечно, возможна жалоба со стороны мужа на невѣрность жены; но и въ этомъ случаѣ желательно ли разбирательство такихъ жалобъ судомъ уголовнымъ и

наказаніе невѣрной жены? Не говоря уже о томъ, что наказаніе за невѣрность не можетъ вести къ желаемой цѣли—исправленію и дальнѣйшему сожительству супруговъ,—нельзя не убѣдиться изъ практики, что жалобы о преслѣдованіи подаются и наказаніе требуется не въ тѣхъ видахъ, въ какихъ оно установлено закономъ. Практика указываетъ, что преслѣдованія возбуждаются: во 1-хъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе полнаго невѣдѣнія разсуществованія 1016 ст. уст. угол. суд., въ видахъ достиженія развода судомъ духовнымъ, вслѣдствіе приговора суда уголовнаго; во 2-хъ, изъ злобы и ненависти и, въ большинствѣ случаевъ, не за самый фактъ прелюбодѣянія, который нерѣдко является только предлогомъ и, притомъ, часто вымышленнымъ, на судѣ не подтвержденнымъ, а совершенно по инымъ причинамъ, съ цѣлью опозорить и тѣмъ отомстить привлеченной и, притомъ, тогда, когда супруги не продолжаютъ уже совмѣстнаго сожительства; въ 3-хъ, изъ шантажныхъ цѣлей, въ видахъ полученія отъ обвиняемой, или даже—съ согласія ея—отъ соучастника въ прелюбодѣяніи извѣстныхъ матеріальныхъ или иныхъ личныхъ выгодъ. Если и возможны единичные случаи возбужденія преслѣдованія за прелюбодѣяніе въ видахъ исправленія и при условіяхъ продолженія совмѣстнаго сожительства супруговъ, то случаи эти обыкновенно до суда и наказанія не доходятъ, а прекращаются, такъ сказать, по пути, примиреніемъ.

За исключеніемъ всѣхъ случаевъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія за прелюбодѣяніе по мотивамъ ошибочнымъ и преступнымъ, окажется, что въ остальныхъ случаяхъ преслѣдованіе за прелюбодѣяніе можетъ возбуждаться или при условіяхъ совмѣстнаго сожительства супруговъ, въ видахъ, такъ сказать, поддержанія супружеской вѣрности и исправленія невѣрнаго супруга, т. е. тогда, когда наказаніе не достигаетъ своей цѣли, или же когда супруги такого совмѣстнаго сожительства не продолжаютъ— изъ мести, т. е тогда, когда такое преслѣдованіе и наказаніе нежелательны.

Въ виду изложенныхъ соображеній, желательно было бы 69 статью исключить.

12) По 70 статьѣ, опредѣляющей наказаніе за сводничество, представляется желательнымъ, въ устраненіе возможныхъ недоразумѣній, ввести въ текстъ статьи слѣдующія слова: *„буде онъ не подлежитъ наказанію въ качествѣ соучастника въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ предъидущими статьями.“*

13) Второе замѣчаніе, которое можетъ быть сдѣлано по отно

шенію къ статьѣ 70, заключается въ томъ, что въ настоящей ея редакціи наиболѣе опасные случаи сводничества для совокупленія, этою статьею не охватываются, а именно, сводничество дѣтей, недостигшихъ 12 лѣтъ. Нѣтъ никакого основанія ограничивать отвѣтственность такого сводника тѣми случаями, когда его дѣйствія привели къ самому совершенію акта растлѣнія или наказуемому покушенію на послѣднее, и когда, такимъ образомъ, сводникъ наказывается какъ соучастникъ сего преступленія.

Для устраненія такого пропуска, необходимо пунктъ 1 статьи 70 изложить такъ: „*дѣвицы, не достигшей шестнадцати лѣтъ...*“

14) Пунктъ 2 той же статьи желательно расширить, замѣнивъ возрастъ отъ 16 до 18 лѣтъ, возрастомъ отъ *шестнадцати до двадцати одного года.*

15) Принимая во вниманіе, что власть мужа надъ женою и родителей надъ дочерью не ограничивается возрастомъ ихъ, представляется болѣе правильнымъ наказуемость за сводничество жены и дочери не ограничивать достиженіемъ послѣдними совершеннолѣтія, какъ то дѣлаетъ 3 пунктъ статьи 70.

Сообразно этому, изъ текста 3 пункта слова „жены, дочери“ необходимо исключить и ввести въ статью 70 новый пунктъ слѣдующаго содержанія: „*жены или дочери.*“

16) По статьѣ 71 можно лишь выразить пожеланіе, чтобы изъ числа преступныхъ дѣяній, которыя входятъ въ настоящую главу возбуждались въ общемъ порядкѣ, безъ жалобы, мужеложство по ремеслу, сводничество и кровосмѣшеніе. Прелюбодѣяніе и обольщеніе должны преслѣдоваться въ порядкѣ частнаго обвиненія. Наконецъ, возбужденіе дѣлъ по всѣмъ прочимъ дѣяніямъ слѣдуетъ обусловить подачею частной жалобы; но преслѣдованіе ихъ должно быть предоставлено прокурорской власти, безъ права прекращать дѣло примиреніемъ.

Сообразно сказанному, въ текстѣ главы шестой Проекта желательны слѣдующія измѣненія:

Непотребство.

Проектъ.	Предположенія редакціоннаго комитета
59. Виновный въ любострастномъ дѣйствіи съ ребенкомъ моложе двѣнадцати лѣтъ наказывается: исправительнымъ домомъ.	59*. Виновный въ блудномъ дѣйствіи съ ребенкомъ моложе четырнадцати лѣтъ наказывается: исправительнымъ домомъ.

60. Виновный въ любострастномъ дѣйствіи:

1) съ дѣвицею отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ безъ ея согласія, или хотя и съ ея согласія, но по употребленію во зло ея невинности;

2) съ лицемъ женскаго пола старѣе шестнадцати лѣтъ, безъ его согласія, наказывается:

тюрьмою.

60*. Виновный въ блудномъ дѣйствіи:

1) съ лицемъ отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ безъ его согласія, или хотя и съ его согласія, но по употребленію во зло его невинности;

2) съ лицемъ женскаго пола старѣе шестнадцати лѣтъ: завѣдомо душевно-больнымъ, или находящимся въ безсознательномъ состояніи, или лишеннымъ возможности оказать сопротивленіе, безъ его на то согласія, или принужденнымъ къ тому угрозою учинить преступное дѣяніе противъ него или членовъ его семьи, наказывается:

тюрьмою.

61. Виновный въ мужеложствѣ съ лицемъ старѣе двѣнадцати лѣтъ наказывается:

тюрьмою.

Покушеніе наказуемо.

61*. Виновный въ мужеложствѣ съ лицемъ старѣе шестнадцати лѣтъ:

1) Завѣдомо душевно-больнымъ или находящимся въ безсознательномъ состояніи, или лишеннымъ возможности сопротивляться, безъ его на то согласія, или принужденнымъ къ тому угрозою учинить преступное дѣяніе противъ него или членовъ его семьи;

2) хотя и безъ сихъ условій, но совершаемомъ въ видѣ ремесла;

наказывается:

тюрьмою.

Покушеніе наказуемо.

62. Виновный въ любострастномъ дѣйствіи, статьями 59, 60 и 61 предусмотрѣнномъ, и притомъ:

62*. Виновный въ блудномъ дѣйствіи, статьями 59, 60 и 61 предусмотрѣнномъ, и притомъ:

1) съ нисходящимъ родственникомъ;

2) съ лицемъ, находящимся подъ его властью или попеченіемъ;

3) съ лицемъ, принужденнымъ къ тому насиліемъ надъ личностью, или угрозою убійствомъ или тяжкимъ тѣлеснымъ поврежденіемъ угрожаемаго или члена его семьи;

наказывается:

въ случаѣ, статьею 59 указанномъ, исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ, а въ случаяхъ, статьями 60 и 61 указанныхъ, исправительнымъ домомъ.

63. Виновный въ совокупленіи:

1) съ ребенкомъ моложе двѣнадцати лѣтъ;

2) съ дѣвицею отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ, хотя и съ ея согласія, но по употребленію во зло ея невинности;

3) съ завѣдомо душевно больною или съ находящеюся въ безсознательномъ состояніи;

4) съ лишенною возможности оказать ему сопротивленіе, безъ ея на то согласія;

5) съ предполагавшею, вслѣдствіе учиненнаго имъ обмана, что она вступаетъ въ связь съ своимъ мужемъ;

наказывается:

исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ.

Покушеніе наказуемо.

1) съ нисходящимъ родственникомъ;

2) съ лицемъ, находящимся подъ его властью или попеченіемъ;

3) съ лицемъ, принужденнымъ къ тому насиліемъ надъ личностью, или угрозою убійствомъ или тяжкимъ тѣлеснымъ поврежденіемъ угрожаемаго или члена его семьи;

наказывается:

въ случаѣ, статьею 59 указанномъ, исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ, а въ случаяхъ, статьями 60 и 61 указанныхъ, исправительнымъ домомъ.

62[1]. Женщина, виновная въ совокупленіи съ мальчикомъ моложе четырнадцати лѣтъ, наказывается:

исправительнымъ домомъ.

63*. Виновный въ совокупленіи:

1) съ дѣвицею моложе четырнадцати лѣтъ;

2) съ дѣвицею отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ, хотя и съ ея согласія, но по употребленію во зло ея невинности;

3) съ завѣдомо душевно больною или съ находящеюся завѣдомо въ безсознательномъ состояніи;

4) съ лишенною возможности оказать ему сопротивленіе, безъ ея на совокупленіе согласія;

наказывается:

исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ.

Покушеніе наказуемо.

63[1]. Виновный въ совокупленіи съ предполагавшею, вслѣдствіе учиненнаго имъ обмана, что она вступаетъ въ связь съ своимъ мужемъ, наказывается:

тюрьмою.

Если же обманъ заключался въ совершеніи мнимаго бракосочетанія, то виновный наказывается:

исправительнымъ домомъ, на срокъ не ниже трехъ лѣтъ.

Покушеніе наказуемо.

64. Виновный въ совокупленіи:

1) съ принужденною къ тому насиліемъ надъ личностью или угрозою убійствомъ или тяжкимъ тѣлеснымъ поврежденіемъ угрожаемой или члена ея семьи;

2) съ приведенною для сего въ безсознательное состояніе самимъ насилующимъ или съ его вѣдома;

наказывается:

каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ.

Если изнасилованная была моложе шестнадцати лѣтъ, то виновный наказывается:

каторгою на срокъ не свыше десяти лѣтъ.

64. Безъ измѣненій.*

65. Виновный въ совокупленіи, статьями 63 и 64 предусмотрѣнномъ, и притомъ:

1) съ восходящимъ или нисходящимъ родственникомъ;

2) съ лицемъ, находящимся подъ его властью или попеченіемъ;

наказывается:

65. Безъ измѣненій.*

въ случаяхъ, статьею 63 указанныхъ, каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ; въ случаѣ, 1-ю частью статьи 64 указанномъ, каторгою на срокъ не свыше десяти лѣтъ, а въ случаѣ, 2 частью статьи 64 указанномъ, каторгою на срокъ не свыше двѣнадцати лѣтъ.

66. Виновный въ совокупленіи съ дѣвицею моложе двадцати одного года, находящеюся подъ его властью или попеченіемъ, имъ обольщенною, буде онъ за сіе не подлежитъ наказанію по 2 пункту статьи 65, наказывается:

тюрьмою.

66. Безъ измѣненій.*

67. Виновный въ совокупленіи съ восходящимъ или нисходящимъ родственникомъ, буде онъ за сіе не подлежитъ наказанію по статьямъ 63 и 64, наказывается:

восходящій — исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ;

нисходящій — исправительнымъ домомъ; а буде онъ былъ моложе двадцати одного года—тюрьмою.

67. Безъ измѣненій

68. Виновный въ совокупленіи:

1) съ боковымъ родственникомъ второй степени;

2) съ восходящимъ или нисходящимъ свойственникомъ;

буде онъ за сіе не подлежитъ наказанію по статьямъ 63 и 64, наказывается:

тюрьмою.

68. Виновный въ совокупленіи

1) съ боковымъ родственникомъ второй степени;

2) съ восходящимъ или нисходящимъ свойственникомъ;

буде онъ за сіе не подлежитъ наказанію по статьямъ 63 и 64, наказывается:

тюрьмою.

69. Супругъ, виновный въ прелюбодѣяніи, наказывается:
тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ.

70. Виновный въ сводничествѣ для совокупленія:
1) дѣвицы отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ безъ употребленія во зло ея невинности;
2) дѣвицы отъ шестнадцати до восемнадцати лѣтъ, завѣдомо для него дѣвственной;
3) жены, дочери, воспитанницы или состоящей подъ его властью или попеченіемъ и недостигшихъ двадцати одного года;
4) лицъ, совокупленіе коихъ почитается кровосмѣшеніемъ, статьями 67 и 68 предусмотрѣннымъ;
наказывается:
тюрьмою.

71. Уголовное преслѣдованіе за дѣянія, статьями 59—66 и 69 предусмотрѣнныя, возбуждается только по жалобѣ потерпѣвшаго.

Примѣчаніе. За дѣянія, предусмотрѣнныя въ статьяхъ 67 и 68, нисходящіе родственники и свойственники женскаго пола, не достигшіе семнадцатилѣтняго возраста, наказанію не подвергаются.

69. Исключается.

70*. Виновный въ сводничествѣ для совокупленія:
1) дѣвицы, недостигшей шестнадцати лѣтъ, безъ употребленія во зло ея невинности;
2) дѣвицы отъ шестнадцати до двадцати одного года, завѣдомо для него дѣвственной;
3) воспитанницы или состоящей подъ его властью или попеченіемъ и недостигшихъ двадцати одного года;
4) лицъ, совокупленіе коихъ почитается кровосмѣшеніемъ, статьями 67 и 68 предусмотрѣннымъ;
5) жены или дочери;
буде онъ не подлежитъ наказанію въ качествѣ соучастника въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ предъидущими статьями, наказывается:
тюрьмою.

71. Безъ измѣненій.

Затѣмъ, по содержанію настоящей главы Проекта, членами комитета заявлены нижеслѣдующія особыя мнѣнія:

I. Особое мнѣніе А. А. Маркова, Е. И Утина и Н. И. Цуханова по статьямъ 59—65, 70.

1) Прежде разсмотрѣнія по существу главы „о непотребствѣ“, необходимо замѣтить, что дѣянія, которыя, по предположенію составителей Проекта, долженъ объединить этотъ терминъ, едва ли ему соотвѣтствуютъ. Подъ непотребствомъ по нашему законодательству всегда понималось не проявленіе разврата вообще, не всякое противозаконное удовлетвореніе половой похоти, но лишь въ тѣсномъ смыслѣ блудъ—совокупленіе съ публичною или, какъ выражается законъ, съ непотребною женщиною. Въ этомъ смыслѣ, въ цѣломъ рядѣ своихъ постановленій, Уложеніе о наказаніяхъ изд. 1857 года, какъ извѣстно, говорило о случаяхъ наказуемаго не потребства. Постановленія эти, остававшіяся мертвою буквою, утратили свою силу, но и замѣнившая ихъ ст. 44 Уст. о нак., карающая за неисполненіе правительственныхъ распоряженій, нормирующихъ непотребство, сохранила за понятіемъ непотребства тотъ же исконный, общепринятый смыслъ. Между тѣмъ, въ разсматриваемую главу Проекта не вошли ни постановленія, относящіяся къ предупрежденію непотребства (ст. 44 Уст. о нак.), ни постановленіе дѣйствующаго Уложенія (ст. 994) о противозаконномъ сожитіи неженатаго съ незамужнею, до извѣстной степени подходящее къ общепринятому значенію термина „непотребство“. Нельзя не признать правильными соображенія составителей Проекта (Объяс. Зап., стр. 372—375) о томъ: 1) что наказуемые виды непотребства въ смыслѣ публично-безстыдныхъ дѣйствій, равно какъ и нарушенія полицейскихъ постановленій, нормирующихъ блудъ, не могутъ имѣть мѣста въ отдѣлѣ Уложенія о преступленіяхъ противъ личности, и 2) что сожитіе незамужней съ неженатымъ не заключаетъ въ себѣ элементовъ уголовно-наказуемаго дѣянія, а обязанность отца обезпечить рожденнаго отъ этой связи ребенка должна быть указана въ законахъ гражданскихъ. Но за устраненіемъ этихъ законоположеній оказывается, что разсматриваемая глава Проекта не только не караетъ „непотребство“, но, наоборотъ, нормируетъ всѣ виды наказуемой половой безнравственности за исключеніемъ непотребства, которое само по себѣ вообще ненаказуемо. Всѣ предусмотрѣнныя въ данной главѣ преступныя дѣянія имѣютъ общій объединяющій ихъ признакъ: проявленіе половой безправ-

ственности—разврата. По этимъ соображеніямъ представляется болѣе правильнымъ, не придавая понятію „непотребство" того широкаго значенія, какое усвоено Проектомъ, объединить разсматриваемыя преступныя дѣянія терминомъ „*развратъ*" и въ этомъ смыслѣ измѣнить названіе настоящей главы Проекта.

2) Наказуемыми посягательствами на личность въ половомъ отношеніи составители Проекта совершенно правильно признаютъ опредѣленные виды, какъ совокупленія лицъ разнаго пола, такъ и удовлетворенія половой похоти, хотя бы половые органы жертвы оставались неприкосновенными, а, въ извѣстныхъ случаяхъ, и возбужденіе половой похоти (Объяс. Зап., стр. 354). Безнравственное удовлетвореніе половой похоти, путемъ ли педерастіи или путемъ тренія, прикосновенія половымъ органомъ къ тѣлу другаго, одинаково можетъ нарушить неприкосновенность личности въ сферѣ половыхъ отправленій, какъ и случаи наказуемаго совокупленія мужчины съ женщиною. Жертва во всѣхъ случаяхъ этого рода оскорбляется въ своемъ правѣ на тѣлесную неприкосновенность и моментомъ, связывающимъ подобныя посягательства въ отдѣльную группу преступныхъ дѣяній, является совершеніе надъ жертвою акта половой похоти.

Виды наказуемыхъ совокупленій нормируются легко, естественно распадаясь, какъ это дѣлаетъ и Проектъ, на совокупленія: а) съ малолѣтними, б) путемъ насилія, обмана и угрозъ, в) кровосмѣшеніе, и г) прелюбодѣяніе. Къ этимъ главнымъ группамъ Проектъ присоединяетъ обольщеніе и сводничество.

Труднѣе поддаются нормированію наказуемые случаи удовлетворенія и, въ особенности, возбужденія половой похоти иными, чѣмъ естественное совокупленіе, способами. Изъ объяснительной къ Проекту записки можно заключить, что подъ „возбужденіе похоти" подходятъ какъ такія дѣйствія, которыми субъектъ возбуждаетъ собственную похоть, такъ и дѣйствія, безразличныя для субъекта, не вытекающія изъ сладострастныхъ побужденій, но тѣмъ не менѣе возбуждающія похоть въ объектѣ. Но Объяснительная Записка не устанавливаетъ съ точностью той границы, за которою возбужденіе и удовлетвореніе похоти, хотя и нарушающее чувство стыдливости и цѣломудрія, могутъ быть наказуемы лишь какъ обида и принужденіе (Объяс. Зап., стр. 354), а потому и должны быть выдѣлены въ соотвѣтствующіе отдѣлы Уложенія. Развратное возбужденіе и удовлетвореніе похоти обнимаетъ разнообразныя дѣянія;

оно чрезвычайно растяжимо и въ своихъ наименѣе рѣзкихъ проявленіяхъ несомнѣнно переходитъ въ простыя оскорбленія. Поэтому опасно слишкомъ расширять область похотливыхъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ разсматриваемою главою Уложенія, и нельзя относить сюда, напримѣръ, простое обнаженіе дѣтородныхъ частей другаго лица, какъ это допускаютъ составители Проекта. Единственный точный признакъ, которымъ можетъ отграничиваться область похотливыхъ дѣйствій отъ простыхъ оскорбленій цѣломудрія, есть тотъ, что въ этихъ дѣйствіяхъ, такъ сказать, непосредственно участвуетъ половой органъ. Поэтому всѣ дѣйствія, при которыхъ дѣйствующій касается своимъ половымъ органомъ тѣла другаго лица или же касается полового органа послѣдняго, хотя бы и не половымъ членомъ и даже посредствомъ какого либо предмета, или, наконецъ, принуждаетъ жертву къ совершенію похотливаго акта надъ собственнымъ половымъ органомъ,—должны быть отнесены къ случаямъ наказуемаго разврата. Всѣ остальныя похотливыя дѣйствія, не заключающія въ себѣ прикосновенія къ *обнаженнымъ* половымъ органамъ, такъ-то: простое обнаженіе своихъ дѣтородныхъ частей въ присутствіи другого лица, поднятіе одежды у женщины, хотя бы съ обнаженіемъ ея половыхъ частей, хватаніе рукою за груди и т. п., должны быть отнесены къ простымъ оскорбленіямъ.

3) На иныхъ основаніяхъ и значительно шире долженъ быть опредѣленъ объемъ наказуемыхъ похотливыхъ дѣйствій въ тѣхъ случаяхъ, когда жертвою таковыхъ являются малолѣтніе. Законъ сугубо долженъ ограждать чистоту ребенка, долженъ обезпечить его несложившійся организмъ не только отъ непосредственныхъ похотливыхъ съ нимъ манипуляцій, но и вообще отъ такого воздѣйствія, которое преждевременнымъ пробужденіемъ половаго инстинкта и искусственнымъ развитіемъ похоти можетъ имѣть самыя губительныя послѣдствія какъ для нравственности, такъ и для здоровья ребенка. Такое развращеніе малолѣтняго можетъ быть достигнуто, напримѣръ, путемъ снабженія порнографическими картинами и книгами, посредствомъ циническихъ и безстыдныхъ рѣчей, совершенія актовъ половаго безстыдства не съ самимъ ребенкомъ, но въ его присутствіи. Практика судовъ представляетъ повсемѣстно грустные примѣры сознательнаго развращенія дѣтей именно этими средствами: словомъ и примѣромъ. Въ отсутствіи спеціальнаго постановленія о половомъ развращеніи малолѣтнихъ нельзя не видѣть серьезнаго пробѣла въ Проектѣ. Такъ какъ объектомъ посягатель-

ства является, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ развращенія, личность малолѣтняго въ сферѣ половыхъ отправленій, то не можетъ быть и рѣчи объ отнесеніи постановленій о развращеніи въ какой либо другой отдѣлъ уголовнаго Уложенія. При этомъ необходимо признать за основаніе, что въ отношеніи малолѣтнихъ на первый планъ долженъ быть введенъ признакъ ихъ половаго развращенія; отдѣльныя блудныя или, какъ выражается Проектъ, любострастныя съ ними дѣйствія должны быть указаны лишь какъ способъ развращенія, рядомъ съ другими способами, выше указанными, ведущими къ тому же результату. При такой постановкѣ составъ похотливыхъ посягательствъ на нравственность малолѣтнихъ будетъ обнимать, съ одной стороны, не одни любострастныя надъ ребенкомъ дѣйствія, но и всѣ другіе способы воздѣйствія на него, которые не могутъ не быть признаваемы въ высшей степени вредными въ интересахъ общегосударственныхъ, въ высшей степени возмущающими совѣсть, а слѣдовательно,—наказуемыми. Съ другой стороны, для полнаго состава преступнаго дѣянія будетъ необходимо, чтобы безнравственное воздѣйствіе было сознательное.

Признаніе наличности этого признака необходимымъ для наказуемости дѣянія устранитъ ту опасность, которая могла бы произойти иначе отъ расширенія способовъ безнравственнаго воздѣйствія. Развращеніе малолѣтнихъ и есть то главное зло, противъ котораго должно бороться государство, какъ въ интересахъ самого безпомощнаго, беззащитнаго ребенка, такъ и въ своихъ собственныхъ видахъ. Одиночное похотливое дѣйствіе съ личностью малолѣтняго въ очень юномъ возрастѣ можетъ пройти безслѣдно для его дальнѣйшаго развитія, можетъ быть совершено или допущено имъ совершенно безсознательно. Наоборотъ, развращеніе, какъ предполагающее цѣль болѣе отдаленную, достигаемую совокупностью послѣдовательнаго, какъ бы систематически безнравственнаго воздѣйствія, если оно не остановлено въ самомъ началѣ, даетъ большею частью осязательно вредныя для ребенка результаты и это тѣмъ болѣе понятно, что обыкновенно такому развращенію малолѣтніе подвергаются со стороны не постороннихъ лицъ, но домашнихъ, прислуги и самихъ родителей—слѣдовательно, при такой обстановкѣ, что власти трудно во время обнаружить и въ самомъ началѣ оградить жертву своимъ вмѣшательствомъ. Преступное дѣяніе развращенія должно считаться оконченнымъ, безразлично, причиненъ ли реальный вредъ или виновный только предпринялъ развращеніе,

обнаруживъ злую волю однимъ изъ предусмотрѣнныхъ способовъ, которые могутъ привести къ задуманному результату.

Признавая необходимымъ установить, какъ особый видъ наказуемаго разврата, половое развращеніе дѣтей, нельзя не отдать рѣшительнаго предпочтенія воззрѣніямъ на эти преступныя дѣянія французскаго и бельгійскаго законодательствъ передъ германскою системою наказанія за отдѣльныя похотливыя дѣйствія (unzüchtige Handlungen), которой придерживается нашъ Проектъ. Бельгійскій Проектъ, какъ извѣстно, половому развращенію юношества отводитъ особую главу. Даже наше дѣйствующее Уложеніе о наказаніяхъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи лицъ, имѣющихъ надзоръ за малолѣтними (ст. 993), предусматриваетъ развращеніе юношества и рядомъ съ тюремнымъ заключеніемъ лишаетъ первыхъ навсегда правъ подобнаго надзора. Несомнѣнно, эта статья, крайне неудачная по своей редакціи, представляетъ частичную и одинокую попытку оградить юношество отъ растлѣвающихъ вліяній. Поэтому, не отказываясь отъ предусмотрѣннаго этою статьею „развращенія юношества", необходимо лишь опредѣлить болѣе точно признаки этого дѣянія; признать наказуемость половаго развращенія малолѣтнихъ со стороны не только лицъ, власть надъ ребенкомъ имѣющихъ, но и всякаго другаго лица; оговорить что родители, виновные въ развращеніи собственнаго ребенка, лишаются правъ родительской власти, и установить высокій maximum наказанія за это дѣяніе,—не ниже исправительнаго дома.

4) Статья 60 въ 1 пунктѣ предусматриваетъ блудныя дѣйствія съ дѣвицею моложе 16 лѣтъ, хотя и съ согласія ея, но по употребленію во зло ея невинности. Такое исключеніе допущено Проектомъ, какъ видно изъ Объяснительной Записки, потому, что дѣвицы и переступивъ 12-ти лѣтній предѣлъ, по ихъ индивидуальнымъ особенностямъ, свидѣтельствуемымъ обстоятельствами дѣла, могутъ иногда оставаться въ сущности дѣтьми. Въ этихъ случаяхъ любострастіе должно быть наказуемо, хотя бы виновный и получилъ согласіе жертвы, но воспользовался непониманіемъ ею дѣйствительнаго значенія совершаемаго акта. Соглашаясь вполнѣ съ такимъ взглядомъ редакціонной коммисіи, нельзя не остановиться на одномъ соображеніи: почему же, по мнѣнію коммисіи, за такого рода блудное дѣйствіе съ дѣвицею, которая, хотя и переступила опредѣленный въ законѣ возрастный предѣлъ, но въ сущности остается тѣмъ же ребенкомъ, предѣла этого не переступившимъ, Проектомъ

опредѣляется меньшее наказаніе, а именно: вмѣсто исправительнаго дома тюрьма. Установить одинъ какой либо опредѣленный предѣлъ возраста, конечно, невозможно, такъ какъ все зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей даннаго субъекта, и дѣвица, имѣющая менѣе предѣльнаго возраста, какой бы онъ ни былъ, можетъ оказаться болѣе развитою и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніи, нежели другая, переступившая этотъ предѣльный возрастъ. Но при опредѣленіи наказанія за блудныя дѣйствія съ дѣвицею, находящеюся въ условіяхъ, указанныхъ въ первомъ случаѣ, судъ, пользуясь широкимъ правомъ уменьшенія наказанія, можетъ уменьшить его до минимальныхъ предѣловъ, между тѣмъ какъ не можетъ возвысить наказаніе за блудное дѣйствіе во второмъ случаѣ, какъ бы оно возмутительно и безнравственно ни было. Если редакціонная коммисія при опредѣленіи наказанія имѣла въ виду большую степень вреда, который можетъ быть причиненъ жертвѣ въ случаяхъ, указанныхъ въ 59 статьѣ Проекта, то и съ этимъ основаніемъ едва ли можно согласиться, такъ какъ вредъ, причиняемый жертвѣ, зависитъ не только отъ индивидуальныхъ особенностей этой жертвы, но и отъ качества и количества дѣйствій, причиняющихъ этотъ вредъ.

По этимъ соображеніямъ, представлялось бы правильнымъ приравнять, по наказанію, пунктъ 1-ый статьи 60 къ статьѣ 59, т. е. назначить исправительный домъ.

5) Выдѣленіе мужеложства, какъ педерастіи съ лицемъ мужскаго пола, въ смыслѣ преступности, изъ другихъ блудныхъ дѣйствій не можетъ быть оправдываемо ни соображеніями объ особой распространенности этого порока, ни тѣмъ особеннымъ вредомъ и разстройствомъ въ здоровьѣ, которые могутъ послѣдовать отъ него для пассивнаго дѣятеля. Что касается до вреда непосредственнаго, происходящаго отъ самаго дѣйствія, то, въ виду дѣеспособности самихъ дѣятелей и ихъ взаимнаго соглашенія на дѣйствіе, о вредѣ отъ этого дѣйствія для котораго либо изъ нихъ не должно быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что отдѣльные случаи мужеложства разстройства въ здоровьи вызвать не могутъ [1]). Вреда же, который можетъ быть

---

[1]) Такъ Гофманъ, въ своемъ Учебникѣ судебной медицины (переводъ подъ ред. проф. Сорокина 1881 г.) высказываетъ ту мысль, что и по отношенію къ дѣтямъ, подвергающимся педерастіи, не столько самый актъ педерастіи, сколько объективно связанныя съ этимъ половыя излишества (рукоблудіе) могутъ дѣйстви-

причиненъ при педерастіи чрезъ зараженіе сифилисомъ, можно одинаково опасаться при совокупленіи означеннымъ способомъ, какъ съ мужчиною, такъ и съ женщиною и еще болѣе при совершеніи акта in os.

Выдѣленіе мужеложства не объясняется и примѣромъ иностранныхъ законодательствъ. Уголовные законы Франціи, Бельгіи и Голландіи вовсе не предусматриваютъ преступленія мужеложства съ лицами, достигшими опредѣленнаго въ законѣ возраста, а законы Германіи и Венгріи любострастныя дѣйствія между лицами мужскаго пола преслѣдуютъ въ болѣе широкомъ объемѣ. По законамъ этихъ государствъ преслѣдуется противоестественное непотребство или блудъ между мужчинами (Wiedernatürlicher Unzucht) и изъ рѣшенія германскаго рейхсгерихта видно, что подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть не только педерастію, но и другіе случаи, имѣющіе подобіе естественнаго совокупленія (рѣш. 24 апрѣля 1880 г.). Замѣчательно, что въ обоихъ этихъ кодексахъ, вмѣстѣ съ мужеложствомъ и другими случаями противоестественнаго непотребства, въ тѣхъ же самыхъ статьяхъ предусматривается и скотоложство. Проводимая въ этихъ законодательствахъ мысль о преслѣдованіи противоестественнаго непотребства является вполнѣ ясною и выдержана въ законѣ строго послѣдовательно. Оставляя ненаказуемымъ блудъ между лицами разныхъ половъ и всѣ виды любострастныхъ дѣйствій между ними, разъ только они совершаются по взаимному соглашенію, законъ, затѣмъ, признаетъ наказуемымъ и преслѣдуетъ всѣ уклоненія отъ этого—всѣ случаи непотребства противоестественнаго, какъ совершаемаго между мужчинами, такъ и между человѣкомъ и животнымъ. Между тѣмъ, нашъ Проектъ такой послѣдовательности не проводитъ и изъ всѣхъ видовъ противоестественнаго непотребства выдѣляетъ только одинъ, какъ дѣяніе наказуемое, именно—мужеложство, оставляя всѣ другіе случаи не наказуемыми, и, поступая такимъ образомъ, идетъ далѣе, такъ сказать, по тому же пути, и въ статьѣ 62, предусматривающей квалифицированные слу-

---

тельно вредно повліять на здоровье (135), а что касается до взрослаго человѣка, то для него самый актъ не можетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, потому что у взрослаго педераста, не сжимающаго кольцевидной мышцы задняго прохода, какъ это бываетъ при добровольномъ допущеніи акта, введеніе напряженнаго половаго члена въ задній проходъ должно удаваться безъ особыхъ затрудненій, а слѣдовательно, не можетъ оставить слѣдовъ (тамъ же стр. 132).

чаи блудныхъ дѣйствій, указываетъ на насиліе и угрозы, какъ на обстоятельства, увеличивающія преступность блудныхъ дѣйствій между лицами мужскаго пола по отношенію къ одному мужеложству, такъ что всѣ другіе виды такихъ дѣйствій, хотя бы они были совершены и чрезъ насиліе или угрозы, остаются ненаказуемыми.

Редакціонная коммисія полагаетъ (стр. 363), что по отношенію къ мужчинѣ взрослому могутъ быть наказуемы, какъ посягательство на цѣломудріе, только акты мужеложства, всѣ же другіе случаи любострастныхъ дѣйствій, выполненныхъ безъ согласія объекта, могутъ быть подводимы или подъ оскорбленіе, или подъ принужденіе, если въ нихъ заключаются условія, необходимыя для состава этихъ преступныхъ дѣяній. Съ такимъ взглядомъ редакціонной коммисіи нельзя согласиться, и взглядъ, проводимый Проектомъ, не встрѣчаетъ себѣ поддержки и въ законоположеніяхъ другихъ иностранныхъ кодексовъ. Правда, германское и венгерское Уложенія не выдѣляютъ блудныхъ дѣйствій надъ лицами мужскаго пола, совершаемыхъ чрезъ насиліе, но Уложенія эти, какъ то указано было выше, преслѣдуютъ всѣ случаи непотребныхъ дѣйствій между мужчинами, а слѣдовательно, всѣ виды любострастія между мужчинами если они будутъ совершены чрезъ насиліе, не останутся ненаказанными, такъ какъ могутъ быть преслѣдуемы, какъ непотребныя дѣйствія вообще. Что же касается до другихъ новѣйшихъ законодательствъ, то они, какъ напр., французское, бельгійское и голландское, предусматриваютъ случаи насильственныхъ блудныхъ дѣйствій надъ лицами обоихъ половъ и старѣе опредѣленнаго въ законѣ для малолѣтнихъ возраста. (француз. ст. 332, бельгійское ст. 373 и голландское ст. 246). Подводить подобнаго рода насильственныя дѣйствія, совершаемыя для удовлетворенія половой похоти, подъ понятіе принужденія или оскорбленія чести—едва ли правильно. Не говоря уже о томъ, что дѣйствія эти, по самому составу своему, вполнѣ подходятъ подъ понятіе блудныхъ дѣйствій, нельзя не замѣтить того, что они являются настолько безнравственными и возмутительными, что требуютъ высшаго наказанія и облагать ихъ тѣмъ незначительнымъ наказаніемъ, которое полагается за принужденіе и оскорбленіе чести, несправедливо. Не указывая на возмутительные случаи такихъ преступныхъ дѣяній, извѣстныя изъ практики иностранныхъ судовъ, даже въ нашей судебной практикѣ, не смотря на то, что дѣянія эти,

какъ не преслѣдуемыя спеціальнымъ закономъ, могли оглашаться только при обвиненіи въ совершеніи вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ преступленій, можно указать не мало примѣровъ подобныхъ возмутительныхъ дѣйствій. Такъ въ 1880 году разсматривалось одно дѣло, изъ котораго выяснилось, что обвиняемый, имѣвшій мастерскую, удовлетворялъ свою похоть, совершая актъ блуднаго дѣйствія in os съ находившимися у него въ ученіи тремя мальчиками, изъ коихъ каждому было болѣе 12 лѣтъ, вынуждая ихъ къ тому насиліемъ и угрозами, причемъ производилъ это неоднократно, иногда по нѣсколько разъ въ сутки, и до immissio seminis.

Не находя, такимъ образомъ, съ одной стороны, твердыхъ основаній для выдѣленія мужеложства изъ ряда другихъ блудныхъ дѣйствій, совершаемыхъ между лицами мужскаго пола, и къ обложенію его, такъ сказать, не въ примѣръ другимъ, наказаніемъ даже и въ томъ случаѣ, когда оно совершается между лицами взрослыми по ихъ взаимному соглашенію, слѣдуетъ, однако, съ другой стороны, признать, что дѣяніе это, на ряду со всѣми другими блудными дѣйствіями, является не только безнравственнымъ, но и преступнымъ, какъ посягательство на чужую личность, на цѣломудріе этой личности, когда оно совершается безъ согласія на то жертвы или же, хотя и по согласію, но съ лицами недѣеспособными или немогущими вполнѣ понимать значеніе совершаемыхъ дѣйствій.

Въ виду этого было бы справедливо и вполнѣ послѣдовательно всѣ случаи блудныхъ (любострастныхъ) дѣйствій между мужчинами, въ томъ числѣ и мужеложство, подвести подъ дѣйствіе статьи 60 Проекта, указавъ въ ней, и въ первомъ ея пунктѣ, и во второмъ (а не только въ первомъ, какъ то предположено въ общемъ мнѣніи редакціоннаго комитета), не однѣхъ дѣвицъ, но лицъ обоего пола. Другими словами: въ текстѣ 1 пункта статьи 60 слово „дѣвицею“ замѣнить словомъ „*лицемъ*“, а въ пунктѣ 2 слова „женскаго пола“ исключить; затѣмъ, дальнѣйшую редакцію 2 пункта изложить согласно предположенію, высказанному въ общемъ мнѣніи редакціоннаго комитета.

Что касается до статьи 61 Проекта, предусматривающей мужеложство, то, сообразно сказанному, въ ней могутъ быть оставлены лишь особые случаи мужеложства, напримѣръ, обращеніе мужеложства въ ремесло или промыселъ. Допуская, какъ неизбѣжное зло, открытіе домовъ публичныхъ женщинъ для удовлетворенія половой похоти естественнымъ путемъ, законъ не долженъ допускать воз-

можности существованія подобныхъ домовъ публичныхъ кинедовъ, какъ явнаго поощренія разврату, и всякое занятіе въ качествѣ ремесла такимъ безнравственнымъ дѣяніемъ, каково мужеложство, должно быть воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія.

6) Совокупленіе, предусмотрѣнное 1 и 2 пунктами статьи 63 Проекта, по своей природѣ и важности вреда для жертвы, не должно быть смѣшиваемо съ дѣяніями, указанными въ 5 пунктѣ. Губительныя послѣдствія для несложившагося организма дѣвочки въ смыслѣ поврежденій физическихъ и нравственнаго развращенія, а съ другой стороны, глубокое извращеніе половаго чувства виновнаго, крайне опасное проявленіе злой воли, выбирающей жертвы своего сладострастія среди дѣтей, даютъ полное основаніе разсматривать эти дѣянія какъ равносильныя изнасилованію, предусмотрѣнному въ пунктѣ 1 статьи 64. Такъ совершенно правильно смотритъ наше дѣйствующее Уложеніе, назначая за различные виды какъ растлѣнія малолѣтнихъ, такъ и изнасилованія взрослой женщины, каторгу срокомъ, смотря по наличности другихъ квалифицирующихъ обстоятельствъ, отъ 4—12 лѣтъ. Большинство западноевропейскихъ кодексовъ нѣсколько повышаетъ maximum наказанія за изнасилованіе, но смотритъ, тѣмъ не менѣе, на совокупленіе съ малолѣтними, какъ на одно изъ наиболѣе тяжкихъ преступленій. Такъ, по германскому и венгерскому Уложеніямъ за такое совокупленіе, какъ и за изнасилованіе, полагается Zuchthaus, maximum котораго можетъ быть лишь повышенъ съ 10 на 15 лѣтъ для изнасилованія. Смертный исходъ влечетъ за собою, вновь сравнивая оба вида по этимъ кодексамъ, пожизненный Zuchthaus. Едва ли не слѣдуетъ признать, что взглядъ дѣйствующаго Уложенія на равносильную важность преступленій растлѣнія и изнасилованія, представляется правильнымъ и согласнымъ съ крѣпко установившимся общественнымъ взглядомъ на эти дѣянія. При этомъ большій вредъ для организма малолѣтней компенсируется при изнасилованіи моральнымъ страданіемъ, вызываемымъ сознаніемъ жертвы о грубомъ оскверненіи ея половой чести. Что касается беременности, какъ послѣдствія изнасилованія, то возможность беременности при подобныхъ условіяхъ вообще проблематична и, во всякомъ случаѣ, случайна, а самое рожденіе ребенка можетъ характеризовать и другіе виды совокупленія, которые, однако, къ изнасилованію не только не относятся, но могутъ быть вовсе ненаказуемы, какъ напримѣръ, простое непотребство.

7) Относительно 3 пункта статьи 63, все сказанное по этому предмету въ Объяснительной Запискѣ (стр. 379—381), представляется вполнѣ правильнымъ. Слѣдуетъ, однако, признать, что случаи, указанные въ этомъ пунктѣ, также равносильны изнасилованію. Наказуемость совокупленій съ душевно-больною и безсознательною вполнѣ оправдывается, съ одной стороны, тѣмъ, что жертва, по инымъ причинамъ чѣмъ малолѣтіе, но за то нерѣдко болѣе абсолютно, лишена возможности взвѣсить значеніе совершаемаго акта, ему воспротивиться, его предотвратить. Къ этому присоединяется въ отношеніи душевно-больныхъ вредныя для излеченія ихъ болѣзни послѣдствія и возможность рожденія младенца съ роковыми зачатками врожденной душевной болѣзни, идіотизма и т. д.

8) 4 пунктъ статьи 63 тоже слѣдовало бы приравнять къ изнасилованію. Совокупленіе съ лишеніемъ возможности сопротивляться вполнѣ соотвѣтствуетъ, по своей тяжести, тѣмъ видамъ изнасилованія, когда жертва уступаетъ не грубой физической силѣ, но психическому принужденію. И въ томъ, и въ другомъ случаяхъ тѣлесный вредъ меньше, но въ одинаковой мѣрѣ глубоко оскорбляется цѣломудріе, въ одинаковой мѣрѣ жертва нравственно страдаетъ, съ полнымъ сознаніемъ своей беззащитности и безпомощности, мучительно переживая всѣ фазы постыднаго для нея акта.

9) Совершенно въ иномъ видѣ представляются случаи совокупленія, предусмотрѣнные 5 пунктомъ статьи 63. Преступныя дѣянія эти являются менѣе важными, менѣе тяжкими, чѣмъ всѣ остальные случаи, перечисленные въ статьѣ 63. Эти наказуемые случаи обмана при совокупленіи, по своей природѣ и степени важности, ближе всего подходятъ къ обольщенію, предусмотрѣнному ст. 1531 дѣйствующаго Уложенія. Германскій и венгерскій кодексы, выдѣляя случаи совокупленія подъ видомъ мужа изъ другихъ наказуемыхъ совокупленій, значительно понижаютъ мѣру отвѣтственности виновнаго. (герм. § 179, Zuchthaus до 5 лѣтъ—maximum, вдвое меньшій сравнительно съ совокупленіемъ съ малолѣтнею, лишенною сознанія и душевно больною; венгер. § 245, maximum—исправительный домъ (Kerker) до 3 лѣтъ вмѣсто Zuchthaus до 10 лѣтъ). Постановленія венгерскаго кодекса представляются по этому предмету наиболѣе правильными. Дѣйствительно, въ разсматриваемыхъ случаяхъ совокупленіе совершается при самой нормальной для жертвы обстановкѣ, нисколько ее не оскорбляетъ и не грозитъ ей вредомъ, за исключеніемъ развѣ обнаруже-

нія обмана до окончанія акта, когда дальнѣйшія посягательства, вопреки сопротивленію жертвы, будутъ квалифицироваться какъ изнасилованіе (какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, жертвѣ опоенной, находящейся при попыткѣ къ совокупленію въ летаргическомъ снѣ и т. д. внезапно возвращается сознаніе). Цѣломудріе, въ большинствѣ случаевъ совокупленія подъ видомъ мужа, оскорбляется, такъ сказать, заднимъ числомъ и подобное нравственное страданіе, такимъ образомъ, обыкновенно значительно менѣе интенсивно, менѣе жгуче. Это соображеніе примѣняется, въ особенности, къ тѣмъ случаямъ, когда былъ симулированъ самый брачный обрядъ и виновный жилъ съ женщиною какъ съ женою. По обнаруженіи обмана положеніе такой женщины однородно съ жертвою многобрачія. И та, и другая могутъ требовать обезпеченія въ гражданскомъ порядкѣ для себя и дѣтей. И та, и другая оскорблены. Тѣмъ не менѣе, многобрачіе квалифицируется, главнымъ образомъ, какъ нарушеніе правъ первой жены и ея законнаго потомства, а не женъ послѣдующихъ. Такой взглядъ закона вытекаетъ естественно и изъ житейской осторожности, помощью которой жертва многобрачія и совокупленія подъ видомъ мужа можетъ обыкновенно разоблачить обманъ своевременно и избѣгнуть вредныхъ отъ него послѣдствій. Совокупленіе съ лицемъ, выдававшимъ себя не за супруга, а за сожителя, любовника и т. п., можетъ давать право жертвѣ на преслѣдованіе виновнаго развѣ только какъ за оскорбленіе. Законъ охраняетъ только бракъ и только на жену въ отношеніи мужа налагаетъ обязанность половаго сожитія; остальные виды сожитія только терпимы. Тѣмъ не менѣе, если бракъ и не освященъ религіознымъ обрядомъ, но оформленъ установленнымъ порядкомъ, какъ напр., запискою брака раскольниками въ надлежащія полицейскія книги, преступное дѣяніе, указываемое 5 пунктомъ статьи 63 Проекта, можетъ имѣть мѣсто. Такая наличность этого преступнаго дѣянія будетъ не только для христіанъ, но и для евреевъ, магометанъ и язычниковъ, если браки ихъ регистрируются и пользуются охраною законовъ гражданскихъ. Совокупленія съ обманами инаго рода, напр., съ выдачею себя за высокопоставленное лицо, обѣщаніемъ подарка или выгодъ и т. п., очевидно, не даютъ женщинѣ права жаловаться на нарушеніе ея половой чести.

10) 2 пунктъ 64 статьи Проекта долженъ быть исключенъ, въ виду предполагаемаго отнесенія къ изнасилованію всѣхъ случаевъ совокупленія съ жертвою, лишенною возможности сопротивляться вслѣд-

ствіе безсознательнаго состоянія. Наличность признака, указаннаго во 2 пунктѣ 64 статьи можетъ вліять лишь на примѣненіе къ виновному maximum'а наказанія, тогда какъ нѣкоторые, менѣе важные, виды совокупленія съ безсознательною (напр. съ безчувственно пьяною), безъ сомнѣнія, будутъ вызывать широкое примѣненіе статьи 53 общей части Проекта о смягченіи наказанія.

11) Въ Объяснительной Запискѣ къ Проекту не указаны основанія, по которымъ признано необходимымъ усилить отвѣтственность за изнасилованіе несовершеннолѣтней, недостигшей 16 лѣтъ. Выдѣленіе всѣхъ подобныхъ случаевъ и, притомъ, безразлично: была ли изнасилованная физически зрѣлою или нѣтъ, имѣла ли ранѣе вполнѣ сознательно половыя совокупленія или была невинна, едва ли можетъ быть признано правильнымъ. Поэтому вторую часть статьи 64 слѣдовало бы исключить.

12) Въ массѣ половыхъ посягательствъ противоестественные пороки и развращеніе малолѣтнихъ являются сравнительно рѣдко; по крайней мѣрѣ, рѣдко они обнаруживаются и доходятъ до суда. Наоборотъ, уголовная статистика изобилуетъ случаями отдѣльныхъ посягательствъ на совокупленіе съ малолѣтними. Статистика, какъ извѣстно, давно отмѣтила постепенное увеличеніе преступленій противъ нравственности вообще и, въ частности, увеличеніе такихъ преступленій, гдѣ жертвами извращеннаго сладострастія являются дѣвочки и, притомъ, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Посягательство на растлѣніе малолѣтней дѣвочки, физически дѣвственной, а съ другой стороны, разные виды изнасилованія лицъ женскаго пола составляютъ, несомнѣнно, два важнѣйшихъ и преобладающихъ типа наказуемаго разврата.

Соглашаясь въ существѣ съ основаніями, по которымъ Проектъ (Объяснительная Записка, стр. 376—377) въ 1 пунктѣ 63 статьи наказываетъ всякое совокупленіе съ дѣвочкою, недостигшею возраста, когда она можетъ понимать значеніе совершаемаго надъ нею половаго акта, едва ли можно признать правильными предположенія составителей Проекта въ отношеніи устраненія всякаго значенія за растлѣніемъ въ смыслѣ физическаго дѣвства.

Нельзя абсолютно отрицать возможности совокупленія съ малолѣтнею дѣвочкою, лишенною физической дѣвственности. Въ судебной медицинѣ извѣстны такіе случаи совокупленія, сопровождавшіеся полнымъ физическимъ растлѣніемъ, гдѣ жертвами были дѣвочки 10, 6 и даже 4-хъ лѣтъ (Tardieu, att. aux moeurs, стр. 99) и

совершеніе этого акта мальчикомъ или субъектомъ, имѣвшимъ исключительно малый дѣтородный членъ, не повлекло за собою ни смерти, ни серьезныхъ поврежденій. Извѣстны также примѣры уничтоженія дѣвственной плевы болѣзненнымъ процессомъ или прорванія ея пальцемъ и т. п. Такимъ образомъ, можно допустить и повторное настоящее совокупленіе съ растлѣнною физически малолѣтнею. Но всѣ эти факты—рѣдкое исключеніе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, если жертва насилія очень молода, полное совокупленіе влечетъ за собою глубокое разрушеніе дѣтородныхъ и смежныхъ съ ними органовъ жертвы съ смертельнымъ исходомъ или виновный ограничивается попыткою, не идетъ дальше давленія на наружные органы, не лишая жертвы физическаго дѣвства. Во всякомъ случаѣ, если судъ и имѣетъ дѣло съ оконченнымъ растлѣніемъ малолѣтней, обыкновенно уже достигшей 13 — 14 лѣтъ, то дѣло идетъ именно о лишеніи жертвы физической дѣвственности. Наказывая за совокупленіе съ малолѣтнею, законъ, безъ сомнѣнія, ограждаетъ невинность и невѣдѣніе ребенка отъ посягательствъ, вредныхъ для его здоровья, губительныхъ для его нравственнаго развитія, опасныхъ для самой жизни. Но съ другой стороны, лишеніе физической дѣвственности есть зло непоправимое, которое для всей будущности дѣвочки можетъ имѣть серьезныя послѣдствія. Невинность и невѣдѣніе— понятія нравственныя и трудно уловимыя. Дѣвственная плева, эта естественная преграда непотребству, наоборотъ, представляетъ видимый и наиболѣе осязательный признакъ чистой дѣвушки (см. напр. Tardieu, att. aux moeurs, стр. 68). Каждому извѣстно, замѣчаетъ Мержеевскій (Судеб. Гинекол. стр. 60), что „женскіе половые органы вообще, за исключеніемъ дѣвственной плевы, измѣняются только вслѣдствіе беременности и родовъ, но не вслѣдъ за лишеніемъ дѣвственности; даже весьма частыя половыя совокупленія, повидимому, весьма мало вліяютъ на измѣненія половыхъ частей.“ Указанія, которыя даетъ судебно-медицинское изслѣдованіе дѣвственной плевы, представляются, поэтому, въ дѣлахъ о совокупленіи съ малолѣтними наиболѣе драгоцѣнными для судьи, наиболѣе гарантирующими отъ судебныхъ ошибокъ. Ложныя обвиненія въ растлѣніи малолѣтнихъ, являющіяся, къ сожалѣнію, слишкомъ нерѣдко какъ орудіе мести или шантажа со стороны родителей и т. п., подчеркиваютъ необходимость упомянуть въ самомъ законѣ о физической дѣвственности, какъ внѣшнемъ, наиболѣе безошибочномъ признакѣ, харак-

теризующемъ „невинность и невѣдѣніе.“ Съ другой стороны, важность послѣдствій лишенія физической дѣвственности приводитъ къ положительной необходимости ввести физическое растлѣніе, какъ обстоятельство, усиливающее мѣру наказанія, въ числѣ обстоятельствъ, указанныхъ въ 65 статьѣ.

13) Наконецъ, въ числѣ обстоятельствъ, квалифицирующихъ совокупленіе и указанныхъ въ той же 65 статьѣ, слѣдовало бы упомянуть о смертномъ исходѣ изнасилованія. Кодексы германскій (§ 178), венгерскій (§ 237), бельгійскій (§ 376) и голландскій предусматриваютъ смерть вслѣдствіе изнасилованія, возвышая сроки каторжныхъ работъ до maximum'а и назначая даже безсрочную каторгу. Нельзя согласиться съ Объяснительною Запискою (стр. 399), что высокій размѣръ наказанія, положеннаго за изнасилованіе, представляетъ достаточную репрессію для этихъ наиболѣе тяжкихъ его видовъ.

14) Сводничество (lenocinium, Kuppelei), въ виду особой его безнравственности, должно быть выдѣлено, по мнѣнію составителей Проекта, какъ особый проступокъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ и западно-европейскіе кодексы, и сводникъ подлежитъ отвѣтственности какъ за оконченное преступленіе, хотя бы содѣйствіе его и не повело въ данномъ случаѣ къ совершенію самаго акта совокупленія и онъ не подлежалъ отвѣтственности по общимъ правиламъ о соучастіи въ преступленіи. Вполнѣ соглашаясь съ такимъ взглядомъ на наказуемость сводничества, нельзя не замѣтить, что сводничество не менѣе безнравственно и общеопасно, когда оно способствуетъ не совокупленію, но мужеложству или инымъ блуднымъ дѣйствіямъ. Извѣстно, что въ большихъ западно-европейскихъ городахъ промыселъ сводничества имѣетъ подраздѣленія и нѣкоторые сводники спеціально, по ремеслу, доставляютъ кинедовъ или малолѣтнихъ, совершающихъ suctus и т. п. Такіе сводники должны быть караемы независимо отъ того, доказано ли совершеніе самаго акта, для котораго сводничество было предпринято.

Посему желательно въ статьѣ 70 слова „для совокупленія“ замѣнить словами „*для непотребства*.“

II. Особое мнѣніе А. А. Маркова и Е. И. Утина, по ст. 59, 66 и 69.

1) Въ виду неопредѣленности и новизны термина „любострастныя дѣйствія“, слѣдовало бы, не замѣняя его другимъ, какъ то предположено въ общемъ мнѣніи редакціоннаго комитета, лишь

пояснить его, введя въ текстъ 59 статьи послѣ слова „дѣйствіи“ слѣдующее опредѣленіе: „*направленномъ къ возбужденію или удовлетворенію половой похоти.*“

2) По статьѣ 66 виновнымъ въ совокупленіи съ дѣвицею, находящеюся подъ его властью или попеченіемъ, можетъ быть только тотъ, который ее обольстилъ Что же, спрашивается, слѣдуетъ понимать подъ словомъ „обольщеніе?“

„Дѣяніе, говорится въ Объяснительной Запискѣ (стр. 404), предполагаетъ наличность совокупленія, достигнутаго посредствомъ обольщенія, т. е. посредствомъ какихъ-либо ухищреній или обманныхъ дѣйствій со стороны обвиняемаго, хотя бы они и заключались въ искусственномъ возбужденіи половой похоти, за исключеніемъ, конечно, случаевъ, подходящихъ подъ понятіе изнасилованія.“

Итакъ, по мнѣнію составителей Проекта, обольщеніе предполагаетъ какія либо ухищренія или обманныя дѣйстія. А что же какъ не тѣ же ухищренія или обманныя дѣйствія, предполагаетъ собою „употребленіе во зло невинности“ дѣвицы, о которомъ говорится въ статьяхъ 60 и 63?

Между тѣмъ очевидно, что составители Проекта этимъ двумъ понятіямъ, т. е. употребленію во зло невиности дѣвицы и обольщенію, придаютъ различное значеніе, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, статья 66 была бы редактирована такъ: „виновный въ совокупленіи съ дѣвицею отъ 16 до 21 года, находящеюся подъ его властью или попеченіемъ, имъ обольщенною“..., и за тѣмъ не было бы ссылки на пунктъ 2 статьи 65.

Не соглашаясь, такимъ образомъ, съ редакціею статьи 66, слѣдуетъ признать, что изъ ст. 66 должны быть исключены слова „имъ обольщенною,“ такъ какъ для наказуемости виновнаго въ совокупленіи съ несовершеннолѣтнею дѣвицею, находящеюся подъ его властью или попеченіемъ, нѣтъ надобности въ какомъ либо обстоятельствѣ, усугубляющемъ такую вину.

Самый фактъ совокупленія съ несовершеннолѣтнею дѣвицею, находящеюся подъ властью или попеченіемъ человѣка, не долженъ быть оставляемъ безъ кары закона.

Лицо, подъ властью или попеченіемъ котораго находится несовершеннолѣтняя дѣвица, имѣетъ такъ много средствъ исподволь достигнуть намѣченной имъ цѣли—сдѣлать изъ нея жертву своей половой страсти—что въ громадномъ большинствѣ случаевъ такое дѣяніе будетъ оставаться безнаказаннымъ, если законъ будетъ

предъявлять къ дѣвушкѣ требованіе, чтобы она доказала, что была обольщена.

Въ случаяхъ, предусматриваемыхъ статьею 66, законъ долженъ выходить изъ абсолютнаго начала: человѣкъ, имѣющій власть надъ несовершеннолѣтнею дѣвицею, не долженъ вступать съ нею въ половую связь. Только при такомъ положеніи честь и неприкосновенность несовершеннолѣтней дѣвушки могутъ быть ограждены отъ посягательствъ человѣка, подъ властью или подъ попеченіемъ котораго она состоитъ.

3) По содержанію статьи 69 Проекта прежде всего возбуждается вопросъ: всегда ли супругъ, виновный въ прелюбодѣяніи, долженъ подлежать наказанію? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть различенъ, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на прелюбодѣяніе.

Съ точки зрѣнія каноническаго права, супругъ, виновный въ прелюбодѣяніи, всегда подлежитъ наказанію, такъ какъ прелюбодѣяніе нарушаетъ святость брака, какъ таинства. Каноническое право не входитъ и не можетъ входить, по своему существу, ни въ какіе компромиссы съ условіями, въ которыхъ находятся супруги, съ тѣми отношеніями между супругами, какія сложились самою жизнью. Супругъ, совершая прелюбодѣяніе, нарушилъ, оскорбилъ таинство брака; онъ въ силу этого подлежитъ наказанію, не взирая вовсе на тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ оказался виновнымъ въ прелюбодѣяніи, т. е. продолжалась ли совмѣстная жизнь супруговъ или нѣтъ, оставались ли супруги фактически мужемъ и женою или нѣтъ. Каноническому праву до этихъ вопросовъ нѣтъ дѣла. Бракъ, какъ таинство, не разрушимъ,— слѣдовательно, прелюбодѣяніе его оскорбляетъ, а потому и подлежитъ карѣ.

Съ точки зрѣнія государственной прелюбодѣяніе должно быть разсматриваемо совсѣмъ иначе. Государство, наказывая супруга за прелюбодѣяніе, преслѣдуетъ одну лишь цѣль—охраненіе крѣпости семейнаго союза, какъ одной изъ коренныхъ основъ государственнаго порядка. Преслѣдуя такую единственную цѣль въ наказаніи за прелюбодѣяніе, государство едва ли было бы послѣдовательно, если бы карало супруга за прелюбодѣяніе даже тогда, когда, предварительно совершенія прелюбодѣянія, семейный союзъ фактически пересталъ существовать, хотя бы съ церковной точки зрѣнія бракъ оставался ненарушеннымъ.

До настоящаго времени наше уголовное Уложеніе не отдѣляло себя рѣзко отъ взглядовъ каноническаго права. Вотъ почему статья 1585 Улож. о нак. устанавливаетъ, въ видѣ наказанія за прелюбодѣяніе, заключеніе въ монастырѣ и только за неимѣніемъ его въ извѣстной мѣстности замѣняетъ заключеніе въ монастырѣ— заключеніемъ въ тюрьмѣ. Не разрывая связи съ каноническимъ правомъ, Уложеніе о наказаніяхъ 1866 года весьма послѣдовательно карало прелюбодѣяніе, при какихъ бы условіяхъ оно ни происходило.

Иначе должно относиться къ прелюбодѣянію Уложеніе, чуждое всякой связи съ каноническимъ правомъ. Въ Проектѣ нѣтъ и слѣда каноническаго права. Въ немъ нигдѣ не попадается заключенія въ монастырѣ или церковнаго покаянія.

Слѣдовательно, новое Уложеніе, преслѣдуя за прелюбодѣяніе, становится исключительно на точку зрѣнія государственную, притомъ свѣтскую, требующую охраненія крѣпости семейнаго союза единственно въ видахъ государственныхъ. Становясь же на эту точку зрѣнія, спрашивается: всегда ли, во всѣхъ ли случаяхъ можетъ быть караемъ супругъ, виновный въ прелюбодѣяніи? Отвѣтъ на это долженъ быть данъ отрицательный. Законодательство не должно игнорировать отношеній, слагаемыхъ самою жизнью. Жизнь зачастую разводитъ супруговъ фактически, безъ того, чтобы разводъ былъ установленъ духовнымъ судомъ. Зачастую супруги разъѣзжаются безъ того, чтобы предварительно они исходатайствовали себѣ разводъ. Наконецъ, при существованіи всеобщей воинской повинности, супруги насильственно разлучаются на шесть лѣтъ и, притомъ, въ ту пору жизни, когда страсти наиболѣе сильны. Возможно ли карать за прелюбодѣяніе супруговъ, не живущихъ болѣе вмѣстѣ, по взаимному ли соглашенію, по односторонней ли волѣ одного изъ супруговъ, или даже по требованію самого государства? Во всѣхъ такихъ случаяхъ карать за прелюбодѣяніе было бы явно несправедливо.

Вотъ почему казалось бы, что статью 69 Проекта уложенія болѣе цѣлесообразно редактировать такимъ образомъ: „*супругъ, виновный въ прелюбодѣяніи при совмѣстномъ сожительствѣ супруговъ, наказывается* ..“

Единственное серьезное возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ такой редакціи, заключается въ томъ, что выраженіе „совмѣстное сожительство“ можетъ представлять нѣкоторую неопредѣленность при примѣненіи этой статьи. Едва ли, однако, судъ,

рѣшающій дѣло по существу, когда либо затруднится признать или отвергнуть фактъ совмѣстнаго сожительства. Очевидно, что если судъ признаетъ, что супруги нѣсколько лѣтъ не живутъ вмѣстѣ, то тѣмъ самымъ онъ признаетъ, что не было совмѣстнаго сожительства и не обвинитъ супруга въ прелюбодѣяніи.

Вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ разошлись супруги, сколько времени ведутъ они отдѣльную жизнь, чѣмъ обусловливается отсутствіе совмѣстнаго сожительства—все это вопросы факта, подлежащіе разрѣшенію суда.

4) По Проекту, соучастникъ въ прелюбодѣяніи не подвергается наказанію. Съ освобожденіемъ соучастника отъ наказанія согласиться нельзя.

Въ Объяснительной Запискѣ къ Проекту уложенія приводятся основанія, по которымъ составители Проекта не считаютъ возможнымъ распространять наказуемость прелюбодѣянія на соучастниковъ. Одно изъ этихъ основаній заключается въ томъ, что при установленіи наказуемости за это преступленіе, законодатель болѣе, чѣмъ въ какихъ либо иныхъ случаяхъ, долженъ обращать вниманіе на дѣйствительное состояніе нравовъ, на соціальную оцѣнку подобной связи. „Если супругъ, говорится въ Запискѣ, можетъ быть обвиняемъ въ нарушеніи даннаго имъ обѣщанія супружеской вѣрности, то какую же клятву нарушаетъ его соучастникъ? Онъ совершаетъ простое любодѣяніе, а таковое закономъ ненаказуемо“. Такой аргументъ для освобожденія отъ наказанія соучастника въ прелюбодѣяніи представляется нимало не убѣдительнымъ. Наказаніе за прелюбодѣяніе имѣетъ своею цѣлью поставить подъ охрану уголовнаго закона крѣпость семейнаго союза. Съ этой точки зрѣнія какъ виновенъ супругъ, такъ часто еще болѣе соучастникъ, который, для удовлетворенія своего половаго чувства, не останавливается передъ тѣмъ, чтобы склонить супруга къ нарушенію семейнаго союза. Ссылка на нравы сама по себѣ не имѣетъ ровно никакого значенія, такъ какъ „нравы“ извѣстнаго общества во всѣхъ преступленіяхъ играютъ свою роль. Одна изъ задачъ уголовнаго закона заключается, между прочимъ, и въ исправленіи дурныхъ нравовъ, и потому трудно понять, почему въ данномъ случаѣ нравы, нигдѣ не оправдывающіе и не освобождающіе отъ наказанія, тутъ служатъ основаніемъ для освобожденія отъ наказанія.

Супругъ, оскорбленный прелюбодѣяніемъ, оскорбляется не только другимъ супругомъ, но и третьимъ лицомъ—соучастникомъ. Сплошь

и рядомъ, оскорбленіе послѣднимъ чувствуется сильнѣе, нежели оскорбленіе первымъ. Если соучастникъ не можетъ быть преслѣдуемъ въ силу закона и не можетъ быть подвергнутъ наказанію, въ такомъ случаѣ мѣсто закона заступитъ самоуправное дѣйствіе оскорбленнаго относительно оскорбителя. Чтобы законодательство было въ этомъ случаѣ послѣдовательно, слѣдовало бы установить, что всѣ самоуправныя дѣйствія оскорбленнаго супруга относительно оскорбителя ненаказуемы, но законодатель не можетъ, очевидно, предоставить просторъ для самоуправныхъ дѣйствій.

Среди образованныхъ классовъ у оскорбленнаго въ своей чести супруга остается одно лишь средство наказать оскорбителя—это дуэль. Къ дуэли же законодательство, по Проекту уложенія, относится весьма строго. Слѣдуетъ ли, спрашивается, вынуждать гражданина на такое дѣйствіе, которое строго карается закономъ, а между тѣмъ, онъ несомнѣнно къ тому вынуждается, если самъ законъ не указываетъ оскорбленному супругу никакого другаго исхода.

Что же касается до классовъ необразованныхъ, то дѣло представляется еще хуже. Среди этихъ классовъ дуэль не существуетъ. Слѣдовательно, супругъ, оскорбленный въ своей чести третьимъ лицомъ, если онъ не мирится съ фактомъ, оскорбляющимъ его супружескую честь, имѣетъ въ своемъ распоряженіи, одно лишь средство—самоуправное дѣйствіе, выразится ли оно въ избіеніи, убійствѣ или въ изувѣченіи оскорбителя. Будетъ ли справедливымъ строгое наказаніе за одно изъ такихъ дѣяній? Оно было бы справедливо въ одномъ лишь случаѣ, еслибы законъ, обращаясь къ такому лицу, могъ сказать ему: у тебя было законное средство наказать оскорбителя, ты не хотѣлъ обратиться къ нему, ты предпочелъ дать просторъ твоей личной волѣ,—ты подлежишь наказанію.

Другой аргументъ составителей Проекта въ пользу ненаказуемости соучастниковъ еще менѣе убѣдителенъ. „Можно ли сохранять наказуемость соучастниковъ, говорится въ Объяснительной Запискѣ, если въ оффиціальныхъ спискахъ публичныхъ женщинъ значится не мало женщинъ замужнихъ, связь съ которыми такимъ образомъ должна бы подходить подъ прелюбодѣяніе“. Аргументъ этотъ нагляднѣе всего доказываетъ, что статья 69 въ томъ видѣ, какъ она проектируется, не можетъ быть оставлена. Мыслимо ли наказаніе для замужней женщины, находящейся въ публичномъ домѣ, за прелюбодѣяніе? Наказаніе за прелюбодѣяніе устанавли-

вается съ цѣлью охраненія крѣпости брачнаго союза, а о такомъ союзѣ не можетъ быть и рѣчи, когда жена находится въ публичномъ домѣ. Наказаніе возможно только тогда, когда супруги продолжаютъ совмѣстную жизнь; какъ только такой совмѣстной жизни нѣтъ, наказаніе за прелюбодѣяніе теряетъ свой смыслъ.

При наказуемости прелюбодѣянія только при совмѣстной жизни супруговъ, аргументъ, приведенный въ Объяснительной Запискѣ противъ наказуемости соучастниковъ, лишается всякой силы.

При этомъ само собою разумѣется, что уголовное преслѣдованіе за соучастіе въ прелюбодѣяніи возбуждается по жалобѣ потерпѣвшаго супруга, не взирая на то, состоитъ или не состоитъ въ бракѣ соучастникъ.

5) Представленными замѣчаніями на 69 статью Проекта уложенія совершенно обходится вопросъ о ненаказуемости прелюбодѣянія вообще, хотя въ пользу такой ненаказуемости могутъ быть приведены весьма вѣскія соображенія. Одно изъ главныхъ соображеній заключается въ томъ, что супружеская вѣрность есть дѣло нравственнаго чувства, нравственнаго долга человѣка, ускользающее изъ сферы уголовнаго правосудія. Новѣйшія иностранныя уголовныя законодательства весьма близко подошли къ такому именно взгляду на прелюбодѣяніе и потому, ни венгерское, ни германское уложенія не выставляютъ принципа наказуемости за прелюбодѣяніе вообще. По тому и другому уложенію, прелюбодѣяніе въ одномъ лишь случаѣ влечетъ за собою наказаніе—это, когда по причинѣ прелюбодѣянія, бракъ былъ расторгнутъ. Оно и понятно. Государство защищаетъ крѣпость брачнаго союза и наказываетъ только тогда, когда бракъ расторгнутъ. До всего остальнаго ему нѣтъ дѣла. Супруги могутъ жить дурно, супружеская вѣрность можетъ нарушаться, но если прелюбодѣяніе не повлекло за собою расторженія брака, государство не считаетъ себя вправѣ вмѣшиваться путемъ наказанія въ домашнюю жизнь гражданъ.

Такое законоположеніе представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ и наименѣе вредно отзывающимся на интересахъ той семьи, въ жизнь которой вмѣшивается государственная власть,—не супруговъ, а именно семьи, такъ какъ, при наказуемости за прелюбодѣяніе, нужно обращать вниманіе не только на виновнаго супруга или виновную супругу, но также и на дѣтей, прижитыхъ супругами.

Законодатель, устанавливающій кару за прелюбодѣяніе, не мо-

жетъ не задаться вопросомъ, какое вліяніе будетъ оказано на несовершеннолѣтнихъ дѣтей заключеніемъ, напр., ихъ матери за прелюбодѣяніе. Возможна ли прямая нравственная связь между дѣтьми и матерью, возвращающеюся домой, отбывъ свой срокъ заключенія за прелюбодѣяніе?

И съ этой точки зрѣнія законоположенія венгерскаго и германскаго Уложеній имѣютъ несомнѣнное преимущество предъ проектированною 69 статьею будущаго Уложенія. Когда произнесенъ разводъ между супругами, то одновременно разрѣшенъ и вопросъ о дѣтяхъ. Они остаются или съ отцомъ, или съ матерью, или, наконецъ, отдаются третьимъ лицамъ на воспитаніе; но они не подвергаются нравственному изувѣченію—жить при родителяхъ, отсидѣвшихъ въ тюрьмѣ за прелюбодѣяніе.

Признавая все преимущество законоположенія о прелюбодѣяніи, заключающагося въ венгерскомъ и германскомъ Уложеніяхъ, не представляется возможнымъ настаивать на перенесеніи ихъ въ наше Уложеніе только потому, что для этого потребовалась бы предварительная переработка нашего законодательства о разводѣ.

III. Особое мнѣніе Н. И. Цуханова по ст. 59.

Понятіе „любострастныя дѣйствія", въ смыслѣ опредѣленія извѣстнаго преступнаго дѣянія, является у насъ понятіемъ новымъ и едва ли выборъ этого названія можно признать вполнѣ удачнымъ. Хотя Проектъ уложенія избѣгаетъ вообще опредѣленія преступныхъ дѣяній, но, въ виду именно новизны этого понятія въ законѣ, казалось бы, что было бы весьма полезно, если бы въ законѣ было точно опредѣлено, чтó именно законодатель разумѣетъ подъ такими преступными дѣйствіями, хотя бы опредѣленіе это было выражено въ такомъ же смыслѣ и редакціи, какъ то приведено въ Объяснительной Запискѣ. Такое опредѣленіе преступнаго дѣянія, въ виду исключительности условій, нисколько не повредило бы той системѣ, которая принята Проектомъ, тѣмъ болѣе, что подобныя исключенія допускаются Проектомъ; такъ напримѣръ, въ главѣ 2 о тѣлесныхъ поврежденіяхъ признано возможнымъ опредѣлить значеніе понятій тяжкихъ, менѣе тяжкихъ и легкихъ поврежденій. Опредѣленіе этого преступнаго дѣянія является еще тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ житейскомъ смыслѣ понятіе „любострастныя дѣйствія" имѣетъ несравненно болѣе широкое значеніе; такъ напр., подъ это понятіе можно подвести и страстный поцѣлуй, и другія

дѣйствія, которыя составители Уложенія подъ эти понятія не подводятъ.

IV. Особое мнѣніе Э. Я. Фукса.

Э. Я. Фуксъ находитъ указанный въ Объяснительной Запискѣ объемъ наказуемыхъ любострастныхъ дѣйствій слишкомъ узкимъ. По его мнѣнію, наказанію должны подлежать всякаго рода любострастныя дѣйствія, направленныя къ возбужденію или удовлетворенію половой похоти, хотя бы они и не заключались въ прикосновеніяхъ къ дѣтороднымъ частямъ или въ обнаженіи оныхъ. Сообразно этому и не находя удобнымъ давать подробныя перечневыя указанія въ текстѣ закона, Э. Я. Фуксъ полагаетъ, что соотвѣтствующее расширеніе наказуемости должно быть точно установлено въ объяснительной запискѣ къ будущему Уложенію.

V. Особое мнѣніе А. Т. Серебрякова по статьѣ 59.

Въ виду новизны и неопредѣленности термина „любострастныя дѣйствія", А. Т. Серебряковъ считаетъ желательнымъ изложить статью 59 такъ:

„*Виновный въ возбужденіи или удовлетвореніи половой похоти любострастнымъ дѣйствіемъ съ ребенкомъ*"....

VI. Особое мнѣніе С. А. Андреевскаго, А. Н. Турчанинова и Е. И. Утина по пункту 1 статьи 63.

Означенные члены полагаютъ, что совокупленіе женщины съ мальчикомъ не должно быть облагаемо наказаніемъ. Они находятъ вполнѣ достаточнымъ, если эти дѣянія будутъ наказываться въ тѣхъ случаяхъ, когда они служили средствомъ развращенія малолѣтнихъ.

VII. Особое мнѣніе С. А. Андреевскаго, А. Ѳ. Кони и А. Н. Турчанинова по пункту 5 статьи 63.

Обманное совокупленіе, за исключеніемъ случаевъ совершенія мнимаго бракосочетанія, должно быть признаваемо ненаказуемымъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Оскорбленія.

Проектъ изъемлетъ изъ разряда оскорбленій и переноситъ въ область (строже караемыхъ) тѣлесныхъ поврежденій всѣ тѣ посягательства на тѣлесную неприкосновенность, которыми причиняется или можетъ быть причиняема боль или физическое стра-

данiе подвергающемуся имъ лицу, какъ напр., удары, пощечины и т. п. (ст. 13 и 14 Проекта). Это измѣненiе въ дѣйствующей системѣ уголовнаго законодательства, а равно и объясняющiе его мотивы (Объясн. Зап. стр. 109), должны быть признаны вполнѣ правильными.

Точно также, нельзя не признать вполнѣ цѣлесообразнымъ предположенное въ Проектѣ усиленiе взысканiй, опредѣляемыхъ въ дѣйствующихъ законахъ за оскорбленiя чести, хотя по отношенiю къ наказанiямъ, установляемымъ Проектомъ за отдѣльные виды оскорбленiй, желательны нѣкоторыя измѣненiя, которыя будутъ указаны ниже, при подробномъ разборѣ входящихъ въ составъ обсуждаемой главы постановленiй. Далѣе, вызываетъ полное сочувствiе устраненiе Проектомъ всякихъ, въ пользу потерпѣвшаго отъ оскорбленiя, денежныхъ платъ, похожихъ на Busse германскаго кодекса или на наше старинное безчестье, плодившее столько кляузныхъ исковъ въ видахъ наживы, а не возстановленiя чести. Должно, однако же, при этомъ имѣть въ виду, что возбужденiе дѣлъ объ оскорбленiяхъ перестанетъ быть средствомъ эксплоатацiи, какимъ оно нерѣдко является нынѣ, лишь въ томъ случаѣ, если примиренiе виновнаго съ обиженнымъ, состоявшееся послѣ провозглашенiя судебнаго по дѣлу приговора, не будетъ освобождать оскорбителя отъ наложеннаго на него судомъ взысканiя. Весьма полезно было бы включить, при введенiи въ дѣйствiе новаго Уложенiя, подобное правило въ процессуальныя узаконенiя.

Наконецъ, представляется также вполнѣ заслуживающимъ одобренiя принятое въ Проектѣ дѣленiе оскорбленiй на два главные вида:—простую обиду и оскорбленiе, состоящее въ разглашенiи обстоятельствъ, унижающихъ достоинство лица не по формѣ отзыва, а по содержанiю распространяемыхъ свѣдѣнiй. Совмѣстное существованiе въ дѣйствующемъ законодательствѣ клеветы въ трехъ видахъ (устная, письменная и печатная) и диффамацiи посредствомъ печати (ст. 1039 улож. о нак.) привело кассацiонную практику къ необходимости, въ видахъ разграниченiя этихъ проступковъ, съузить до крайности понятiе клеветы, требуя для ея состава завѣдомой лживости разглашенныхъ свѣдѣнiй. Вслѣдствiе этого обвиняемый въ клеветѣ (въ особенности журналистъ или издатель) почти всегда имѣетъ возможность избѣжать наказанiя, ссылаясь на то, что онъ не измыслилъ разглашеннаго факта, а повторилъ лишь ходячiе слухи.

Устраняя признакъ завѣдомой лживости и не требуя ея вообще, за исключеніемъ только 81 статьи, предусматривающей ложь, какъ средство для подрыва кредита, Проектъ вводитъ начало: „позорящаго другихъ—не разглашай“. Это начало, въ виду обширнаго допущенія оправданія посредствомъ exceptio veritatis, какъ бы дополняется положеніемъ: „если не имѣешь на то доказательствъ.“ Вполнѣ разумное сочетаніе въ Проектѣ двухъ указанныхъ началъ, не устраняя возможности критическаго отношенія къ дѣйствіямъ другихъ лицъ, насколько оно вызывается потребностями современной жизни, должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, обуздать злостную сплетню, отъ которой дѣйствующее законодательство не даетъ достаточнаго огражденія.

Являясь, такимъ образомъ, въ главныхъ основаніяхъ своихъ вполнѣ соотвѣтствующею потребностямъ и условіямъ современнаго юридическаго быта, обсуждаемая глава Проекта въ частностяхъ, тѣмъ не менѣе, подаетъ поводъ къ болѣе или менѣе существеннымъ возраженіямъ.

1) Останавливаясь, прежде всего, на заглавіи VII главы Проекта („оскорбленія“), должно признать, что было бы правильно дополнить его словомъ „*чести*“, т. е. удержать заголовокъ главы 6 разд. X Улож. о нак., такъ какъ въ такомъ видѣ заглавіе разсматриваемой главы будетъ ближе соотвѣтствовать значенію предусматриваемыхъ въ ней преступныхъ дѣяній.

2) Терминъ *опозореніе*, принятый въ статьѣ 73 Проекта для означенія одного изъ двухъ главныхъ видовъ оскорбленій, не можетъ быть употребленъ для названія отдѣльнаго вида оскорбленій по той причинѣ, что униженіе достоинства лица, испытывающаго, вслѣдствіе этого, *позоръ*, т. е. стыдъ или срамъ, не составляетъ особенности того вида оскорбленій, который означается въ Проектѣ указаннымъ словомъ, а одинаково свойственно какъ простой обидѣ, такъ и оскорбленію посредствомъ разглашенія позорящихъ фактовъ. Это ясно видно изъ того, что въ текстѣ Проекта упомянутое выраженіе содержится какъ въ статьѣ 72, касающейся простой обиды, такъ и въ статьѣ 73, причемъ, въ первую оно входитъ въ качествѣ причастія (обхожденіе или отзывъ,—*позорящіе* честь), а во вторую и какъ существительное, и какъ причастіе („*опозореніе*, оглашеніемъ *позорящаго* обстоятельства“). Подобное употребленіе одного и того же термина для характеристики различныхъ видовъ оскорбленій порождаетъ сбивчивость опредѣленій и затрудняетъ разгра-

ниченіе понятій, относящихся къ этимъ видамъ. Въ виду этого, выраженіе „опозореніе“, какъ въ 73 статьѣ, такъ и въ статьяхъ 74, 78, 79 и 80, слѣдовало бы замѣнить словомъ „*опороченіе*“.

3) Принятое въ 72 статьѣ Проекта опредѣленіе внѣшней стороны преступнаго дѣйствія въ обидѣ по признаку способа дѣйствія, именно:—„обхожденіемъ или отзывомъ“, представляется весьма отвлеченнымъ, а посему способнымъ вызывать недоразумѣнія при практическомъ примѣненіи этой статьи. Было бы полезно перейти отъ такого опредѣленія, по способу дѣйствія, къ болѣе реальному опредѣленію, по признаку *средствъ обиды*, каковыми являются: дѣйствія, слова и знаки. Поэтому означенное выраженіе статьи 73 желательно замѣнить словами: „*дѣйствіемъ, словомъ или знакомъ*“.

4) Свойство дѣйствій, образующихъ обиду, означается въ статьѣ 72 эпитетомъ: „позорящими честь“. Въ виду того, что обида представляетъ собою обхожденіе, несогласное съ достоинствомъ лица, было бы точнѣе замѣнить эпитетъ „позорящими честь“ другимъ, именно: „*оскорбительными для чести*“.

5) Обращаясь къ посредственной родственной обидѣ, о которой упоминаетъ та же 72 статья Проекта, нельзя не замѣтить въ текстѣ ея нѣкоторой неточности по этому вопросу. Именно: остается подъ сомнѣніемъ, составитъ ли опороченіе (опозореніе) родственника, т. е. разглашеніе о немъ позорящихъ обстоятельствъ, посредственную родственную обиду по статьѣ 72, или нѣтъ, такъ какъ въ статьѣ 72 къ членамъ семьи относятся тѣ же выраженія: „обхожденіе и отзывъ“ (а по предположенію комитета, см. выше, слова: „дѣйствіе, слово и знакъ“), которыя употребляются по отношенію къ непосредственно обиженному. Поэтому, для устраненія сомнѣній и согласно съ установившимся въ нашей практикѣ началомъ, было бы весьма полезно пополнить текстъ статьи 72 введеніемъ въ него слова: „*оскорбленіемъ*“ передъ словами: „члена его семьи“. При такомъ измѣненіи, въ виду того, что терминъ „оскорбленіе“ охватываетъ собою и обиду, и опороченіе, не останется никакого сомнѣнія, что какъ оскорбительныя слова или знаки и дѣйствія, такъ и разглашеніе позорящихъ обстоятельствъ относительно родственника, одинаково образуютъ собою обиду по статьѣ 72.

6) Расширеніе понятія посредственной родственной обиды на всѣхъ членовъ семьи, т. е. супруговъ, родителей, дѣтей, сестеръ и братьевъ, представляется, съ точки зрѣнія современныхъ семейныхъ отношеній, излишнимъ. Совершенно достаточно признавать субъек-

тами родственной обиды супруговъ, родителей и дѣтей. Поэтому слова статьи 72: „члена его семьи", должны быть замѣнены словами: „*мужа, жены, родителей или дѣтей его*", а слово: „умершаго"—словомъ: „*умершихъ*".

7) Санкція статьи 72, съ точки зрѣнія соразмѣрности наказаній и состоянія нашихъ общественныхъ нравовъ, должна быть понижена до ареста не свыше трехъ мѣсяцевъ, и денежной пени не свыше трехсотъ рублей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, желательно предоставленіе суду права налагать эти наказанія не только альтернативно, но и кумулативно. Сообразно этому, санкція статьи 72 должна быть изложена такъ: „*арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ и денежною пенею не свыше трехсотъ рублей; или же однимъ изъ сихъ наказаній, по усмотрѣнію суда*".

8) Пунктъ 2 статьи 74 Проекта и по прямому своему смыслу и по толкованію Объяснительной Записки (стр. 499) ограничивается лишь священнослужителями христіанскихъ исповѣданій. Было бы вполнѣ послѣдовательно и цѣлесообразно распространить дѣйствіе этого пункта на духовныхъ лицъ магометанскаго и еврейскаго вѣроисповѣданій, дополнивъ его словами: „*а также духовныхъ лицъ магометанскаго и еврейскаго вѣроисповѣданій, при совершеніи ими обрядовъ ихъ вѣры*". (См. также по этому поводу соображенія высказанныя выше, при обсужденіи 2 статьи Проекта, на стр. 31, 32).

9) По содержанію 4 пункта той же 74 статьи нельзя не замѣтить, что отношенія незаконнорожденныхъ дѣтей къ ихъ отцу вполнѣ могутъ быть предметомъ особой уголовной санкціи, если они обязаны ему своимъ воспитаніемъ или содержаніемъ. Этотъ нравственный моментъ долженъ быть поставленъ въ современномъ правѣ на ряду съ моментомъ юридическимъ, patria potestas, въ отношеніяхъ дѣтей къ законнымъ родителямъ, и съ моментомъ кровной связи въ тѣсномъ смыслѣ, въ отношеніяхъ незаконнорожденныхъ дѣтей къ ихъ матери. Между тѣмъ, пунктъ 4 статьи 74 возвышаетъ наказаніе за оскорбленіе отца только законнаго; что же касается до матери, то, по прямому смыслу этого пункта, въ виду присоединенія къ слову „отецъ" эпитета „законный", ясно слѣдуетъ, что оскорбленіе незаконнорожденнымъ своей матери всегда будетъ квалифицированнымъ оскорбленіемъ, каково бы ни было отношеніе матери къ своему дитяти. Признавая вполнѣ правильнымъ такое преобладаніе момента кровной связи по отношенію къ матери незаконнорожденнаго ребенка, нельзя, съ другой стороны, не пожелать

распространенія статьи 74 на тѣ случаи оскорбленія незаконноприжитымъ своего отца, въ которыхъ имѣется указанный выше моментъ нравственный. По этимъ соображеніямъ было бы весьма желательно изложить пунктъ 4 статьи 74 такъ: *„матери или законнаго отца, а также незаконноприжитый, виновный въ обидѣ или опороченіи своего отца, которому онъ обязанъ своимъ содержаніемъ или воспитаніемъ*“. (См. также по этому поводу соображенія, высказанныя выше, при обсужденіи 2 статьи Проекта, на стр. 32—36).

10) Статьями 75 и 76 допускается, безъ всякихъ ограниченій, зачетъ въ наказаніе за оскорбленіе противозаконнаго повода, даннаго оскорбителю обиженнымъ (провокація), или учиненной послѣднимъ отместки (компенсанція). Между тѣмъ, такой зачетъ неумѣстенъ, а иногда даже невозможенъ относительно предусматриваемыхъ въ ст. 74 квалифицированныхъ оскорбленій. Исполнитель закона долженъ дѣйствовать безстрастно и не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности за нанесенное имъ оскорбленіе (п. 7 ст. 74), хотя бы обиженнымъ и данъ былъ къ тому поводъ. Нельзя также допустить пониженіе до нуля наказанія за оскорбленіе иностраннаго государя или посланника (п. 1), священнослужителя во время священнодѣйствія (п. 2), должностнаго лица (п. 3), хотя бы во всѣхъ этихъ случаяхъ оскорбленными и данъ былъ поводъ къ обидѣ. Начало взаимности неприложимо, равнымъ образомъ, къ оскорбленію дѣтьми родителей (п. 4), такъ какъ отецъ и мать, въ силу принадлежащей имъ надъ дѣтьми власти, не могутъ ихъ оскорблять. Наконецъ, относительно печати (п. 5) погашеніе наказаній зачетомъ по взаимности оскорбленій повело бы къ учащенію печатной полемики, вырождающейся въ брань и закидываніе другъ друга грязью. Въ виду всего этого, статьи 75 и 76 слѣдовало бы дополнить примѣчаніемъ: *„дѣйствіе статей 75 и 76 не распространяется на случаи, предусмотрѣнные въ пунктахъ 1, 2, 3, 4, 5 и 7 статьи 74*“.

11) Употребленное въ статьѣ 77 выраженіе „или условіяхъ“ представляется излишнимъ, такъ какъ изъ Объяснительной Записки усматривается, что все, что хотѣли выразить этими словами составители Проекта, уже содержится въ предъидущемъ словѣ „форма.“ Поэтому означенное выраженіе должно быть исключено.

12) Ограниченія права защиты посредствомъ exceptio veritatis, изложенныя въ статьѣ 78, вызываютъ противъ себя нѣсколько

возраженій. Такъ, прежде всего, вполнѣ одобряя положеніе 1 п. статьи 78, по которому exceptio veritatis не допускается, если разглашеніе обстоятельствъ, относящихся къ частной или семейной жизни, было учинено въ печати, на письмѣ, въ изображеніи, получившихъ, завѣдомо для виновнаго, распространеніе, или въ публичной рѣчи,—нельзя не замѣтить, что это ограниченіе въ примѣненіи къ разглашенію обстоятельствъ, относящихся до частной и семейной жизни лицъ, уже умершихъ, не должно имѣть мѣста, такъ какъ оно можетъ стѣснить право исторической критики, для которой весьма важны бываютъ черты изъ частной жизни историческихъ дѣятелей. Поэтому представляется необходимымъ съузить область указаннаго ограниченія exceptio veritatis, признавъ это ограниченіе лишь по отношенію къ разглашенію обстоятельствъ изъ частной и семейной жизни лицъ живущихъ. Сообразно этому, необходимо ввести въ текстъ 1 п. статьи 78, послѣ слова: „опозореннаго“, слова: „*живаго лица*“.

13) Указанное ограниченіе exceptio veritatis, далѣе, не должно имѣть мѣста и въ тѣхъ случаяхъ, когда разглашеніе было вызвано исполненіемъ лежавшихъ на разгласителѣ обязанностей государственныхъ или общественныхъ, напр., обязанности дать свѣдѣнія о недоброкачественности лица, избираемаго на должность, и т. п. Поэтому 1 п. статьи 78 слѣдовало бы дополнить словами: „*и если притомъ оно не было вызвано исполненіемъ лежавшихъ на разгласившемъ обязанностей государственныхъ или общественныхъ*“.

14) Наконецъ, указанное ограниченіе exceptio veritatis не должно имѣть мѣста въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 3 п. статьи 78. Обсужденіе и разборъ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, какъ тѣхъ, по которымъ состоялся обвинительный приговоръ, такъ и тѣхъ, которыя окончились оправданіемъ, составляетъ необходимую принадлежность гласнаго судопроизводства. Слѣдовательно, нельзя никому воспретить высказывать свое мнѣніе о виновности лица оправданнаго или о совершеніи имъ дѣянія, ему не вмѣненнаго. Единственное неудобство, которое представляется при допущеніи exceptio veritatis въ случаяхъ этого рода, именно, пересмотръ доказательствъ виновности судьею по такому дѣлу, по которому уже состоялся оправдательный приговоръ, вполнѣ устраняется положеніемъ 2 п. 77 статьи, въ силу котораго exceptio veritatis не требуетъ непремѣнно доказательствъ объективной достовѣрности разглашеннаго, но можетъ ограничиваться доказательствами субъективной добро-

совѣстности разглашенія. По этимъ соображеніямъ, п. 3 статьи 78 долженъ быть исключенъ.

15) Въ видахъ точности и принимая во вниманіе статью 528[2] Устава уголовнаго судопроизводства, по изд. 1883 г., заключительныя слова статьи 79 Проекта слѣдовало бы изложить такъ: „*до вступленія въ законную силу судебнаго приговора по сему дѣлу или до постановленія окончательнаго опредѣленія о прекращеніи производства*“.

16) Относительно 81 статьи Проекта, при полномъ одобреніи ея построенія и мотивовъ, на коихъ она основана, нельзя не замѣтить, что въ виду особой злонамѣренности предусматриваемаго въ сей статьѣ дѣянія и тѣхъ крайне серьезныхъ послѣдствій, которыя оно, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ влечь для потерпѣвшаго, полагаемое въ Проектѣ наказаніе (арестъ и тюрьма на срокъ не свыше 5-ти мѣсяцевъ) слѣдовало бы возвысить, назначивъ въ первой части статьи 81 *тюрьму не свыше 6 мѣсяцевъ*, а во второй—*тюрьму безъ опредѣленія срока*.

17) Наконецъ, по статьѣ 82 можно замѣтить, что коль скоро въ главѣ, относящейся до оскорбленій, помѣщается процессуальное правило касательно порядка возбужденія преслѣдованія за эти дѣянія, то было бы удобнѣе здѣсь же (а не въ процессуальныхъ законахъ, какъ полагаютъ составители Проекта, Объяс. Зап стр. 540), *указать кругъ лицъ, могущихъ по началу законнаго представительства искать за пострадавшихъ отъ оскорбленія, отнеся къ числу таковыхъ лицъ, перечисленныхъ въ статьѣ 18 Устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями*. Кромѣ того, въ отношеніи преслѣдованія оскорбленій, нанесенныхъ должностнымъ лицамъ, желательно указать, что преслѣдованіе въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть возбуждаемо двоякимъ способомъ: а) самимъ потерпѣвшимъ и б) его начальствомъ. Въ виду этого, заключительныя слова статьи 82 слѣдовало бы замѣнить выраженіемъ: „*то и его начальствомъ*“.

Сообразно сказанному, въ текстѣ главы седьмой Проекта желательны слѣдующія измѣненія:

Проектъ.	Предположенія редакціоннаго комитета.
Оскорбленія.	**Оскорбленія чести.**
72. Виновный въ умышленной обидѣ обхожденіемъ или отзывомъ, позорящими честь обиженнаго или	72*. Виновный въ умышленной обидѣ дѣйствіемъ, словомъ или знакомъ, оскорбительными для чести

члена его семьи, хотя бы и умершаго, наказывается:

арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

73. Виновный въ опозореніи разглашеніемъ, хотя бы и въ отсутствіи опозореннаго, обстоятельства, позорящаго его честь, наказывается:

тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ.

74. Виновный въ обидѣ или опозореніи:

1) главы или дипломатическаго представителя иностраннаго государства;

2) священнослужителя при совершеніи имъ службы божіей или духовной требы;

3) должностнаго лица или лица, исполняющаго общественную обязанность, при отправленіи или по поводу отправленія ими ихъ обязанностей;

4) матери или законнаго отца;

обиженнаго, или оскорбленіемъ мужа, жены, родителей или дѣтей его, хотя бы и умершихъ, наказывается:

арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ и денежною пенею не свыше трехсотъ рублей, или же однимъ изъ сихъ наказаній по усмотрѣнію суда.

73*. Виновный въ опороченіи разглашеніемъ, хотя бы и въ отсутствія опороченнаго, обстоятельства, позорящаго его честь, наказывается:

тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ.

74*. Виновный въ обидѣ или опороченіи:

1) главы или дипломатическаго представителя иностраннаго государства;

2) священнослужителя при совершеніи имъ службы божіей или духовной требы, а также духовныхъ лицъ магометанскаго и еврейскаго вѣроисповѣданій при совершеніи ими обрядовъ ихъ вѣры;

3) должностнаго лица или лица, исполняющаго общественную обязанность, при отправленіи или по поводу отправленія ими ихъ обязанностей;

4) матери или законнаго отца, а также незаконнорожденный, виновный въ обидѣ или опороченіи своего отца, которому онъ обязанъ своимъ воспитаніемъ или содержаніемъ;

5) въ произведеніи печати, на письмѣ или въ изображеніи, получившихъ, завѣдомо для виновнаго, распространеніе; 6) учиненныхъ публично; 7) учиненныхъ при исполненіи служебной обязанности: наказывается: тюрьмою.	5) въ произведеніи печати, на письмѣ или въ изображеніи, получившихъ, завѣдомо для виновнаго, распространеніе; 6) учиненныхъ публично; 7) учиненныхъ при исполненіи служебной обязанности; наказывается: тюрьмою.
75. Виновный въ обидѣ, вызванной насиліемъ или оскорбленіемъ со стороны потерпѣвшаго, наказывается: денежною пенею не свыше пятидесяти рублей. Суду предоставляется право и вовсе освободить виновнаго отъ наказанія.	75. *Безъ измѣненій.*
76. Виновный въ оскорбленіи можетъ быть, по усмотрѣнію суда, освобожденъ отъ наказанія, если обиженный отмстилъ ему, причинивъ тѣлесное поврежденіе или оскорбленіе.	76. Виновный въ оскорбленіи можетъ быть, по усмотрѣнію суда, освобожденъ отъ наказанія, если обиженный отмстилъ ему, причинивъ тѣлесное поврежденіе или оскорбленіе. Примѣчаніе. Дѣйствіе статей 75 и 76 не распространяется на случаи, предусмотрѣнные въ пунктахъ 1, 2, 3, 4, 5 и 7 статьи 74.
77. Разглашеніе обстоятельства, позорящаго честь, не почитается преступнымъ, если обвиняемый докажетъ: 1) достовѣрность разглашеннаго обстоятельства; или 2) что разглашеніе было имъ учинено ради государственной или общественной пользы, или ради	77*. Разглашеніе обстоятельства, позорящаго честь, не почитается преступнымъ, если обвиняемый докажетъ: 1) достовѣрность разглашеннаго обстоятельства; или 2) что разглашеніе было имъ учинено ради государственной или общественной пользы или ради за-

защиты личной чести или чести его семьи, и что онъ имѣлъ разумное основаніе считать разглашенное обстоятельство достовѣрнымъ.

Но и въ сихъ случаяхъ обвиняемый можетъ подлежать наказанію за обиду, если таковая заключается въ формѣ или условіяхъ разглашенія.

78. Обвиняемый въ опозореніи не можетъ представлять доказательства достовѣрности и не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности, за силою статьи 77 если разглашенное обстоятельство:

1) относится къ частной или семейной жизни опозореннаго и разглашеніе было учинено: въ произведеніи печати, на письмѣ, въ изображеніи, получившихъ, завѣдомо для виновнаго, распространеніе, или въ публичной рѣчи; или

2) составляетъ преступное дѣяніе, преслѣдуемое по частной жалобѣ, по коему уголовное преслѣдованіе не возбуждено; или

3) составляетъ преступное дѣяніе, по коему состоялся оправдательный приговоръ; или

4) относится къ главѣ или дипломатическому представителю иностраннаго государства.

щиты личной чести или чести его семьи, и что онъ имѣлъ разумное основаніе считать разглашенное обстоятельство достовѣрнымъ.

Но и въ сихъ случаяхъ обвиняемый можетъ подлежать наказанію за обиду, если таковая заключается въ формѣ разглашенія.

78*. Обвиняемый въ опороченіи не можетъ представлять доказательства достовѣрности и не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности, за силою статьи 77, если разглашенное обстоятельство:

1) относится къ частной или семейной жизни опороченнаго живаго лица и разглашеніе было учинено: въ произведеніи печати, на письмѣ, въ изображеніи, получившихъ, завѣдомо для виновнаго, распространеніе, или въ публичной рѣчи, и если притомъ оно не было вызвано исполненіемъ лежавшихъ на разгласившемъ обязанностей государственныхъ или общественныхъ; или

2) составляетъ преступное дѣяніе, преслѣдуемое по частной жалобѣ, по коему уголовное преслѣдованіе не возбуждено; или

3) относится къ главѣ или дипломатическому представителю иностраннаго государства.

79. Уголовное преслѣдованіе за опозореніе приписаніемъ учиненія преступнаго дѣянія, о коемъ уже возбуждено уголовное преслѣдованіе, не возбуждается, а возбужденное пріостанавливается, до постановленія по сему дѣлу судебнаго приговора или опредѣленія о прекращеніи производства.

79. Уголовное преслѣдованіе за опороченіе приписаніемъ учиненія преступнаго дѣянія, о коемъ уже возбуждено уголовное преслѣдованіе, не возбуждается, а возбужденное пріостанавливается, до вступленія въ законную силу судебнаго приговора по сему дѣлу или до постановленія окончательнаго опредѣленія о прекращеніи производства.

80. Въ случаѣ осужденія за обиду или опозореніе суду предоставляется право:

1) опубликовать приговоръ, по просьбѣ оскорбленнаго, въ порядкѣ, статьею 35 установленномъ;

2) если обида или опозореніе учинены въ повременномъ изданіи, и не въ первый разъ, пріостановить изданіе на срокъ отъ одного до шести мѣсяцевъ.

80. Въ случаѣ осужденія за обиду или опороченіе суду предоставляется право:

1) опубликовать приговоръ, по просьбѣ оскорбленнаго, въ порядкѣ, статьею 35 установленномъ;

2) если обида или опороченіе учинены въ повременномъ изданіи, и не въ первый разъ, пріостановить изданіе на срокъ отъ одного до шести мѣсяцевъ.

81. Виновный въ разглашеніи завѣдомо ложнаго обстоятельства, подрывающаго промышленный или торговый кредитъ лица, общества или учрежденія, или довѣріе къ способностямъ лица исполнять обязанности его званія или занятія, наказывается:

арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

Если оглашеніе было учинено: въ произведеніи печати, на письмѣ, въ изображеніи, получившихъ, завѣдомо для виновнаго, распро-

81. Виновный въ разглашеніи завѣдомо ложнаго обстоятельства, подрывающаго промышленный или торговый кредитъ лица, общества или учрежденія, или довѣріе къ способностямъ лица исполнять обязанности его званія или занятія, наказывается:

тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ.

Если оглашеніе было учинено въ произведеніи печати, на письмѣ, въ изображеніи, получившихъ, завѣдомо для виновнаго, распро-

страненіе, или въ публичной рѣчи, то онъ наказывается: тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ.	страненіе, или въ публичной рѣчи, то онъ наказывается: тюрьмою.
82. Уголовное преслѣдованіе за дѣянія, въ сей главѣ предусмотрѣнныя, возбуждается только по жалобѣ потерпѣвшаго, а буде оскорбленія нанесены должностному лицу, то и по заявленію или съ разрѣшенія его непосредственнаго начальства.	82. Уголовное преслѣдованіе за дѣянія, въ сей главѣ предусмотрѣнныя, возбуждается только по жалобѣ потерпѣвшаго, а буде оскорбленія нанесены должностному лицу, то и его начальствомъ.

Затѣмъ, по содержанію настоящей главы Проекта, членами комитета заявлены нижелѣдующія особыя мнѣнія.

I. Особое мнѣніе М. В. Красовскаго, В. Д. Спасовича и Э. Я. Фукса по ст. 72.

1) По статьѣ 72 обида можетъ быть причинена *обхожденіемъ* или *отзывомъ*. Первое изъ этохъ словъ удобнѣе замѣнить употребляемымъ на ряду съ нимъ въ Объяснительной Запискѣ (стр. 456 и 466) выраженіемъ „*обращеніе*“, такъ какъ это послѣднее изображаетъ болѣе прямое и непосредственное отношеніе къ объекту преступнаго дѣянія, нежели слово „обхожденіе“. Что же касается до выраженія *отзывъ*, то оно означаетъ утвержденіе чего либо объ извѣстномъ лицѣ, сужденіе о немъ и, указывая на содержаніе, а не на форму сказаннаго, болѣе подходитъ къ понятію опороченія (опозоренія), нежели къ простой обидѣ, гдѣ центръ тяжести заключается въ грубомъ неприличіи выраженнаго. Сверхъ того нельзя не замѣтить, что ни то, ни другое изъ приведенныхъ выраженій, указывающихъ способы нанесенія обиды, не обнимаетъ обиды *символической*, совершаемой знаками, хотя изъ Объяснительной Записки видно, что составители Проекта допускаютъ возможность причиненія этимъ способомъ не только простой обиды, но также и опороченія. Въ виду всего этого, слѣдовало бы взамѣнъ словъ: „обхожденіемъ или отзывомъ“, указать въ статьѣ 72, что обида можетъ быть наносима *обращеніемъ, словомъ или знаками*.

2) Свойство предусматриваемаго въ ст. 72 проступка опредѣляется словами: „позорящими честь“. Исходя изъ того взгляда,

что характеристическую черту простой обиды составляетъ умаленіе внѣшняго достоинства обиженнаго, оказаніе пренебреженія къ его личности, упомянутыя слова слѣдовало бы замѣнить выраженіемъ: „унижающими достоинство".

II. Особое мнѣніе М. В. Красовскаго и Э. Я. Фукса по ст. 72, 73, 74.

1) По отношенію къ объекту проступка, въ статьѣ 72 Проекта указывается, что позорящіе честь обхожденіе или отзывъ могутъ быть направлены какъ противъ самаго обиженнаго, такъ и противъ члена его семьи, хотя бы и умершаго. Словами этими составители Проекта установляютъ наказуемость такъ называемыхъ посредственныхъ обидъ, т. е. такихъ случаевъ, когда оскорбленіе, направленное противъ извѣстной личности, отражается на чести и достоинствѣ другихъ лицъ, состоящихъ съ оскорбленнымъ въ тѣсномъ семейномъ единеніи (Объясн. Зап. стр. 479 и 480). Нельзя, прежде всего, не замѣтить, что условія наказуемости посредственныхъ обидъ опредѣляются этимъ выраженіемъ крайне неточно. Въ этомъ случаѣ составители Проекта, стремясь выражаться возможно сжато и кратко, въ проектируемомъ законѣ допустили неясность его текста и вынуждены были восполнять его пробѣлы пространными толкованіями въ Объяснительной Запискѣ о томъ, какъ слѣдуетъ примѣнять установленное правило или понимать употребленныя въ законѣ слова. Такъ, текстъ статьи 72 не даетъ прямаго разрѣшенія вопросамъ о томъ: какъ должно конструироваться обвиненіе при посредственныхъ обидахъ, какое соотношеніе должно существовать между правомъ на искъ за оскорбленіе со стороны лица, противъ котораго оно было направлено, и его родственниковъ и т. п., а отвѣты на эти вопросы содержатся въ Объяснительной Запискѣ. Подобный пріемъ едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ и полезнымъ. Законъ долженъ быть полонъ и ясенъ самъ по себѣ и не долженъ быть излагаемъ такъ, чтобы правильное пониманіе его было возможно только съ объяснительною запискою въ рукахъ. Но, помимо неточности приведеннаго въ 72 ст. выраженія, едва ли можно согласиться и вообще съ тою постановкою вопроса о наказуемости посредственныхъ обидъ, какая принята Проектомъ и объяснительной къ нему запискою.

При обсужденіи этого предмета необходимо различать, во 1-хъ, обиды косвенныя, т. е. такіе случаи, когда выраженіе, по формѣ своей относящееся къ извѣстному лицу, по внутреннему своему

значенію, по вытекающему изъ сказаннаго логическому выводу, унижаетъ честь и достоинство другаго лица (такъ напр., заявленіе мужу, что у него выросли рога, оскорбляетъ его жену; обращеніе къ играющему въ карты со словами, что онъ дуракъ, потому что позволяетъ обыгрывать себя мѣченными картами, затрогиваетъ честь его партнеровъ, и т. п.); во 2-хъ, право на искъ за оскорбленіе близкихъ родственниковъ жалующагося, вытекающее изъ юридической фикціи о единствѣ семейной чести у лицъ, принадлежащихъ къ одной и той же семьѣ.

Наказуемость обидъ первой категоріи вытекаетъ изъ существа понятія обиды и едва ли нуждается въ особомъ указаніи закона. Въ дѣйствующемъ законодательствѣ не содержится постановленія по этому предмету, но, тѣмъ не менѣе, судебная практика не встрѣчала сомнѣній относительно права лица, которому нанесена косвенная обида, привлекать обидчика къ отвѣтственности. Напротивъ того, право на искъ по поводу оскорбленія, нанесеннаго члену семьи жалующагося, не предполагается само собою, а требуетъ положительнаго признанія его въ законѣ. Установить это право собственно и имѣли въ виду составители Проекта, включая въ статью 72 слова: „или члена его семьи, хотя бы и умершаго". (Объясн. Зап. стр. 479—482).

Принимая въ основаніе для предоставленія подобнаго права фикцію общей семейной чести, составители Проекта не проводятъ, однако, послѣдовательно этого начала и смѣшиваютъ понятія: обиды по логическому наведенію и обиды, вытекающей изъ означенной фикціи. Такъ, изъ соображеній, высказанныхъ въ Объяснительной Запискѣ (стр. 480 и 481 пп. 1 и 3), явствуетъ, что обида посредственная должна наказываться какъ оскорбленіе жалующагося и что, по отношенію къ сему послѣднему, оскорбленіе членовъ его семейства должно всегда конструироваться какъ обида, хотя бы въ отношеніи къ непосредственно оскорбленному дѣяніе это и составляло опозореніе. Между тѣмъ, въ ст. 72 говорится не объ обидѣ жалующагося посредствомъ оскорбленія членовъ его семьи, а прямо объ обидѣ сихъ послѣднихъ. Затѣмъ, ссылаясь на разъясненія кассаціоннаго сената, составители Проекта признаютъ необходимымъ для отвѣтственности за посредственную обиду, чтобы, оскорбляя члена семьи лица, принесшаго жалобу, обидчикъ желалъ тѣмъ самымъ оскорбить самого жалующагося или, по крайней мѣрѣ, допускалъ возможность такого оскорбленія (Объясн. Зап. стр. 480 п. 1).

Ограниченіе это находится въ противорѣчіи съ принятою составителями Проекта фикціею коллективной семейной чести. Съ допущеніемъ этой фикціи право родственниковъ искать удовлетворенія за обиду, нанесенную члену ихъ семьи, вытекаетъ изъ предположенія, что униженіемъ достоинства одного изъ членовъ семьи наносится ущербъ общей чести всего семейнаго союза, а слѣдовательно, право это не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ субъективнаго стремленія обидчика оскорбить именно то или другое изъ принадлежащихъ къ опредѣленной семьѣ лицъ. Коль скоро законъ установляетъ фикцію коллективной семейной чести, то оскорбитель долженъ знать, что понося кого либо, онъ тѣмъ самымъ затрогиваетъ достоинство не только самого обиженнаго, но и членовъ его семьи, а слѣдовательно, и долженъ отвѣтствовать предъ послѣдними, независимо отъ того, имѣлъ ли онъ ихъ въ виду при совершеніи дѣянія, послужившаго поводомъ къ возбужденію противъ него преслѣдованія. Равнымъ образомъ, едва ли соотвѣтствуетъ фикціи единства семейной чести указаніе составителей Проекта (Объясн. Зап. стр. 481 п. 3), что жалоба на нанесеніе посредственной обиды можетъ быть допущена лишь тогда, когда искъ непосредственно оскорбленнаго представляется юридически невозможнымъ. Очевидно, что если оскорбленіемъ члена семьи наносится ущербъ не только индивидуальной чести обиженнаго, но и общей семейной чести, то право жалобы на умаленіе сей послѣдней должно принадлежать или главѣ семьи за всѣхъ ея членовъ, или каждому изъ членовъ семейнаго союза, независимо отъ того, можетъ ли и желаетъ ли непосредственно оскорбленный родственникъ преслѣдовать обидчика.

Но если указанныя ограниченія права на искъ по поводу оскорбленій, нанесенныхъ родственникамъ жалующагося, находятся въ противорѣчіи съ понятіемъ объ общей чести всѣхъ членовъ семейнаго союза, то, съ другой стороны, нельзя не признать, что послѣдовательное проведеніе этого начала въ новомъ уголовномъ кодексѣ едва ли вызывается условіями современной жизни. Понятіе о семейной чести представляютъ собою отголосокъ патріархальнаго быта, при которомъ каждый родъ и семья составляли тѣсно сплоченные союзы, а отдѣльныя личности входили въ составъ этихъ союзовъ какъ части въ цѣлое. Нынѣ семейные союзы далеко не такъ тѣсны. Каждый взрослый человѣкъ является самостоятельнымъ членомъ общества; достоинство его опредѣляется личными

свойствами и дѣйствіями, а не качествами и заслугами семьи, изъ которой онъ происходитъ. Въ силу этого, оскорбленіе, наносимое родственнику извѣстнаго лица, въ настоящее время далеко не всегда и, во всякомъ случаѣ, не въ такой мѣрѣ, какъ при прежнихъ условіяхъ общественной жизни, можетъ умалять достоинство сего послѣдняго, а потому современное уголовное законодательство можетъ, казалось бы, ограничиться огражденіемъ неприкосновенности личной чести, не вводя утратившей свое прежнее значеніе фикціи коллективной семейной чести.

Устраненіе этой фикціи не можетъ представить существенныхъ неудобствъ и съ практической точки зрѣнія, такъ какъ оно не повлечетъ безнаказанности такихъ поступковъ, преслѣдованіе которыхъ является желательнымъ или необходимымъ. Согласно высказаннымъ въ Объяснительной Запискѣ соображеніямъ, жалоба по поводу обиды, нанесенной родственнику, можетъ быть принесена лишь тогда, когда искъ со стороны непосредственно оскорбленнаго представляется юридически невозможнымъ. Такимъ образомъ, подобнаго рода жалобы могутъ приноситься только: а) по поводу заочной брани противъ извѣстнаго лица, произнесенной въ присутствіи члена его семьи, и б) при оскорбленіи умершихъ членовъ семьи жалующагося. Но въ первомъ случаѣ виновный и при отсутствіи въ законѣ фикціи о коллективной семейной чести можетъ подлежать наказанію, если судомъ будетъ признано, что оскорбитель, понося родственника жалующагося въ присутствіи послѣдняго, имѣлъ прямое намѣреніе унизить не то лицо, къ которому относились произнесенныя ругательства, а присутствующаго члена его семьи. По крайней мѣрѣ нынѣ подобные случаи подводятся судебною практикою подъ кару закона, не смотря на то, что начало единства семейной чести вовсе не выражено въ Уставѣ о наказаніяхъ. Предоставленіе же родственникамъ оскорбленнаго права возбуждать преслѣдованіе по поводу такихъ обидъ, при нанесеніи которыхъ оскорбитель вовсе не имѣлъ намѣренія затрогивать честь и достоинство жалующихся, не предполагаемое, впрочемъ, и въ Объяснительной Запискѣ, но вытекающее, какъ было замѣчено выше, изъ начала единства семейной чести, противорѣчило бы современному воззрѣнію о томъ, что каждый полноправный человѣкъ является самъ лично носителемъ и охранителемъ своей чести, и могло бы даже приводить къ злоупотребленіямъ, а именно: къ возбужденію родственниками лица, подвергшагося оскорбленію, такихъ

дѣлъ, которыя имѣютъ цѣлью не возстановленіе семейной чести, а униженіе обиженнаго путемъ оглашенія фактовъ, передавать которые на обсужденіе суда не считаетъ удобнымъ самъ оскорбленный.

Что касается, затѣмъ, охраненія членами семьи чести и достоинства умершихъ ея членовъ, то по поводу сего слѣдуетъ замѣтить, что если оглашеніемъ какого либо обстоятельства, позорящаго честь умершаго, унижается вмѣстѣ съ тѣмъ достоинство лицъ, находящихся въ живыхъ, и оскорбитель имѣлъ въ виду этотъ результатъ, то онъ и безъ особаго указанія закона будетъ подлежать преслѣдованію за нанесеніе обиды находящемуся въ живыхъ родственнику (такъ напр., за оглашеніе такихъ фактовъ изъ жизни покойной матери извѣстнаго лица, которыми указывается незаконность рожденія послѣдняго, огласитель подлежитъ преслѣдованію на за опозореніе умершей матери, а за оскорбленіе ея сына, находящагося въ живыхъ). Въ этомъ случаѣ лицо, приносящее жалобу, преслѣдуетъ свою личную обиду и въ особомъ признаніи въ законѣ его права на искъ, очевидно, не представляется надобности.

Напротивъ того, основанное на фикціи единства семейной чести, указаніе закона о наказуемости оскорбленій умершихъ лицъ даетъ возможность преслѣдовать обидчика и тогда, когда, понося умершаго, онъ вовсе не имѣетъ намѣренія умалять личное достоинство находящихся въ живыхъ членовъ семьи покойнаго. Подобное огражденіе памяти умершихъ нельзя не признать излишнимъ, такъ какъ, во 1-хъ, законодательство наше доселѣ не допускало преслѣдованія за оскорбленіе умершихъ и наша общественная жизнь не возбуждала требованій о наказуемости подобныхъ случаевъ, и во 2-хъ, введеніе означеннаго начала не могло бы не стѣснить правъ исторіи и исторической практики на оцѣнку жизни и дѣятельности лицъ, уже сошедшихъ въ могилу. Стѣсненіе это было бы особенно ощутительно въ виду того, что, по мысли составителей Проекта, разглашеніе обстоятельства, затрогивающаго честь умершаго, должно разсматриваться какъ обида находящихся въ живыхъ членовъ его семьи (Объясн. Зап. стр. 481 п. 3) и, вслѣдствіе этого, оглашающій факты, касающіеся умершихъ, былъ бы поставленъ въ условія болѣе тяжелыя, нежели тотъ, кто оглашаетъ такіе факты о живыхъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ доказывать справедливость оглашеннаго, а въ первомъ онъ былъ бы лишенъ права ссылаться въ свое оправданіе на exceptio veritatis.

Все сказанное приводитъ къ убѣжденію въ нежелательности и даже вредѣ введенія въ наше новое уголовное уложеніе фикціи единства семейной чести, а потому слѣдовало бы исключить изъ статьи 72 Проекта слова: *„или члена его семьи, хотя бы и умершаго“*.

2) Въ текстѣ статьи 73 представляются излишними и могутъ быть исключены слова: *„хотя бы и въ отсутствіи опозореннаго“*. Для характеристики предусматриваемаго въ упомянутой статьѣ дѣянія слова эти, очевидно, излишни, такъ какъ разглашеніе предполагаетъ передачу извѣстныхъ позорящихъ обстоятельствъ другимъ лицамъ, а не самому оскорбленному съ глазу на глазъ, или на ухо. Такимъ образомъ, присутствіе или отсутствіе оскорбленнаго тамъ, гдѣ сообщались позорящія его обстоятельства, очевидно является совершенно безразличнымъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что приведенное выраженіе употреблено только для того, чтобы противопоставить опозореніе, по способу его совершенія, простой обидѣ, т. е. указать, что первый изъ этихъ проступковъ можетъ быть совершенъ заочно, тогда какъ второй требуетъ, чтобы ругательство было высказано въ лицо обиженному. Но въ такомъ случаѣ и въ статьѣ 72 слѣдовало бы пояснить, что обида не должна быть заочною. Такое указаніе составители Проекта признали, однако, излишнимъ, въ виду твердо установившагося въ нашей практикѣ принципа ненаказуемости заочныхъ обидъ (Объясн. Зап. стр. 471). При этомъ же условіи и поясненіе въ статьѣ 73 о возможности заочнаго опозоренія является ненужнымъ и можетъ только повести къ недоразумѣніямъ.

3) Пунктъ 6 статьи 74 Проекта слѣдовало бы исключить въ виду того: 1) что публичность обиды представляется обстоятельствомъ маловажнымъ, по сравненію съ другими обстоятельствами, служащими основаніемъ для признанія оскорбленій квалифицированными, такъ что назначеніе въ законѣ одинаковой кары за ругательство въ кабакѣ при двухъ-трехъ свидѣтеляхъ и за оскорбленіе главы иностраннаго государства или должностнаго лица, исполняющаго служебныя обязанности, являлось бы несообразностью, и 2) что, при состояніи нашихъ нравовъ, присужденіе къ тюрьмѣ виновныхъ въ публичномъ нанесеніи оскорбленій было бы чрезмѣрно строгимъ и возможность назначенія судомъ такой кары могла бы послужить источникомъ для вымогательствъ со стороны лицъ, подвергшихся подобнымъ оскорбленіямъ.

III. Особое мнѣніе В. Д. Спасовича по ст. 72, 77 и 78.

1) Принимая во вниманіе, что терминъ „обида“, по историческому своему значенію въ русскомъ юридическомъ языкѣ, означаетъ всякое правонарушеніе, преслѣдуемое въ порядкѣ частнаго обвиненія, и преимущественно потерю въ области правъ имущественныхъ, В. Д. Спасовичъ полагаетъ замѣнить его словомъ: *„поруганіе“*.

2) Заключающееся въ п. 2 ст. 77 Проекта ограниченіе защиты exceptio veritatis *возложеніемъ на обвиняемаго обязанности доказывать, что онъ, при разглашеніи позорящаго обстоятельства, движимъ былъ идеею государственнаго или общественнаго блага или руководствовался цѣлью защиты своей чести или чести своей семьи*, представляется едва ли справедливымъ и удобнымъ. Защита своей чести можетъ быть осуществлена посредствомъ опороченія чести другихъ, безъ сомнѣнія, лишь крайне рѣдко. Если же опороченіе составляетъ отмщеніе за нанесенную обиду, то тогда оно вполнѣ подходитъ подъ опредѣленіе ст. 76. Изъ двухъ другихъ, приводимыхъ въ Объяснительной Запискѣ, случаевъ ненаказуемаго опороченія во имя государственнаго или общественнаго блага, первый можетъ только подать поводъ издателямъ газетъ оправдывать сообщеніе ими невѣрныхъ, позорящихъ свѣдѣній, тѣмъ, что они по своей профессіи органы гласности, а гласность необходима для государственнаго и общественнаго блага. Кромѣ нихъ, едва ли найдутся лица, которыя въ состояніи были бы подтвердить серьезными доводами столь субъективный фактъ, какимъ представляется тотъ, что, опорочивая кого либо, они дѣйствовали не по личному побужденію, а ради государственнаго или общественнаго блага. Что же касается разглашенія опорочивающихъ свѣдѣній о лицѣ, избираемомъ на общественную должность, или на судѣ, то несомнѣнно, что разгласитель не можетъ подлежать отвѣтственности, если онъ былъ убѣжденъ въ достовѣрности сообщаемыхъ обстоятельствъ и говорилъ о нихъ въ видахъ обезпеченія правильнаго выбора на общественную должность или для разъясненія разсматриваемаго на судѣ дѣла. Но при такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть возбранено касаться и частной или семейной жизни лица избираемаго или имѣющаго отношеніе къ судебному процессу, а потому объ освобожденіи разгласителя отъ отвѣтственности въ подобныхъ случаяхъ удобнѣе упомянуть не

въ 77 статьѣ Проекта, а въ п. 1 статьи 78, постановляющемъ, что огласившій не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности, если сообщенное имъ позорящее обстоятельство относится къ частной или семейной жизни оскорбленнаго.

3) По 78 статьѣ Проекта, нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы устно позорящему другихъ лицъ диффаматору, разглашающему обстоятельства, касающіяся частной или семейной жизни, предоставлялись бы какія либо преимущества, по сравненію съ диффаматоромъ, распространяющимъ подобныя же свѣдѣнія на письмѣ или въ печати. Устная клевета по своимъ послѣдствіямъ нерѣдко равносильна печатной, а иногда даже вреднѣе, такъ какъ до источника ея труднѣе доискаться. Было бы желательно вовсе не допускать exceptio veritatis при разглашеніи обстоятельствъ, касающихся частной и семейной жизни, безразлично, происходило ли разглашеніе устно или въ печати и т. п. Сообразно этому и принимая во вниманіе соображенія, высказанныя при разборѣ предшествующей статьи, пунктъ 1 статьи 78 слѣдовало бы изложить такъ: „относится къ частной или семейной жизни опороченнаго и разглашеніе не было вызвано необходимостью исполненія лежавшихъ на разгласившемъ обязанностей государственныхъ или общественныхъ; или“....

4) Не соглашаясь съ общимъ мнѣніемъ редакціоннаго комитета объ исключеніи 3 пункта статьи 78, В. Д. Спасовичъ, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что и сохраненіе его въ настоящей редакціи нежелательно, такъ какъ она можетъ дать поводъ заключить, что всякія сужденія о преступныхъ дѣяніяхъ, по которымъ послѣдовали оправдательные приговоры, воспрещены. Разборъ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, даже и производившихся при закрытыхъ дверяхъ, или вполнѣ, или въ главныхъ чертахъ, уже разглашенъ; сужденія о всякомъ разгласившемся фактѣ свободны. Слѣдовательно, нельзя воспретить высказывать мнѣніе о виновности въ преступленіи лица, въ немъ оправданнаго, или о совершеніи имъ дѣянія, ему невмѣненнаго въ вину. Конечно, правильно желаніе составителей Проекта не допускать пересмотра рѣшеннаго дѣла посредствомъ *представленія на судъ общественнаго мнѣнія новыхъ доказательствъ виновности оправданнаго судомъ*; но эта цѣль можетъ быть достигнута, если 3 п. будетъ изложенъ такъ: *„относится къ преступному дѣянію, по коему состоялся оправдательный приговоръ, и не было предметомъ судебнаго разбирательства.“*

IV. *Особое мнѣніе А. Т. Серебрякова, Н. Д. Сергѣевскаго и В. Д. Спасовича.*

Право иска и наказуемость при посредственныхъ родственныхъ обидахъ не должны быть ограничиваемы, какъ то дѣлаетъ Объяснительная Записка, предоставленіемъ преимущества въ искѣ непосредственно оскорбленному, въ томъ смыслѣ, что посредственно оскорбленные могутъ искать за обиду только тогда, когда непосредственно оскорбленный не имѣетъ законнаго права иска, и не могутъ— во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственно оскорбленный по закону можетъ, но не желаетъ жаловаться. Такое примѣненіе принципа volenti non fit injuria представляется неправильнымъ: если законъ установляетъ фикцію общей семейной чести и признаетъ оскорбленіе одного члена оскорбленіемъ всѣхъ прочихъ, то оскорбленіе этихъ послѣднихъ тѣмъ самымъ получаетъ самостоятельное бытіе. Они сами оскорблены, сами претерпѣли посягательство на честь и должны поэтому имѣть право процедировать совершенно независимо отъ воли непосредственно оскорбленнаго.

V. *Особое мнѣніе К. Д. Анциферова, А. А. Маркова и Е. И. Утина* по ст. 72.

Означенныя лица, вполнѣ соглашаясь съ предположеннымъ въ общемъ мнѣніи редакціоннаго комитета пониженіемъ наказаній въ 72 статьѣ за обиду, не находятъ, однако, правильнымъ другую часть предположенія, именно, допущеніе кумулятивнаго наложенія ареста и денежной пени. Они полагаютъ, что санкція 72 статьи, будучи измѣнена относительно размѣровъ наказаній, должна сохранить альтернативную конструкцію и судья не долженъ имѣть права налагать оба наказанія совмѣстно.

VI. *Особое мнѣніе А. А. Маркова*, по ст. 74.

А. А. Марковъ полагаетъ желательнымъ ввести въ статью 74, въ числѣ квалификацій оскорбленія, признакъ клеветы въ тѣсномъ смыслѣ и, сообразно этому, дополнить означенную статью пунктомъ 8: *„если распространенные слухи завѣдомо ложны“*.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Оглашеніе тайнъ.

По содержанію статей 83 — 85 Проекта могутъ быть сдѣланы лишь слѣдующія частныя замѣчанія:

1) Выраженіе статьи 83: „сообщенныя ему свѣдѣнія“ можетъ

вызвать представленіе, что здѣсь разумѣются лишь свѣдѣнія, сообщенныя на словахъ или на письмѣ, а не свѣдѣнія, полученныя инымъ путемъ, напр., при медицинскомъ осмотрѣ больнаго. Поэтому, въ видахъ ясности, означенное выраженіе слѣдуетъ замѣнить словами: *„полученныя имъ"*.

2) Въ виду того обстоятельства, что оглашеніе тайнъ, по объективному своему значенію, представляется столь же вреднымъ, какъ и опороченіе (опозореніе), предусмотрѣнное въ 73 статьѣ, а нерѣдко даже болѣе вреднымъ и непріятнымъ для лицъ заинтересованныхъ, чѣмъ это послѣднее, наказаніе за оглашеніе тайнъ не можетъ быть въ законѣ назначаемо меньшее, сравнительно съ наказуемостью опороченія. Сообразно этому, санкція статьи 83 Проекта должна быть опредѣлена такъ: *„тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ"*.

3) Выраженіе статьи 84 Проекта о вскрытіи чужихъ писемъ, депешъ и бумагъ „запечатанныхъ" представляется, съ одной стороны, неточнымъ, такъ какъ не согласуется съ общепринятымъ нынѣ способомъ заклейванья писемъ, а съ другой — излишнимъ, такъ какъ слово „вскрытіе" прямо предполагаетъ, что письмо было закрыто, т. е. запечатано, заклеено и проч. Посему слово: „запечатанныхъ" должно быть изъ статьи 84 исключено.

4) Выраженіе той же статьи 84, во второй части „безъ законнаго основанія" представляется излишнимъ, въ виду того обстоятельства, что признакъ противозаконности или отсутствія законныхъ основаній есть общее условіе наказуемости всѣхъ дѣяній (см. общая часть) и не долженъ быть повторяемъ при опредѣленіи спеціальныхъ составовъ въ особенной части Уложенія. Означенное выраженіе должно быть изъ текста 84 статьи исключено.

Сообразно сказанному, въ текстѣ главы восьмой Проекта желательны слѣдующія измѣненія:

Оглашеніе тайнъ.

Проектъ.	Предположенія редакціоннаго комитета.
83. Лице, обязанное по своему званію или занятію хранить втайнѣ сообщенныя ему свѣдѣнія, виновное въ умышленномъ оглашеніи, кромѣ случаевъ, въ коихъ сіе	83*. Лице, обязанное по своему званію или занятію хранить втайнѣ полученныя имъ свѣдѣнія, виновное въ умышленномъ оглашеніи, кромѣ случаевъ, въ коихъ сіе

было для него обязательно, таковой тайны, буде притомъ оглашенное свѣдѣніе могло опозорить лице, къ коему оно относилось, и виновный не подлежитъ за сіе наказанію какъ за обиду или опозореніе, наказывается: арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.	было для него обязательно, таковой тайны, буде притомъ оглашенное свѣдѣніе могло опозорить лицо, къ коему оно относилось, и виновный не подлежитъ за сіе наказанію какъ за обиду или опозореніе, наказывается: тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ.
84. Виновный въ умышленномъ вскрытіи запечатанныхъ чужихъ письма, депеши или иной бумаги наказывается: арестомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежною пенею не свыше ста рублей. Если же вскрытіе учинено должностнымъ лицемъ, безъ законнаго на то основанія, то виновный наказывается: тюрьмою.	84*. Виновный въ умышленномъ вскрытіи чужихъ письма, депеши или иной бумаги, наказывается: арестомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежною пенею не свыше ста рублей. Если же вскрытіе учинено должностнымъ лицемъ, то виновный наказывается: тюрьмою
85. Уголовное преслѣдованіе за дѣянія, въ сей главѣ предусмотрѣнныя, возбуждается только по жалобѣ потерпѣвшаго.	85*. *Безъ измѣненій.*

Затѣмъ, по содержанію настоящей главы Проекта, заявлены членами комитета нижеслѣдующія особыя мнѣнія:

I. Особое мнѣніе А. В. Михайлова, по ст. 83, 84, 85.

1) Изъ ст. 83 ясно видно, что для наличности наказуемаго оглашенія тайны необходимы слѣдующія условія: 1) чтобы тайна касалась такого обстоятельства, которое могло бы опозорить того, кѣмъ она ввѣрена; 2) чтобы въ тоже время оглашеніе ея не подходило подъ понятіе наказуемой обиды или опозоренія; 3) чтобы оно исходило отъ лица, обязаннаго, по званію своему или занятіямъ, хранить тайну; 4) чтобы при этомъ оглашеніе не было для этого лица обязательнымъ, и 5) чтобы оно было умышленное.

Соотвѣтственно этимъ существеннымъ условіямъ, Проектъ признаетъ: во 1-хъ, что по 83 ст. можетъ быть наказуемо разглашеніе свѣдѣній только *оскорбительныхъ*, а не иныхъ, наказуемость коихъ опредѣлена въ особыхъ раздѣлахъ Уложенія, какъ-то: тайнъ государственныхъ, служебныхъ, торговыхъ и промышленныхъ, соотвѣтственно опредѣленіямъ, указаннымъ въ ст. 253, 256, 419, 420, 423, 576, 1157, 1187, 1316 и 1355 Улож. о нак. изд. 1876 г.; во 2-хъ, требуется, чтобы разгласившій тайну сообщалъ такой фактъ, который не подходилъ бы къ *ложному свѣдѣнію*, составляющему предметъ наказуемаго опозоренія (стр. 544 Объясн. Зап.), въ 3-хъ, чтобы опредѣленіе категорій лицъ, обязанныхъ сохранять тайну, было предоставлено судебной практикѣ и, потому, достаточно ограничиться общимъ указаніемъ на то, что лица эти, по званію своему или занятіямъ, принадлежали бы къ числу таковыхъ; въ 4-хъ, чтобы лице, обязанное хранить тайну, не было бы обязано въ тоже время по процессуальнымъ законамъ оглашать ее; въ 5-хъ, чтобы это лице огласило тайну съ умысломъ, хотя бы и безъ цѣли повредить тому, кого тайна касается.

Положенія эти вызываютъ слѣдующія соображенія:

Если оглашеніе тайнъ поставлено подъ угрозу наказанія и въ то же время подъ нимъ *не* слѣдуетъ разумѣть ни обиды, ни опозоренія, наказуемыхъ, согласно ст. 72—82, по жалобѣ потерпѣвшаго, то неминуемо возникаетъ вопросъ: въ чьихъ интересахъ создается новый уголовный законъ, охраняющій тайны гражданъ—въ интересахъ государственнаго порядка или частныхъ лицъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ ст. 85 Проекта и первое изъ вышеприведенныхъ положеній, согласно которому разглашеніе тайнъ, преслѣдуемое въ интересахъ общественнаго порядка, составитъ предметъ особыхъ раздѣловъ Уложенія. Существенное при этомъ требованіе редакціонной коммисіи, указанное въ томъ же первомъ положеніи, чтобы разглашеніе тайны было *оскорбительно*, и самое наказаніе, полагаемое за него, какъ за *обиду*, въ связи съ принципомъ невмѣшательства государства вообще въ дѣла о личныхъ обидахъ (стр. 440 Объясн. Зап.), достаточно убѣждаютъ въ томъ, что ст. 83 проектируется *въ интересахъ частныхъ лицъ*. Но въ этихъ же самыхъ интересахъ создана и вся глава 7 *объ оскорбленіяхъ*. Такимъ образомъ, приходится точно опредѣлить различіе *обиды* и *опозоренія*—съ одной стороны и *оглашенія тайнъ*—съ другой.

Слѣдуя приведеннымъ выше положеніямъ, прежде всего, при-

дется подъ *оглашеніе тайнъ* подвести сообщеніе такихъ о какомъ либо лицѣ свѣдѣній, которыя, *позоря* это лице, не могли бы однако дать ему права требовать наказанія, какъ за обиду и опозореніе. Такими свѣдѣніями коммисія признаетъ истинныя, дѣйствительныя событія чьей либо жизни, а не вымышленныя. Эти послѣднія коммисія вводитъ въ составъ понятія *опозоренія* (стр. 544 Объясн. Зап.). Что же касается до *обиды*, то она отличается отъ оглашенія тайнъ уже по тому одному, что это послѣднее *заочно*, а заочныхъ *обидъ* редакціонная коммисія, слѣдуя твердому принципу нашего законодательства, вообще не признаетъ (стр. 471). Не трудно, однако, замѣтить, что, по существу дѣла, связь между этими двумя дѣяніями очевидна. Если оглашеніе тайнъ вообще вызываетъ мысль о возмездіи, то, конечно, потому только, что имъ наносится обида тому, кто тайну ввѣрилъ. Сама редакціонная коммисія, сводя посягательство на личное достоинство къ двумъ основнымъ типамъ, ко второму относитъ „оглашеніе о комъ либо слуховъ, касающихся его дѣйствій или какихъ либо относящихся къ нему обстоятельствъ, которыя должны обезславить его въ глазахъ другихъ“ (Об. Зап. стр. 445). При этомъ, изслѣдуя исторически юридическое понятіе оскорбленія по русскимъ законамъ, коммисія находитъ, что составители уложенія о наказаніяхъ признавали оскорбленіе посредствомъ ненастоящей клеветы заключающимъ въ себѣ три случая: 1) составленіе и распространеніе ругательныхъ сочиненій и изображеній; 2) поддѣлку оскорбительныхъ письма или бумаги, и 3) *оглашеніе тайнъ, оскорбительныхъ для чести*. Такимъ образомъ, элементъ обиды существенъ въ „оглашеніи тайнъ“, а слѣдовательно, возможность уголовнаго преслѣдованія за оглашеніе тайнъ, въ сущности, представляется способомъ преслѣдованія за заочную обиду, что уже потому нежелательно, что Проектомъ вовсе устранено понятіе заочныхъ обидъ.

Далѣе, какъ существенное условіе „оглашенія тайнъ“ поставлена личность оглашающаго: требуется, чтобы это лице, по званію своему или занятіямъ, обязано было хранить сообщенную ему тайну.

Здѣсь нельзя не замѣтить, что это особое условіе, существенно отличая оглашеніе тайнъ отъ обиды или опозоренія, въ тоже самое время указываетъ на такую специфическую сторону преступнаго дѣянія, которая исключаетъ другой, тоже существенный его признакъ — *умышленность*. Если спеціальное занятіе или профессія особо обязываютъ хранить тайну, сообщенную лицу, къ этой про-

фессіи принадлежащему, то именно въ видахъ, съ одной стороны, особаго довѣрія, внушаемаго этою послѣднею, а съ другой—необходимости частныхъ лицъ обращаться къ такимъ спеціалистамъ; но это довѣріе въ такомъ случаѣ совершенно одинаково относится какъ къ честности спеціалиста, такъ и къ его серьезности. Если частному лицу законъ предоставляетъ право уголовнаго преслѣдованія врача или адвоката за самый фактъ опозоривающаго оглашенія его тайны, то не все ли равно, въ смыслѣ состава преступнаго дѣянія, умышленно или неумышленно тайна оглашена? Разъ, что для такого врача обязательно храненіе тайны, то несохраненіе ея преступно, совершенно независимо отъ того, съ умысломъ или безъ онаго тайна не сохранена, подобно тому какъ вещь, отданная на сохраненіе, будетъ считаться хозяиномъ ея утерянною, совершенно безразлично къ тому, нарочно она брошена или обронена по небрежности хранителемъ. Такое положеніе совпадаетъ, притомъ, и съ ст. 43 Проекта (общей части), устанавливающей одинаковую наказуемость какъ за умышленныя, такъ и за неосторожныя нарушенія, и не теряетъ своего значенія даже, если принять во вниманіе элементъ чести, присущій оглашенію тайнъ, какъ преступленію. Элементомъ оскорбленной чести ввѣрившаго тайну преступное дѣяніе это тѣсно соприкасается съ обидами вообще, а относительно обидъ, какъ одного изъ видовъ посягательства на честь, умышленность сама собою предполагается, по справедливому замѣчанію редакціонной коммисіи, и въ этомъ смыслѣ, какъ она указываетъ, сенатъ всегда непремѣннымъ условіемъ примѣненія ст. 130 мироваго устава ставилъ *умышленное* нанесеніе обиды; оскорбленіе же чести по неосторожности или небрежности должно наказываться, по ученію сената, лишь по 1 ч. 9 ст. того же устава, т. е. выговоромъ, замѣчаніемъ или внушеніемъ (стр. 464 Объясн. Зап.). Но само собою разумѣется, что въ преступномъ дѣяніи *оглашенія тайнъ* центръ тяжести лежитъ все таки не въ оскорбительности тайны, а въ ея *гласности* и, потому, умышленность тутъ никакой роли *въ опредѣленіи состава преступленія* играть не должна, вліяя лишь на мѣру наказанія.

По практическимъ соображеніямъ проектируемая ст. 83 вообще не желательна по слѣдующимъ основаніямъ.

Если вообще нежелательно оглашеніе тайнъ въ интересахъ частныхъ лицъ и общественнаго спокойствія и порядка, то въ этихъ же интересахъ и послѣдовательности ради не слѣдуетъ же-

лать и судебнаго производства объ оглашеніи тайнъ, такъ какъ это производство сдѣлаетъ тайну еще болѣе оглашенною. Уже и въ настоящее время дѣла объ оскорбленіяхъ, обидахъ и клеветѣ служатъ у насъ источникомъ кляузъ и нерѣдко шантажа. Всѣ эти дѣла, однако, не смотря на ихъ существенное юридическое различіе, по дѣйствующему законодательству, имѣютъ одно общее свойство въ отношеніи процессуальномъ—они болѣе или менѣе достовѣрно доказательны; во всѣхъ ихъ наличность преступленія доказывается болѣе или менѣе ясно или свидѣтелями, или письменными доказательствами; но въ дѣлѣ *объ оглашеніи ввѣренной тайны*—свидѣтелями можетъ быть доказанъ только фактъ *оглашенія*, фактъ же *довѣрія тайны* ничѣмъ инымъ, кромѣ собственнаго показанія жалобщика, не можетъ быть доказанъ, ибо, коль скоро этотъ фактъ подтверждается свидѣтелями, то уже нѣтъ тайны. Отсюда, обвиняемые будутъ поставлены въ крайне тяжелое положеніе передъ судомъ и предпочтутъ отъ такого положенія откупаться деньгами, что, въ свою очередь, разовьетъ шантажъ и кляузничество. Нельзя при этомъ не принять во вниманіе и того, что при всѣхъ недостаткахъ нашего дѣйствующаго Уложенія, какъ въ существѣ даваемыхъ имъ опредѣленій преступнымъ дѣяніемъ, такъ и въ системѣ, установленной имъ лѣстницы наказаній,—пробѣлъ, заключающійся именно въ отсутствіи наказанія за оглашеніе тайнъ, ничѣмъ не давалъ себя чувствовать до сихъ поръ. Ни изъ судебной практики, ни изъ работъ нашихъ криминалистовъ, невозможно сдѣлать такого вывода, чтобы юридическая жизнь наша выдвинула потребность въ нормированіи этого рода преступныхъ дѣяній. Самое устраненіе этого преступленія изъ кодексовъ 1845 и 1857 годовъ по изданію уложенія 1866 г. доказываетъ сознаніе законодателя въ излишествѣ его, а появленіе ст. 137 въ мировомъ уставѣ о наказаніяхъ, какъ извѣстно, не привело ни къ какимъ практическимъ результатамъ; по крайней мѣрѣ, какъ положительно извѣстно изъ практики Петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда и нѣкоторыхъ другихъ, дѣлъ *объ оглашеніи тайнъ* не производилось, такъ что единственнымъ стимуломъ появленія у насъ въ новомъ кодексѣ этого вида посягательствъ на личность слѣдуетъ считать существованіе его въ иностранныхъ законодательствахъ.

По всѣмъ этимъ основаніямъ, я полагалъ бы ст. 83 Проекта вовсе исключить, если же это не признано будетъ возможнымъ, то во первыхъ, исключить изъ текста ея слово „умышленномъ", а во

вторыхъ—понизить наказуемость, именно: не свыше трехъ мѣсяцевъ ареста и трехъ сотъ рублей денежной пени.

2) Предлагая совершенно исключить эту статью, я не могу въ тоже время не обратить вниманія на пробѣлъ, замѣчаемый во всей главѣ объ оскорбленіяхъ, который тѣмъ чувствительнѣе, что Проектомъ предположена статья о нарушеніи тайнъ.

Простирая заботливость свою о личномъ достоинствѣ гражданъ столь далеко, что посягательство на это достоинство наказуемо даже тогда, когда самъ объектъ этого посягательства виноватъ отчасти въ немъ, ибо онъ самъ добровольно ввѣрилъ тайну, неубѣдившись хорошенько въ скромности и честности того, кому ее сообщилъ, Проектъ въ тоже время ничего не упоминаетъ о такомъ посягательствѣ на личность, въ которомъ пострадавшій рѣшительно ни чѣмъ и ни въ какомъ смыслѣ не виноватъ, а именно—о ложномъ доносѣ. При обострившихся современныхъ политическихъ обстоятельствахъ, этотъ видъ обиды практикуется все чаще и чаще, и судебная наша практика послѣднихъ лѣтъ несомнѣнно убѣждаетъ въ необходимости сохранить издавна существующій на этотъ предметъ законъ. По дѣйствующему своду изд. 1866 года, ложный доносъ совершенно выдѣленъ изъ преступленій, имѣющихъ предметомъ посягательство на личную честь и достоинство и помѣщенъ въ отд. 3 гл. 3 разд. VIII, о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія. По толкованію, однако, уголовнаго кассаціонаго департамента (рѣш. 1876 г. по дѣлу Музмана), подъ ложнымъ доносомъ слѣдуетъ разумѣть такое ложное извѣщеніе правительства о чьемъ либо преступленіи, которое имѣетъ цѣлью исключительно повредить лицу, противъ котораго взводится обвиненіе; слѣдовательно, объектомъ преступленія здѣсь на первомъ планѣ является не общество, не порядокъ благочинія, а отдѣльная личность и, притомъ, въ сферѣ нравственной лично принадлежащихъ ей правъ, а не матеріальной—правъ по имуществу, почему и закону, охраняющему личность отъ такого нарушенія этихъ правъ, слѣдовало бы найти себѣ мѣсто въ главѣ объ оскорбленіяхъ. По французскому праву (code pénal ст. 367) ложный доносъ отнесенъ къ преступленіямъ противъ *лицъ*, и помѣщенный въ § II отд. 7 гл. 1 тит. 3—о клеветѣ, обидахъ и оглашеніи тайнъ, опредѣленъ такъ: quiconque aura fait par écrit une dénonciation calomnieuse contre un ou plusieurs individus aux officiers de justice ou de police administrative ou judiciaire. — Такимъ образомъ, ложнымъ до-

носомъ признается клеветническое донесеніе передъ властями. Соприкасаясь съ обидой и опозореніемъ въ этомъ смыслѣ, ложный доносъ, въ тоже время, существенно отъ нихъ отличается: отъ первой—отсутствіемъ непосредственнаго обращенія обидчика (доносчика) къ лицу обиженнаго, а отъ втораго—отсутствіемъ элемента *разглашенія*. Благодаря таковымъ двумъ свойствамъ, ложный доносъ становится значительно опаснѣе и вреднѣе всѣхъ другихъ видовъ посягательства на личную честь. При опредѣленіи состава этого преступнаго дѣянія необходимо выяснить понятіе о немъ въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено въ ст. 940 Улож. о наказ. (изд. 1866 г.). Два существенныхъ признака необходимы для наличности этого преступленія: 1) ложное обвиненіе кого либо и 2) предъявленіе такого обвиненія начальству обвиняемаго, а по разъясненію сената (дѣло Музмана 1876 г.)—вообще правительству. Но оба эти признака, по самому существу своему, довольно шатки. Такъ, ложнымъ обвиненіемъ кого либо можетъ быть признана всякая несправедливая, неосновательная жалоба, а подъ неопредѣленнымъ выраженіемъ „начальства", „правительства" можно разумѣть всякую власть, слѣдовательно, и такую, обращеніе къ которой не поведетъ ни къ какимъ послѣдствіямъ для обвиняемаго по некомпетентности этой именно власти въ обсужденіи доноса. Существеннымъ отличіемъ неосновательной жалобы отъ ложнаго доноса слѣдуетъ признать отсутствіе какихъ бы то ни было отношеній между обвинителемъ и обвиняемымъ, общихъ съ предметомъ доноса. Такъ напримѣръ, если должникъ по векселю посылаетъ неосновательную жалобу на векселедержателя въ подлогѣ этого векселя, то это будетъ несправедливая жалоба, а не доносъ, но если тотъ же должникъ посылаетъ на того же векселедержателя неосновательное обвиненіе въ поддѣлкѣ фальшивыхъ ассигнацій, то это будетъ ложный доносъ, или, если то же обвиненіе въ подлогѣ послано не векселедателемъ, а лицомъ постороннимъ, то это будетъ ложный доносъ. Что касается до того, кого разумѣть подъ начальствомъ или правительствомъ относительно понятія ложнаго доноса, то здѣсь необходимо принять во вниманіе тотъ существенный признакъ ложнаго доноса, которой, какъ сказано выше, установленъ сенатомъ по дѣлу Музмана, а именно—исключительная цѣль доносчика повредить обвиняемому. Если доносъ посланъ такой власти, которая вправѣ или обязана дать ему ходъ и, слѣдовательно, можетъ повредить обвиняемому, то какова бы она ни была—наличность ложнаго доноса

констатирована; если же эта правительственная власть такова, что она не вправѣ и не обязана давать движенiе доносу, то доноса нѣтъ, какъ нѣтъ вообще преступнаго дѣянiя тамъ, гдѣ оно выполнено негодными средствами. Нельзя однако не замѣтить, что положенiе это могло бы быть проведено послѣдовательно лишь въ томъ случаѣ, если бы предметъ — содержанiе доноса—возможно было опредѣлить впередъ, подобно тому какъ напримѣръ, опредѣленъ предметъ угрозы въ ст. 52 Проекта. Здѣсь угрозой признается лишь обѣщанiе совершить преступленiе или проступокъ. Если бы ложнымъ доносомъ можно было признать только такую ложную жалобу, которая обвиняетъ кого либо въ преступленiи или проступкѣ, то подъ опредѣленiе начальства или правительства подошли бѣ всѣ тѣ власти, которыя въ слѣдственномъ и судебномъ порядкѣ вѣдаютъ дѣло о преступленiяхъ или проступкахъ. Но это противорѣчило бы вышеозначенному характеристическому признаку доноса, какъ обвиненiю съ исключительною цѣлью повредить кому-либо; повредить же можно обвиненiемъ и въ такомъ дѣянiя, которое не составляетъ ни преступленiя, ни проступка, и которое, слѣдовательно, не вѣдается какою либо особенною властью. Такъ, въ данную минуту административная власть можетъ признать полезнымъ изъять изъ обращенiя въ библiотекахъ какiя-нибудь книги какихъ либо авторовъ, почему либо ею неодобряемыхъ, хотя бы книги эти и были въ свое время одобрены цензурою. Сохраненiе этихъ авторовъ содержателями библiотекъ не составитъ ни преступленiя, ни проступка по уложенiю о наказанiяхъ, тѣмъ не менѣе, увѣдомленiе кѣмъ либо власти о нахожденiи этихъ книгъ въ данной библiотекѣ можетъ повлечь у ея содержателя обыскъ, т. е. повредить ему. Увѣдомленiе можетъ быть послано какъ непосредственно полицейской власти, такъ и всякой другой, ибо и всякая другая власть, хотя и невѣдающая спецiально преступленiя и проступки, можетъ признать увѣдомленiе серьезнымъ и, въ свою очередь, сообщить о немъ полицейской власти или судебной. Поэтому, опредѣленiе ложнаго доноса слѣдовало бы дать такое: „ложнымъ доносомъ признается такое несправедливое обвиненiе кого либо передъ властью въ какомъ то ни было дѣянiи, которое, исходя отъ лица совершенно посторонняго этому дѣянiю, можетъ навлечь для обвиняемаго стѣснительныя мѣропрiятiя со стороны власти". Согласно этому и всему изложенному выше по предложенiю моему объ исключенiи вовсе ст. 83, надлежало бы главу 8 совершенно исключить, а ст. 83 изложить такъ:

Виновный въ такомъ несправедливомъ обвиненіи кого либо, которое, исходя отъ лица совершенно посторонняго предмету обвиненія, можетъ навлечь для обвиняемаго стѣснительныя мѣропріятія со стороны власти, наказывается, какъ за ложный доносъ, тюрьмою.

Затѣмъ, подобно тому, какъ ст. 77 предоставляетъ право разгласившему обстоятельства, позорящія честь, доказывать достовѣрность таковыхъ, слѣдовало бы особою статьею постановить, что ложный доносъ не почитается таковымъ, если доносчикъ докажетъ достовѣрность доноса.

3) Статья 84 существенно отличается отъ предъидущей общимъ характеромъ своимъ. Въ то время, какъ ст. 83 караетъ оглашеніе тайнъ исключительно оскорбительныхъ, ст. 84 ставитъ подъ угрозу наказанія голый фактъ умышленнаго вскрытія чужаго письма, депеши или иной бумаги, независимо отъ *содержанія* того или другаго, различая возмездіе лишь по тому, кѣмъ вскрытіе учинено—частнымъ или должностнымъ лицемъ. При этомъ, существенное различіе во вскрытіи письма этими лицами состоитъ въ *„законномъ основаніи“* вскрытія. Относительно частныхъ лицъ не сдѣлано никакой оговорки о законномъ основаніи, такъ что *всякое* умышленное вскрытіе частнымъ лицемъ чужаго письма наказуемо; должностное же лице вправѣ вскрыть письмо, если имѣетъ законное къ тому основаніе. По поводу этого выраженія, въ дополненіе къ тому, что сказано въ общемъ мнѣніи комитета уголовнаго отдѣленія юридическаго общества, нельзя не остановиться на вопросѣ о томъ: что считать законнымъ основаніемъ? Если подъ таковымъ разумѣть право, предоставленное *закономъ*, то окажется, что только въ двухъ случаяхъ корреспонденція можетъ быть вскрываема должностными лицами *по закону*, а именно 1) въ случаѣ обнаруженія на почтѣ пересылки въ штемпельныхъ конвертахъ денегъ и вещей безъ объявленія о томъ при самомъ отправленіи письма, и когда по прошествіи мѣсяца со дня полученія на почтѣ письма безъ означенія адреса получателя, сей послѣдній не явится въ такъ называемую рестовую экспедицію за полученіемъ онаго (ст. 426, 436, 465 и 466 т. VII уст. почт. св. зак. изд. 1857 г., а также ст. 33, 58 и 483 почт. прав. изд. Полидарова 1880 г.), и 2) когда корреспонденты оба или одинъ состоятъ подъ слѣдствіемъ (обыскъ и выемка). Но при современномъ политическомъ состояніи государствъ, вскрытіе писемъ не только лицъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ, но и

вообще всѣхъ, почему-либо правительствами признаваемыхъ подозрительными, ни для кого не тайна, а по мнѣнію многихъ перлюстрація считается неизбѣжнымъ и необходимымъ способомъ управленія. Съ другой стороны, если подъ выраженіемъ „законное основаніе" разумѣть *справедливую причину*, то, хотя нельзя не допустить въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ законности вскрытія чужаго письма и частнымъ лицемъ, въ особенности тогда, когда самое понятіе *чужаго* съуживается (напр. для предупрежденія семейнаго несчастія и т. п.), но тѣмъ не менѣе, съ допущеніемъ такихъ исключеній, принципъ неприкосновенности частной корреспонденціи, очевидно, уже пошатнется, а онъ только и мыслимъ при безусловности. Такимъ образомъ, выраженіе „законное основаніе", съ одной стороны, не обнимаетъ собою всѣхъ случаевъ вскрытія чужихъ писемъ должностными лицами по обязанностямъ ихъ службы и, посему, можетъ поселить въ публикѣ обманчивую, такъ сказать, увѣренность въ безусловной тайнѣ корреспонденціи внѣ вышеуказанныхъ двухъ случаевъ, а съ другой,—можетъ дать поводъ суду признать что вскрытіе письма частнымъ лицемъ учинено по необходимости и по уважительнымъ, хотя и неуказаннымъ въ законѣ, основаніямъ, хотя въ дѣйствительности и не будетъ на лицо такихъ основаній.

Точно такъ и выраженіе „чужихъ" можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, напр. въ случаѣ вскрытія кѣмъ либо письма своего родственника; поэтому было-бы точнѣе замѣнить его словами „непринадлежащихъ ему."

По этимъ соображеніямъ, вполнѣ соглашаясь съ тѣми измѣненіями ст. 84, которыя сочтены необходимыми комитетомъ, я полагалъ бы, сверхъ того, выраженіе: „чужихъ" замѣнить словами: *„непринадлежащихъ ему."*

4) Соприкасаясь съ обидами, оглашеніе тайнъ невольно вызываетъ вопросъ о безнаказанности или ненаказуемости оглашенія, подобно ненаказуемости обидъ.

Относительно сихъ послѣднихъ въ соображеніяхъ редакціонной коммисіи (стр. 461 и 462) приведены подробныя указанія, какъ изъ дѣйствующаго законодательства, такъ и изъ судебной (сенатской) практики, но затѣмъ, въ одномъ мѣстѣ этихъ соображеній коммисія полагаетъ излишнимъ дѣлать какія-либо особыя указанія въ законѣ на ненаказуемость оскорбленій (стр. 462 Объясн. Зап.), а въ другомъ—заявляетъ, что въ ст. 82 указанъ только въ самыхъ

общихъ чертахъ порядокъ преслѣдованія оскорбленій, такъ какъ болѣе подробныя по сему предмету постановленія будутъ включены въ уставъ уголовнаго судопроизводства (стр. 540).

Между тѣмъ, вопросъ о личныхъ обидахъ между родителями и дѣтьми и между супругами по дѣйствующему законодательству (ст. 764 т. XV ч. 1 и 161 т. X ч. 1 изд. 1842 г., ст. 157, X т. ч. 2 изд. 1876 г. и ст. 704 уст. угол. судопр. изд. 1876 г.) и по практикѣ правительствующаго сената (рѣш. 72 г. 61, 69 г. 551, 612, 1002, 72 г. 215 и 74 г. 559) представляется настолько серьезнымъ, что желательно было-бы разрѣшить его такъ или иначе нынѣ-же, при проектированіи новаго Уложенія, а слѣдовательно, вмѣстѣ съ нимъ и вопросъ объ оглашеніи тайнъ между этими лицами. Съ своей стороны, придерживаясь ученія правительствующаго сената, высказаннаго въ дѣлахъ Пономарева, Соколовскаго, Кудряшова, Антонова, Карашовой и Макровца, и раздѣляемаго Н. Неклюдовымъ (Руков. т. 1 стр. 13), я полагалъ-бы исковъ объ обидахъ между родителями и дѣтьми и между супругами вовсе недопускать, согласно чему недопускать со стороны этихъ лицъ и исковъ объ оглашеніи тайнъ, если вообще ст. 83 будетъ удержана. А потому, ст. 85 надлежало-бы, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, дополнить такъ: *„но жалобы на дѣянія, предусмотрѣнныя въ ст. 83 и 84, со стороны супруговъ, родителей и дѣтей, опекуновъ и опекаемыхъ не допускаются.“*

II. Особое мнѣніе В. Д. Спасовича, по ст. 83.

В. Д. Спасовичъ полагаетъ, что законъ не можетъ ограничиться наказуемостью одного оглашенія тайнъ *позорныхъ для чести.* Наоборотъ, наказанію должно подлежать оглашеніе всякихъ сообщенныхъ втайнѣ свѣдѣній, если только такое оглашеніе причиняетъ какой бы то ни было вредъ лицу, ихъ довѣрившему, и если лице огласившее обязано было, по своему званію, занятію или профессіи, хранить ихъ втайнѣ. Таковы тайны торговыя, промышленныя и пр.

III. Особое мнѣніе К. М. Гарткевича и Э. Я. Фукса, по ст. 84.

Наказуемость простаго вскрытія чужаго письма не соотвѣтствуетъ условіямъ современной русской жизни и взаимнымъ отношеніямъ близкихъ между собою лицъ. Введеніе такого преступнаго дѣянія въ уголовное уложеніе можетъ подать поводъ лишь къ кляузнымъ искамъ и шантажу. Поэтому желательно, чтобы ст. 84 была вовсе исключена.

ПРАВИЛА
О РАЗДРОБИТЕЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ
КРѢПКИХЪ НАПИТКОВЪ.

(Собр. узак. и расп. прав. 1885 г. № 63.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1885.

Объ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками.

Государственный совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Проектъ правилъ о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. Означенныя правила, а равно постановленія, изложенныя въ ст. IV, V и VII—IX, ввести въ дѣйствіе съ 1 января 1886 г., примѣнивъ упомянутыя правила къ губерніямъ, управляемымъ по общему учрежденію (свод. зак. т. II ч. 1, ст. 3), а также въ губерніи Ставропольской, и замѣнивъ ими въ отношеніи къ этимъ мѣстностямъ статьи 324—363 устава о питейномъ сборѣ.

III. Не распространять дѣйствія упомянутыхъ правилъ на города: С.-Петербургъ съ пригородными участками и Кронштадтъ, въ коихъ сохранить временно силу дѣйствующихъ въ сихъ городахъ особыхъ правилъ о раздробительной питейной торговлѣ.

IV. Въ отношеніи оптовой торговли въ перечисленныхъ въ ст. II губерніяхъ постановить слѣдующее правило:

Отпускъ вина и спирта изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ допускается количествомъ не менѣе одного ведра, причемъ отпускъ этотъ въ винныя лавки подчиняется тѣмъ же правиламъ, какія установлены для отпуска вина и спирта въ означенныя лавки изъ ведерныхъ лавокъ.

V. Примѣнить повсемѣстно къ пивнымъ лавкамъ и временнымъ выставкамъ для продажи пива дѣйствіе ст. 73 издаваемыхъ нынѣ правилъ о раздробительной торговлѣ напитками, а также пункты 6 и 8 приложеннаго къ этимъ правиламъ росписанія патентнаго сбора.

VI. Ст. 393 устава о питейномъ сборѣ изложить въ слѣдующемъ видѣ:

Не дозволяется открытіе шинковъ по городскимъ улицамъ, пересѣкаемымъ желѣзными дорогами ближе тридцати саженъ отъ угловъ, выходящихъ на линію дорогъ. Запрещается по протяженію

какъ строющихся, такъ и открытыхъ для движенія желѣзныхъ дорогъ, открывать вновь шинки внѣ городовъ, на пространствѣ ближе одной версты отъ пограничной съ обѣихъ сторонъ черты этихъ дорогъ.

VII. Въ измѣненіе и дополненіе правилъ о взысканіяхъ за нарушенія постановленій о питейномъ сборѣ (прил. къ ст. 406 уст. о пит. сборѣ, по прод. 1883 г.), постановить:

1) за продажу или храненіе въ винныхъ лавкахъ вина и спирта въ посудѣ не за надлежащею печатью, виновные подвергаются:

въ первый разъ—денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей;

во второй разъ—денежному взысканію не свыше ста рублей.

2) за продажу крѣпкихъ напитковъ распивочно изъ заведеній для торговли питьями только на выносъ, виновные подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

3) за продажу крѣпкихъ напитковъ изъ заведеній для распивочной торговли въ долгъ, на счетъ будущаго урожая, подъ закладъ платья, посуды или иныхъ вещей, за промѣнъ означенныхъ напитковъ на хлѣбъ или другія сельскія произведенія, а также за платежъ виномъ, вмѣсто денегъ, по обязательствамъ или за произведенныя работы, виновные подвергаются:

въ первый разъ—аресту не свыше двухъ недѣль, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей;

во второй разъ—аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

За совершеніе тѣхъ же проступковъ въ заведеніяхъ для торговли только на выносъ, виновные подвергаются:

въ первый разъ—аресту не свыше семи дней, или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей;

во второй разъ—аресту не свыше двухъ недѣль, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

4) Въ случаѣ совершенія проступковъ, означенныхъ въ предъидущей (3) статьѣ, независимо отъ опредѣляемаго виновнымъ наказанія, взятыя ими въ закладъ или въ промѣнъ вещи возвращаются безвозмездно собственникамъ или неотдѣленнымъ членамъ ихъ семействъ, по просьбамъ сихъ лицъ, а долги, договоры и обязательства, имѣющіе своимъ основаніемъ отпускъ крѣпкихъ напитковъ въ кредитъ, признаются недѣйствительными.

5) За открытіе заведеній для раздробительной торговли крѣпкими напитками въ недозволенное время, а равно за допущеніе въ нихъ недозволенныхъ увеселеній или игръ, или же безчинствъ и безпорядковъ, виновные подвергаются:

въ первый разъ—денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей;

во второй разъ—денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей;

въ третій разъ—денежному взысканію не свыше ста рублей.

6) За допущеніе малолѣтнихъ или видимо пьяныхъ къ распитію крѣпкихъ напитковъ въ заведеніяхъ для распивочной торговли сими напитками, виновные подвергаются денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей.

7) Въ случаѣ присужденія содержателя заведенія для раздробительной торговли крѣпкими напитками къ наказанію за принятіе вещей завѣдомо краденыхъ, въ закладъ или въ промѣнъ, а равно при осужденіи его во второй разъ за проступки, предусмотрѣнные въ ст. 2 и 3, и въ третій разъ—за проступки, указанные въ ст. 5, патентъ на заведеніе отбирается по распоряженію акцизнаго управленія или полиціи.

VIII. Въ дополненіе положенія о трактирныхъ заведеніяхъ (свод. зак. т. XII уст. о город. и сел. хоз., прилож. къ ст. 31, по прод. 1876 г.), постановить:

Сборы въ пользу города съ устраиваемыхъ въ городахъ чайныхъ и другихъ подобныхъ заведеній безъ продажи крѣпкихъ напитковъ, а также пивныхъ лавокъ съ продажею горячей пищи, не должны превышать установленныхъ съ сихъ заведеній сборовъ въ пользу казны.

IX. Статью 191 устава о табачномъ сборѣ изложить слѣдующимъ образомъ:

Всѣ заведенія для раздробительной торговли крѣпкими напитками обязаны снабжать себя установленными патентами на продажу табачныхъ издѣлій.

X. Учрежденія общественнаго управленія сельскихъ обывателей (свод. зак. т. II ч. 1) дополнить слѣдующимъ правиломъ:

Приговоры сельскихъ обществъ о недопущеніи раздробительной торговли крѣпкими напитками составляются на крестьянскихъ сходахъ по каждому селенію отдѣльно, безъ различія, состоитъ ли селеніе изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, или само составляетъ только часть сельскаго общества. Крестьянскій сходъ селенія, состоящаго изъ одного сельскаго общества, или составляющаго только

часть общества, созывается мѣстнымъ сельскимъ старостой, а сходъ селенія, состоящаго изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, созывается волостнымъ старшиною. Вопросъ о недопущеніи питейной торговли въ селеніи рѣшается на сходахъ простымъ большинствомъ голосовъ.

XI. Въ первый годъ дѣйствія издаваемыхъ нынѣ правилъ разрѣшить винокуреннымъ заводамъ, оптовымъ складамъ и ведернымъ лавкамъ отпускать вино въ винныя лавки, установленнымъ порядкомъ, въ бочкахъ, а содержателямъ винныхъ лавокъ дозволить разливъ вина въ посуду на основаніи временныхъ правилъ, которыя будутъ для того изданы министромъ финансовъ, съ тѣмъ, чтобы такой разливъ производился не въ самой лавкѣ, а въ отдѣльномъ при ней помѣщеніи, и чтобы храненіе вина и спирта въ неопечатанной посудѣ въ самой лавкѣ не допускалось. Продленіе означеннаго льготнаго срока предоставить ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мѣстнымъ условіямъ, это будетъ признано необходимымъ.

XII. Предоставить министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, установить переходныя мѣры для введенія упомянутыхъ въ ст. 1 правилъ.

XIII. Предоставить ему же, министру финансовъ, по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, войти въ соображеніе вопроса о примѣненіи издаваемыхъ нынѣ правилъ о раздробительной торговлѣ напитками къ тѣмъ изъ числа непоименованныхъ въ ст. II мѣстностямъ, гдѣ это окажется необходимымъ, и предположенія по сему предмету внести на разсмотрѣніе установленнымъ порядкомъ.

XIV. Продоставить министру внутреннихъ дѣлъ обратить особое вниманіе мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій на необходимость разъяснять волостному и сельскому начальствамъ, не исключая волостныхъ судей, обязанности ихъ по преслѣдованію пьянства (ст 2168, 2177, 2178 и 2217 общ. губ. учр , ст. 64, 86, 101, 102 общ. пол. о крест. и ст. 492—498 уст. о благ. въ казен. сел) и привлекать ихъ къ отвѣтственности, въ случаѣ неисполненія сихъ обязанностей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта, въ 14 день мая Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

На подлинном Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ Гатчинѣ.
14 Мая 1883 года. *«Быть по сему.»*

ПРАВИЛА

О РАЗДРОБИТЕЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ НАПИТКОВЪ.

Общія положенія.

1. Раздробительная продажа крѣпкихъ напитковъ, смотря по роду заведеній, производится: а) распивочно и на выносъ и б) только на выносъ.

2. Продажа распивочно и на выносъ производится: а) въ трактирныхъ заведеніяхъ (прил. къ ст. 31 уст. о гор. и сел. хоз., по прод. 1876 г.), а внѣ городскихъ поселеній также на постоялыхъ дворахъ или въ корчмахъ; б) въ пивныхъ лавкахъ; в) во временныхъ выставкахъ; г) въ погребахъ для торговли исключительно русскими виноградными винами, и д) въ станціонныхъ домахъ и буфетахъ желѣзнодорожныхъ станцій.

3. Продажа питей только на выносъ производится: а) изъ винныхъ лавокъ; б) изъ ведерныхъ лавокъ; в) изъ ренсковыхъ погребовъ, и г) изъ погребовъ для выносной торговли исключительно русскими виноградными винами.

4. Открытіе заведеній для раздробительной торговли крѣпкими напитками, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ ст. 49 и 50, разрѣшается: въ городахъ—городскими думами, а внѣ городскихъ поселеній—уѣздными по питейнымъ дѣламъ присутствіями.

Примѣчаніе. Производство питейной продажи въ станціонныхъ домахъ и въ буфетахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ разрѣшается подлежащимъ почтовымъ или желѣзнодорожнымъ начальствомъ.

5. Уѣздныя по питейнымъ дѣламъ присутствія образуются, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ предсѣдателя или члена уѣздной земской управы — по назначенію послѣдней, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, мироваго судьи — по назначенію мироваго съѣзда,

уѣзднаго исправника или его помощника и акцизнаго чиновника — по назначенію управляющаго акцизными сборами. Въ засѣданія присутствія приглашаются, кромѣ того, на правахъ членовъ, участковые мировые судьи, для обсужденія вопросовъ, касающихся ихъ участковъ.

Примѣчаніе. При отсутствіи предводителя дворянства, предсѣдательство въ присутствіи возлагается на лицо, заступающее его мѣсто, а затѣмъ — на старшаго въ чинѣ изъ присутствующихъ членовъ.

6. Разсмотрѣніе заявляемыхъ на постановленія городскихъ думъ и уѣздныхъ присутствій жалобъ и утвержденіе, въ подлежащихъ случаяхъ, сихъ постановленій возлагается на губернскія по питейнымъ дѣламъ присутствія.

7. Губернскія по питейнымъ дѣламъ присутствія образуются, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице - губернатора, губернскаго предводителя дворянства, прокурора или его товарища, управляющаго казенною палатою, управляющаго акцизными сборами, предсѣдателя или члена губернской земской управы — по назначенію послѣдней, и городскаго головы губернскаго города или члена городской управы — по назначенію послѣдней.

8. Въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ предводителей дворянства, взамѣнъ ихъ назначаются въ составъ присутствій лица, приглашаемыя министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Тамъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, представители ихъ въ присутствіяхъ замѣняются мѣстными землевладѣльцами, по приглашенію губернатора.

9. Въ городахъ Одессѣ, Таганрогѣ, Севастополѣ, Керчи и Николаевѣ обязанности губернскихъ присутствій (ст 6) возлагаются на особыя присутствія по питейнымъ дѣламъ, образуемыя, подъ предсѣдательствомъ градоначальника или военнаго губернатора, изъ предсѣдателя мироваго съѣзда или мироваго судьи — по назначенію съѣзда, прокурора или его товарища, городскаго головы или члена городской управы — по назначенію послѣдней, чиновника акцизнаго управленія — по назначенію управляющаго акцизными сборами, и начальниковъ отдѣльныхъ управленій военнаго, морскаго и таможеннаго вѣдомствъ.

10. Члены присутствій отъ акцизнаго вѣдомства (ст. 5, 7 и 9) состоятъ непремѣнными ихъ членами. На означенныхъ чиновъ возлагается подготовка дѣлъ, подлежащихъ обсужденію присутствій,

собраніе необходимыхъ свѣдѣній и справокъ и завѣдываніе дѣлопроизводствомъ въ присутствіяхъ. Расходы по дѣлопроизводству въ присутствіяхъ относятся на счетъ мѣстныхъ акцизныхъ управленій.

11. Членами губернскихъ и уѣздныхъ присутствій по питейнымъ дѣламъ не могутъ быть лица, занимающіяся въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ выдѣлкою или продажею крѣпкихъ напитковъ.

12. Члены присутствій по питейнымъ дѣламъ исполняютъ возложенныя на нихъ обязанности безвозмездно.

13. Въ засѣданія присутствій могутъ быть приглашаемы лица постороннія, отъ коихъ по свойству дѣла можно ожидать полезныхъ объясненій.

14. Постановленія губернскаго присутствія, въ случаѣ несогласія съ ними губернатора или управляющаго акцизными сборами, представляются министру финансовъ на утвержденіе, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ или другими подлежащими вѣдомствами.

15. Жалобы на постановленія городскихъ думъ и уѣздныхъ присутствій по питейнымъ дѣламъ приносятся губернскому присутствію въ двухнедѣльный срокъ со времени объявленія упомянутыхъ постановленій.

16. Заведенія для раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ вообще могутъ быть открываемы только въ мѣстахъ населенныхъ. Постоялые же дворы или корчмы могутъ быть открываемы и въ ненаселенныхъ мѣстахъ, но не иначе, однако, какъ на переправахъ, пристаняхъ и проѣзжихъ дорогахъ (уст. пут. сообщ. ст. 10), причемъ на проселочныхъ и полевыхъ дорогахъ раздробительная питейная продажа можетъ быть допускаема лишь по уваженію особыхъ мѣстныхъ условій, съ утвержденія губернскаго присутствія.

17. Не дозволяется открывать заведенія съ раздробительною продажею крѣпкихъ напитковъ, за исключеніемъ трактирныхъ заведеній, содержимыхъ по гильдейскимъ свидѣтельствамъ (п. 8 прил. къ ст. 31 уст. о гор. и сел. хоз., по прод. 1876 г.), ближе 40 саж. отъ дворцовъ Императорской фамиліи и зданій Императорскихъ театровъ. Равнымъ образомъ не дозволяется открывать означенныя заведенія, кромѣ пивныхъ лавокъ, ближе 40 саж. отъ храмовъ, монастырей, часовень (въ коихъ совершается богослуженіе или какія либо общественныя молитвословія), молитвенныхъ домовъ, мечетей и кладбищъ, а также отъ зданій, занимаемыхъ казармами, тюрьма-

ми, учебными заведеніями, больницами и богадѣльнами, отъ волостныхъ правленій и этапныхъ домовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда поименованныя учрежденія помѣщаются не въ наемныхъ, а въ особыхъ постоянныхъ помѣщеніяхъ казенныхъ, общественныхъ или принадлежащихъ имъ въ собственность.

18. Пивныя лавки воспрещается открывать ближе двадцати саженъ отъ храмовъ, монастырей и часовень, если въ сихъ послѣнихъ совершается богослуженіе, или какія-либо общественныя молитвословія, а также въ самыхъ зданіяхъ, въ коихъ помѣщаются учрежденія, поименованныя въ 17 статьѣ.

19. Опредѣленныя въ статьяхъ 17 и 18 разстоянія исчисляются для зданій, обнесенныхъ оградами — отъ оградъ, а для прочихъ — отъ ближайшей къ заведенію части зданія, до входа въ заведеніе. Означенныя разстоянія могутъ быть, по особо уважительнымъ мѣстнымъ условіямъ, увеличиваемы или уменьшаемы для отдѣльныхъ заведеній, по представленіямъ уѣздныхъ присутствій и думъ, губернскими по питейнымъ дѣламъ присутствіями, съ утвержденія министра финансовъ. Возникающіе относительно порядка измѣренія разстояній споры разрѣшаются уѣздными присутствіями или думами, по принадлежности.

20. Не дозволяется открывать заведенія съ раздробительною продажею крѣпкихъ напитковъ ближе двухъ верстъ: 1) отъ границы имѣнія Ея Императорскаго Величества—Ливадіи, отъ дворцовъ въ селѣ Ропшѣ и Царской-Славянкѣ—С.-Петербургской губерніи, и въ селахъ Ильинскомъ и Усовѣ—Московской губерніи; 2) отъ дворцовъ, находящихся въ имѣніяхъ Государя Великаго Князя Константина Николаевича: городѣ Павловскѣ — Царскосельскаго уѣзда и мызѣ Стрѣльнѣ—Петергофскаго уѣзда; 3) отъ границъ Знаменскаго имѣнія Государя Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго—въ Петергофскомъ уѣздѣ, и 4) отъ дворца, находящагося въ Михайловскомъ имѣніи Государя Великаго Князя Михаила Николаевича—въ Петергофскомъ уѣздѣ. Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, Августѣйшимъ собственникамъ имѣній, перечисленныхъ въ пунктахъ 2—4, предоставляется право сокращать означенное разстояніе и разрѣшать раздробительную продажу крѣпкихъ напитковъ на болѣе близкомъ разстояніи отъ дворцовъ, если по мѣстнымъ условіямъ это признано будетъ возможнымъ. Тѣмъ же правомъ пользуется министръ Императорскаго Двора, по отношенію къ имѣнію и дворцамъ, означеннымъ въ 1 пунктѣ.

31. Не дозволяется открывать заведенія съ продажею крѣпкихъ напитковъ при устраиваемыхъ въ городахъ во время сырной и свѣтлой недѣль качеляхъ и горахъ.

22. Запрещается въ городахъ открывать заведенія съ продажею крѣпкихъ напитковъ, кромѣ трактирныхъ заведеній, содержимыхъ по гильдейскимъ свидѣтельствамъ, въ рынкахъ и торговыхъ рядахъ, а внѣ городовъ—при мельницахъ, на которыхъ производится помолъ зерна не исключительно для домашней надобности.

23. Вдоль существующихъ желѣзныхъ дорогъ не дозволяется производить раздробительной питейной продажи, кромѣ гостинницъ на почтовыхъ станціяхъ, ближе ста саженъ отъ рельсовъ какъ главнаго пути, такъ и боковыхъ вѣтвей дороги, за исключеніемъ лишь тѣхъ побочныхъ путей, которыя служатъ собственно для надобности управленія дороги. Въ мѣстахъ расположенія желѣзнодорожныхъ станцій означенное разстояніе уменьшается: для трактирныхъ заведеній и постоялыхъ дворовъ или корчемъ — до тридцати саженъ, а для заведеній, открываемыхъ въ городахъ для торговли только на выносъ – до шестидесяти саженъ.

24. По линіямъ строющихся желѣзнодорожныхъ и искуственныхъ водяныхъ путей сообщенія продажа напитковъ внѣ городовъ и вообще внѣ поселеній дозволяется изъ заведеній, торгующихъ только на выносъ, съ соблюденіемъ при томъ слѣдующихъ условій: 1) заведенія открываются въ мѣстахъ, указанныхъ главнымъ начальствомъ надъ работами, и не могутъ находиться ближе одной версты отъ мѣстъ, гдѣ живутъ или производятъ работы болѣе пятидесяти человѣкъ рабочихъ; 2) при каждомъ участкѣ работъ не должно быть болѣе одного заведенія, кромѣ случаевъ значительнаго протяженія участка или раздѣленія его большою рѣкою, когда дозволяется имѣть два заведенія; 3) по мѣрѣ распространенія работъ, содержатели заведеній обязаны относить ихъ, по указаніямъ начальства надъ работами, на установленное разстояніе въ мѣсячный срокъ со дня предъявленія имъ о томъ требованія.

Примѣчаніе. На отводимыхъ с.-петербургскимъ округомъ путей сообщенія частнымъ лицамъ участкахъ земли, на дамбахъ каналовъ Императора Александра III и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, воспрещается открытіе заведеній съ раздробительною питейною продажею, не исключая и пивныхъ лавокъ.

25. Воспрещается производить питейную продажу, не исключая оптовой, на разстояніи двухсотъ пятидесяти саженъ отъ ка-

зенныхъ пороховыхъ заводовъ и заведеній, приготовляющихъ взрывчатыя вещества и снаряды, а также отъ оружейныхъ заводовъ, окружныхъ арсеналовъ и постоянныхъ артиллерійскихъ складовъ. Открытіе питейной продажи на разстояніи отъ двухсотъ пятидесяти саженъ до двухъ верстъ отъ упомянутыхъ заводовъ и заведеній дозволяется не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія ихъ начальства. Питейная продажа не дозволяется также на разстояніи полуторыхъ верстъ отъ зданій частныхъ пороховыхъ заводовъ.

26. Владѣльцы земли могутъ или сами производить питейную продажу на принадлежащихъ имъ земляхъ или изъявлять другимъ лицамъ согласіе на производство таковой продажи.

27. Согласіе на открытіе заведеній для раздробительной продажи напитковъ изъявляется:

а) на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, владѣльцами земель;

б) на земляхъ, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи кабинета Его Императорскаго Величества, удѣловъ, министерства государственныхъ имуществъ и другихъ вѣдомствъ—кабинетомъ Его Величества, удѣльными конторами и мѣстными установленіями подлежащихъ вѣдомствъ, по принадлежности;

в) на земляхъ церковныхъ и монастырскихъ—мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, и

г) въ селеніяхъ—владѣльцами усадебъ, которые не обязаны испрашивать дозволенія на то сельскихъ сходовъ.

28. Владѣльцы земли не могутъ взимать особой платы за согласіе на производство питейной продажи на ихъ земляхъ. Всѣ заключаемыя по сему предмету условія и сдѣлки признаются недѣйствительными. Равнымъ образомъ недѣйствительны постановленія, договоры и условія, въ коихъ изъявляется согласіе на производство питейной продажи на земляхъ, непринадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, исключительно одному или нѣсколькимъ лицамъ, въ видѣ монополіи.

Примѣчаніе. Правило это не распространяется на владѣльцевъ городовъ и мѣстечекъ, означенныхъ въ ст. 304 уст. о пит. сборѣ.

29. Заведенія для раздробительной продажи напитковъ могутъ быть содержимы какъ отдѣльными лицами, такъ и сельскими обществами.

30. Содержателями заведеній для раздробительной продажи на-

питковъ, а также прикащиками и сидѣльцами въ нихъ не могутъ быть: а) лица, состоящія подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступныя дѣйствія, предусмотрѣнныя ст. 169—177 уст. о нак., налаг. мир. судьями, или влекущія за собою ограниченіе или лишеніе правъ, а также лица, подвергшіяся наказаніямъ, или неоправданныя судебными приговорами по обвиненію въ такихъ преступныхъ дѣйствіяхъ; б) лица, исключенныя или удаленныя изъ обществъ установленнымъ порядкомъ; в) лица, состоящія по судебнымъ приговорамъ подъ полицейскимъ надзоромъ; г) лица, осужденныя за принятіе завѣдомо краденыхъ вещей въ закладъ или въ промѣнъ—въ теченіи пяти лѣтъ со времени осужденія; д) лица, осужденныя во второй разъ за проступки, предусмотрѣнные въ п. 2 и 3, и въ третій разъ—за проступки, указанные въ п. 5 ст. VII мнѣнія государственнаго совѣта по настоящему дѣлу, въ теченіи трехъ лѣтъ со времени послѣдняго осужденія.

Примѣчаніе. Къ содержанію заведеній для раздробительной продажи напитковъ, а также къ исполненію въ этихъ заведеніяхъ обязанностей прикащиковъ или сидѣльцевъ, не допускаются жены и неотдѣленные члены семействъ лицъ, не имѣющихъ права заниматься питейною торговлею на основаніи настоящей статьи.

31. Содержаніе заведеній для раздробительной торговли напитками внѣ городскихъ поселеній, сверхъ лицъ, указанныхъ въ ст. 30, не дозволяется: а) должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленій; б) письмоводителямъ мировыхъ посредниковъ и лицъ, перечисленныхъ въ ст. 5, 7 и 9; в) мѣстнымъ церковнымъ старостамъ, и г) женамъ и неотдѣленнымъ членамъ семействъ лицъ, упомянутыхъ въ сей статьѣ.

32. Прикащиками и сидѣльцами въ заведеніяхъ для раздробительной продажи напитковъ, независимо отъ лицъ, указанныхъ въ ст. 30 и 31, также не могутъ быть лица, недостигшія двадцати одного года.

33. Уѣздному присутствію предоставляется не допускать къ открытію заведеній для распивочной продажи напитковъ, а также къ исполненію обязанностей прикащиковъ и сидѣльцевъ во всякаго рода заведеніяхъ съ раздробительной продажей, лицъ, отъ которыхъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, нельзя ожидать правильнаго и согласнаго съ интересами народной нравственности производства торговли. Постановленія присутствій по сему предмету не подлежатъ обжалованію.

34. Въ каждомъ заведеніи съ питейною продажею, въ которомъ не торгуетъ самъ содержатель, долженъ быть отвѣтственный прикащикъ или сидѣлецъ. О томъ, кто состоитъ прикащикомъ или сидѣльцемъ въ заведеніи, а равно о каждой перемѣнѣ этихъ лицъ, содержатели заведеній обязаны безъ замедленія заявлять городскимъ думамъ или уѣзднымъ присутствіямъ, по принадлежности. Названнымъ учрежденіямъ предоставляется устранять означенныхъ лицъ отъ производства питейной торговли по своему усмотрѣнію.

35. Заведенія для раздробительной торговли напитками могутъ быть содержимы не иначе, какъ со взятіемъ установленныхъ свидѣтельствъ и патентовъ.

Примѣчаніе. На почтовыхъ станціяхъ, при которыхъ нѣтъ гостинницъ, продажа питей собственно проѣзжающимъ, если она разрѣшена почтовымъ начальствомъ, производится безъ патентовъ.

36. Порядокъ взятія свидѣтельствъ на содержаніе трактирныхъ заведеній опредѣляется въ положеніи о сихъ заведеніяхъ (свод. зак. т. XII уст. о гор. и сел. хоз., прил. къ ст. 31, по прод. 1876 г.). Ренсковые погреба содержатся по гильдейскимъ свидѣтельствамъ, а всѣ прочія заведенія — по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ.

37. Патентный сборъ взимается по разрядамъ мѣстностей, на основаніи приложеннаго къ сей статьѣ росписанія. Причисленіе мѣстностей къ тому или другому разряду внѣ городскихъ поселеній производится уѣзднымъ присутствіемъ, съ утвержденія губернскаго, на трехлѣтній срокъ, въ теченіи котораго не можетъ подлежать измѣненіямъ.

38. Патенты на заведенія для раздробительной продажи напитковъ выдаются на годъ, за исключеніемъ временныхъ заведеній, для которыхъ установлены краткосрочные патенты. Полугодовые патенты могутъ быть выдаваемы на винныя лавки и на тѣ изъ прочихъ заведеній, которыя открываются во второй половинѣ года.

39. Для обезпеченія правильнаго производства торговли въ ведерныхъ и винныхъ лавкахъ, съ содержателей ихъ взимается залогъ въ размѣрѣ ста рублей съ каждой лавки. Залогъ этотъ представляется наличными деньгами или процентными бумагами, принимаемыми въ обезпеченіе по разсрочкѣ платежа акциза за спиртъ, и вносится въ казначейство, въ депозитъ акцизнаго управленія, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для пріема залоговъ по разсрочкѣ акциза за вино. Залогъ понижается до пятидесяти рублей, если содержатель винной лавки принадлежитъ къ составу

мѣстнаго сельскаго общества, или владѣетъ въ селеніи недвижимою собственностью.

40. Въ случаѣ допущенія въ ведерной или винной лавкѣ какихъ либо нарушеній, подлежащее акцизное управленіе требуетъ отъ содержателя оной дополнительный залогъ, въ размѣрѣ взысканія, могущаго послѣдовать за допущенное нарушеніе, но не свыше, однако, первоначально внесеннаго залога.

41. Представленіе дополнительнаго залога требуется:

а) по дѣламъ о нарушеніяхъ, подлежащихъ рѣшенію акцизнаго управленія, послѣ составленія имъ постановленія о наложеніи на виновнаго взысканія;

б) по остальнымъ дѣламъ—послѣ обвинительнаго приговора суда первой инстанціи.

До представленія дополнительнаго залога патентъ на лавку отбирается. Дополнительный залогъ, превышающій размѣръ взысканія, возвращается по окончательномъ разрѣшеніи дѣла.

42. Виноторговцамъ и сидѣльцамъ воспрещается продавать распивочно вино и другіе крѣпкіе напитки малолѣтнимъ и видимо пьянымъ. Воспрещается также допускать покупателей напиваться до безпамятства; но если бы сіе случилось, то такое лицо не можетъ быть остановлено безъ присмотра и помощи до вытрезвленія, что и лежитъ на обязанности виноторговца или сидѣльца.

43. Въ заведеніяхъ для раздробительной торговли напитками должны быть соблюдаемы чистота и опрятность. Въ нихъ не допускаются распутныя женщины, недозволенныя увеселенія, игры, безчинства и безпорядки.

44. Надзоръ за правильнымъ производствомъ раздробительной торговли крѣпкими напитками возлагается: а) на мѣстныя присутствія по дѣламъ о питейной торговлѣ и на городскія думы, по принадлежности, б) на акцизныя управленія и в) на полицію.

Примѣчаніе. Надзоръ за производствомъ питейной продажи въ станціонныхъ домахъ и буфетахъ желѣзнодорожныхъ станцій, а также наблюденіе за тѣмъ, чтобы заведенія для раздробительной торговли напитками не открывались ближе установленнаго разстоянія отъ желѣзнодорожныхъ линій, возлагается, независимо отъ перечисленныхъ въ сей статьѣ учрежденій, на почтовое начальство и на инспекторовъ дорогъ и ихъ помощниковъ, по принадлежности.

45. Общества трезвости, приходскія попечительства и братства, церковные совѣты, а также частныя лица, которыя пожелаютъ со-

дѣйствовать обнаруженію допускаемыхъ виноторговцами нарушеній, могутъ заявлять о такихъ нарушеніяхъ учрежденіямъ и лицамъ, на коихъ возложенъ надзоръ за производствомъ питейной торговли.

46. Уѣзднымъ присутствіямъ, а въ городахъ—городскимъ думамъ, по соглашенію съ полиціею, предоставляется издавать, съ утвержденія губернскаго по питейнымъ дѣламъ присутствія, обязательныя постановленія о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для того: а) чтобы трактирныя заведенія не служили исключительно для распивочной продажи крѣпкихъ напитковъ; б) чтобы заведенія для продажи только на выносъ не производили торговли распивочной, и в) чтобы заведенія каждаго рода соотвѣтствовали вообще своему назначенію.

47. Уѣзднымъ присутствіямъ предоставляется, по надлежащемъ изслѣдованіи, представлять губернскому присутствію о закрытіи заведеній для раздробительной питейной торговли, содержатели коихъ своими злоупотребленіями, хотя бы на судѣ и недоказанными, вызовутъ общее неудовольствіе мѣстныхъ жителей. Такія заведенія закрываются по распоряженію губернскаго присутствія.

О порядкѣ открытія заведеній для раздробительной торговли напитками.

48. Трактирныя заведенія въ городскихъ поселеніяхъ открываются порядкомъ, указаннымъ въ положеніи о сихъ заведеніяхъ (свод. зак. т. XII уст. о гор. и сел. хоз., п. п. 11—19, прил. къ ст. 31, по прод. 1876 г.). Для производства питейной продажи въ упомянутыхъ заведеніяхъ не требуется особыхъ, собственно на такую продажу, разрѣшеній отъ думъ.

Примѣчаніе. Въ городахъ С.-Петербургской губерніи: Царскомъ Селѣ, Петергофѣ, Гатчинѣ и Павловскѣ производство питейной продажи въ трактирныхъ заведеніяхъ разрѣшается дворцовымъ начальствомъ.

49. Для открытія въ городахъ заведеній, производящихъ торговлю исключительно навыносъ, требуется только взятіе установленныхъ патентовъ.

50. Пивныя лавки открываются повсемѣстно порядкомъ, указаннымъ въ предъидущей (49) статьѣ, но могутъ быть не разрѣшаемы въ селеніяхъ, гдѣ послѣдуетъ безусловное воспрещеніе питейной продажи (ст. 53 и 58).

51. Погреба для торговли распивочно и на выносъ, или только

на выносъ, исключительно русскими виноградными винами, могутъ быть открываемы въ губерніяхъ, гдѣ существуетъ винодѣліе, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это будетъ признано возможнымъ министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ.

52. Въ нижепоименованныхъ мѣстностяхъ относительно открытія заведеній для раздробительной питейной продажи, за исключеніемъ трактирныхъ заведеній, содержимыхъ по гильдейскимъ свидѣтельствамъ, соблюдается слѣдующій особый порядокъ:

а) въ крѣпостяхъ съ исключительно военнымъ заселеніемъ заведенія открываются съ предварительнаго разрѣшенія главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ;

б) въ районѣ Красносельскаго лагернаго сбора, въ лагерное время, съ 1 мая по 15 августа, заведенія открываются съ предварительнаго разрѣшенія командующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, которому предоставляется закрывать означенныя заведенія въ случаѣ обнаруженія въ нихъ безпорядковъ въ третій разъ.

53. При открытіи заведеній для раздробительной продажи напитковъ внѣ городскихъ поселеній, уѣздному присутствію предоставляется, сообразуясь съ мѣстными условіями, не допускать излишняго числа такихъ заведеній, съ соблюденіемъ при томъ установленныхъ ниже правилъ (ст. 54—66).

54. Питейная продажа въ трактирныхъ заведеніяхъ, а также въ постоялыхъ дворахъ или корчмахъ, не можетъ быть воспрещаема въ селеніяхъ, имѣющихъ не менѣе 5000 наличныхъ душъ обоего пола, а изъ селеній съ меньшимъ населеніемъ—во всѣхъ базарныхъ, торговыхъ, промышленныхъ и фабричныхъ селахъ, а также при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, у пристаней и перевозовъ большихъ рѣкъ, на проѣзжихъ трактахъ и вообще въ мѣстахъ значительнаго скопленія или проѣзда постороннихъ людей. Трактирныя заведенія, а также постоялые дворы или корчмы безъ питейной продажи могутъ быть открываемы повсемѣстно, порядкомъ, установленнымъ въ положеніи о трактирныхъ заведеніяхъ (свод. зак. т. XII, уст. о гор. и сел. хоз., прил. къ ст. 31, п.п. 58—75, по прод. 1876 г.).

55. Устройство временныхъ выставокъ можетъ быть разрѣшаемо только на ярмаркахъ и въ мѣстахъ значительнаго временнаго стеченія народа.

56. Относительно ограниченія числа винныхъ и ведерныхъ лавокъ соблюдается слѣдующій порядокъ:

а) въ селеніяхъ, имѣющихъ до 500 наличныхъ душъ обоего пола, число винныхъ лавокъ можетъ быть ограничиваемо до одной;

б) въ селеніяхъ, гдѣ болѣе 500 наличныхъ душъ обоего пола, число винныхъ лавокъ можетъ быть ограничиваемо такъ, чтобы приходилось не менѣе одной лавки на каждыя 500 душъ;

в) содержаніе ведерныхъ лавокъ можетъ быть совсѣмъ не разрѣшаемо въ селеніяхъ, гдѣ менѣе трехъ винныхъ лавокъ; но если въ одной мѣстности имѣется нѣсколько такихъ селеній, то дозволяется открывать не менѣе одной ведерной лавки на каждыя десять винныхъ;

г) въ селеніяхъ, гдѣ существуетъ не менѣе трехъ винныхъ лавокъ, должно быть разрѣшаемо не менѣе одной ведерной на каждыя три винныя;

д) въ селеніяхъ, имѣющихъ заведенія для распивочной продажи напитковъ, открытіе винныхъ и ведерныхъ лавокъ не можетъ быть воспрещаемо и число ихъ не ограничивается.

§ 57. Открытіе ренсковыхъ погребовъ и погребовъ для продажи русскихъ виноградныхъ винъ (ст. 51) не можетъ быть воспрещаемо въ селеніяхъ, означенныхъ въ ст. 54.

58. Сельскимъ обществамъ селеній, не подходящихъ подъ условія, указанныя въ ст. 54, предоставляется ходатайствовать о неразрѣшеніи въ чертѣ усадебной осѣдлости ихъ селеній какъ раздробительной питейной продажи вообще, такъ и одной только распивочной продажи.

59. Приговоры о неразрѣшеніи питейной продажи въ чертѣ усадебной осѣдлости селеній составляются на три года и представляются уѣздному присутствію въ установленные имъ для этого сроки.

60. Сельскимъ обществамъ и всѣмъ вообще владѣльцамъ, не желающимъ допускать питейной продажи на своихъ земляхъ, предоставляется, при заявленіи о томъ присутствію, ходатайствовать о неразрѣшеніи такой продажи и на близкомъ отъ нихъ разстояніи. Въ удовлетвореніе такихъ ходатайствъ присутствіе можетъ не допускать питейной продажи на земляхъ сосѣднихъ владѣльцевъ, на разстояніи до 100 саженъ отъ усадебной осѣдлости упомянутыхъ обществъ и владѣльцевъ, если въ разстояніе это не входятъ мѣстности, указанныя въ ст. 54.

61. Присутствіе можетъ отказывать въ удовлетвореніи означенныхъ въ ст 58 ходатайствъ, если заявившія ихъ селенія имѣютъ болѣе 500 наличныхъ душъ обоего пола, или представленныя ими ходатайства, по имѣющимся свѣдѣніямъ, не вызываются стремленіемъ противодѣйствавать развитію пьянства.

62. Состоявшіяся въ присутствіи, по ходатайствамъ сельскихъ обществъ и частныхъ владѣльцевъ, постановленія о разрѣшеніи или неразрѣшеніи питейной продажи на ихъ земляхъ сохраняютъ силу въ теченіи трехъ лѣтъ и не могутъ подлежать отмѣнѣ по заявленнымъ отъ тѣхъ же обществъ или владѣльцевъ новымъ ходатайствамъ.

63. Разрѣшенія на открытіе заведеній для раздробительной торговли напитками не ограничиваются какимъ либо срокомъ Содержатели разрѣшенныхъ заведеній устраняются отъ торговли въ нихъ, а заведенія подлежатъ закрытію только въ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ (по судебнымъ приговорамъ или постановленіяхъ административнымъ). Кромѣ того, заведенія закрываются въ селеніяхъ, гдѣ послѣдуетъ воспрещеніе питейной продажи по ходатайствамъ о томъ сельскихъ обществъ

Примѣчаніе. Содержателямъ трактирныхъ заведеній, а также постоялыхъ дворовъ или корчемъ внѣ городскихъ поселеній, производившимъ въ означенныхъ заведеніяхъ торговлю напитками до изданія настоящихъ правилъ, можетъ быть отказано въ разрѣшеніи на дальнѣйшее производство таковой торговли только въ случаяхъ, указанныхъ въ сей статьѣ.

64. Если число лицъ, заявившихъ о желаніи открыть вновь заведенія для раздробительной торговли напитками въ одномъ и томъ же селеніи, будетъ превышать число заведеній, которое можетъ быть допущено къ открытію, то предпочтительное право на открытіе винныхъ лавокъ и заведеній для распивочной продажи отдается мѣстнымъ жителямъ селенія, а на содержаніе ведерныхъ лавокъ – винокуреннымъ заводчикамъ. Между остальными соискателями и вообще при равныхъ условіяхъ выборъ рѣшается жребіемъ въ засѣданіи присутствія.

65. Передача жребія отъ одного лица другому воспрещается и признается недѣйствительною

66. Передача отъ одного лица другому существующаго заведенія можетъ быть разрѣшаема уѣзднымъ присутствіемъ въ случаяхъ, заслуживающихъ уваженія.

Объ устройствѣ заведеній для раздробительной торговли крѣпкими напитками и о продажѣ въ нихъ этихъ напитковъ.

67. Устройство трактирныхъ заведеній, а также постоялыхъ дворовъ или корчемъ, въ городахъ и селеніяхъ опредѣляется въ положеніи о сихъ заведеніяхъ (свод. зак. т. XII уст. о гор. и сел. хоз., прил. къ ст. 31, по прод. 1876 г.).

68. Винныя лавки должны имѣть окна и двери на улицу, состоять изъ одной комнаты съ однимъ ходомъ, безъ всякихъ внутреннихъ сообщеній съ другимъ какимъ либо помѣщеніемъ и съ жилою квартирою продавца; въ нихъ не должно быть никакой мебели, кромѣ стойки; для храненія питей устраиваются особыя полки.

69. Ведерныя лавки въ отношеніи устройства ихъ подчиняются правиламъ, установленнымъ ниже для ренсковыхъ погребовъ, и могутъ имѣть въ томъ же домѣ, или на томъ же дворѣ, особое помѣщеніе для разлива вина.

70. Ренсковые погреба, а также погреба для продажи русскихъ виноградныхъ винъ, могутъ занимать болѣе одной комнаты, если эти комнаты находятся въ общей между собою связи. Но торговля въ нихъ должна производиться только въ одной комнатѣ. Погреба эти могутъ помѣщаться и въ подвальныхъ этажахъ, но вполнѣ свѣтлыхъ и удобныхъ для входа.

71. Въ трактирныхъ заведеніяхъ, станціонныхъ домахъ и ренсковыхъ погребахъ дозволяется продажа всякаго рода крѣпкихъ напитковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ томъ числѣ пива, портера и меда

72. Въ постоялыхъ дворахъ или корчмахъ, временныхъ выставкахъ, винныхъ и ведерныхъ лавкахъ дозволяется продажа всѣхъ оплаченныхъ акцизомъ напитковъ россійскаго приготовленія, а именно: хлѣбнаго вина, разнаго рода водочныхъ издѣлій, портера, пива и меда, а въ мѣстностяхъ, указанныхъ въ ст. 51, сверхъ того, и продажа русскихъ виноградныхъ винъ.

73. Въ пивныхъ лавкахъ и временныхъ выставкахъ для продажи пива дозволяется продавать изъ крѣпкихъ напитковъ только пиво, портеръ и медъ. Въ этихъ лавкахъ и выставкахъ разрѣшается продажа холодныхъ (маркитантскихъ) закусокъ, безъ уплаты особаго сбора въ пользу городовъ Пивныя лавки могутъ производить продажу и горячей пищи, со взятіемъ свидѣтельства на трак-

тирный промыселъ, причемъ уплачиваютъ въ пользу города сборъ на основаніи правила, постановленнаго въ дополненіе къ положенію о трактирныхъ заведеніяхъ (ст. VIII мнѣнія государственнаго совѣта по настоящему дѣлу).

74. Въ погребахъ для продажи русскихъ виноградныхъ винъ воспрещается продажа всякихъ другихъ напитковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

75. Виноторговцы обязаны отпускать вино казенными клеймеными мѣрами, полагая въ ведрѣ десять штофовъ, а въ штофѣ— десять чарокъ или двадцать получарокъ; спиртъ, вино, всякаго рода водочныя издѣлія, пиво, портеръ и медъ могуть быть отпускаемы также въ бутылкахъ и полубутылкахъ, причемъ бутылка должна быть равна полуштофу, а полубутылка—четверти штофа. Крѣпкіе напитки, привозимые изъ за границы въ стеклянной, глиняной и другой посудѣ, могутъ быть продаваемы бутылками всякой мѣры. Пиво, портеръ и медъ могутъ быть, при распивочной продажѣ, отпускаемы кружками.

76. Всѣмъ вообще заведеніямъ для распивочной торговли дозволяется, при продажѣ напитковъ на выносъ, отпускать ихъ какъ въ опечатанной, такъ и въ неопечатанной посудѣ, но количествомъ не болѣе одного ведра. Въ трактирныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ по гильдейскимъ свидѣтельствамъ, а также въ станціонныхъ домахъ и всякаго рода буфетахъ напитки могутъ быть продаваемы произвольными мѣрами и въ наливъ изъ графиновъ Въ отношеніи торговли водочными издѣліями соблюдаются правила, изложенныя въ пунктахъ 22 - 24 прил. къ ст. 271 уст. о пит. сборѣ, по прод. 1879 года.

77. Отпуски вина и спирта изъ винныхъ лавокъ могутъ производится не иначе, какъ въ посудѣ, за печатью ведерной лавки, завода или склада, въ которыхъ означенные напитки разлиты въ посуду, и притомъ емкостью не менѣе $^1/_{40}$ ведра. Ограниченіе это не относится до водочныхъ издѣлій, получаемыхъ съ заводовъ подъ бандеролью. Отпускъ изъ винныхъ лавокъ вина и спирта количествомъ болѣе трехъ ведеръ не разрѣшается

78. Въ винныхъ лавкахъ розливъ вина и спирта въ посуду, а равно и храненіе ихъ въ посудѣ неопечатанной или откупоренной, воспрещается. Разливъ пива, портера и меда, а равно русскихъ виноградныхъ винъ, гдѣ торговля ими изъ винныхъ лавокъ дозволена, разрѣшается въ особыхъ ледникахъ, или другихъ помѣщеніяхъ при лавкѣ, но не въ самой лавкѣ.

79. Отпуски вина, спирта и водочныхъ издѣлій изъ ведерныхъ лавокъ могутъ производиться количествами не менѣе $^1/_4$ ведра и, притомъ, въ винныя лавки не иначе, какъ разлитыми въ посуду установленнаго размѣра, не менѣе $^1/_{40}$ ведра каждая, за печатью ведерной лавки; непосредственно же потребителямъ и въ мѣста распивочной продажи—безъ опечатанія и во всякой приносимой покупателями посудѣ. Наименьшаго размѣра отпуска пива, портера и меда не установляется.

Примѣчаніе. Образцы печатей для ведерныхъ лавокъ предъявляются акцизному управленію и прикладываются къ патенту. На печати долженъ находиться присвоенный лавкѣ нумеръ.

80. Ренсковые погреба могутъ продавать крѣпкіе напитки количествомъ не болѣе трехъ ведеръ, за исключеніемъ виноградныхъ винъ, которыя могутъ быть продаваемы всякими количествами.

81. Перепродажа питей изъ заведеній для распивочной торговли въ другія мѣста торговли, а равно продажа напитковъ изъ ведерныхъ лавокъ въ оптовые склады или другіе такіе же лавки и погреба, не дозволяется.

82. Ведернымъ лавкамъ предоставляется разливъ оплаченныхъ акцизомъ вина, спирта, пива, портера, меда и русскихъ виноградныхъ винъ (ст. 51) въ посуду стеклянную, глиняную, деревянную и друг. Очистка вина и спирта можетъ быть производима въ этихъ лавкахъ на основаніяхъ, установленныхъ для оптовыхъ складовъ, по особымъ разрѣшеніямъ министра финансовъ.

83. Ренсковые погреба, въ отношеніи разлива вина и спирта и очистки оныхъ, подчиняются тѣмъ же правиламъ, какія установлены для ведерныхъ лавокъ. Въ сихъ погребахъ дозволяется также разливъ виноградныхъ винъ, пива, портера и меда.

84. Погребамъ для продажи русскихъ виноградныхъ винъ предоставляется право розлива сихъ винъ и продажи ихъ всякими количествами.

85. Производство раздробительной торговли напитками разрѣшается съ семи часовъ утра, въ селеніяхъ—до десяти, а въ городахъ—до одинадцати часовъ вечера. Означенная торговля воспрещается во время крестныхъ ходовъ, а въ воскресные и табельные дни—до окончанія божественной литургіи. Сельскимъ обществамъ предоставляется постановлять мірскіе приговоры о воспрещеніи питейной торговли и въ другіе, чтимые церковью, дни. Равнымъ образомъ такая торговля запрещается въ селеніяхъ, гдѣ происходятъ волостные и сельскіе сходы, до окончанія оныхъ. Изложенныя ограниченія не распространяются на гостинницы, станціонные дома, буфеты и на постоялые дворы или корчмы.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *МИХАИЛЪ*.

Приложеніе къ ст. 37.

РОСПИСАНІЕ

ПАТЕНТНАГО СБОРА СЪ ЗАВЕДЕНІЙ ДЛЯ РАЗДРОБИТЕЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ КРѢПКИМИ НАПИТКАМИ.

1) Съ ренсковыхъ погребовъ и ведерныхъ лавокъ:

въ мѣстностяхъ	1-го	разряда . .	400 руб.
— —	2-го	— . .	200 —
— —	3-го	— . .	100 —

Примѣчаніе. Съ ренсковыхъ погребовъ, открываемыхъ на ярмаркахъ: Нижегородской, Ирбитской, Коренной, Ростовской, Харьковской (Крещенской), Кіевской (контрактовой) и Полтавской (Ильинской) . . . . 220 руб.

2) Съ винныхъ лавокъ:

а) въ городскихъ поселеніяхъ:

въ мѣстностяхъ	1-го	разряда . .	150 руб.
— —	2-го	— . .	100 —
— —	3-го	— . .	75 —

б) внѣ городскихъ поселеній:

въ селеніяхъ	1-го	разряда	60 руб.
— —	2-го	—	40 —
— —	3-го	—	30 —

3) Съ трактирныхъ заведеній въ городахъ, не исключая гостинницъ при почтовыхъ станціяхъ:

въ мѣстностяхъ	1-го	разряда . .	550 руб.
— —	2-го	— . .	280 —
— —	3-го	— . .	140 —

4) Съ трактирныхъ заведеній, не исключая гостинницъ при почтовыхъ станціяхъ, а также съ постоялыхъ дворовъ или корчемъ внѣ городскихъ поселеній:

въ селеніяхъ	1-го	разряда . . .	1100 руб.
— —	2-го	— . . .	800 —
— —	3-го	— . . .	500 —
— —	4-го	— . . .	300 —

— — 5-го — . . . 150 руб.
— — 6-го (въ губерніяхъ зададныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и Бессарабской) . . . . . . 100 —

5) Съ буфетовъ:

а) при театрахъ и на общественныхъ гуляньяхъ:
въ Москвѣ . . . . 70 руб.
въ прочихъ мѣстностяхъ . . . . 40 —

б) на пароходахъ . . . . 40 —

в) на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ:
главныхъ . . . . 170 руб.
остальныхъ . . . . 40 —

г) при клубахъ:
въ мѣстностяхъ 1-го разряда . . 170 руб.
— — 2-го — . . 70 —
— — 3 го — . . 40 —

6) Съ пивныхъ лавокъ:
въ мѣстностяхъ 1-го разряда . . 30 руб.
— — 2-го — . . 20 —
— — 3-го — . . 10 —

7) Съ временныхъ выставокъ для продажи крѣпкихъ напитковъ
въ мѣстностяхъ 1-го разряда . . 10 руб.
— — 2-го — . . 6 —
— — 3-го — . . 3 — за
каждый день торговли и, во всякомъ случаѣ, не менѣе 50, 30 и 15 р.

8) Съ временныхъ выставокъ для продажи пива:
въ мѣстностяхъ 1-го разряда . . 3 руб.
— — 2-го — . . 2 —
— — 3-го — . . 1 — за
каждый день торговли и, во всякомъ случаѣ, не менѣе 10, 5 и 3 р.

9) Съ погребовъ, продающихъ исключительно русскія виноградныя вина:
въ мѣстностяхъ 1-го разряда . . 25 руб.
— — 2-го — . . 15 —
— — 3-го — . . 5 —

(№ 544).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторовъ присылаемыхъ рукописей, редакція просить озаботиться о ясномъ и четкомъ письмѣ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи невзятыя обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются безплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятыя для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *безплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За разсылку объявленій при журналѣ, взымается по 5 р. съ тысячи.

6) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, а равно, при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассаціонныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ высылается 1 р. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса высылается 30 к. деньгами или марками.

7) **Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала** препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ **не позже** полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) **Жалобы на неполученіе листовъ кассаціонныхъ рѣшеній** принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

Объ изданіи въ 1886 году

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ Іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 и болѣе листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . **8** р.	съ пересылкой въ другіе города . . **9** р
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. . **8** р.**50**к	за-границей . . . . **12** р.

отдѣльно книга журнала . . . . **2** р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13** р. **50** к.

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 3 р. съ касс. рѣш. 8 р. въ апрѣлѣ 3 р. и въ августѣ остальная до подписной цѣны сумма. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала пріостанавливается. Гг. студенты университетовъ и кандидаты на судебныя должности, удостовѣрившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ конторахъ Журнала—при книжныхъ магазинахъ *Анисимова:* въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Публичною Библіотекою и въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38. Редакція и контора журнала открыты по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, не исключая и праздничныхъ дней, отъ 12 до 2 часовъ.

Оставшіеся экземпляры **журнала** продаются: За 1879, 1881, 1883 и 1884 г.г. по 9 р съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Выписывающіе за четыре годы одновременно, уплачиваютъ 28 р. съ пересылкою и 20 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы по 1 р. съ пересылкою.

Редакторъ **В. Володиміровъ.**

